

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ»**

А.Н. АРСЛАНОВ, Г.Р. ФАТТАХОВА

**МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ НАРОДОВ РОССИИ КАК
«ДУХОВНЫЙ ИММУНИТЕТ» ОТ РАДИКАЛЬНЫХ
ТЕЧЕНИЙ В ИСЛАМЕ**

Хрестоматия

Уфа 2016

УДК 28:130.2
ББК 86.38-442
A85

Пособие подготовлено в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2014-2016 гг., принятого Распоряжением Правительства Российской Федерации №815-р от 14 мая 2014 года

Арсланов, А.Н.

Моральные ценности народов России как «духовный иммунитет» от радикальных течений в исламе [Текст]: хрестоматия / А.Н.Арсланов, Г.Р.Фаттахова – Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. – 246с.

Истоки религиозного экстремизма имеют глубокие исторические корни, его проявления прослеживаются в различные исторические эпохи и в различных культурно-политических традициях. Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. В связи с этим особенное значение приобретает необходимость организации системы профилактических и предупреждающих мер по предотвращению возникновения и роста экстремистских настроений в молодежной среде, чему и будет способствовать данная хрестоматия.

В хрестоматии раскрывается сущность и специфика моральных ценностей, выявляются важнейшие их свойства на примере системно подобранных сочинений известных ученых, религиозных и политических деятелей, освещающих различные аспекты и актуальные вопросы воспитания личности, которые органично сочетаются с наиболее значимыми для мировой исламской культуры текстами почитаемых исламских просветителей на тему формирования моральных ценностей как профилактики радикальных течений в исламе.

Рецензенты:

В.П. Пятков, Председатель Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан

Н.М. Нигматуллин, Муфтий, председатель Духовного управления мусульман Республики Башкортостан

ISBN 978-5-87978-978-2

© Издательство БГПУ, 2016

© Арсланов А.Н., Фаттахова Г.Р., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Нурмухамет Нигматуллин: «Знание, которое не приводит к выстраиванию отношений со Всевышним, считается бесполезным»	8
ГЛАВА I. БАШКИРСКИЙ ЭПОС «УРАЛ-БАТЫР» – ЭПИЧЕСКИЙ БРЕНД ТИТУЛЬНОЙ НАЦИИ БАШКОРТОСТАНА	11
А.Г. Хусаинов – прозаическое переложение Народный эпос «Урал-батыр»	12
Г.Х. Бухарова Этические параметры в мифопоэтической модели мира: Добро и Зло	67
А.Галеева Башкирский народный эпос «Урал-батыр» и хадисы пророка Мухаммада (САС) - Вечные ценности как вакцина против экстремизма	71
ГЛАВА II. МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В НАСЛЕДИИ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ПОВОЛЖЬЯ, СРЕДНЕЙ АЗИИ, ВОСТОКА, КРЫМА, КАВКАЗА	80
Султан Хан-Гирей «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов»	81
«Князь Канбулат, черкесское предание Хан Гирея»	91
Шигабутдин Марджани Очерки Марджани о восточных народах Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам)	96
М. Акмулла Назиданья	103
Башкорттарым, укыу кэрэк!	106
Кешев Адиль-Гирей Записки черкеса – чучело	107
Абай (Ибрагим) Кунанбаев Черное слово (слова назидания)	136
Исмаил Гаспринский Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения	145
Мирза Алекпер Сабир К согражданам мусульманам и армянам	170
Что мне за дело?	171
Трудись для грядущего	172
Габдулла Тукай Татарская молодежь	173
Назидание	174

Заки Валиди Тоган	175
Воспоминания	
Гаяз Исхаки	184
Вырождение двести лет спустя	
ГЛАВА III. МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК	189
ДУХОВНЫЙ ИММУНИТЕТ ОТ РЕЛИГИОЗНОГО	
ЭКСТРЕМИЗМА В ВЫСТУПЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ	
РЕЛИГИОЗНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ	
Владимир Путин	
Стратегия национальной безопасности	189
Моральный кодекс гражданина России	190
Из выступления Владимира Путина на открытии Московской	191
соборной мечети 23 сентября 2015 года	
Из выступления на заседании на 70-й Генеральной ассамблее	192
ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года	
Рамзán Кадýров	195
Без духовности нет общества	
Равиль Гайнутдин	201
Как противостоять ваххабизму	
Талгат Гадзетдинов	204
Интервью ТАСС: в борьбе с терроризмом важно объяснять,	
что такое ислам и вера	
Расул Гамзатов	209
Взаимодействие общественных, религиозных и	
государственных структур – основа профилактики экстремизма и	
радикализма	
Р.А. Утябай-Карими	
Ислам в истории и культуре	215
Наставления хазрата Абуханифы Ногман бине Сабита сыну	217
Ахмаду	
Альбир Крганов	220
Нужен законодательный запрет идей сект, прикрывающихся	
исламом	
Шамиль Аляутдинов	
Интервью для журнала «Мусульманка»	223
Мир души. Единство и разобщенность. Схожесть непохожих	225
Использованная литература	240

ВВЕДЕНИЕ

«Основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры».
В.В. Путин. Стратегия национальной безопасности

С Именем Аллаха Милостивого и Милосердного! Хвала Аллаху – Господу миров, мир и благословение Аллаха нашему пророку Мухаммаду, членам его семьи и всем его сподвижникам!

На протяжении многих веков в разных обществах и в различном виде существовали системы традиционных моральных ценностей.

Истоки морали, духовности, нравственности и культуры находятся в глубинах богатого наследия прошлого каждого народа. Они передаются от поколения к поколению, и каждое поколение вносит свою лепту в их разнообразие и прогрессивность. Традиционные моральные ценности всегда гармонируют с устоями общества, служат его внутренней стабильности и сохраняются посредством данного общества.

Преемственность поколений осуществляется благодаря использованию и передаче ценностей. Данная взаимосвязь очень важна для истории нации. Если каждое поколение не проанализирует предшествующий опыт своей нации, не воспримет и не начнет развивать его – то оно не будет иметь будущего и будет неизбежно подвергнуто деградации. Поколение, не сохранившее своего прошлого, начавшее историю с себя, подвергает свое государство духовному кризису.

Изучение и осмысление духовной культуры, созданной всем периодом развития народов России и ее влиянием, невозможно без учета религиозного учения о морали и духовности человека.

Анализ становления религиозно-нравственных воззрений ислама показал, что в течение его многовекового присутствия в жизни людей эта религия функционировала как высокоразвитая этическая система с большими возможностями в нравственном регулировании поведения людей.

К сожалению, стереотип представления об Исламе очень часто не имеет никакого отношения к нравственным устоям истинного Ислама, Божественной морали, ниспосланной мусульманам в Священном Коране, в котором воспеваются истинные человеческие добродетели – высокая нравственность, любовь, сострадание, милосердие, смирение, самопожертвование и терпимость. Мусульманин, живущий по законам, предписанным ему Кораном, является примером добродетели и терпимости, высоконравственной личности. Он дарит окружающим мир, искреннюю любовь, уважение и светлую радость жизни.

Всевышний Создатель повелел людям избегать злых деяний и предотвращать их, если другие вынашивают такие мысли. Запретил

верующим держать в сердцах чувства подозрения и недоверия к ближнему, порицает безнравственность, жестокость, агрессию и кровопролитие.

Но, к великому сожалению, различные деструктивные структуры внутри самого ислама представляют реальную угрозу как для самих мусульман, так и для светского общества и вообще для человечества в целом. Одна из основополагающих причин этого – отсутствие нравственности и духовности у адептов этих течений, которые отличаются нетерпимостью, агрессивностью, религиозной ограниченностью, неуважением к авторитетам традиционных исламских ученых, пренебрежением светскими науками.

Самая настоящая опасность для молодого исламского поколения заключается в том, что представители деструктивных религиозных течений в исламе своей главной задачей ставят дискредитацию традиционного ислама, намеренно вырывая из контекста Священной книги аяты, отправленные против многобожников Мекки того времени.

Ярким примером этому является использование аята 170 суры «Корова»:

«Когда им говорят: «Следуйте тому, что ниспослал Аллах», – они отвечают: «Нет! Мы будем следовать тому, на чем застали наших отцов». А если их отцы ничего не разумели и не следовали прямым путем?» (перевод Эльмира Кулиева). Тем самым вводя в заблуждение этнических мусульман России, будто бы наши предки хотя и были мусульманами, но не знали и не понимали в полной мере религию и были в числе заблудших! И что соответственно нам не интересны и чужды их труды, мысли, философия, образ мышления, поступки, т.е. наследие предков традиционного ислама.

Но религиозные экстремисты скрывают те факты, что выпускники дореволюционных медресе в совершенстве владели арабским, фарси, немецким, французским языками, хорошо знали фикх, Акыйду, Тафсир, сиру Пророка (мир Ему) и множество других религиозных дисциплин. Их с радостью принимали и в арабских странах, Средней Азии, Турции, Иране! Они преподавали тем же арабам и туркам ислам и Коран! Вспомним их имена: Мурад Рамзи, Ризаитдин Фахретдинов, Зайнулла Расулев, Ахметзаки Валиди, Марджани, Гаспринский и многие другие. Весь исламский мир признавал наших ученых.

И именно поэтому авторы приняли решение посвятить хрестоматию этой актуальной проблеме современности.

Составители поставили перед собой задачу всестороннего и возможно полного и тщательного анализа обширного наследия просветителей, т.к. сегодня религия как форма общественного сознания вновь занимает свое место в духовной жизни людей. Важно не впадать в крайности, объективно изучать и оценивать плоды деятельности видных ученых прошлого, воспитателей веры и культуры, педагогов-просветителей.

В наше время, когда наблюдается острый дефицит духовности, культурное наследие прошлого приобретают особую ценность и актуальность. Известно, что «сознавая прошедшее, мы уясняем современное,

глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего» (А.Герцен).

Вторая глава «Моральные ценности как духовный иммунитет от религиозного экстремизма в выступлениях современных религиозных и политических деятелей» логично продолжает раскрывать заявленную тему.

Современный период в российской истории – время смены ценностных ориентиров. Конец прошлого столетия ознаменовался как позитивными переменами, так и негативными явлениями, неизбежными в эпоху крупных социально-политических изменений. Эти явления не могли негативно не сказаться на общественной нравственности, гражданском самосознании, на отношении людей к обществу, государству, закону, труду, религии, наконец, на отношении человека к человеку.

В этот период, когда происходит смена ценностных ориентиров, нарушается духовное единство общества, меняются жизненные приоритеты молодежи, происходит разрушение ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок.

Возрождение традиционных духовных ценностей является важной идеологической составляющей в формировании у народа, в частности у молодежи крепкого иммунитета в противостоянии и защите от психологического воздействия крайних религиозных течений.

Именно народы России приняли ислам непосредственно от сахабов Пророка (мир Ему) и именно народы России сумели сохранить тот истинный Ислам, идущий от самого Пророка Мухаммада (мир Ему) в отличие от арабских стран, которые на протяжении веков являлись колониями европейских империй, где ислам подвергся искажению, т.к. был политизирован.

Авторы надеются, что данный труд станет не только ориентиром в регулировании потребностей в сфере религии, но и заставит заново оценить нестареющие вечные человеческие ценности и будет способствовать распространению их среди населения, послужит выявлению характера современного национального воспитательного идеала как духовного иммунитета от радикальных течений в исламе.

Нурмухамет Нигматуллин: «Знание, которое не приводит к выстраиванию отношений со Всевышним, считается бесполезным»

Выступление сопредседателя СМР, председателя ДУМ РБ муфтия Нурмухамета Нигматуллина на III Всероссийской научно-практической конференции «Фахретдиновские чтения» по теме «Коранический гуманизм как основа системы просвещения российского мусульманства в XXI веке» 18 апреля 2016 года

Система исламских ценностей

Прежде чем начать разговор об исламских ценностях, хотелось бы напомнить определение мусульманских ученых этого понятия. Обобщенно и научно можно сказать, что исламские ценности – это комплекс критериев и правил, вытекающих из основных представлений о вселенной, человеке и божестве как обрисовывает их ислам, формирующихся у человека и общества посредством взаимодействия и сталкивания с различными жизненными ситуациями и позволяющими выбрать цели и направления в соответствии с возможностями, прямо или косвенно воплощающиеся в интересах и поведении. Или иными словами, это решение, которое принимает человек, руководствуясь принципами и нормами шариата.

Отсюда мы видим, что источником исламских ценностей являются Священный Коран, сунна пророка Мухаммада, да благословит его Всевышний, иджма – консенсус, и кьяс – суждение по аналогии.

Начало формирования системы исламских ценностей совпадает с моментом первых откровений пророка в пещере Хира, которая явилась местом соприкосновения физического и метафизического миров. Именно первые божественные откровения пророку Мухаммаду, да благословит его Всевышний, указали на неразрывную связь между познанием и системой исламских ценностей. Согласно кораническим аятам из суры «Сгусток» источником познания является Всевышний. В свою очередь сами познания – не самоцель, а лишь инструмент для установления прочной и правильной связи человека с Создателем. Знание, которое не приводит к выстраиванию отношений со Всевышним, считается практически бесполезным.

Таким образом, с большой долей вероятности, мы можем утверждать, что укрепление этой мысли в людских умах есть суть небесных посланий. Смотря на мир через призму ислама, мы видим, что знание норм и положений шариата не является конечной целью. Благодаря познаниям в области шариатских наук, мы можем выстроить систему исламских ценностей, которые являются неотъемлемой частью познания. И в случае их разделения знание ложится тяжелым бременем на человека. В такой ситуации человек предоставлен самому себе, принимает решение, опираясь только на собственный опыт, которого не всегда бывает достаточно для принятия единственно верного решения.

Осмысленное чтение коранических аятов и изучение сунны Пророка, а также анализ событий в мире дают нам ясно понять, что современное

мировое сообщество нуждается в восстановлении и выстраивании цивилизационной системы, в которой знание и ценности неразрывно связаны между собой.

Яркие коранические образы позволяют нам прогнозировать и предугадывать результат потери связи между знанием и ценностями. Можно вспомнить историю Каруна, описанную в Священном Писании. Это был очень богатый и влиятельный человек. Он, возгордившись своим положением в обществе, начал посягать на права и свободы других людей, испытывал пренебрежение к ним, начал притеснять их и обижать, сказал: «Нет сомнений в том, что получил я это (положение и богатства) благодаря знанию своему» (сура 28, аят 78). И какой же был ответ Всевышнего: «И опустили Мы под ним и его дворцом землю. И не было такой группы, кто смог бы ему помочь, кроме Господа» (сура 28, аят 81).

Или же напротив, положительный пример, когда Зуль-Карнейн, спасшись от народов Гог и Магог и оградив других от них при помощи возведенной железной стены, возблагодарил Всевышнего: «Не смогли одолеть эту стену и не в состоянии были даже повредить, пробить ее. Сказал (Зуль-Карнейн): «Это – проявление милости Господа» (сура 18, аяты 97-98).

Сегодня становится очевидным, что отдельно само по себе знание не удерживает обладателя от совершения несправедливости. И примеров тому, к сожалению, в современном мире великое множество.

Однако возвращаясь к исламским принципам создания системы ценностей, следует упомянуть о практике и методе пророка Мухаммада, да благословит его Всевышний. Посланник говорил своим современникам: «Совершайте молитву-намаз, как совершаю ее я». Однако в то же время он говорил своим последователям, что молитва-намаз, которая не удерживает верующего от развратного, распутного и скверного, порицаемого, неподобающего и постыдного, не приближает верующего ко Всевышнему, а только разрушает его связь с Ним.

Также пророк не только объяснял людям, каким образом, с какого имущества, в каком размере выплачивается обязательная милостыня-закят и на какие цели можно ее расходовать, но и одновременно указывал, что это не просто финансовые операции и перемещение средств от одного субъекта другому. Существует другая функция закята.

Вот как об этом сказано в Коране: «Возьми из их имущества милостыню-закят, которой ты очистишь их (она будет причиной очищения от скупости и грехов) и приумножишь их материальное положение за счет Божественной благодати, низводимой от Творца, (ведь все это пойдет в первую очередь на социальные нужды и потребности наиболее неимущих)» (сура 9, аяты 103).

Пророк обучал своих последователей правилам поста и при этом говорил: «Аллах не нуждается в вашем отказе от пищи и питья, если вы не отказались от лжесвидетельства и лживых поступков». В таком случае, какая польза от знания норм и правил совершения молитвы-намаза или

соблюдения поста, если они не предотвращают от грехопадения и дурных поступков?

Таким образом, мы видим, что метод пророка в формировании системы ценностей позволяет решить две задачи: во-первых, связать воедино образовательный и воспитательный процессы, во-вторых, четко обозначить учащемуся конечную цель получения знаний.

В заключение хотелось бы отметить, что, безусловно, исламские ценности имеют огромное влияние на формирование атмосферы внутри мусульманской уммы. Наши имамы, ведя работу по распространению исламских ценностей среди прихожан своей махалли, могут достичь огромных результатов. Вот некоторые из них. Прежде всего, возвращение божественных представлений в умме, критерием и мерилем в котором является благочестие и богобоязненность. Во-вторых, формирование атмосферы неприятия радикализма и терроризма. И наконец, воспитание членов мусульманской уммы без девиантного поведения, в том числе во взаимоотношениях между полами.

18 апреля 2016 г., Уфа

<https://islamrf.ru/news/rusopinions/russia/39276>

ГЛАВА I. БАШКИРСКИЙ ЭПОС «УРАЛ-БАТЫР» – ЭПИЧЕСКИЙ БРЕНД ТИТУЛЬНОЙ НАЦИИ БАШКОРТОСТАНА

Эпос «Урал-батыр» фактически является эпическим брендом титульной нации Башкортостана.

В 1910 году Мухаметша Абдрахманович Бурангулов записал эпос от двух сэсэнов-кураистов: Габита Аргынбаева (1850-1921) из аула Идрис и Хамита Альмухаметова (1861-1923) из аула Малый Иткул Иткульской волости Оренбургской губернии. По легенде, после записи этого эпоса Мухаметша Бурангулов подарил сказителю коня, а сам вернулся домой пешком.

Об актуальности эпоса «Урал-батыр» можно судить по образам Урала и Шульгена. Глубоко символично в этих образах принципиальное нравственное различие братьев. Консервативный младший брат, почитавший родителей и строго соблюдавший все запреты и традиции предков, погибает за свой народ и становится героем на все времена, а более свободный и хитрый Шульген воплощает собою живучесть человека-оборотня, для которого не существует никаких нравственных запретов и ценностей, кроме собственного эгоизма. Если отвлечься от внешнего сказочного сюжета, то можно увидеть, что эти два архетипа проходят через всю многовековую историю народов Евразии.

Существует несколько переводов эпоса на русский язык – как подстрочных, так и поэтических. Переводы на русский язык делали несколько писателей и поэтов. Прозаическое переложение эпоса выполнил писатель А.Г.Хусаинов.

Бурангулов Мухаметша Абдрахманович (1888-1966), народный сэсэн, знаток башкирского народного творчества, сказитель, собиратель фольклора, драматург.

Родился 15 декабря 1888 года в деревне Верхне-Ильясово Самарской губернии.

В 1902-1907 учился в Каргалинском медресе, в последующие три года в медресе «Хусаиния» (Оренбург).

В 1935 году Махаметша Бурангулов закончил литературное отделение Уфимского педагогического института (ныне БГПУ им. М. Акмуллы), работал в Башкирском научно-исследовательском институте языка и литературы, вел научную работу по фольклору.

Записывал и обрабатывал эпосы: «Урал Батыр», «Акбузат», «Алпамыша», сказки, песни, кубаиры.

В 1946 году появилось постановление ЦК ВКП(б), в котором были ошельмованы Михаил Зощенко, Анна Ахматова. Репрессивные круги пошли и по республикам. В число националистов был зачислен Мухаметша

Бурангулов. Творчество сэсэнa перечеркнули, исключили из Союза писателей.

Бурангулова арестовали и осудили на 10 лет лишения свободы по обвинению в принадлежности к антисоветской националистической группе и антисоветской агитации.

После освобождения Мухаметша Бурангулов опять оказался в тюремном заключении и вышел на свободу через четыре года. Впоследствии, при жизни он был реабилитирован, восстановлен в Союзе писателей, звание народного сэсэнa тоже вернули.

Мухаметша Бурангулов умер 9 марта 1966 года.

В Уфе на доме по улице Мингажева, в котором жил сэсэн, установлена мемориальная доска.

Хусаинов Айдар Гайдарович (1965), российский поэт, драматург, переводчик.

Родился в с. Кугарчи Зианчуринского района Башкирской АССР в семье служащих.

В 1972-1982 гг. учился в школе № 2 в с. Исянгулово. В 1987 году окончил факультет землеустройства и лесного хозяйства Башкирского сельскохозяйственного института.

В 1990-1995 гг. учился на факультете перевода художественной литературы Литературного института имени А.М. Горького, после окончания которого работал корреспондентом газеты «Башкортостан» (1995-1998). Печатается как поэт с 1984 года. Первую книгу стихов «Оэ!» выпустил в 1991 году. Участник фестиваля писателей и переводчиков в Казани (организатор журнала «Дружба народов», апрель 2007 года)

Член Комиссии по языкам народов РБ при Правительстве Республики Башкортостан (с 2006 года). Руководитель литературного объединения «Уфли» (с 2002 года).

Участник семинаров драматургов министерства культуры РБ на озере Талкас (2000 и 2003 год). В 2003 году газетой «Вечерняя Уфа» объявлен человеком года за перевод башкирского народного эпоса «Урал-батыр». Член редколлегии литературного журнала «Крещатик» (Мюнхен, ФРГ). Член Общественной Палаты при Президенте Республики Башкортостан (с 2009 г.). С 2012 года – главный редактор информационно-публицистической еженедельной газеты «Истоки». Живёт в Уфе.

Урал–батыр.

Башкирский народный эпос в прозаическом переложении

Ночь, глубокая ночь повсюду. Нигде не видно ни звездочки, ни огонька, лишь глубокая тьма вокруг, тьма без конца и без начала, тьма без верха и низа, без четырех сторон света.

Но что это? Словно посветлело вокруг, и тьма заблестела тяжелым смутным сиянием. Это в ее сердцевине вдруг обнаружилось золотое яйцо, свет от которого пронзил бесконечную толщу тьмы.

Яйцо блестит все сильнее и сильнее, но жар его не опаляет, он только захватывает все большее и большее пространство, становится нестерпимым, и вдруг исчезает, и вот перед нами чистое небо, широкая степь, высокие горы на горизонте и огромные леса за спиной.

А если опуститься еще ниже, можно увидеть, как движется человек, похожий на небольшую гору. Это Янбирде – Давший Душу. Он в несколько раз больше самого большого человека, потому что он первочеловек. Он живет так давно, что даже сам не помнит, когда родился. Рядом с ним его жена Янбике – Душа Жизни. Они живут вместе с давних пор, и есть ли на свете еще люди – они не знают, давным-давно им никто не попадался навстречу.

Они возвращаются с охоты. Сзади тащится лев, на которого они взвалили добычу – высокого оленя, в небе над ними летит сокол, он высматривает, что творится в округе.

Вот показалась полянка. Оттуда навстречу Янбирде и Янбике бегут два мальчика. Того, что пониже, зовут Урал, он помладше. Того, что повыше, зовут Шульген, он постарше. Так начинается наш рассказ об Урал - батыре.

Как Шульген нарушил запрет отца

Янбирде и Янбике жили в этих местах с незапамятных времен. У них не было дома и никакого хозяйства они не вели. Еду готовили на костре, ели из чего придется, а если хотелось поспать – высокая трава стелилась как мягкое ложе, высокие липы склоняли свои ветви, чтобы укрыть их от дождя, густой боярышник и шиповник смыкались вокруг них, чтобы защитить от ветра. Ни зимы, ни весны, ни осени не было в тех местах, а только одно бесконечное лето.

Янбике и Янбирде жили охотой. Выезжали они на могучих свирепых львах, щука помогала им ловить рыбу в реках, а верный сокол бил для них птиц. Ни лука у них не было, ни ножа, голыми руками они ловили в лесах зверей и чувствовали себя хозяевами тех мест.

Был у них обычай с незапамятных времен – собирали они кровь убитых животных и делали из него особое питье, которое придавало им силу и бодрость. Но пить это самое питье можно было только взрослым, а детям своим, Шульгену и Уралу, родители строго-настрога запрещали прикасаться к ракушкам, в которых оно хранилось.

Дети росли быстро. Когда Шульгену исполнилось двенадцать лет, он решил оседлать льва и отправиться на охоту, как его отец.

Урал, которому в ту пору было десять лет, решил поохотиться с соколом, как охотился его отец.

Но Янбирде не дал им своего благословения и сказал так:

«Дети мои! Я вас люблю, как люблю свои глаза, которыми смотрю на белый свет. Но разрешить вам охотиться не могу – у вас еще не выпали

молочные зубы, вы еще не окрепли телом и душой, не пришло пока ваше время. Не торопите своего детства и слушайте меня. А я вам говорю – чтобы привыкнуть к верховой езде – садитесь на оленя. Чтобы научиться охотиться с соколом – пускайте его на стайку скворцов. Есть захочется – ешьте, пить захочется – пейте, но только воду из родника. Пить то, что мы с матерью пьем, вам запрещено».

Однажды Янбирде и Янбике ушли на охоту и долго не возвращались. Мальчики играли на полянке, а когда проголодались, Шульген вдруг сказал своему младшему брату:

– Давай попробуем то, что пьют наши родители.

– Нельзя, – ответил ему Урал. – Отец не разрешает.

Тогда Шульген стал дразнить своего брата:

– Да ты не бойся, они не узнают, мы по чуть–чуть попробуем. Питье–то сладкое, наверно. Отец и мать не ходили бы на охоту, не ловили бы зверей, если бы им не хотелось это пить.

– Нет, – отвечал ему Урал. – Пока не стану егетом, пока не узнаю обычаев взрослых людей, не погублю ни одного зверя, пить это питье не буду.

– Да ты просто трус, – закричал тогда Шульген и стал громко смеяться над братом.

– Нет, – сказал ему Урал. – Львы и тигры очень храбрые звери, но и они плачут, когда к ним приходит Смерть. Вдруг, если попьешь из ракушек, она здесь появится?

– А ты не бойся, – сказал непослушный Шульген и отпил немного из ракушек. Так он нарушил запрет отца.

Как Янбике и Янбирде вернулись домой

Когда Янбирде и Янбике вернулись домой, они принесли с собой много дичи. Вчетвером уселись они за стол и принялись за еду. Вдруг Урал спрашивает у своего отца:

– Отец, вот этот олень, как ни старался, не ушел от твоей руки. А может быть, кто–нибудь точно так же придет и убьет нас, как ты убил оленя?

Ответил ему Янбирде:

– Умирает тот зверь, которому пришел срок умирать. В каких бы чащах он не скрывался, в какие бы горы он не забрался, мы все равно придем за ним. А чтобы убить человека – здесь такая душа еще не родилась, Смерть здесь еще не появлялась.

Призадумался Янбирде, склонил голову, помолчал. Припоминая то, что было с ними в незапамятные времена, рассказал он такую историю:

– Давным–давно, в тех местах, где мы родились, где жили наши отцы и деды, Смерть появлялась часто. Тогда многие, и старики, и юноши, падали на землю и лежали без движения. Никто не мог их заставить подняться, потому что пришла их Смерть.

И вот однажды случилось то, чего никогда раньше не было – из–за моря пришел страшный Див и стал убивать людей. Многих он тогда пожрал,

а кто спасся – того поглотило море, которое разлилось так, что вскоре покрыло всю сушу. Кто не погиб – убежал куда глаза глядят, и Смерть осталась одна–одинешенька. Она и не заметила, что мы с вашей матерью убежали, не стала нас догонять.

А мы пришли сюда, и с тех пор живем в этих краях, где нет Смерти и где всему живому хозяева – мы сами.

Тогда Урал спросил вот о каких вещах:

– Отец! А можно ли Смерть погубить, чтобы она не причиняла больше зла никому на свете?

– Смерть, сынок, невидима для глаз и приход ее незаметен, – отвечал ему Янбирде. – Бороться с ней очень и очень трудно. Есть лишь одна управа на нее – в землях Падишаха всех дивов течет Живой Родник. Если испить из него – тогда, говорят, человек никогда не умрет. Смерть над ним будет не властна.

Как Янбирде обнаружил, что из ракушек кто–то пил и что из этого вышло

Долго рассказывал Янбирде, наконец в горле у него пересохло, и он решил утолить жажду. Пошел он в укромное место и принес оттуда ракушку неведомого морского моллюска, в которой хранил свое питье. Сел Янбирде за стол, открыл ракушку и вдруг увидел, что она неполная. Тогда осмотрел Янбирде ракушку внимательно и обнаружил на ней следы детских пальчиков. Понял он, что кто–то из его сыновей нарушил запрет. Страшно рассердился Янбирде.

– Кто пил из этой ракушки? – грозным голосом спросил он у сыновей. Сыновья молчали.

– Кто посмел? – спросил он еще более страшным голосом и поднялся над ними, огромный, как гора. Тут сердце Шульгена не выдержало, и он пискнул:

– Никто не пил, атай!

Этого Янбирде стерпеть уже никак не мог. Схватил он хворостину и стал бить своих сыновей, приговаривая:

– Не только пили, но еще и врете!

Мальчики вскрикивали под ударами, закрывались руками, но хворостина безжалостно лупила их по рукам, по спинам, по ногам. Наконец Шульген не выдержал и закричал:

– Это я, я испил из ракушки!

Но это не принесло ему облегчения. Теперь отец бил его одного, бил страшным, смертным боем.

Тут Урал подскочил к отцу, схватил его за руку и закричал:

– Отец! Может быть, ты хочешь его убить? Остановись!

Хлыстнул Янбирде своего сына еще несколько раз, но дело уже было сделано, его не воротишь – старший сын нарушил запрет отца. Сел он на камень и стал думать.

– Наверное, Смерть пришла сюда незримо и искушает меня убить сына, – думал он. – Что же такое Смерть? Надо созвать всех зверей и птиц, порасспросить их всех. Не может быть, чтобы никто не видел ее. Тогда и решу, что дальше делать.

Что сказали звери и птицы, когда собрались на зов Янбирде

И вот собрались все звери на большой поляне посреди леса. Прилетел Журавль на тонких крыльях, прилетел, тяжело переваливаясь Ворон, львы сели справа и слева от Янбирде, показывая всем своим видом, кто здесь самый главный. Олени жались невдалеке, лось вышел на поляну, дошел до самой середины и остановился в некоторой нерешительности. Глухари и более мелкие птицы расселись на ветках, а волки, лисы и зайцы заняли всю поляну.

Янбирде сидел на камне в глубокой задумчивости. Он еще не пришел в себя от потрясения, которое испытал впервые после долгих–долгих лет мирной жизни. Тогда Урал смело вышел вперед и сказал такие слова, обращаясь к птицам и зверям:

– Сколько мы живем – всегда сильный пожирает слабого. Давайте отвергнем этот злой обычай. Ведь есть среди нас такие, что мяса не едят, крови не пьют. Растят они своих детенышей на поживу хищникам. Это несправедливо. Давайте откажемся от этого обычая, тогда Смерть останется одна, мы настигнем ее и уничтожим!

Хищные звери, и с ними Шульген, не согласились с этими речами, стали переговариваться между собой. Не понравились им слова Урала.

Выступил вперед черный, как сама ночь, Ворон и повел такую речь: «Я не побоюсь встретиться со Смертью, я многое в жизни видел. Но вот схватить ее и выдать на растерзание – я никогда не соглашусь. Подумайте сами – если сильный перестанет охотиться за слабым, если никто не будет умирать, если звери, подобные зайцам, которые плодятся три раза в год, будут существовать беспрепятственно – на земле не останется места.

Кто смерти боится – пусть ищет путь к спасению. Кто хочет сохранить свое потомство – пусть ищет безопасное место».

Понравились эти речи хищникам, и они одобрительно зашумели, стали рычать и подскакивать на месте.

Тогда журавли и гуси, утки, тетерева, куропатки и перепелки решили держаться вместе, хорониться в лесных чащобах и на болотах, там выводить на свет своих деток.

Дикие козы и олени, бурощекие зайцы ничего не сказали. Они гордились тем, что умеют быстро бегать. Они думали, что на своих быстрых ножках убегут от Смерти.

Жаворонки, скворцы и сойки, воробьи, вороны и галки тоже промолчали, потому что были маленькими и слабыми птицами, питались тем, что оставалось от больших зверей, или просто ели что попало. Вот они и постеснялись сказать свое мнение на таком большом совете.

Так и не пришли они к единому мнению, каждый остался при своем.

С той поры старик Янбирде уже не оставлял дома Урала и Шульгена. С той поры стали они ходить на охоту вчетвером.

Как была поймана белая лебедь

Однажды случилась у них великая охота. Дичь словно сама лезла в силки – все охотничьи мешки были переполнены.

Когда охотники наконец вернулись домой, стали они разбирать добычу. И вот попалась им среди прочей живности птица лебедь со сломанным крылом. Опутали ей ноги старик Янбирде, замахнулся острым ножом, чтобы голову отсечь, и тут птица заплакала кровавыми слезами, заговорила:

– Не убивайте меня, не безродная я сирота, не вашего людского племени дочь.

Удивились таким речам Янбирде, его жена Янбике и дети их Урал и Шульген, прислушались. А птица лебедь продолжала:

– Мой отец, когда-то пару себе искал, никого не нашел на всей земле. Обратил он взор свой на небо и там взял себе в жены Луну и Солнце, приворожил к себе обеих. Он – Падишах всех птиц, имя его Самрау, вот мой отец.

А если не послушаетесь меня, если разорвете меня на части, каждый мой кусочек станет вам поперек горла, не переварюсь я в ваших желудках – мать моя Кояш–Солнце еще в младенчестве омыла меня в водах Живого Родника, так что Смерти я не подвластна. Так говорю вам я, Хумай. Отпустите меня, и я укажу вам путь к Живому Роднику, что избавляет от Смерти.

Не знали, что делать, как поступить Янбирде и Янбике. Стали они спрашивать совета у своих детей. Шульген не поверил птице, сказал, что ее надо съесть, а Урал заступился за птицу, думал он отпустить ее на волю. Такой между ними вышел спор.

Наконец Урал сказал Хумай, этим именем назвалась лебедь:

– Не горюй, я верну тебя твоим родителям.

Осторожно положил он раненую птицу на землю.

Лебедь взмахнула здоровым крылом, и выпали из него три пера. Она обмазала их своей кровью, и вдруг, откуда ни возьмись, появились три птицы. Подхватили они лебедь легкими крыльями и унесли в высокое небо.

Пожалели тогда Янбирде и его сыновья, что так и не вызнали дорогу к Живому роднику.

Решил тогда Янбирде, что кончилось для его детей беззаботное время, пора им отправляться в путь, птицам вослед – искать дорогу к Живому Роднику. Наказал он им слушаться друг друга, во всем друг дружке помогать, а если Смерть им по дороге попадется – отрубить голову и привезти домой. Дал он сыновьям могучих львов и проводил в далекий путь.

Долго смотрели вослед сыновьям Янбирде и Янбике, и не знали они, когда еще увидят своих сыновей, приведется ли когда встретить друг друга.

Урал и Шульген встречаются старца и бросают жребий

Ночь проходила – наступал день. День проходил – наступала ночь. Так шли месяц за месяцем, год за годом.

Возмужали братья в дороге, появился первый пух на подбородке, открытыми глазами стали они глядеть на мир. Всякое попадалось им в пути, многое пришлось изведать. Встречали разных людей, пересекали широкие реки, через горы переваливали, темные леса проезжали.

И вот однажды встретили братья седобородого старца с длинным посохом в руке. Стоял тот старец под огромным дубом, из-под которого текла, шумя и переливаясь на ярком солнце, большая река.

Спешились братья, поприветствовали старца, отвесили ему земной поклон. Ласково встретил их старец, спросил, куда путь-дорогу держат, удачны ли их дела. Не стали братья таиться, рассказали старцу все, как есть, что задумали они отыскать Живой Родник, Смерть - злодейку приструнить.

Задумался старик, погладил седую бороду и молвил так:

– Перед вами, храбрые мои молодцы, две дороги.

Та, что идет налево, – ведет в страну падишаха Самрау, царя птиц. И днем, и ночью в той стране веселье, не знают они, что такое печаль и уныние. Там волк и овцы пасутся на одном лугу, там лисы и куры гуляют вместе по темным лесам безо всякой опаски. Да, велика и обильна та страна, там крови не пьют, там мясо в пищу не употребляют, там платят добром за добро, и никогда не отыщет Смерть дороги в ту страну.

Но горе тому, кто пойдет направо. Приведет его дорога в страну падишаха Катила, страну горя, страну жестокосердия и зла. Там земля усыпана человеческими костями, там живые завидуют мертвым и проклинают час, когда появились на свет. Вся земля там залита кровью.

Услышали такие слова братья и поняли, что пришла им пора расстаться. Решили они бросить жребий, чтобы выбрать себе дорогу. Сделали они вот что – взяли посох и стали его друг за дружкой обхватывать руками.

И выпало так, что Шульген должен был отправиться направо, в страну падишаха Катила. Не согласился Шульген, гневно нахмурил брови, бросил отрывисто:

– Я старший, я выбираю дорогу.

И пошел налево, даже не попрощавшись.

Делать было нечего, и Урал, поблагодарив старца, пожелав ему здоровья и благополучия, пошел направо, в страну падишаха Катила, страну безмерного горя и страдания.

Как Урал-батыр пришел в страну падишаха Катила

Долго шел Урал в страну падишаха Катила. Переправлялся через широкие реки, переваливал высокие горы, и вот однажды попалась ему в пути, у подножия высокой горы старуха в нищенском рубище, что сидела возле дороги. Вся спина у нее была исполосована кнутовищем, плечи изодраны в кровь, словно терзали ее злые волки. Руки и ноги потрескались у

нее, словно у курицы, которая день-деньской добывает себе пропитание, ковыряясь в земле. Все лицо у нее почернело, словно трава, что побита морозами, а кости выпирали, как сучья дерева.

К ней прижималась красивая девушка, было видно, что боится она незнакомца, восседающего на огромном льве, да и стыдно ей, что предстала она перед егетом в убогом рубище.

– Не бойтесь меня, – воскликнул Урал, подходя к ним. – Никому я не причиняю зла, ищу я Смерть-злодейку, хочу людей от нее избавить. Расскажите мне, в какую страну я попал.

Улыбнулись старуха и девушка, с места своего приподнялись, подошли к егету. Старуха пригладила свои растрепанные волосы, заложила их за уши и чуть-чуть распрямившись, стала рассказывать, широко раскрывая глаза.

– Ох, егет, видно, что горя ты не видел, не бывал ты в нашей стране. Правит у нас жестокий падишах Катил. Черны его дела – ежегодно хватает он юношей и девушек, мужчин и женщин, отбирает из них самых лучших, приводит к себе во дворец. Дочь его забирает себе всех егетов, а всех девушек он отправляет на свою половину. Кто понравится – тех разбирают его приближенные. А всех остальных приносят в жертву – девушек в озере топят, мужчин сжигают на огромном костре. Такую жертву приносят они ежегодно предкам, своим богам, так потакают они своему тщеславию.

Десятерых детей произвела я на свет, девятерых из них забрал жестокий падишах Катил. Муж мой не вынес такого горя, не помня себя, бросился он на воинов падишаха. Не простили его, живьем зарыли в землю. Осталась у меня дочь моя единственная, младшенькая. И пришел ко мне приближенный падишаха и сказал: «Понравилась мне твоя дочь, я беру ее в жены». А ведь для меня нет ничего дороже дочери – и вот темной ночью бежали мы в лес. Таких, как мы, много скрывается по лесам да чащобам, жизнь наша проходит в страданиях.

Вижу я, что ты, егет, очень добр, прошу тебя, не ходи в страну падишаха Катила, пожалей себя, вернись туда, откуда пришел.

Но Урал только покачал головой:

– Когда я вышел в дорогу, я был еще совсем ребенком. Долгие годы я прожил, много дорог я прошел, чтобы с пустыми руками вернуться в отчий край. Должен я отыскать злодейку-Смерть, должен я посчитаться с нею.

Попрощался Урал с со старухой и ее дочерью, сел на верного льва и отправился в путь, в стан падишаха Катила.

Как Урал–батыр встретил дочь падишаха Катила

Прошло несколько дней, и вот Урал–батыр услышал далекий ропот, словно шумели тысячи и тысячи людей на каком–то большом празднике. Подъехал ближе егет и видит – и вправду собрались здесь толпы людей, все как один – в том самом обличье, в котором всякий появляется на свет. Видно, что собрали здесь людей насильно, потому что никто не бродил по округе, никто не переговаривался, как то бывает на шумных и веселых праздниках, а все стояли в великом страхе, выстроившись в затылок друг другу. Слева

стройными рядами стояли женщины, справа – мужчины. Да только не все были голыми в той толпе. Там и сям мелькали люди в странной одежде, в руках у них были большие бичи, которыми они заталкивали обратно тех, кто нарушал строй, били ослушников, догоняли тех, кто хотел убежать, криками и ударами бича возвращали их на место. Но таких было очень и очень мало, большинство стояли в великом страхе и в великом молчании посреди огромной площади.

– Что же могло привести сюда столько людей? – Подумал Урал-батыр. Он уже увидел, что в той толпе все мужчины и женщины не моложе шестнадцати и не старше тридцати пяти лет. – Кто эти стражники? Чью злую волю они исполняют? Неужели это и есть страна падишаха Катилы, о которой ему рассказывала старуха?

Он решил выяснить все и, не мешкая, подошел к людям, что стояли в сторонке. Там-то как раз были и старики, и дети. И были они одеты, как велит обычай и как полагается людям, что отличает их от зверей, не знающих иной одежды, кроме своей шкуры.

Увидев, что к толпе подъехал незнакомый исполин, люди сперва шарахнулись от него, но, видя, что он улыбается и вроде бы не собирается причинять им никакого вреда, они осмелели и придвинулись поближе. Отделился от толпы некий старец, обратился он к батыру с такими словами:

– Юноша мощный, твой вид, твои удивленные взгляды, которые ты бросаешь на толпу, наконец, по льву, на котором ты так горделиво восседаешь, могу ли я предположить, что ты прибыл к нам из чужой страны?

Видя, что юноша обратил на него свой взор, старец продолжил:

– Позволь мне, ничтожному, объяснить тебе, что здесь происходит. В нашей стране есть падишах, как и во всех странах мира. Есть у нашего падишаха приближенные, все они из самых разных родов – есть род, что посильнее и познатнее, есть род, что слабее и беднее. И вот сегодня ты как раз попал на славный праздник, который устраивает наш падишах для своих приближенных в честь матери своей и своего отца, в честь колодца, из которого брали воду, чтобы омыть новорожденного царственного младенца. И сегодня в их честь будут принесены великие жертвы, как установлено в наших краях.

На знамени нашего падишаха ворон изображен, и ты, наверное, обратил внимание, как много вокруг летает этих славных птиц?

Урал батыр огляделся – и вправду вокруг летало так много ворон, что, казалось, здесь воронья свадьба. Еще больше их сидело невдалеке, на небольшом холме. Этот холм был черен от птиц, которые собралась здесь словно на свой вороний сабантуй.

– О да, юноша мощный, именно им будут принесены великие жертвы из нашего народа. Видишь ли ты колодец? Именно туда будут сброшены девушки наши без числа, чтобы потом, когда они умрут, их тела попали на съедение воронам.

А те егеты из разных родов, их ожидает другая участь – каждый год дочь падишаха выбирает себе жениха из их числа. Кто понравится падишаху – тот будет рабом его, будет прислуживать ему во дворце. Остальные будут принесены в жертву богам, которым поклоняется падишах.

Вдруг великий шум прервал речь старика, которой с великим изумлением внимал Урал-батыр. Зазвучали трубы, затрещали трещотки и вот вдалеке показалась царственная процессия. То была дочь падишаха. Она восседала на троне, который несли четыре огромных раба-исполина.

– Слушайте, слушайте! – кричали глашатаи. – Пусть посветлеют ваши лица, пусть радость наполнит ваши сердца! Приближается дочь падишаха! Приближается наша владычица!

И снова забежали стражники, и снова попало плетей тем, кто портил строй, кто не хотел подчиняться.

Медленно двигалась процессия мимо людей. За тронем в некотором отдалении шел слуга дочери падишаха, а за ним, тоже в некотором отдалении, шли остальные ее прислужники.

Вдалеке качалась только высокий золотой убор царицы. Вот она подъехала поближе, и все увидели на троне невиданной красоты девушку с глазами, полными огня, в одеянии, равных которому не было на свете. Урал-батыр заморожено смотрел на эту красоту, пока царевна медленно объезжала ряды. Злая гримаса застыла на ее лице, гримаса отвращения – никто не нравился ей из этих посиневших от холода, съезжившихся на ветру людей. Вдруг ее взор посветлел – она увидела высокого красивого юношу-исполина, который стоял в толпе, как все, и смотрел на нее восхищенными глазами. Ни слова не говоря, величественным жестом она остановила процессию. Взоры всей толпы обратились к тому, на кого она обратила свое внимание. Молча она ожгла взглядом Урал-батыра и протянула ему золотое яблоко. Ошеломленный ее красотой, потому что вблизи она казалась еще прекрасней, Урал-батыр взял это яблоко. Царевна жестом указала на него своим прислужникам, и процессия двинулась дальше. Теперь ее путь лежал обратно, во дворец.

– Зять! Явился зять падишаха! – возгласили глашатаи. Толпа шарахнулась в сторону от Урал-батыра, вокруг него забежали прислужники, стали хлопать его по плечу, тискать, кричать ему в лицо. Не понравилось такое дело Урал-батыру, отодвинул он слуг, нахмурил брови:

– Что все это значит? Что вам от меня нужно?

– Теперь ты наш зять, – стал говорить один из прислужников. – Идем с нами во дворец, ты стал мужем дочери падишаха. Теперь ты наш повелитель.

Не согласился с этими словами Урал-батыр, сказал спокойно:

– Я приехал к вам издалека. Порядков ваших я не знаю, потому и во дворец не пойду. Посмотрю, чем все это кончится, тогда и решу, как быть. Если захочу – сам отыщу эту девушку.

Изумились приближенные царицы, видно было, что такой отказ для них – дело небывалое. Стали они шушукаться, не зная, как поступить.

Наконец один из них, тот, что следовал неотступной тенью за дочерью падишаха, побежал во дворец, доложить дочери падишаха.

Шум на площади не утихал. Вдруг еще сильнее загудели трубы, заскрежетали трещотки, и из главных ворот показалась могучая процессия. То выезжал к своему народу падишах Катил.

Шестнадцать рабов везли его трон, несметные ряды воинов окружали его со всех сторон, а сам падишах возвышался над головами, как свирепый медведь в лесу возвышается над зайцами. Медленно двигалась процессия, рабы, которые несли падишаха, уставали быстро – так был тяжел падишах Катил. Их на ходу сменяли другие.

Люди в толпе разом склонили головы и так стояли молча. Никто не мог встретиться взглядом с падишахом Катилом – гневный огонь, который вырывался из его глаз, валил с ног любого.

Урал-батыр с любопытством наблюдал за происходящим, ведь все ему было в новинку. Не мог он взять в толк, почему люди боятся падишаха. Правда, он выше ростом, чем обычные люди. Но зато какой у него смешной живот – он похож на саба – бурдюк, в котором хранят кумыс. С виду он как камень, а тронешь – во все стороны брызжет яркий искрометный кумыс. А ноги – можно подумать, что эти ноги он отнял у слона – такие они большие, и безобразные. А затылок его, жиром налившийся – ведь это мог быть хорошо упитанный кабан, а в кабанах Урал-батыр знал толк.

Падишах тем временем объезжал ряды своих рабов. Время от времени он делал знак рукой, и человека, на которого он указал, вырывали из толпы и уводили – кого направо, кого налево. Кого направо – тот должен был до конца своей жизни быть рабом во дворце, исполнять безумные прихоти падишаха, а кого уводили налево – того принесут в жертву Ворону.

Вдруг зашумели, закричали во дворце, и из ворот выскочила девушка верхом на коне. То была дочь падишаха. Пустив вскачь своего коня, она мчалась напрямик, не обращая внимания на крики тех несчастных, кто попадал под копыта. Все лицо ее было искажено гневом. Волосы развевались по ветру, платье было застегнуто не на все крючки и развевалось вслед за ней.

Резко осадив коня возле Урал-батыра, она стремительно наклонилась к нему лицо, пылающее гневом:

– Кто ты такой, что посмел оскорбить Меня? Я выбрала тебя в мужья, подарила тебе священное яблоко, а ты отказался прийти во дворец! Ты покрыл тьмой мое лицо, ты опозорил меня перед рабами!

Наконец и падишах увидел, что вокруг творится что-то небывалое. Он подал знак и его поднесли поближе. Прислужники уже шептали на ухо, что случилось, почему его дочь в таком ужасном гневом. Узнав обо всем, падишах тоже пришел в ярость, так что даже спрыгнул со своего трона и встал во весь рост перед Урал-батыром.

– Какого ты рода, егет, что смеешь отказывать моей дочери? – прогремел–пронесся над площадью его вопрос. Люди в ужасе закрывали лица руками, так пугал их самый голос падишаха.

Видя, что незнакомый юноша выдержал взгляд его огненных глаз, не испугался его речи, не пал на землю, как его подданные, падишах продолжил:

– Знай, егет, что о роде моем, обо мне – падишахе Катиле слава идет по всей земле. Знают обо не только люди, не только птицы и звери, знают обо мне даже мертвецы в своих тесных могилах.

Дочь моя приказала тебе идти во дворец. Почему ты отказываешься сделать это? Почему раздумываешь? Никто в моей стране не имеет права нарушать мои законы.

Не поддался угрозам Урал-батыр, смело глянул в лицо падишаху:

– Я не знаю тебя и твоего обычая резать людей, как скот. Нигде на земле, а странствуя я уже давно, не приходилось мне видеть такого обычая. Я – тот, кто ищет Смерть, чтобы убить Ее. Я не боюсь Ее и никого, даже птенца, не отдам Ей на съедение. А что касается твоих обычаев, то, когда я узнаю их все, я скажу тебе, что я об этом думаю.

Понял тут падишах, что перед ним человек из чужой страны, человек, которого ему видеть еще не приходилось. Мало ли кем может оказаться этот безумец, подумал он и обратился к дочери:

– Дочь моя, видишь, этот человек не в своем уме. Мало ли шляется по свету безумцев? Иди во дворец, забудь про свои печали, мы найдем тебе развлечение по нраву.

Шепот пробежал по рядам приближенных, никто из них не хотел, чтобы кто–то безродный становился зятем падишаха.

– А вы что стоите? – излил свой гнев на прислужников Катил-падишах. – Быстрее бросайте в огонь тех, кто предназначен огню, топите тех, кто смерть свою должен найти в пучине. Пошевеливайтесь!

– И он воссел на трон, величественный в своем гневе.

Тогда Урал-батыр, разметав прислужников, смело вырвался вперед. Гроном прогремели его слова, обращенные ко всем, кто собрался на площади:

– Родился я на свет для того, чтобы смерть победить, найти Живой родник, людей от смерти спасти и воскресить мертвых. Не дам я тебе, кровожадный падишах, вершить свои дела! Развяжите руки рабам, развяжите руки девушкам. Прислужники, прочь с моего пути!

Катил размышлял недолго, ярость захлестнула его, и он подал знак поросшей шерстью ручищей. Тогда из ворот дворца появились четыре исполина, огромных словно дивы, поросших шерстью, как звери. Земля дрожала под шагами их, свет затуманивался от их движения.

– Закуйте этого егета в кандалы и приведите ко мне, – закричал падишах вне себя от ярости. – Если Смерти ищет он, покажите ему смерть!

– Стойте, – воскликнул Урал-батыр, обращаясь к тем батырам. – Я не хочу убивать вас. Но я знаю, что вы ни за что не склонитесь предо мной, пока не испытаете мою силу. Так вот – есть ли у вас такой сильный зверь, которого вы не можете победить? Я сражусь с ним, тогда мы и посмотрим, кто здесь сильнее.

Батыры переглянулись и захохотали. Они решили, что Урал-батыр струсил. Захохотал и падишах. Он подумал, что так даже будет лучше – если непокорного победит животное, а не люди. Тогда скажут – сама природа отвергает этого безумца, восставшего против падишаха Катила!

– Приведите, приведите сюда быка, – взревел он голосом слоновьим, – моего быка, того быка, что поддерживает мой дворец.

Услышав об этом, люди перепугались, пожалели они Урал-батыра. «Пропадет, пропадет егет ни за что», – шелестело в толпе. Услышала об этом и непреклонная, гордая дочь падишаха. Тогда склонилась она перед отцом.

– Остановись, прошу тебя, – быстро-быстро заговорила она. – Ведь ты же сам разрешил мне выбрать жениха, ты сам дал мне это разрешение, на то было твое позволение. И вот я выбрала себе егета в женихи, а ты что делаешь? Ты отнимаешь его у меня. А ведь я даже не перемолвилась с ним одним словечком. Не губи его!

Мрачно, мрачно взглянул падишах Катил на свою дочь, но отвечать ей не стал. Он подал знак, и ее увели прочь.

Земля содрогнулась раз, и другой, и вот на площадь перед дворцом выскочил бык, огромный, словно гора, ужасный в своем гневе, словно тысяча змей. Слюна летела во все стороны от его морды, и там, куда она попадала, загоралась земля, куда ступала его копыто – оставалась яма, словно два землекопа усердно рыли весь день.

Остановился он по знаку своего повелителя падишаха Катила, голову перед ним склонил, стал водить ей из стороны в сторону, обнажив страшный клык во рту. На пустой площади стоял перед ним Урал-батыр, не склонил он головы перед чудищем.

– Так это ты, егет, потревожил мой сон, ты лишил меня радости от общения с моими прекрасными коровами? Нет, я тебя не брошу на земле, нет. Ты сгниешь на моих рогах, ты будешь висеть на них, пока ветер не развеет твой прах, – бешено загудел бык, и огромные его рога, прямые, словно копья, огромные, словно бревна, двинулись из стороны в сторону.

И тогда ответил Урал-батыр тому быку, сказал так:

– И я обещаю тебе, великий бык, что я не стану тебя губить. Я докажу тебе, что человек сильнее всех на свете, и тогда не только ты, но и все племя твое на веки вечные станет рабом человека.

Рассвирепел от этих слов бык, бросился он на Урал-батыра, взрывая землю копытами. Хотел он поднять егета на рога, подбросить вверх, чтобы потом поймать его тело, нанизать на рога словно на вертел. Но не тут–то было, изловчился Урал-батыр, ухватился он быка за рога и пригнул его голову к земле.

Стал бык вырваться из рук батыра, в землю по колению ушел от натуги, черная кровь потекла из его пасти, и выпал из нее огромный клык. Обессилел бык и рухнул на землю.

Увидев это, все растерялись. Никогда такого не было, чтобы кто-то мог победить огромного черного быка. А Урал-батыр сдержал свое слово. Ухватив за рога, вытащил он быка и с грохотом поставил на землю. От этого удара раскололись копыта быка, треснули пополам, в трещины те забился песок, смешавшийся с кровью.

Сказал тогда Урал вещие слова:

– Рога твои, что согнул я в честном бою – останутся согнутыми навсегда, в пасти твоей щербатой никогда больше не будет расти острый клык, копыта твои раздвоенные останутся таковыми навсегда, пока существует на земле твой род. Испытал ты силу человека, понял, что слаб перед человеком. Теперь будешь служить ему до скончания веков. Не смей больше грозить человеку!

Падишах, увидев, как дело обернулось, кивнул своим батырам. И так велик был страх перед ним, что батыры вышли к Уралу. Надеялись они еще и на то, что теперь, после битвы с быком, ослабел Урал, и сил у него поубавилось.

– Когда умрешь ты в наших руках, в какую сторону бросить твое тело? – спросил тогда один из батыров, самый главный над ними.

Не утратился их силы Урал-батыр, смело вышел вперед.

– Я – тот, кто ищет Смерть, чтобы победить ее! – воскликнул он. – Испытайте мою силу, и, если я умру на ваших руках, тело мое отдайте льву. А если у вас хватит сил, тогда забросьте меня в Живой Родник.

Но ответьте и мне – если вы попадете в мои руки, и ваши тела затрепещут, словно мотыльки ночью порой возле огня, в какую сторону забросить ваши тела? Где искать мне ваши тела, растертые в муку, когда вернусь я с Живой водой оживлять мертвецов?

Расхохотались батыры, нелепой показалась им мысль, что Урал-батыр победит их всех.

– Ну что же, – протянул самый главный сквозь смех. – Если уж действительно ты нас победишь, тогда брось наши тела в ноги падишаху и его приближенным.

Пока один из них говорил, остальные окружили Урал-батыра со всех сторон и по знаку предводителя бросились на него. Вчетвером пытались они его повалить, но егет отбросил одного, потом другого, а затем уже и двух оставшихся. Высоко взлетели в небо батыры падишаха, и вот упали они на землю, так что задрожала она от могучего удара. Предводитель батыров упал возле падишаха, а остальные – возле приближенных его. Так нашли свою смерть батыры, что служили темной силе, и тела их превратились в грязную жижу.

Тогда все рабы, что стояли связанными и ждали своей смерти, поняли, что жизнь их оборвется не сегодня. Бросились они к Урал-батыру, окружили

его со всех сторон, стали возглашать ему здравицу. Прислужники и сам падишах бросились врассыпную, пытаясь убежать от народного гнева, и многим из них удалось это сделать. Скрылись они, словно крысы во тьме ночной, чтобы найти себе приют более надежный, чем страна падишаха Катилы, которого победил Урал-батыр. А куда пропал сам падишах – так и осталось неизвестным.

С толпой людей вошел Урал-батыр во дворец, объявил он, что теперь никто не сможет притеснять людей, приносить их в жертву. Объявил он и о том, что все теперь стали свободны.

– А теперь прощайте, люди, – сказал он, – Я – батыр, который ищет Смерть, чтобы победить ее. Мне надо идти.

Растерялся тогда народ, не зная, что ответить батыру. Никто не хотел, чтобы он уходил. Тогда из толпы вынесли на руках самого старого среди людей человека, который еще помнил вольные дни перед приходом падишаха Катилы.

Приблизился он к Урал-батыру, поднял слабую руку, и, когда шум стих, он тихо сказал, обращаясь к Уралу и ко всем людям:

– Приветствую тебя, достойный юноша! Ты, оказывается из егетов егет, их храбрецов храбрец! Твоя опора – в сердце твоём, но есть, оказывается, и жалость в сердце твоём. Ты нас пожалел, ты освободил нас от страшного гнета, ты победитель. Но есть еще человек, который помог тебе в этой битве. Это она вызвала гнев падишаха, она столкнула тебя с ним и тем принесла нам свободу и счастье. Это дочь падишаха. Она полюбила тебя и потому взбунтовалась против своего отца. Женись на ней, егет, останься с нами, егет. Будь нашим повелителем!

И по знаку его весь народ стал славить Урал-батыра и дочь падишаха, желая им здоровья и счастливой жизни.

Видя всеобщее ликование, увидев вблизи ту девушку, которая что красоты была неопикуемой, решил Урал-батыр жениться на ней и остаться в этой стране хотя бы ненадолго. И начался тогда пир на весь мир, и семь дней и семь ночей праздновал народ эту свадьбу, которая стала символом их освобождения от падишаха Катилы.

Как Урал-батыр встретил Заркума

Только на восьмой день угомонились гости, только на восьмой день все царство падишаха Катилы погрузилось в сон. Уснула и дочь падишаха.

А Урал-батыр решил размяться после душных залов дворца. Сел он на верного льва, приторочил сумку с припасами к седлу, вооружился и отправился побродить по окрестностям города. Час ехал Урал-батыр, два ехал, наконец сон сморил его, и он прилег под высокой скалой передохнуть.

Вдруг сквозь сон послышался ему змеиный шип. Чутко спал батыр, вскочил он на ноги, огляделся – в двух сотнях шагов от него огромный змей напал на оленя. Не простой это змей, не гадюка, что под ногами ползает, не уж, который в воде плавает, то большой змей – длиной он в сотню шагов будет, не менее, льва за ним не увидишь, такой он толщины.

Пока Урал-батыр разглядывал змея, тот успел повалить оленя. Бросился Урал на помощь оленю, схватил змея за длинный хвост, прижал к земле. Взмахнул змей хвостом и образовалась в лесу поляна, десятка два деревьев упало на землю. Взмахнул змей в другую сторону и образовалась в лесу широкая просека. Но Урал-батыр крепко держит змея за хвост, не отпускает его, давит руками, твердыми как скала.

А змей все машет и машет хвостом, да к тому же есть у него еще забота – пытается он проглотить оленя. И так старается и этак, но не получается – застряли огромные, ветвистые рога в пасти змея. А сломать их сил не хватает.

Выбился змей из сил, изнемог – теперь он бы и выплюнул того оленя, а не может – застряли рога. Проглотить тоже не получается. А сзади Урал-батыр напирает, хвост прижал к земле, сейчас перевернет змея кверху брюхом. Видит змей, дело худо, приподнял он голову и сказал с мольбой:

– О егет, помоги мне! Отодвинь мой смертный час! Я – сын падишаха Кахкахи, имя мое Заркум. За помощь твою отплачу, буду спутником твоим – коли нужен спутник тебе, если золота желаешь, кораллов и жемчугов – в моем дворце найдешь сколько душе угодно.

Ответил ему Урал:

– Я отправился в дальний путь, чтобы избавить все невинные существа на земле от Смерти, а ты предал моему врагу оленя, который в жизни никому не причинил зла. Почему ты сделал это – открой мне тайну свою.

– О егет, – отвечал ему змей. – Расскажу я тебе всю правду, ничего не утаю. Недалеко от этих мест – страна падишаха птиц Самрау. Есть у него дочь красоты необыкновенной, Солнцем она рождена. Я просил ее руки – отказали мне и он, и она. «Ты змей», – сказали они. И вот тогда попросил я своего отца – сделай так, чтобы отдали мне в жены дочь падишаха Самрау. Если же нет – пойди на них войной, залей их страну огненным дождем.

Тогда мой отец посоветовал мне пойти на охоту, найти оленя с рогами в двенадцать ветвей и проглотить его. Тогда, сказал он, я смогу превращаться в кого угодно, стану самым красивым из всех людей. Тогда дочь Самрау станет моей.

И вот пошел я на охоту и видишь – не могу я проглотить оленя, застряли в горле рога, не сбылось мое желание. Не губи меня, егет, пользы тебе от этого не будет, помоги мне, и тогда мы отправимся к моему отцу, и он отдаст тебе все, что ты попросишь.

А ты попроси у него вот что – не красивую девушку, нет, и не сокровища. Рассыплет он перед тобой море жемчугов и кораллов – отвернись от них. И вот тогда он скажет: «Смотри–ка, человек отказался от сокровищ, сколько ни бродил я по свету, такого не видел». И скажет он тогда: «Назови свое желание, отплачу тебе добром за услугу». И вот тогда ты скажи ему – пусть снимет свою шкуру, станет не аждахой, а змеем, высунет свой птичий язык и вложит его тебе в рот. Отец начнет пугать тебя, плюнет на камень и камень потечет, словно вода. Плюнет он на гору и гора потечет, словно

родник, в один миг соберется в низине сверкающее озеро – ни конца у него не будет, ни края. Только ты не пугайся этого, проси его снова и снова. Не устоит он, и ты поцелуешь его язык. Сердце его тогда оттаает, и ты сможешь ему сказать такие слова: «В моей стране платят добром за добро. То, что ты любишь, то и отдай. Тогда даст он тебе посох свой с набалдашником из жемчугов, его и возьми. С посохом этим волшебным в воде не утонешь, в огне не сгоришь. Захочешь невидимым стать – ни одна душа тебя не отыщет».

Услышав эти слова, Урал обломал оленьи рога, и змей, проглотив оленя, вмиг обернулся прекрасным юношей, красивей которого не было на всем свете.

И в тот же миг раздался какой-то свист в округе. Побледнел Заркум, страх отразился в его глазах.

– Что это? – спросил его Урал-батыр.

Но Заркум не стал говорить Уралу правду. Он подумал так:

– Это шпионы моего отца, они сейчас же донесут ему, что я проболтался, открыл чужаку великую тайну змеиного царства. Что же мне делать теперь? Проглотить этого егета не хватит сил – уж очень я ослаб от схватки с оленем, а вот если выдам его отцу, покаюсь, тогда отец меня простит.

А вслух он сказал так:

– Это меня ищут слуги моего отца. Ну что, ты идешь со мной во дворец змеиного падишаха?

– Иду, – смело сказал Урал-батыр. – Хочу я повидать твою страну, хочу испытать мощь сердца своего, врагом себе избравшего саму Смерть.

А про себя он так подумал: «Ну что ж, если и такое бывает на свете, что отвечают злом на добро – и это я хочу увидеть своими глазами».

– Прощай, мой верный друг! – обратился Урал-батыр к своему льву. – Дальше тебе хода нет. Долго меня не жди, возвращайся в родные края, домой, привет от меня передай.

Поцеловал льва, и с тем простился.

Как Урал-батыр и Заркум прибыли в змеиное царство

Спустились Урал-батыр и Заркум в глубокую расщелину. День шли, ночь, и вот увидели они, что впереди чернеет огромная гора высотой до неба. Охвачена эта гора огнем, который полыхает без устали, словно зарницы без грома и дождя, словно молнии при ясном небе.

– Что это? – удивился Урал-батыр. – Неужели такая большая гора бывает на свете? Не приходилось мне встречать таких гор.

Ответил ему Заркум:

– То не гора, то змей, охраняющий дворец.

Подошли они поближе, и увидел Урал-батыр – возле железной ограды дворца лежит, беззаботно свернувшись клубком, девятиголовый змей, сторожит дворец.

Смело подошел к нему Заркум, пнул ногой, закричал громким голосом:

– Принеси ключ от дворца!

Зашипел змей, засвистел громким свистом, шум поднялся такой, словно рухнули все горы земли. Только утих гром, как загрело, забренчало снова – это четыре змея о шести головах волокли по земле ключ – и не было у них сил поднять его, так он был тяжел.

Легко принял это ключ Заркум, вставил его в железную дверь, повернул – отворилась тяжелая дверь, открылся вход во дворец.

– Проходи, гостем будешь, – сказал Заркум и широким жестом указал Урал-батыру путь во дворец. Только вошел Урал-батыр, как дверь сама собой захлопнулась.

– Побудь здесь, – сказал Заркум из-за железной двери. – Я схожу за отцом. А запер я тебя, чтобы змеи не причинили тебе вреда.

Ничего не сказал Урал-батыр, стал осматриваться во дворце. Не успел он присесть с дороги, как послышалось громкое шипение, и со всех сторон дворец оказался в кольце – то собрались вокруг него змеи со всей округи. Выглянул Урал-батыр в окно, стал прислушиваться к их шипению.

Первым заговорил огромный одиннадцатиголовый змей.

– Мой, мой черед его съесть, мой черед отрастить двенадцатую голову. Стану я тогда визиром у падишаха, приблизит он меня к своему трону.

– Ну, не-е-ет, – зашипел девятиголовый змей. – Только я могу съесть человека, который узнал тайну падишаха от его сына. Сам падишах его не съест – не может он погубить человека, того, что кто спас жизнь его сыну, а вот я его съесть могу – только я знаю все его тайны, только я. А вы, мелюзга, – зашипел он на мелких змеев, что тысячами кружились вокруг дворца в ожидании поживы, – идите прочь, нечего здесь вертеться. Не будет вам сегодня удачи!

Сказал так и завертелся, словно вихрь, только искры брызнули во все стороны. Испугались мелкие змеи, заметались из стороны в сторону, да и разбежались, попрятались кто куда может. Видя такое дело, уполз и одиннадцатиголовый змей, не стал ссориться с любимчиком падишаха. Остался один только девятиголовый змей. Он все метался вокруг дворца, кружился, выбивая миллионы искр из скал вокруг дворца, вертелся, кружился и вот превратился в прекрасную девушку. Подошла та девушка к закрытым воротам и прошла сквозь них, словно ворот и не было. Видя такое дело, Урал-батыр не стал дожидаться, когда заморозит она его своей красотой, схватил за руки и сжал так, что кровь выступила из-под ногтей. Не выдержал такого пожатия змей, вернул себе огненный облик, стал метать молнии, хотел огнем спалить Урал-батыра. В ярости схватил тогда Урал-батыр змея за горло, скрутил его узлом. Но убивать не стал, отбросил в сторону:

– Все я знаю о тебе – стережешь ты падишаха змей Кахкаху, верный его раб и хранитель тайн. Что с того, что у тебя девять голов, которые ты отрастил, пожирая людей – ты мне не страшен.

Удивился змей, призадумался.

– Неужели ты змеиный бог? – спросил он Урал-батыра. – Откуда ты все-все знаешь обо мне? Я ведь думал, что ты человек, потому и рассказал падишаху, что сын его выдал тайну существу, с которым мы смертельные враги.

С этими словами он подполз к Урал-батыру, стал к нему ласкаться. Но запах человеческого существа так густо ударил ему в ноздри, что не стерпел змей, и страшная догадка пронзила его. Поднялся он на дыбы, огнем полыхнул из широкой пасти.

– Нет. Ты и вправду человек, коварством проникший в наши тайны. Нет тебе жизни после этого, должен я предать тебя смерти.

Ударил он Урал-батыра молнией, опалил огнем, хвостом ударил так, как если бы дерево в лесу упало на человека. Но не подался Урал-батыр, выстоял перед натиском змея. Изловчившись, он ударил мечом по главной голове змея. Со звоном рассыпалась голова на мелкие кусочки, и выпали из нее ключи странного вида. Ударил Урал-батыр по другим головам – и выпали из них тела восьми богатырей.

Побрызгал на них Урал-батыр водой ключевой, которую принес он с собой. Очнулись батыры от волшебного, колдовского сна, заговорили:

– Все мы были когда-то, в незапамятные времена, людьми. Проклятый змей выследил нас, проглотил – стали мы его сутью, его головами. Рассеки сердце змея – в нем найдешь ты ключ золотой, что открывает дворец, полный тайн. В том дворце хранятся все сокровища земли, о которых можно только мечтать.

Прислушался Урал-батыр к их словам, рассек сердце змея и выпал из него ключ красоты невиданной.

Как Урал-батыр вошел во дворец тайн

Взял в руки золотой ключ Урал-батыр, и тогда предстал перед ним дворец тайн. Оказался тот дворец выше неба, ниже земли, и был он невидим простому глазу. То, что принимал он за дворец, была только малая его часть. Но если уж один конец веревки в руки попал, как не полюбопытствовать, что на том конце? Вот и Урал-батыр отпер дворец и вошел в него. Открылся ему зал богато изукрашенный, красоты неопишуемой. В середине зала оказался трон, возле которого сидела прекрасная девушка, в платье, богато изукрашенном жемчугами, вся окутанная шелками. Молчала девушка, даже не шевелилась, так что решил Урал батыр, что она заколдована.

За тронном обнаружилась потайная дверь наглухо закрытая – запертая на множество замков. Распахнул ее одним могучим ударом Урал-батыр и увидел, что в кладовой, а это была кладовая, лежит посох с набалдашником из жемчугов. Не успел он к нему притронуться, взять в руки, как поднялся в зале сильный ветер и, откуда ни возьмись, появился белый змей. То был падишах змей Кахкаха. Увидел он, что посох его в чужих руках и кинулся на Урал-батыра, хотел его проглотить – уничтожить на месте.

Но не тут-то было – скрутил змея Урал-батыр, бросил на пол. Видит змей – дело худо, надо из беды выбираться. И сказал он тогда такие лукавые слова:

– Ушел, ушел из моих рук волшебный посох, и сила моя ушла вместе с ним. Теперь сила в твоих руках, батыр. Приказывай.

Думал он, что это явился какой-то неведомый змей и одолел его.

– Я тот, кто ищет Смерть, чтобы погубить ее, – сказал Урал-батыр. – Уничтожу я всех, кто враг людям. Созывай своих змеев – кто отрастил себе голову, кто погубил человека, кто служит смерти – всех погублю, не помилю.

Отдал тогда змеиный падишах приказ своим змеям, зашипел на змеином своем языке, завертелся волчком и пропал с глаз долой. Тут со всех сторон набежали змеи, которых призвал падишах на помощь. И началась у них битва не на жизнь, а на смерть.

День сражался Урал-батыр, два сражался, какому змею голову отрубил – оттуда человек появляется, вступает в битву на стороне Урал-батыра. Так одолели они змеиное войско, положили конец змеиному царству. Открыл Урал-батыр все подвалы, выпустил оттуда людей, что томились в ожидании своей участи.

Не верили они, что спасение к ним явилось, говорили между собой:

– Помощь, которую мы ждали от бога, пришла к нам от неизвестного батыра. Как же мы сможем его отблагодарить? Чего он попросит у нас?

Услышал эти разговоры Урал-батыр и воскликнул, возвысив голос:

– Люди, не бойтесь меня. Я пришел вас спасти и положить конец змеиному царству. Ваша радость – это и моя радость. Ваше счастье – счастье и для меня. Соберитесь все, устроим большой праздник и тогда вы сами выберете себе батыра, того, кто будет вас беречь в дни бед и горестей и предстоять перед вами в дни радости.

Обрадовались люди, что к ним прислушиваются. Стали кричать:

– Алгура! Алгура хотим в предводители!

Обнаружился среди них седой старец, это и был Алгур. Много лет назад поднялся он на борьбу со змеиным царством, много лет наносил ему удар за ударом, да вот состарился и попал в плен к своим врагам. Теперь стал он предводителем нового царства людей. Вышел он из толпы, да не один – вел он под руку ту самую девушку, которую нашел Урал-батыр в тронном зале.

– Герой, что победил Азраку, не может уйти от нас с пустыми руками. От всего народа просим тебя – женись на этой девушке, и тогда ты навсегда останешься с нами.

Пусть уходит батыр – не исчезнет батыр. Пусть от тебя родится новый батыр. Среди нас он будет расти, нам он защитником будет. Эта девушка тебе под стать, сыну твоему она будет достойной матерью.

Не зря говорят – каждое поколение рождает своего батыра. Придет время, и ты уйдешь от нас, но останутся твои дети – они станут батырами.

Не мог отказать людям Урал-батыр, да и девушка ему полюбилась, остался он с ними. Устроили тогда люди Урал-батыру веселую свадьбу.

Шульген встречает прекрасного юношу

С тех пор, как расстались два брата, мы совсем забыли о Шульгене. А между тем он шел и шел по той дороге, что вела направо. Тишина и покой окружали его, и не встретился ему в пути ни зверь хищный, ни гад ядовитый. Все дышало миром и спокойствием – олени сами подходили к нему, когда он спал у дороги, птицы, не таясь, щебетали над его головой, и даже когда Шульген протягивал к ним руку, они отлетали не сразу. Так текли дни среди зноя и лени дороги.

Только странное дело – пустынно было на той дороге, кроме зверей лесных и птиц поднебесных, ни одного человека не встретил Шульген. И вот однажды услышал он за поворотом странный шум, словно кто-то плескался в воде, громко радуясь жизни. Пospешил тогда Шульген, прибавил шагу и вот перед ним открылась такая картина – в небольшом ручье шумно плескался красивый юноша со странно знакомым лицом. Он нисколько не испугался Шульгена, когда заметил его, а только вышел из воды, накинул на себя широкое одеяние и приветствовал Шульгена, словно родного брата.

– Кто ты? – спросил его пораженный Шульген. – Почему мне так знакомо твое лицо, ведь я впервые в ваших краях?

– Я – из счастливой страны, – отвечал ему юноша. – И лицо мое кажется тебе знакомым потому, что, наверное, ты видел кого-нибудь из нашей страны. У нас все люди на одно лицо, словно все мы рождены одной матерью.

– Постой, постой, – вскричал тогда изумленный Шульген. – Совсем недавно, я припоминаю, со мной говорил один старик... Не дед ли твой сидит в месяце пути отсюда, на развилке дорог? Вы с ним так похожи, и голос у вас одинаковый.

– Знай, юноша, – отвечал незнакомец Шульгену. – Тот старик – мой брат. Мы выросли вместе с ним.

– Но как тогда понять – вскричал пораженный Шульген. – Ведь ты такой юный, на твоем лице ни морщинки, и волосы твои черны, как уголь, а он старый, как сама смерть, и сгорбленный, словно ветла у реки.

– В нашей стране, – отвечал юноша. – Никто не старится, мы всегда молоды до самой смерти. Есть у нас обычай такой – мы никому не причиняем зла, не проливаем ничьей крови. Все у нас общее – все, что у нас есть, мы делим поровну между людьми. У нас не обижают сирот, сильный не причиняет обид слабому. Потому и живем мы долго и счастливо.

А мой брат оступился от наших обычаев. Любого, кого он осилить мог, убивал и съедал. Потому и прогнали его люди из нашей благословенной страны, потому он стал старым и дряхлым, и теперь в одиночестве льет слезы по своей загубленной молодости. Век нести ему на лице своем печать Смерти.

Обрадовался Шульген, понял он, что на правильном пути и стал расспрашивать юношу о его стране. Спросил и том, как его зовут.

– У нас нет имен, – отвечал ему юноша, – а дорогу в наше царство я тебе покажу. Жаль, что не могу проводить тебя – я собираю цветы, каких не водится в наших краях, дела мои пока еще не завершены. Но в скором времени и я отправлюсь в свою страну, потому что воздух ваших мест губителен для нас.

С сожалением расстался Шульген с тем юношей, и все же было радостно ему от того, что очень скоро увидит он страну, в которой нет смерти, страну, в которой все счастливы и вечно молоды.

Как Шульген добрался до счастливой страны

Месяц и год ехал на своем верном льве Шульген, повидал много красивых мест, реки вброд переходил, горы одолевал. Где ночь наступала – там спать ложился, где рассвет заставал – с того места отправлялся в путь.

И вот однажды сам не заметил, как очутился возле прекраснейшего озера, окруженного могучими деревьями. Подошел поближе Шульген – что за диво, самые обычные деревья так удались в высоту, что их трудно даже признать. Ива стала как дуб, а дуб возвышался, словно гора над тем озером. На воде росли прекраснейшие цветы шириной с плот. То были просто кувшинки. Но как они были прекрасны! Загляделся Шульген, залюбовался на их красоту, и вдруг что-то плеснуло в глубине – это вольно резвились рыбы. Смотри-ка – щуки не нападают на пескарей, окуни мирно проплывают мимо сорожек, резвятся, играют – что за чудеса.

– Ну, – решил тогда Шульген, – Наловлю-ка я рыбы.

Вырвал длинный волос из хвоста своего верного льва, и пошел в густой ивняк в поисках длинной палки для удилица. Раздвинул кусты, и что же – рядом сидят на ветках мелкие пичужки – соловьи да жаворонки, а рядом с ними гордо восседают и сокол, и кречет, и ястреб. И никто не нападает друг на друга. Глянул Шульген на склоны гор – а там мирно пасутся друг возле друга овцы и волки, а у самой воды лиса играет с курами. И что-то не похоже, чтобы она собиралась их съесть. И понял тогда Шульген, что достиг он страны вечной молодости. А когда понял это, утрастился. «Что, если я поймаю кого-нибудь и съем, и тогда сразу же лишусь молодости? Ведь старик меня предупреждал, что здесь никто никого не убивает. Нет, – решил Шульген, – Должен я отправиться дальше, найти Живой Родник. Когда я буду бессмертен, тогда и вернусь к этому озеру, попирую на славу».

И Шульген отправился дальше дорогой, имя которой неизвестность.

Как Шульген встретил Заркума

И вновь оказался Шульген на перепутье, потому что не знал он, в какой стороне искать ему Живой Родник, источник вечной молодости. День и ночь ехал он по пустынной дороге, оседлав своего верного льва, не зная, с кем перемолвиться словом, у кого выспросить дорогу.

И вот однажды на перекрестке повстречался ему тот самый юноша с прекрасным лицом. Радостно встретил его Шульген, думал он, что юноша возвращается в свою страну.

Но это был Заркум, который бежал от Урала. Чтобы его не узнали, обернулся он обитателем счастливой страны, которые все были на одно лицо. Стал он расспрашивать Шульгена, притворяясь, что знает его хорошо. Ничего не таил Шульген, рассказал о том, что достиг волшебной страны, что решил в начале отыскать Живой Родник.

Тогда, словно решившись до конца довериться Шульгену, назвал Заркум сыном падишаха дивов Азраки. Пригласил его в гости, объяснил, что таился потому, что угрожает ему опасность, но теперь, тронутый искренностью Шульгена, доверяет ему во всем. Как великую тайну сообщил он изумленному Шульгену, что именно во владениях его отца и находится тот самый Живой Родник. Не понял хитрости Шульген, радостно согласился отправиться вместе с Заркумом в страну падишаха Азраки.

А Заркум решил использовать Шульгена в борьбе с его братом, Урал-батыром. И об этом выболтал легковерный Шульген. «Уж он-то расскажет, в чем слаб Урал-батыр, – думал Заркум. Когда надо будет – мы его натравим на родного брата».

И они отправились в далекий путь – в страну падишаха дивов Азраки.

Как Шульген и Заркум прибыли в царство падишаха Азраки

Не близок оказался путь в страну падишаха дивов Азраки. Пересекли они леса и горы, реки вброд преодолевали, спускались в глубокие ущелья и вновь поднимались на свет.

Но всему бывает конец, наступил он и для этого путешествия. В один из дней вдалеке показалась туча, вершиной своей уходящая в поднебесье. Если это туча, то почему она гремит, словно работают в ней тысячи кузнецов? Может быть, это гора? Но если это гора, почему она все время движется и кипит, как вода в котле, и цвет ее меняется, принимая все оттенки черного.

Подивился Шульген, стал расспрашивать своего спутника, к которому очень привязался за время их путешествия и который успел много яда влить в Шульгена за это время. Отвечал ему Заркум:

– Это не туча, что движется в небе, и не гора, которая растет из самой глубины земли. То див, охраняющий дворец падишаха. Кажется он нас заметил, и сейчас он приблизится к нам, и я отвечу ему. Если я исчезну – жди меня, и молчи, если хочешь остаться в живых.

И в тоже мгновение див настиг их, окутал собой, словно туманом, и спросил у них, кто они, и что им нужно, хотя невозможно было понять, кто спрашивает и спрашивает ли вообще.

Длилось это одно мгновение, и когда наваждение рассеялось, Заркума рядом уже не было. Подивившись на такие чудеса, Шульген остался ждать его, как они и договаривались.

А Заркум в это время уже был во дворце – див узнал его, понял без слов и отнес к падишаху, словно дорогого гостя.

– Радостные новости принес я тебе, государь, и тебе, отец, – сказал Заркум, вступив во дворец. – Со мною брат Урал-батыра, он расскажет нам, как бороться с ним и как его победить.

Азрака и Кахкаха, отец Заркума, который укрылся от гнева Урал-батыра у своего старинного друга, как раз ломали голову над тем, как им победить нежданного противника.

– Не много нам пользы от человека, – промолвил грозный владыка Азрака. – Что с того, что он брат Урал-батыра? Вряд ли в нем есть его сила.

Тут выступил вперед старый, седой див – сынчи, придворный советник падишаха. Был он настолько стар, что стал уже полупрозрачным от старости и, чтобы могли его увидеть, появлялся так, чтобы на него падал яркий свет, которого дивы вообще-то не любят.

– Помнишь ли ты, о повелитель всех дивов, тот день, когда Живой Родник неожиданно взбурлил и его струя наполовину ослабла? Помнишь ли ты крик, который раздался в тот день? Крик, от которого дивы, летавшие в небе, упали на землю, словно сила, которая держит их в воздухе, отказалась им более служить?

Узнали мы тогда, что родилось на свет могучее дитя, опасное для нас. Посылали мы дивов и джиннов выкрасть его – от одного только взгляда этого ребенка их сердца разорвались от страха.

Так вот это ребенок и есть Урал. Теперь он приближается к нашей стране, и нам нельзя сидеть сложа руки. Единственный выход для нас – это овладеть Акбузатом.

– Верно, верно говоришь, сынчи. Да разве я о том не знаю? – отвечал падишах угрюмо. – Разве не посылал я семь своих самых могучих, самых ловких, самых свирепых дивов, чтобы овладели они Акбузатом, чтобы покорили его, привели ко мне оседланным или без седла? Одним ударом зашвырнул их Акбузат на небо, стали они ночными звездами, и теперь, когда я гляжу на небо, я оплакиваю судьбу созвездия Етеган – моих верных слуг.

Но ведь есть у Самрау – падишаха и рыжий конь, хотели мы овладеть им, похитили дочь его – хозяйку коня. И все напрасно – не дался конь в руки. Умчался прочь, словно стрела, выпущенная меткой рукой.

Сказал тогда сынчи:

– А ты, повелитель, приласкай брата своего врага. Вот он стоит возле ворот твоего дворца и ждет твоего слова. Захочет он стать падишахом любой страны – пусть станет падишахом. Захочет богатства – дай ему богатства. Пусть дочь падишаха Самрау полюбит его, тогда она отдаст ему и Акбузата, и волшебный меч. А с ними одолеем мы Урала, станем владыками всей земли.

Принял этот совет Азрака и решил ему последовать. Приласкал он Заркума за то, что привел Шульгена, приказал отворить ворота и приветствовать Шульгена как самого дорогого гостя.

Как Шульген вошел во дворец падишаха дивов Азраки

Долго ждал Шульген возвращения своего спутника, разные мысли приходили ему в голову. Все же не мог он поверить в то, что бросил его друг, поэтому сошел со льва и прилег отдохнуть.

Вдруг засверкали молнии, раздался удар грома, словно небо раскололось над головой, и дворец падишаха дивов окрасился всеми оттенками черного цвета. Вскочил Шульген на ноги, не знает, что делать, и в тот же момент окутало его темное облако – то приблизился див – сторож. Не успел Шульген ни о чем подумать, как облако рассеялось, и оказался он перед распахнутыми настежь воротами дворца.

Зазвучали трубы, и из ворот показалась процессия, во главе которой шел высокий див в богатых одеждах, то был падишах дивов Азрака. Рядом с ним Шульген увидел своего спутника. Его лицо светилось приветливой улыбкой, за ними шли придворные дивы самых разных мастей и тоже приветливой улыбались. А лица их были такие, что увидеть любое во сне – можно было и не проснуться больше.

Падишах дивов приветствовал Шульгена, пригласил его во дворец, Усадил на самое почетное место, стал знакомить со своими приближенными. Назвал Заркума сыном своим, назвал Кахкаху другом своим. И начался у них пир, каких не бывает на свете.

Сами собой двигались столы, сдвигаясь в один большой, сами собой накрывались, само собой появлялись блюда с самыми изысканными яствами.

Когда гость утолил первый голод, падишах хлопнул в ладоши, и рабы растворили сокровищницу падишаха. Каких только богатств в ней не было, золото и серебро, алмазы и жемчуга слепили глаза, так что приходилось щуриться, чтобы что-то рассмотреть.

Вновь хлопнул в ладоши падишах и затворились двери сокровищницы. Зазвучала неземная музыка, и со всех сторон показались красивейшие девушки. Они танцевали для гостя.

Шульген тер глаза. Ему казалось, что он в прекрасном сне, который может внезапно кончиться.

Сон и вправду оборвался, потому что вдруг среди девушек появилась одна, увидев которую Шульген схватился за сердце. Выделялась она, как выделяется жемчужина среди белых камней на дне моря, сияла она, словно луна в окружении рассыпчатых звезд, словно единственный цветок посреди зеленого луга, словно родинка на нежнейшем лице красавицы.

Не выдержал Шульген, наклонился к уху Заркума, стал спрашивать, кто эта красавица.

– Это моя сестра, – не моргнув глазом, ответил ему Заркум. – Хочешь, я поговорю с отцом, – добавил он, чувствуя, как загорелся Шульген. – Ты ему понравился, и он тебе не откажет. Будешь нашим зятем.

Возликовал Шульген, не смог сдержать своего ликования, вскочил он с места и стал громко восхищаться красотой девушки. А Заркум быстро отошел к падишаху и взглядом дал понять, что их затея удалась.

Вновь ударил падишах в ладоши, и все исчезло, и остались в тронном зале Заркум и Шульген, который ни о чем не догадывался.

– Что случилось, – стал он спрашивать Заркума. – Может быть, я что-то сделал не так?

– О, нет, успокоил его Заркум. – Просто отец думает, отдать тебе сестру или нет.

В страхе сжалось сердце Шульгена, не знал он, что будет дальше.

А падишах дивов в это время говорил с Айхылу – той самой девушкой, что так понравилась Шульгену. Под страхом самой мучительной смерти запретил Азрака говорить, что она пленница. Испугалась девушка и согласилась сделать так, как сказал ей падишах.

Вновь раздался тяжкий хлопок ладоней падишаха, так что заложило уши у всех, и вновь они показались перед Шульгеном. Но теперь вместе с ними была прекрасная девушка в свадебном наряде – Айхылу.

Устроили им веселую свадьбу, а когда настало время – проводили их в брачные чертоги. Так Шульген стал мужем Айхылу, дочери падишаха птиц Самрау.

Как Азрака говорил с Шульгеном и Заркумом

Не передать, как счастлив был Шульген со своей молодой женой. Нежась с нею в высоком дворце, забыл он обо всем на свете. Молодые гуляли по дивным садам, что цвели во дворце, пили сладкую воду забвения, что протекала в тех садах в щедром изобилии, появляясь неведомо откуда и исчезая неведомо куда, вкушали диковинные плоды, каких нигде бы не смогли отыскать, хоть обойди целую землю.

Окрепла и дружба Шульгена и Заркума. Теперь Шульген души не чаял в том, с кем свела его судьба, верил ему во всем, благословлял тот день, когда пересеклись их пути.

И все же нет-нет, да и вспоминал он о своем брате, и тогда грызла его досада, что легко досталось ему счастье, что не совершил он на этом пути никаких подвигов, слава о которых разнесла бы его имя по всему свету.

Знал о том, что творится в душе Шульгена только падишах дивов Азрака, ибо незримо следил он за всеми движениями души Шульгена, не оставляя без внимания ни малейшей тени на его лице. Когда наступало время, в которое душа Шульгена была наиболее восприимчива к тонкому яду чужих мыслей, Азрака призывал к себе юных друзей и часами беседовал с ними, искусно направляя их мысли в нужную сторону.

Так поведал он о величайших тайнах на земле – о волшебном коне Акбузате, о булатном мече, что не всякому дается в руки, и о Хумай, прекраснейшей из дев.

И так он вел свой рассказ, что и Шульген, и Заркум думали – только к нему обращена эта речь, именно ему открыл тайну падишах дивов Азрака. Поняли они – тот, кто овладеет мечом, кто усмирит коня – станет величайшим из богатырей, покорятся ему все на свете.

Долго говорили они между собой, покинув чертоги падишаха дивов, и вот в один из дней решили тайно отправиться в путь – добыть величайшие сокровища земли.

Заркум во всем поддержал Шульгена, но про себя подумал:

– Пусть поможет мне одолеть Урала, а там посмотрим, чья возьмет.

И вот оседлали они могучего дива и отправились в путь, добывать волшебного коня, булатный меч и девушку. А вослед им смотрели бессонные глаза падишаха дивов, от которого ничто не укрывалось в его царстве.

Как Шульген и Заркум встретились с Хумай

Глазом не успели моргнуть Шульген и Заркум, не успели выдохнуть воздух подземного царства, как див доставил их на место. Крик птичьих стай оглушил их, отвыкли они от шума земли, находясь во владениях падишаха дивов. Оглушил их яркий свет – отвыкли их глаза от него, привыкли они к полутьме и мраку владений падишаха дивов Азраки.

Но привыкнуть к птичьему крику они не успели, их заметили, стих птичий щебет и гомон. Одна из птиц отделилась от стаи, стала невысоко кружить, рассматривая пришельцев.

– Мы пришли к Хумай, – спесиво закричал Шульген. – Пусть встретит нас согласно обычаю, как дорогих гостей!

– Ее нет дома, – отвечала птица, отлетая в сторону и теряясь в стае. Вдруг, словно по невидимому знаку, птицы стали сбрасывать свои птичьи оперенья. Обернулись они прекраснейшими девушками. Дух захватило у Шульгена и Заркума, не могли они налюбоваться на такую красоту.

Но даже среди прекраснейших девушек отказалась одна, что затмила их всех, как луна заслоняет звезды, как солнце затмевает блеск луны. Ошеломленный, оглушенный смотрел Шульген на девушку и думал он, что это и есть, должно быть, Хумай.

Словно пчелиная матка выступила вперед та девушка, словно хозяйка, давно ожидавшая дорогих гостей, пригласила она Шульгена и Заркума во дворец:

– Проходите, располагайтесь. Хумай сейчас появится перед вами.

Словно важные гости, чинно, чванясь, вошли во дворец Шульген и Заркум, выбрали себе место попочетнее, уселись на них без никакого приглашения, и стали ждать.

Не успели они заскучать, как странным дымом стало заволакивать помещение. Обеспокоились Шульген и Заркум, вскочили на ноги, и тут раздался громовый удар, земля разверзлась, превращаясь в пропасть и нежданные гости полетели вниз со страшной быстротой.

Но все имеет свой предел, и вот они упали на дно глубочайшей ямы. Ощупывая себя, крича от страха, охая, поднялся на ноги Шульген. Стал он шарить руками в темноте, пытаясь найти выход, но всюду натыкался на стены ямы. Кричал, но никто не ответил на его крик – потому что Хумай (это и была та самая красивая девушка, что пригласила их во дворец) сбросила Шульгена и Заркума в разные ямы.

А Заркум, который раньше пришел в себя, потому что тело у него было нечеловеческое, превратился в змею, стал искать щель, чтобы выбраться на волю. Знала о том наперед Хумай, приказала одной из девушек пустить бурлящую воду в яму.

В ужасе метался Заркум, всюду вода настигала его и вот, наконец, превратился он в водяную крысу и стал плавать в воде, ища себе спасения, пока не выбился из сил и не прекратил свои попытки.

А Хумай в это время появилась в яме, в которой оказался Шульген. Спросила она у растерянного Шульгена:

– Познал ли ты страх, когда полетел в темноту? Так же устрашилась и я, когда наточил ты на меня острый нож. За это и отомстила я тебе, егет! А теперь будешь ты томиться в этой яме, пока не возродится для любви твоя душа, пока сердце твое – новое, доброе, не овладеет твоим разумом, пока жир твоего сердца не оттает от зла! Отвернись от змей, стань им врагом, научись выбирать себе друзей, научись выбирать верный путь, тогда снова станешь свободным.

Сказала Хумай эти слова и исчезала, оставив ошеломленного Шульгена наедине со своими мрачными думами.

Как Хумай встретила Урал–батыра

Поднялась из темных подземелий Хумай, радостно было у нее на душе оттого, что сумела она пленить своего старого врага из змеиного племени – Заркума. Но к этой радости примешивалась печаль, потому что пришлось ей оставить в темнице Шульгена, брата Урала, о котором нет–нет, да и вспоминало девичье сердце.

Решила она устроить праздник в честь такой победы, созвала всех своих подружек, и начался перед дворцом падишаха птиц Самрау шумный переполох. Тысячи ярких оперений, тысячи прекрасных голосов украсили небо, словно над землей раскинула свои крылья ярчайшая радуга.

И вдруг сломался узор, умолкли голоса – что-то нарушило течение праздника, беспорядочно толпой взмыли в небо девушки-птицы и стали там кружить, пытаясь рассмотреть, что за гость пожаловал в их страну, какие у него намерения – добрые или, может быть, злые?

И только одна птица смело ринулась к пришельцу – это была Хумай. Приняла она свой привычный облик и подошла к гостю, которого она сразу признала. То был Урал-батыр. Чтобы девушки-подружки не волновались, укрыла она его волшебным покрывалом, который делал человека невидимым ни для кого, кроме тех, кто обладает волшебным зрением, как сама Хумай.

А вот Урал ее не признал, и не мудрено – ведь когда-то видел он лебедь, а здесь перед ним стояла высокая, красивая девушка с волосами, которые скатывались с ее плеч, словно густые колосья, достигая колен. Сквозь длинные ресницы на батыра смотрели в упор прекраснейшие черные глаза. Высокая грудь волновалась под взором батыра, тонкий, как у пчелы, стан трепетал, пока она шла к нему.

Чистым, словно серебро, голосом приветствовала она батыра. Заговорила лукаво, словно со старым знакомцем. А Урал был настолько поражен, что не мог даже слова сказать, только молча пошел с нею во дворец, куда Хумай пригласила его.

Она усадила батыра на почетное место, угостила с дороги. И до того было с ней хорошо батыру, что он постепенно пришел в себя, стал говорить о себе и сам не заметил, как рассказал обо всех своих приключениях.

Рассказал Урал и о своей мечте найти Живой Родник, уничтожить Смерть.

Отвечала ему Хумай в глубоком волнении, она была тронута бесхитростным рассказом батыра:

– Найти Живой Родник непросто, и все же я знаю, где он находится. Но если ты хочешь моей помощи, отыщи для меня птицу, равных которой нет в мире, каких никто нигде не видел, тогда я помогу тебе.

Задумался Урал-батыр, тряхнул головой:

– Найду я ту птицу и принесу тебе, но в ответ на твои слова скажу вот что – не нужно мне золота, нет у меня воза, чтобы его грузить, не нужно мне украшений, потому что нет у меня любимой, чтобы одарить ее. Ни о чем, кроме добра, не помышляю я. Помогите мне исполнить желания людей, победить Смерть, чтобы смог я утереть кровавые слезы рода людского. Вот какой дар мне нужен. Скажи мне, чтобы я знал, чем ты сможешь меня одарить?

Поднялась с места Хумай, зазвенел ее голос:

– В огне не сгорит и в воде не утонет, ветру не даст за собою угнаться, не устрасится ни вершин, ни ущелий, копытом ударит – горы рассыплются в прах, поскачет – рассечет море. Будет тебе соратником тот, кто рожден на небе, кто выращен на небе, у кого нет потомства на земле, тот, кого не смогли одолеть дивы за тысячу лет, тот, кто достался мне от матери моей, тот, кто предназначен моему возлюбленному – мой тулпар Акбузат. А с ним вручу я тебе булатный меч – его не берет ржавчина, против огня он становится огнем, против воды – водой. Дивов погибель тот булатный меч.

Взволнован был Урал не меньше, чем Хумай. Вскочил с места, решил тотчас же отправиться в путь. Насилу остановила его Хумай, упростила остаться на денек, передохнуть от тяжких трудов.

Согласился Урал-батыр, погостил во дворце еще день, но более задерживаться не стал – манила его дорога, манил его дорогой подарок, что обещала ему Хумай.

Наутро умылся он водой ключевой из источника, преломил хлеб с Хумай, которая вышла его проводить, и отправился в путь, превратив волшебный посох Кахкахи в коня.

Долго смотрела ему вслед Хумай. Не открылась она батыру, не назвала своего имени, не сказала, что брат его томится у нее в плену, а сам батыр и не мог знать об этом.

Как Урал-батыр нашел невиданную птицу

День ехал Урал-батыр на своем волшебном скакуне, два ехал, а там и неделя прошла, и месяц миновал. Пролегал его путь по странной местности – высились вокруг одни угрюмые скалы, словно иссеченные в страшном гневе неведомым батыром. Пустынно было вокруг, только вороны да сойки летали невысоко над землей – ни человек, ни какая живность не попадались в пути.

Наконец вдалеке показалась высокая гора, устремившая свою вершину в небо, так что за облаками не разглядишь ее – вся она в дымке.

Решил батыр осмотреться, слез с коня, обратил его обратно в посох и полез на гору. День карабкался, два карабкался, а там и неделя прошла, месяц миновал. Раздвигает батыр тучи, туман рассекает, все лезет наверх.

Наконец, добрался он до вершины, стал оглядываться. Ничего не видно, вокруг белым-бело, словно зима наступила, и все равнины замело снегом. Это облака закрывают землю, не дают пробиться взгляду. Долго смотрел Урал-батыр по сторонам, наконец, решил заночевать на той горе.

Вдруг среди ночи разбудил его сон, словно небо очистилось и в страшной дали показалась звездочка. И так нестерпимо она сияла, что Урал-батыр проснулся. Потер глаза, огляделся – и видит, что вправду вдалеке сияет какая-то звезда. Смотрит Урал-батыр и ничего понять не может – сияет что-то, а что – разобрать не получается. Вынул он тогда свой волшебный посох, и тут, словно чудо случилось – приблизилось к нему сверкающее озеро.

Берега того озера не из камней сложены, а из чистого серебра. Растут вокруг озера цветы, ветер их гнет, а они не шевелятся. Потому что и они из серебра. Блестит водная гладь, да только не рябит волной на ветру, отливает тяжелым блеском, а когда падает на нее свет луны – сияет она ясным жемчугом.

А плавают на том озере птицы необычайные, таких Уралу видеть еще не приходилось. Среди птиц тех одна – оперение у нее такое, что век бы смотрел, любовался.

Повел своим посохом Урал-батыр, заморозил птицу его волшебным блеском. Повел посохом еще раз – и вот он уже на берегу того озера. Удивился Урал-батыр волшебным свойствам посоха, вот уж не знал он, что сокращает посох расстояния. Но удивляться времени не было – нужно было птицу ловить. Бросился к ней Урал-батыр, а птица не улетает, страха нет в ее глазах. И только когда Урал-батыр схватил ее в руки, забились она в испуге, попыталась вырваться. Но куда там – железная хватка у егета.

Вышел на берег Урал-батыр, не знает, что делать с птицей. Отпускать нельзя, а как привезти ее к Хумай – тоже не знает.

Видя его замешательство, вдруг птица заговорила:

– Кто ты егет, джинн? Или, может быть, человек? Скажи мне.

Удивился Урал-батыр, не ожидал он, что птица красоты невиданной еще и говорить умеет. Стал он ее расспрашивать, какого она рода-племени, и много ли таких, как она, водится на свете.

Но птица молчала, только смотрела на него пристально, словно хотела решиться на что-то. Уже решил батыр, что ему послышалось, мало ли что может случиться в таких странных местах, как птица заговорила вновь.

– О егет, – сказала она, – отпусти меня, закрой глаза. Я не улечу от тебя, видишь, я сложила крылья. Когда разрешу – откроешь глаза.

Приздумался тут Урал-батыр, как бы не сбежала птица. Вынул он волшебный посох и приказал ему мысленно, чтобы следил за птицей.

– В воду кинется – обернись щукой, в небо взлетит – соколом устремись по следу. А на земле я и сам ее не упущу, – сказал он.

Что ж, выпустил он птицу из рук, зажмурился, и вовремя – опалило его светом ярким, так что если бы он смотрел – выжгло бы глаза непременно.

– Открой теперь глаза, егет, – услышал он знакомый голос. Открыл глаза батыр и видит – перед ним девушка невиданной красоты, брови взлет, ямочки на щеках, на левой щеке родинка. Волосы развеваются по ветру, а сквозь густые ресницы улыбаются егету черные ясные глаза.

Потупила взор девушка и так сказала Урал-батыру:

– Егет, скажи мне, как ты очутился здесь? Что за беда заставила тебя покинуть родные края? Ведь озеро это не простое, а заколдованное. Никто, никто – ни человек, ни див не могут сюда просто так добраться.

Не стал Урал-батыр рассказывать обо всем, что с ним случилось, сказал только:

– Ищу я птицу красоты невиданной, какой не бывает на свете. Издалека увидел тебя на этом озере, вот и решил посмотреть вблизи. А как ты сама оказалась здесь? Человеческого ли ты рода племени?

А про себя подумал – вот незадача, видно, не скоро поиски мои прекратятся.

Подняла девушка к Урал-батыру ясное, светящееся лицо и тихим чистым голосом проговорила:

– Имя мое – Айхылу. Есть у меня мать, есть у меня отец. От рождения дано мне свойство рыбой плавать в воде, птицей летать в небесах. Похитили меня дивы, держали у себя во дворце. Однажды пришел в те края какой-то егет, он женился на мне. Жили мы с ним недолго, в один из дней он вдруг исчез. Тогда решила я бежать, а чтобы дивы не напали на мою страну – спряталась здесь, на этом озере. Уж здесь, думала я, никто меня не отыщет. Но вот ты пришел, и мысли мои рассеялись, словно тучи на ветру, дороги, по которым могла я скрыться, исчезли, как оборвавшаяся на бегу тропинка.

Есть у меня конь волшебный – Сарысай. Возлюбленному моему он предназначен. В бою будет он тебе соратником, умирать будешь, страдать от жажды – спасет тебя, достанет воды из-под земли. Если ты не против, отправимся вместе к отцу, он знает обо всем на свете, нет такого места, где бы он не побывал. Он подскажет тебе, где найти ту невиданную птицу, которую ты ищешь.

И тогда, если захочешь, будем жить вместе.

Призадумался Урал-батыр, не зная, как ответить, потому что знал – ждет его другая дорога.

Наконец сказал он ей с легкой грустью:

– Ах, красавица, не могу я принять твой дар и в твою страну я тоже не пойду. Быть может, птица ты, а не девушка, так что отвезу я тебе в одно место, там ты расскажешь о себе. Захочешь – будешь птицей, захочешь – станешь девушкой, будет так, как тебе хочется. Никто не посмеет тебя обидеть, я буду твоим защитником.

Поняла девушка, что Урал-батыр не обманет ее, вновь стала птицей и собралась в путь. А путь-то оказался недалек – сели они на волшебный посох верхом и в мгновение ока оказались возле дворца Хумай.

Не успел сойти на землю Урал-батыр, как во дворце началась суматоха. Тысячи птиц взмыли в небо, распахнулись все окна дворца, все двери и ворота, и оттуда хлынули девушки навстречу Урал-батыру.

«Ну надо же, подумал Урал-батыр, – неужели они по мне так соскучились?» А девушки, не обращая на него никакого внимания, окружили птицу, которую он привез с собой. «Айхылу!» – кричали они, – «Айхылу!»

Закружилась птица в небе и обернулась прекрасной девушкой. Вырвалась она из объятий своих подружек, подошла к Урал-батыру и сказала ему:

– Это судьба, мой егет, ведь это дворец моего отца.

Изумился Урал-батыр, ничего понять не может.

Тут перед ними в окружении своих служанок показалась взволнованная Хумай. Крепко обняла она Айхылу, а потом обратила радостное лицо к Урал-батыру.

– О мой егет! – воскликнула она с дрожью в голосе. – Каким же ты оказался батыром! Ты освободил мою сестру от дивов!

Развел руками егет, стал спрашивать у Хумай:

– Скажи, откуда ты знала, что твоя сестра и есть та птица? Ведь я нашел ее на далеком озере, и ни с какими дивами я не сражался.

Поняла Айхылу, что сестра ее ни о чем не знает и стала рассказывать, как томилась в плену, как сбежала от дивов и как Урал-батыр нашел ее на озере.

Крепко тогда призадумалась Хумай, решила она, что нужно позвать отца, который жил в отдаленных покоях дворца.

Послали за ним. Не стал скрывать своей радости Самрау-падишах, крепко обнял он пропавшую и вновь обретенную дочь, но, выслушав ее рассказ, и он призадумался крепко. Вот что сказал Самрау после некоторых раздумий, тяжким пламенем легших на его лицо:

– Дочь моя, если дивы узнают, что ты вернулась, они пойдут на нас войной, захватят и разорят нашу страну. Ты, доченька, устала после стольких бедствий, отправим мы тебя к матери твоей, Луне. Там отдохнешь, поправишь свое здоровье. А вы... – повернулся он к Хумай и Уралу, –

Молчите и никому не говорите, что она вернулась. Предупредите всех, чтобы молчали, иначе страшная опасность нам грозит.

И они разошлись в радости от неожиданной встречи и в тревоге перед грядущими испытаниями.

Как Урал–батыр узнал, что его хозяйка и есть Хумай

Три дня и три ночи спал Урал-батыр, отдыхая от новых испытаний. Три дня и три ночи просидела возле его изголовья Хумай, отлучаясь лишь ненадолго, только чтобы проводить свою сестру к ее матери – Луне. Айхылу оседлала волшебного коня Сарысая – подарок своей матери и с тяжелым сердцем ускакала в небо, отправившись в далекий путь к своей матери.

Хумай вернулась в покои, в которых отдыхал Урал-батыр, и задумалась, как думала она не переставая уже все эти дни, с тех самых пор, как Урал-батыр появился в ее владениях.

Но вот егет зашевелился, лицо его разгладилось, и он открыл глаза – проснулся отдохнувшим, спокойным и счастливым, словно там, во сне, все тревоги и заботы покинули его.

Радостно встретился он глазами с прекрасной своей хозяйкой, с девушкой, имени которой он не знал, но любил с той самой минуты, как увидал ее.

Хумай пожелала ему доброго утра и удалилась, чтобы вновь встретится с батыром уже в главных палатах дворца.

Там Урал-батыр и высказал свое желание узнать, как зовут девушку и как так получилась, что девушка-птица оказалась ее сестрой.

Улыбнулась девушка, сомнения оставили ее, и тогда сказала она, улыбнувшись светло и ясно:

– Помнишь ли ты лебедь, которую спас от смерти? Ведь лебедь эта – я. Зовут меня Хумай, дочь падишаха птиц Самрау перед тобой.

Не остался равнодушен Урал-батыр, сильное волнение отразилось на его лице:

– Если это так, помнишь ли ты, что говорила об источнике Жизни, о Живом роднике? Что скажешь мне теперь? Поможешь ли ты мне отыскать его? Когда ты посылала меня отыскать свою сестру, ты обещала мне награду. Красавица моя, слово теперь за тобой. Лишь выслушав тебя, продолжу я свое странствие в длинном пути на борьбе со смертью.

Не смогла скрыть своего волнения и Хумай, встала она с места, и тихий голос ее эхом пролетел все покои дворца:

– Я оставлю тебя, мой егет, но оставлю ненадолго. Ты услышишь мой ответ еще до заката солнца.

И она вышла в маленькую дверь в тронном зале, через которую ходили только цари.

Не находил себе места Урал-батыр, чувствовал он, что судьба его решается, вскочил он на ноги и стал мерить покои дворца широкими шагами, придерживая волшебный посох рукой, чтобы не бил по ногам.

А царица Хумай отправилась к своему отцу, скорым шагом ворвалась в его покои, бросилась ему на грудь, спрашивая у него совета.

– Дочь моя, – раздался в тишине удивительный голос падишаха птиц Самрау, – если любишь его, пойдешь за него и Акбузата ему отдашь. В этом мире будешь жить весело и счастливо. Батыру, силой своей равного Уралу станешь матерью, дитя мое. Созови людей, устрой для храброго батыра великий пир. И брата его освободи ради такого праздника. Пусть мир и счастье хранят тебя, дитя мое".

Радостно выслушала эти слова Хумай, просветлело лицо, и заботы и тревоги оставили ее. Начались для нее радостные хлопоты.

Как встретились Урал-батыр и Шульген

Обрадовался Урал-батыр, встретив старшего брата, которого выпустила Хумай из подземелий дворца, стал рассказывать ему о том, что пережил, что видел в пути.

С нескрываемой злобой и раздражением слушал его Шульген. Думал он о том, как все получается у младшего брата и ничего не выходит у самого, Шульгена, а ведь это он старший!

«Если Урал прославится и вернется к отцу, кто тогда станет меня слушать? Никто не будет со мной считаться, – думал он в тоске и отчаянии. Потому и не стал Шульген рассказывать Уралу о своих приключениях, утаил он свои тайны от брата, лицо которого светилось искренней радостью. Решил он, предавшись своей злобе, погубить Урала, славу его присвоить, красавицу Хумай отобрать, оседлать Акбузата, вооружившись булатным мечом. "Тогда, – думал он, – Все склонятся предо мной, признают, что нет на земле равного мне батыра".

А Урал по доброте своей, не ожидая от брата ничего худого, не обратил внимания на то, что встретил его Шульген без всякой радости. «Сидел бедняга в подземелье, не по себе ему. Но ничего, сходим на охоту, развеемся, – думал Урал-батыр. Не удивился он, узнав, что Хумай заточила его в подземелье, помнил он, как невоздержан его брат на слова и поступки. А Хумай, не желая огорчать Урала, не стала рассказывать ему, что пришел в ее страну Шульген не один, а с Заркумом – злейшим врагом птиц.

Неделя проходила за неделей, а угрюмость не сходила с лица Шульгена. Целыми днями сидел он в каком-нибудь укромном уголке, погруженный в свои черные мысли.

И вот однажды Урал-батыр, вернувшись вместе с Хумай с веселой прогулки, долго искал своего брата, облазил все закоулки дворца, наконец стал искать его в поле и нашел сидящим на ручье в глубокой тоске. Попытался поговорить – не отвечает Шульген, замкнулся в себе. Ничто не могло отвлечь его от мрачных мыслей.

Видя, что все уговоры бесполезны, поднялся с места Урал-батыр и сказал такие слова, обведя рукой весь свет:

– Послушай, брат, ведь мы с тобой батыры. А есть ли на свете сила, что одолеет батыра? Радость и горесть, счастье и беда следуют за батыром,

словно тень, не отлучаясь ни на минуту. То с радостью встретится он под солнцем, то с бедой. Но разве мужчина, что зовется батыром, отступит пред чем-нибудь, разве поддастся беде или разомлеет от счастья? Нет, ничему не уступит дорогу батыр. Против огня он станет водой, против врага он встанет горой. Не ради себя, ради людей найдет он выход из всех трудностей и горестей.

Батыр не жалуется на судьбу, ведь она в его руках, не станет он скупиться на добро – ведь все добро мира принадлежит ему. В битве он неутомим, в небо поднимется без всякой лестницы, надо будет – разомкнет землю и спустится в мрачные ее подземелья, победит всех врагов и снова будет жить.

Добрый совет, поданный другом – помогает батыру, а питье, поданное врагом, становится для него ядом.

Так говорил Шульгену брат его Урал, воодушевляя его на подвиги, достойные батыра.

Ни слова не ответил ему Шульген, не мог он преодолеть силы своих черных мыслей, толкавших его на злое дело.

Оставил тогда Урал своего брата, решив, что время лучший лекарь, оно залечит его душевные раны.

А Хумай, которая много думала о двух братьях в эти дни, уже поняла, что впечатление, которое у нее осталось от первой встречи с ними, не обмануло ее. Поняла она, что Урал-батыр добрый человек, привязалась она к нему от всей души.

А вот Шульген... Шульген вызывал у нее большие опасения. Боялась она его, но почему – объяснить не могла. На всякий случай решила она разделить братьев, сделать так, чтобы спали они в разных местах и виделись как можно реже.

Урал-батыр мог проспать пять суток подряд, и вот приставила к нему Хумай пять девушек, чтобы они сон его оберегали, стерегли его покой.

А Шульгена разместила она в других покоях, так чтобы не смог он совершить задуманное им злодеяние.

Злился Шульген, не находил себе места, наконец пришел к брату, чтобы выложить все, что накопилось у него на душе.

– Кто его знает, чем все обернется, – сказал он Уралу. – Самрау может передумать помогать тебе. А ведь ты батыр, который прославился повсюду. Давай силой захватим Акбузата, захватим страну Самрау, сами будем править. Один из нас возьмет себе посох, другой сядет на Акбузата – кто тогда сможет нам противостоять? Тогда и я прославолюсь, дочь падишаха Самрау в жены себе возьму, на Акбузата сяду верхом.

Не сразу ответил Урал- батыр, понял он, что творится в душе его брата. Но, подумав, решил с ним не ссориться, не хотел он, чтобы Шульген стал ему врагом, потому и сказал:

– Они никому не причинили зла, не проливали человеческой крови, нет в их душе враждебности по отношению к людям. Потому они наши союзники.

А вот в той стране, в которой див правит, люди томятся в рабстве. Вот какую страну мы должны с тобой завоевать, освободить людей. А насчет девушки и Акбузата – если она полюбит тебя, она будет твоя. Если подарит тебе коня – Акбузат будет твой. Не пристало нам, батырам, враждовать из-за девушки, Смерти путь открывать нам не с руки. Мы же не убийцы, не злодеи! Одолеем Азраку, вернемся домой со славой, добудем воды из Живого Родника, сделаем всех людей бессмертными, брат!

Решил тогда Шульген, что все ему позволено, принял он слова Урала за слабость. Теперь, думал он, захвачу Акбузата, и Хумай станет его.

Выбрав время, когда Урала не было во дворце, он явился в покои Хумай.

Яростный, сильный, опасный в гневе, навис он над девушкой, словно гора, открыл ей свое сердце, признался в том, что скрывал так долго.

– Сердце мое открыто для дружбы, Хумай, – сказал он, – но я не прощаю тех, кто встает у меня на пути. Вспомни, когда я только прибыл в твой дворец, ты заточила меня в темницу. Может быть, ты просто хотела отомстить мне за горе, которое я тебе причинил. Ну вот, ты отомстила.

Но теперь, когда ты меня выпустила из темницы, мы с тобой в расчете. Только я увидел твое лицо – я позабыл все свои обиды, я вновь полюбил тебя. Пойдешь ли ты за меня? Отдашь ли мне свое сердце? Если пойдешь за меня, если полюбишь меня – будешь моей женой, а если нет – месть моя будет ужасна, свершу я то, от чего содрогнется весь мир.

Ответь мне сейчас же, у меня нет времени ждать.

Подняла свое ясное лицо Хумай и так сказала Шульгену:

– Егет, вижу я все твои тайные помыслы, все я поняла. Но я дочь падишаха, старшая его дочь! Не все в этой жизни зависит от меня! Сделаем так, как велит обычай – устроим большой праздник, и там ты покажешь миру свое богатырство, на том майдане прославишься ты.

Есть у меня конь Акбузат, подаренный мне матерью. Прискачет он на майдан, станет рыть землю копытом. Если ты батыр – он узнает тебя. Если сможешь его оседлать, если сможешь в седле усидеть, если сможешь булатный меч, притороченный к луке седла вынуть, тогда Акбузата тебе подарю, отца попрошу свадьбу нам устроить, стану возлюбленной твоей.

Решил Шульген, что Хумай согласилась на его предложение. Ярость отпустила его, и он ушел дожидаться праздника.

В тот же день Хумай приказала объявить всем, что состоится праздник в ее честь, на котором любой сможет показать свою силу. Победитель должен был стать мужем царевны Хумай.

Как Урал–батыр и Шульген состязались на майдане

Тысячи и тысячи птиц слетались на большой майдан царства падишаха Самрау. Со всех концов большой страны спешили они на праздник. Еще бы – ведь не каждый день дочь падишаха выбирает себе жениха. Тем более, что вести разлетелись по стране – спорят за дочь падишаха два брата, два батыра, каких свет не видывал, оба красавцы, как на подбор. Шум и крик раздавались

со всех сторон, в воздухе кружили стаи птиц, которые выискивали себе место на майдане, на котором уже перышку было негде упасть. И все же наиболее глазастые находили себе укромные уголки. Быстро слетев вниз, чтобы местечко не занял кто-нибудь поудачливей, птицы превращались в девушек. Вся площадь была красива как никогда от их нарядов. Но были здесь и простые жители страны падишаха Самрау, вечно юные люди с одинаковыми лицами. Никто не остался в стороне от праздника.

Вдруг словно волна пробежала по собравшимся – это все обратили свои взоры ко дворцу, из которого торжественно появились процессия во главе которой шла Хумай. Возглас удивления раздался изо всех уст – прекрасна была царевна в своем свадебном наряде. Вот она подошла к небольшой коновязи, плавно подняла руку, словно крылом взмахнула, и крикнула что было сил, вызывая Акбузата.

Громом ответило ей небо, само солнце покачнулось, земля заходила ходуном. Словно звезда сорвалась с неба и огненным шаром полетела к земле – это был Акбузат, ввергающий в ужас крылатый конь небесный.

Молния не успела погаснуть, как он уже был здесь, стукнул копытом о землю, и опять затряслась земля. Подскакал Акбузат к Хумай, голову склонил, замер.

Вздых удивления вырвался из груди собравшихся. Так был прекрасен небывалый конь!

Уши он наострил словно шилья, зубы у него словно дольки чеснока, грудь высокая, как у кречета, ноги тонкие, легкие, ход высокий. Храпит он, сверкает влажным глазом и в ярости жует удила. Оседлан он, словно к войне, готов принять седока, а к луке седла привешен меч – острый меч, сверкающий меч. Вот он каков, Акбузат!

Приласкала его Хумай, потрепала по холке, обняла за шею. Голос ее звонкий разнесся по майдану, словно колокольчик медный.

– Мой Акбузат, мой конь крылатый! Жил ты на небе, как звезда, ждал того, кто возьмет тебя под уздцы. Скольких батыров ты сбросил, в чьих жилах текла нечеловеческая кровь, кровь демонов! Скольких батыров из рода человеческого, из тех, кого я выбирала, сбросил ты с неба. Никого, никого не нашел ты достойным себя, никого, никого не избрал ты для меня.

Сегодня опять призвала я тебя на испытание. Ждут тебя батыры, ждут они твоего решения. Кого ты избереешь, как избереешь? По красоте ли выберешь, или по богатрству? Избери себе достойного, сделай его спутником своим. Будет он тебе товарищем, будет он мне возлюбленным.

Поднял голову свою Акбузат, низкое ржание его громом разнеслось по окрестностям.

– Когда ветер тучи нагонит, когда налетит буря с дождем, перекаати-поле спрячется в овраге, красавчик станет искать себе приют, чтобы сберечь свою красоту.

Но когда скачу я, поднимается ветер, от которого камни срываются с места словно пушинки, воды встают на дыбы и рушат все живое, так что

рыба не может плыть по волнам, словно не вода это, а стена камня. Если ударю я копытом, даже Каф – гора содрогнется, как тесто, и рассыплется в муку. Все живое гибнет вокруг, никто не спасется.

Нет, не красавец мне нужен, а батыр, такой батыр, что сможет меч в руке удержать булатный. Тот меч солнце закаляло своим пламенем долгие годы. Огонь, способный расплавить весь мир, не причинит вреда этому мечу. Ничто на свете для него не преграда.

Тот меч в руках сможет удержать лишь тот, кто в небо взметнет камень в семьдесят батманов, лишь тот, кто удержит эту тяжесть на кончиках трех пальцев. Лишь этого мужчину назову я батыром.

Тот, кто хочет стать спутником мне, пусть испытает сперва силу свою!

Услышали люди, что сказал Акбузат, отправились к подножью горы, туда, где лежали огромные камни. Нашли они камень в семьдесят батманов, но силы сдвинуть с места у них не нашлось. Час прошел, за ним другой, и вот на майдан явились посланцы. Не можем сдвинуть с места камень, говорят. Услышав эти речи, посмотрела Хумай на Шульгена. Блеснули ее глаза огнем. – Подними этот камень и брось его в небо – говорил это взгляд.

Отправился к камню Шульген. Ощупал его со всех сторон, встал поудобнее и набросился на него как на врага. Покачнулся камень, сдвинулся с места, а Шульген ушел в землю по колено. Не сдается он, думает, что удача близка, что забросит он камень в небо, получит Хумай и Акбузата.

Час стоял, два стоял, жилы напряглись у него, ушел он в землю по пояс, но сдвинуть камень так и не смог. Устал, дышать уже не может, наконец бросил он эту затею, отошел в сторону, пряча глаза.

Глянула тогда Хумай на Урала, все было в этом взгляде – и любовь, и надежда.

В гневе подошел к камню Урал-батыр, обидно было ему, что брат его опозорился. Даже теперь больше думал Урал о Шульгене, чем о себе. Ударил он кулаком по тому камню, и покатился камень, словно галька на речном берегу. Поднял Урал камень в семьдесят батманов и бросил его в небеса. Легко бросил, без напряжения. Люди что стояли невдалеке, только и увидели, что взлетела махина в небо и скрылась из глаз. Час смотрели в небо, два часа смотрели, наконец устали. У кого шея заболела, кого солнечный удар хватил.

Полдень прошел, вечер настал. Тогда в небе послышался грозный гул, и в небе показалось что-то летящее к земле. Это летел камень. Испугались люди, заплакали. Ведь упадет камень на землю, беда будет. Легко поймал камень Урал-батыр, вытянул руку, удержал глыбу на кончике трех пальцев. Только спросил:

– В какой стороне живет Азрака?

Люди, не веря, что избежали страшной напасти, хором стали кричать, показывать рукой, недоумевая, зачем это Уралу.

А батыр поднял камень над головой и сильно метнул его в страну падишаха Азраки.

Переглянулись люди, удивились, стали гадать, куда упадет камень.

А в это время Акбузат, что застыл на майдане, пробудился и медленно подошел к Уралу, склонив перед ним голову.

– Батыр, отныне я твой – сказал он. Увидев это, зашумел, возликовал народ. Все видели, какой славный подвиг совершил Урал-батыр.

И тогда вперед выступил падишах Самрау. Подал он руку Урал-батыру и сказал ему:

– Будь моим зятем.

Еще сильнее закричал народ на площади. Все пели хвалу Урал-батыру, невесте его Хумай, все прославляли мудрость падишаха Самрау.

И начался тогда пир, равному которого не было ни до, ни после. Продолжался этот пир три дня и три ночи. Никто не остался в стороне от того пира, каждый там был, и каждый получил подарки. Все были довольны и счастливы, всем казалось на том пиру, что началась новая, радостная жизнь.

Как Шульген вновь обрел жену

Один только человек не радовался, один только человек не улыбался на этом празднике. Это был Шульген. Лютой, глубокой ненавистью воспылал он к своему брату – за унижение свое, за бесславие свое, за ту славу, которую обрел его брат. Зло перекатывалось в его душе словно камни, которые по весне выворачивает из земли бурное половодье.

Видел Урал-батыр несчастье своего брата, жалел его, но обо всем, что творилось в его душе – не догадывался. Сговорился он с Хумай и пошли они к падишаху птиц просить выдать за Шульгена Айхылу – младшую сестру Хумай. Не стал перечить их желанию Самрау, согласился и тогда посреди пира объявила Хумай о новой свадьбе. «Славно, славно! – стали восклицать люди. – Справедливо!»

Не успели отзвучать здравицы, как задрожала земля и небосвод окрасился алым цветом, словно кто-то щедро опрыскал его кровью. Все повскакали с мест, никто не знал, что случилось, принялись гадать, что это может быть.

– Не див ли это идет на нас войной? – раздались испуганные крики.

В это время с небес с воплем отчаяния пал огненный клубок. Подхватил его Урал-батыр, не дал ему удариться о землю. Посмотрели все и узнали, то была Айхылу.

Откачали ее, стали расспрашивать, что случилось.

С трудом разлепив губы, прошептала она, что видела, как Урал-батыр метнул в небо камень, как поймал его снова и бросил в сторону падишаха Азраки. Камень тот через горы и моря перелетел в мгновение ока, упал на страну дивов. И сейчас же земля треснула напополам, взметнулось пламя до самого неба, захлестнуло Айхылу и сбросила с небес.

Подивились люди, но и порадовались – то-то шуму наделали Азраке, теперь не пойдет он с войной на страну падишаха Самрау, побоится.

– Два моих зятя – моя опора, – возгласил старый падишах, и люди шумными криками поддержали его. И свадьба разгорелась с новой силой.

Как Урал-батыр отдал свой посох Шульгену и что из этого вышло

Увидев Айхылу, понял Шульген, что див обманул его, выдав ее за свою дочь. Испугался он, что Айхылу может его выдать, заметался, не зная, что делать. Бросился он к Хумай, поговорить, предупредить, но оказалось, что она спустилась в подземелье к Заркуму. Струсил Шульген, боялся он, что теперь и Заркум расскажет о том, что Шульген предал Урала. Охваченный страхом, он отправился к Уралу и стал просить его отдать волшебный посох падишаха Азраки.

– Я тоже хочу прославиться, – твердил он, как безумный, – Тебя все знают, а надо мной все смеются.

Жалко стало Уралу своего несчастного брата, пробовал он уговорить Шульгена остановиться, предлагал вместе пойти, но Шульген не слушал его, знай твердил свое. И тогда Урал-батыр отдал ему волшебный посох падишаха.

Исказила лицо Шульгена безумная радость, и он выбежал прочь из дворца. В стороне от людей, на горе он ударил посохом о землю и скрылся из глаз.

Земля расступилась, и из недр ее хлынул мощный поток, в мгновение ока затопивший всю округу.

Пришла вода и в подземелье, в котором томился Заркум и куда пришла расспросить его Хумай. Сбил Хумай с ног могучий поток подземных вод, а Заркум, сразу смекнув, что кто-то привел в действие посох, превратился в огромную рыбу и проглотил Хумай.

Вся земля погрузилась во тьму. Само солнце перестало светить без Хумай, и люди с ужасом поняли, что они лишились не только земли под ногами, но и света и тепла. Крик вырвался из их груди, но крик этот был заглушен могучим топотом копыт – то вырвался из конюшни своей Акбузат!

Заслонил он дорогу потоку, преградил путь Заркуму. Желая спастись во чтобы то ни стало, выпустил Заркум из своей пасти Хумай, превратился в водную крысу и узкими щелочками пробился далеко в море, подальше от грозных копыт Акбузата.

А великий конь бережно доставил Хумай во дворец. Очнувшись, она тут же позвала Урала и рассказала ему все, что узнала от Заркума.

– Мой брат оказался врагом, – только и сказал Урал. На сердце у него была печаль.

Высох бушующий поток, не хватило у него сил противостоять Акбузату, вновь появилось на небе солнце, ведь Хумай была спасена.

Заркум и Шульген снова у падишаха дивов

И вновь встретились в пути Шульген и Заркум – вела их одна дорога к падишаху дивов Азраке. Радостно приветствовали они друг друга, но в душе каждый из них был насторожен. Шульген не забыл, как обманул его Заркум, сказав, что Айхылу его сестра, а Заркум сразу же понял, что кто теперь

хозяин волшебного посоха. «Дождусь подходящего случая и отберу посох. Он по праву мой», – подумал он, и потому ядовитая улыбка окрасила его лицо.

Долго ли, коротко они шли, змеям ведомы особые тропы в этом мире, но всякий путь, однажды начавшись, заканчивается. Достигли и они владений падишаха дивов Азраки.

Узнав обо всем, что случилось с Заркумом и Шульгеном, созвал падишах великий совет, потому что случилось то, чего они боялись – Урал-батыр заполучил Акбузата и меч булатный.

Был на том совете и Кахкаха. Он сразу же узнал свой посох, который держал в руках Шульген, но, глянув ему в лицо, понял – Шульген уже не тот юнец, которого он знал, долгий опыт зла преобразил его, и посох он не отдаст. «Ничего, подумал Кахкаха. – Я натравлю его на брата. Кто-нибудь из них да погибнет, а посох все равно будет моим». О том же думал и падишах Азрака.

День и ночь заседал совет падишаха, и, наконец, решили они пойти войной на людей. «Кто нападает первым – побеждает, – сказал старый див. – Пока наши враги в растерянности будут думать, что делать, мы их завоюем, уничтожим род людской». На том и согласились.

Приказал тогда Азрака своим дивам начать войну. Поделил он все свои войска на четыре части, чтобы напасть на людей со всех четырех сторон света. Во главе этих частей стали сам падишах, Шульген, Заркум и Кахкаха. Ко всем приставил падишах своих верных подручных с тайным заданием – если захотят они переметнуться на сторону врага, пощады им не будет. А тот див, что следил за Шульгеном, должен был не сводить глаз с волшебного посоха – такое мощное оружие не должно достаться врагу, за ним нужен глаз да глаз.

Попрощались Заркум, Шульген и Кахкаха с падишахом и отправились к своим войскам ждать условного сигнала.

Как началась война с дивами

Недолго длились счастливые дни Урал-батыра и Хумай. В один из дней небо полыхнуло огнем, словно кто-то поджег все леса на свете. Послышался тяжкий удар, и вся вода, какая была на свете, обрушилась на сушу. Это дивы начали войну.

Кругом была вода, все небо было в огне. Птицы не могли летать – их крылья опалял жар. Люди не могли найти сухого местечка – все на свете скрыла под собой морская вода. Люди и звери – все взывали к Урал-батыру, просили защитить их от этой напасти.

Урал-батыр не испугался ни воды, затопившей землю, ни огня, охватившего небо, ни дивов, которые поползли из всех щелей губить все живое на свете. попрощался он с Хумай, вскочил на Акбузата и поднял свой булатный меч, сверкнувший в небе словно молния. Так началась кровавая война с падишахом – дивом.

Как пришел конец падишаху дивов Азраке

Днем и ночью сражался Урал-батыр с нечистью, заполонившей землю. Акбузат выносил его из битвы, когда он уставал, Акбузат вихрем мчался в бой, когда Урал-батыр вновь набирался сил.

Дивы погибали в яростной борьбе. Тысячами и тысячами крушил их Урал-батыр, крушил, не давая опомниться, скрыться во глубине моря, нахлынувшего на землю. И так много погибло дивов, что посреди водного простора возникла огромная гора. Увидев сушу, приплыли сюда уцелевшие люди, те, кто сумел спастись на утлых своих лодчонках.

Взобрались люди на ту гору и увидели, как вдалеке полыхает битва, равных которой не было еще на земле. То встретились на поле брани Урал-батыр и падишах дивов Азрака.

Огромный, словно гора, див молча стоял, озирая поле брани, на котором погибли тысячи и тысячи его подданных. Но не о них жалел он, жалел он, что нет в ту минуту в его руке волшебного посоха, которым он мог сокрушить великую мощь Урал-батыра.

Но и меч его был не из последних, таил он в себе великую силу, от которой еще никому не удавалось уйти живым. Вздымая меч, взмахнул чудовищной лапой падишах дивов, и гром прогремел над землей. Огнем сверкнул тот меч и тяжело обрушился на Урал-батыра. Закипела вода, задрожала земля от того удара.

Но Акбузат, быстрый, словно молния, вынес Урал-батыра из-под удара, взметнулся он в небо и понес батыра прямо к падишаху дивов. Не стал медлить Урал-батыр, ударил булатным мечом и разрубил падишаха надвое. Страшно вскрикнул падишах, пошатнулся и упал бездыханным в море. От его падения содрогнулась земля, и тысячи змей завизжали от горя и муки. Но было поздно – расступилось море, разделилось на две части и выросла в том месте огромная гора Яман-тау – Страшная гора.

А Урал-батыр, не зная устали, все скакал и скакал вперед. Там, где проходил он с верным Акбузатом, море отступало, поднималась из воды высокая гора, на которую взбирались все новые и новые уцелевшие от потопа люди.

Урал-батыр встречает своих сыновей

Не год и не два прошло с тех пор, как Урал-батыр вступил в битву с дивами. Не знал он ни сна, ни покоя в этой войне. Перебил он дивов столько, что сбился со счета. Когда он оглядывался назад – видел горы, сложенные из побежденных им дивов и змей.

Повзрослел Урал-батыр, перед нами уже не тот юноша, что вышел со своим братом Смерть извести, но могучий всепобеждающий батыр. В глазах его – могучий ум, в руках его – не знающий устали меч, с ним верный его друг Акбузат.

Но стала одолевать Урал-батыра усталость, думал он, что война эта нужна только ему и никому более, что люди забыли о нем в отчаянной

попытке хоть как-то обжиться на голых, безжизненных скалах, одиноко торчащих в море.

И вот однажды, когда он преследовал дивов, наперерез отступавшим врагам выскочил небольшой отряд из восьми человек.

С могучим криком напали они на дивов и искрошили их на мелкие кусочки. Удивился Урал-батыр, задумался – что это за помощники объявились у него? За многие годы не встречал он такого человека, кроме себя, кто рискнул бы скрестить свой мечи с врагами людей.

А в это время отряд приблизился к нему. Один из четырех юных батыров, что скакали впереди, смело снял с головы шлем и приветствовал Урал-батыра.

– Я твой сын, рожденный дочерью Катила, Яик!

И второй батыр снял свой шлем:

– Я твой сын Нугуш, имя матери моей – Гулистан!

И третий батыр снял свой шлем, спрыгнул с коня:

– Я Идель, твой сын, рожденный Хумай!

Поднял голову четвертый:

– Мать моя – Айхылу, имя моего отца – Шульген. Он брат тебе и враг тебе. Имя мое – Хакмар.

Спешился с коня Урал-батыр, бросился он в объятия сыновей. За годы войны с дивами и змеями не ожесточилось его сердце, хранил он в памяти светлые дни своей юности, и вот к нему на подмогу пришли его дети – живое напоминание о его любви.

– А вы кто будете? – обратился он к четверем батырам, что, спешившись, стояли в некотором отдалении от Урала и его сыновей. За них ответил Яик, он спросил:

– Ты не узнаешь их, отец?

– Нет, – протянула Урал-батыр. – Столько всего случилось за эти годы, что уже не припомню, видел я их когда-то или нет.

– Тогда прошу тебя, отец, – пылко воскликнул Яик, – устроим привал, устроим праздник в честь нашей встречи. Ведь мы привезли тебе гостинцы с родины, подарки от наших матерей.

Видя столь искренний порыв, не стал отказываться Урал-батыр, и они устроили большой привал, отыскав укромное место среди скал, выставив дозорных.

Что рассказали Урал-батыру его сыновья

Утолив первый голод, сняв усталость, уселись они посвободнее. Исчезла неловкость первых минут встречи, сыновья Урал-батыра стали чувствовать себя свободнее, да и Урал-батыр немного привык к мысли, что перед ним его сыновья, которых они ни разу не видел. «Уже стали большими парнями, – думал он, – как лихо расправились с врагами в бою». Исчез и червячок сомнения после того, как он узнал руку Хумай в том хараусе, что привез Идель. Коварен враг, мог и обмануть его, подсунуть змей, изменивших обличье вместо сыновей. Но яркий, живой хараус, вышитый

рукой Хумай, сразу бы сник, помертвел в змеиных лапах. Так что нет места сомнениям – это его дети.

Поднял голову Яик, самый старший из сыновей.

– Отец, дозвожь рассказать о своих странствиях, о том, как я искал тебя. Кивнул головой Урал-батыр, комок подступил к его горлу.

Видя одобрение отца, радостью засияли глаза Яика, и он начал свой рассказ:

– Когда мне было восемь лет, я сел на коня и отправился в путь. Много стран я объездил, всюду искал я твои следы. И вот однажды увидел странную картину – расплескалось в некоем месте целое озеро крови, такой яркой, словно пролили ее только что. Земля ее не брала, не принимала, вороны ее не пили, хищные звери, что подходили к тому озеру, отворачивались и бежали прочь.

Когда вернулся я домой, спросил у матери своей, что бы это значило, откуда озеро крови в тех краях.

Не ответила мне мать, лишь горько заплакала. Растерялся и я, не знал, что сказать, что спросить, что за тайные причины побудили матушку расплакаться. И потом, сколько ни странствовал я по свету, никто не мог ответить мне на этот вопрос – ни стар, ни млад. Лишь один старик седобородый, что в землю смотрел от старости и спины разогнуть не мог, сказал мне:

– Сынок, твой отец для нас все равно что бог, и честь его мы бережем как свою. Ты его сын, ты и наш сын. Но и мать твоя нам не чужая. А без согласия ее не откроем мы тайны, поклялись мы в том нашей честью. Возвращайся к матери, сынок, и если откроет она тебе эту тайну – об остальном ты и сам догадаешься.

Но мать не хотела со мной говорить, как ни просил я, как ни умолял.

Она всегда, укладывая меня, напевала колыбельную, от которой я сладко засыпал. И вот однажды я решил не спать, порезал руку и на рану насыпал соли. Болела рана, и, как ни баюкала меня мать, я не уснул, а только притворился, что сплю. Я думал, может быть, она о чем-нибудь проговорится, пока я сплю.

Долго ли сидела мать надо мной или нет, только видя, что я уснул, она стала горько плакать, роняя слезы на мою руку. Задумалась она, склонив голову, стала сама с собой разговаривать.

– Уехал возлюбленный мой Урал, оставил меня одну. Вернется ли когда домой – не знаю. Вот и сын его вырос, сел на коня, а отец его и не ведает о том. А ведь сын-то один к одному отец – сердце у него двойное, храбрости и отваги ему не занимать. От своего никогда не отступится. Как же мне рассказать о том, что кровь эту пролил его отец? Расскажу – начнет искать его по свету, покинет меня, оставит одну. Потеряла мужа, потерю и сына. Горько мне, горько.

Поднялся я на заре, отправился к той луже крови и сказал:

– Вот ты какая, оказывается, кровь, пролил тебя мой отец, не потому ли земля не хочет тебя принять, что рука батыра коснулась тебя?

Забурлила кровь, нахлынула на белый камень и раздались такие слова:

– Твой дед Катил – падишах пленил нас, четырех батыров, по его приказу вступили мы в бой с твоим отцом, и вот теперь мучаемся многие годы. Поезжай к своему отцу, расскажи ему о нашей горе. Пусть найдет, как нас воскресить, чтобы мы смогли встать на его сторону, в бою искупить свои прегрешения!

Вернулся я домой, рассказал матери, что отправляюсь к отцу, что тайна ее мне теперь известна. Не стала перечить мать, не стала отговаривать, только попросила обождать несколько дней. А сама обратилась к вещему ворону, отправила его в путь, а куда – мне неизвестно.

Каждый день выходила она встречать его, и вот на третий день вернулся ворон, принес в клюве немного воды. Тогда мать велела мне плеснуть той воды в лужу крови. Вспенилась лужа, собралась в комок и вышли из того кома четыре батыра, живых и невредимых. С ними мать и отправила меня в путь – дорогу, просила передать тебе привет, если встречу в конце долгого пути. И вот я здесь, прими меня в свои помощники, – сказал Яик, весь сияя от того, что все-таки отыскал отца.

Улыбнулся Урал-батыр, и теплое, доселе неведомое ему чувство гордости нахлынуло на него. Вспомнил он, как смотрел на него отец, когда он отличался в чем-нибудь и понял, каково счастье отцовства.

– Позволь и мне рассказать о своих скитаниях, – взволнованно поднял лицо второй сын, Нугуш. Видя, что отец улыбается ему, он продолжил свою речь:

– Мать моя, Гулистан, в думах о тебе, отец, увяла и уже не могла стоять на ногах, только лежала и тихо стонала во сне. А когда мне было шесть лет, напали на нашу страну Заркум и Шульген. В ужасе бежали от них люди. А змеи затопили нашу землю водой, убивая всех, кого они могли найти. Тогда я сделал лодки, посадил на них всех, кто спасся, а сам смело вступил в битву со змеями. Змеи и дивы решили, что невесть откуда появилась целая армия. Они же не думали, что это я убиваю их одного за другим.

И вот однажды я встретил Заркума. Он не обратил на меня внимания, ведь я показался ему маленьким ребенком. Но я смело вступил с ним в бой и победил его, искрошил его на мелкие кусочки. Вот так, одного за другим, истребил я множество змей, а прочие, испугавшись, сами убежали из моей страны.

С победой вернулся я домой. Мать, с трудом поднявшись, вышла мне навстречу. Положила она руку мне на плечо и сказала такие слова, огнем горят они в моем сердце:

– Нугуш, имя твоего отца – Урал. Батыром он рожден, а теперь вижу я, что сила его передалась тебе. Оседлай тулпара, мой сын, найди своего отца, стань ему помощником в битве, стань ему опорой в трудах его. Указала она дорогу, и вот я здесь.

Умолк Нугуш, а вслед за ним начал свой рассказ Идель, самый младший из сыновей.

– Сколько помню себя, каждый день мать моя Хумай птицей взлетала в небо, словно высматривала кого-то. С высоты доносились ее причитания:

– Где же ты, мой Урал, что с тобой? Как одолеешь ты дивов и змей, как осушишь море, затопившее землю?

И вот однажды посмотрела она на меня и сказала:

– Ах, если бы пораньше ты родился, если бы ты был постарше, стал бы тогда опорой для своего отца, уставшего от многолетних битв.

В ту же ночь от страшного удара разлетелись двери нашего дворца, и к нам в покои ворвался свирепый див. Из стороны в сторону мотал он страшными головами, хрипел, бормотал:

– Ты ли это, Хумай, ты ли возлюбленная того, кто страну мою уничтожил, кто камень в скалы метнул, огнем опалив? Ты ли это, Хумай, давшая губителю нашему коня Акбузата, что воздвигает горы на своем пути? Ты ли это, Хумай, кто меч булатный дала нашему горю? Отвечай, да или нет? Я швырну твою голову под ноги Уралу, лишу его половины силы.

Бросился было на мать этот див, но на полпути споткнулся, увидев меня.

Тогда зарычал он:

– Не это ли ребенок того, кто разрушил мою страну?

Мать, бледная, словно полотно, стояла, не в силах пошевелиться. А я, ни слова ни говоря, бросился на дива. Огнем хлестал он меня из одной головы, ядом брызгал из другой, но я одолел его, горло ему сдавил руками, колотил его кулаками. Упал див, изнемог, рухнул на землю и издох. Кровь того дива затопила весь дворец, до того он было огромный.

Мать моя тогда сказала, просияв от радости:

– Батыром ты рожден, сынок, от батыра-отца. Сердцем ты юн, но духом крепок. Отец твой сражается один, поезжай к нему, стань ему опорой. Пусть враги не достанут его в бою, стань ему соратником, оберегай его.

Сказал свое слово и Хакмар:

– Мать моя – Айхылу, отец мой – Шульген. Тебе он приходится братом. Много он крови пролил, встал на сторону змей, на сторону зла. Мать моя, став его женой, обрекла себя на позор. Однажды она призвала меня к себе, дала мне рыжего тулпара, и приказала идти к тебе вместе с Иделем, быть тебе помощником во всем.

Долго молчал Урал-батыр. Глаза его то загорались гневом, когда слышал он о тяжелых испытаниях, что выпали на долю его детей, то лучились радостью от того, что дети его стали настоящими батырами, не посрамили его чести. Наконец обратился он к детям своим с такими словами:

– Рад я нашей встрече, дети мои. И вам рад, батыры, что пришли ко мне с дружбой, не помня зла. Но впереди ждут нас жестокие испытания, ждут нас битвы со страшным врагом, так пусть же радость встречи окрылит всех нас, пусть даст нам силы бороться и победить! Поразим врага,

освободим землю от нечисти, победим Смерть и принесем спасение роду человеческому!

– Пусть так и будет! – воскликнули хором сыновья Урал-батыра и их спутники. – Да будет так! – эхом разнеслось по окрестностям. Вздрогнули дивы и змеи в своих пещерах и норах. Поняли они, что близится их смертный час, что не будет им теперь спасения.

Как был повержен Кахкаха

Много лет уже Кахкаха разорял жилища человеческие, многих он погубил и нигде не встречал отпора. Слышал он, что погиб его соратник Азрака, слышал о том, что смерть настигла сына его Заркума. Удивлялся падишах змей, относил их гибель на слабость своих сподвижников. Проглядели, думал, опасность. Попали под огонь, что падет с неба, а то кто же мог их лишить жизни, ведь не Урал-батыр, о котором слышал падишах, что погиб он во время страшного наводнения. Никто не возвращался к нему с донесениями о том, что целые страны уже свободны от дивов, потому и чувствовал он себя спокойно. Хотя нет-нет, да и грызла его тревога за тех змей, что отправились завоевывать дальние страны, но ни слуху от них, ни духу, ни ответа от них не было, ни приветов, а гонцы, которых посылал падишах, не возвращались.

Решил тогда падишах змей покинуть свое подземное убежище, отправиться во главе небольшого войска посмотреть самому, как обстоят дела. Каково же было его удивление, когда вдалеке увидел он горы. Понял он, что не обошлось здесь без вмешательства Акбузата, что и Урал-батыр скорее всего жив. Решил он вернуться в свое убежище и, собрав все свои силы, напасть на Урал-батыра, но его уже заметили и не дали ему отступить. Со всех сторон напал на Кахкаху Урал-батыр и его соратники. В жестоком бою свалили они падишаха змей. Крича нечеловеческим голосом, барахтался в море Кахкаха, извиваясь всем своим могучим телом. Хвост его метался в небе, стараясь зацепить кого-нибудь из бойцов. Молнией ударял он в скалы, испуская пронзительный синий свет. И все же не удалось ему уйти, затоптали его тулпары, изрубили мечами воины. Так нашел свой конец падишах змей Кахкаха.

Из тела его сложили Урал-батыр и его соратники новую гору и так поделили заколдованное море на две части. Перерезали он сообщение между двумя войсками дивов и змей. Теперь дивы уже не знали, как им быть, потому что все пути были для них отрезаны.

Битва с Шульгеном

Не знал покоя Урал-батыр, повсюду выискивал он змей и дивов, уничтожал их беспощадно. Знал он, что брат его Шульген возглавил большое войско, собрал всех оставшихся дивов и змей под своим началом, объединил их силой волшебного посоха.

И вот в один из дней среди огня и грома битвы встретились лицом к лицу два брата, два смертельных врага. Схватились они в жестокой, беспощадной битве не на жизнь, а на смерть.

Со стороны людей выступал грозный воин Урал-батыр, имя свое покрывший славой. Со стороны змей и дивов – погрязший во зле, прославившийся своей свирепостью, не ведающий жалости Шульген. В руках его посох, на теле броня из панцирей подземных гадов, в глазах – ярость. Напал он на Урал-батыра, подняв волшебный посох. Огнем выстрелил тот посох, яростным пламенем, от которого не было спасения живущим на земле.

Вихрем взвился Урал-батыр, увернулся он от удара, в прыжке ударил булатным мечом по волшебному посоху. Взорвался в руках Шульгена тот посох, гром прокатился по небесам и исчезло волшебное море. Вода его высохла в мгновение ока. Дивы сразу же обессилели, стали прятаться кто куда, обратились в позорное бегство. Урал схватил тогда ошеломленного Шульгена, связал его по рукам и ногам.

Хакмар, видя, что Шульген упал, подскочил к нему, замахнулся мечом, желая отрубить ему голову. Но Урал не позволил ему ударить беззащитного, остановил его руку, не дал свершиться этой мести.

Как судили Шульгена

На поляне собрался отряд Урал-батыра, собрался, чтобы судить Шульгена. Бледный, с трясущимися от страха губами стоял Шульген перед теми, кто победил его в честном бою.

Среди тишины, наступившей так внезапно, раздался твердый голос Урал-батыра:

– С детства таилось в тебе коварство, еще ребенком не послушался ты запрета отца, тайком испил крови. Так отвернулся ты от добра, так ты принял сторону зла.

В друзья себе выбрал ты дивов, а к людям повернулся спиной, сделал их своими врагами, зло стало твоей верховой лошастью, сердце твое окаменело. Отец стал тебе чужим, материнское молоко превратилось в твоей утробе в яд.

Мы с тобой вместе выступили в путь, и я думал, что мы всегда будем вместе, и желаниям твоим я не перечил. Девушку ты выбрал – я уступил, коня облюбывал – я не был против, захотел славы – и здесь я не стал противиться твоему желанию, отдал тебе волшебный посох, не пожалел. А ты отплатил злом за добро, на добро закрыл ты глаза, поверил нечистым, лживым речам дивов, страну опалил огнем, затопил водой, погубил многих и многих.

Что же теперь, ты понял, что добро всегда побеждает зло? Ты понял, что человек всего на земле сильнее?

Если ты головы своей перед людьми не преклонишь, если при встрече с отцом не признаешь своей вины, если слезы людей не примешь на совесть свою – клянусь, сотру тебя в порошок, голову твою, словно точильный круг, зашвырну за высокие горы, душу твою, трепещущую, словно мотылек, обращу в ночной туман, а тело твое окровавленное захороню на горе, что возникла из тела Азраки. Никто и никогда не узнает, где ты похоронен.

Станешь ты черной скалой, с которой орлы будут высматривать жертву, под которой змеи будут хорониться от палящего солнца. Ни травинки не вырастет на твоей могиле, потрескаешься ты от солнца и дождя.

Испугался Шульген, что Урал и вправду убьет его, стал умолять, запричитал быстро-быстро:

– Позволь мне омыть лицо свое в озере, что осталось от моря. Буду я всегда с тобой, с людьми буду дружить, стану батыром страны, построю дом, буду братом тебе настоящим, увижу вновь отца и мать, поклонюсь им, попрошу у них прощения.

– Озерная вода не отмое твоего лица, налившегося кровью, – медленно сказал Урал-батыр. – Люди, видевшие от тебя столько зла, не сделают тебя своим другом. Сердце твое ядовитое не оттает само по себе. Но если ты захочешь стать другом для людей, стань тогда врагом их врагов, омой свое лицо в их крови, словно в озере. Пусть сердце твое занеет, пусть тело твое иссохнет, и пусть в страданиях очистится твоя душа и черная кровь твоего сердца снова станет алой, человечьей. Только в бою с врагами рода людского снова станешь ты человеком.

Мочал угрюмо Шульген, страх сковал его жилы, кровь застыла в венах. Понимал он, что близка к нему Смерть, как никогда, он уже чувствовал ее прикосновение. Страх придал ему силы, и он заговорил. Заговорил умоляюще, едва сдерживая слезы:

– Лев, на котором я ездил верхом, дважды споткнулся. Дважды ударил я его. Ударил так, что выступила кровь. Искры посыпались из его глаз, и он упал к моим ногам.

И в третий раз он споткнулся и посмотрел на меня с мольбой. Поклялся тогда мой лев, что больше не споткнется, и я не стал его бить, не стал ругать. Вот так и твой брат Шульген дважды пропал, уподобившись льву, вселил в твое сердце тревогу. Но теперь обещаю тебе пойти войной на дивов и змей. Поцелую землю в знак нашей клятвы, стану другом людям.

Вздыхнул с облегчением Урал-батыр, согласился он со словами Шульгена, и так сказал ему:

– Смотри, когда черной ночью ты убивал людей, не думал ты, что взойдет луна, а вслед за луной наступит черед солнца. А теперь своими глазами ты увидел, что для людей настал светлый день. Твой падишах Азрака повержен в бою, все твои змеи и дивы разбежались кто куда. Теперь для них настала черная ночь.

И так будет всегда, потому что никогда зло не победит добро! И если ты и вправду возьмешь пример со своего льва и больше не споткнешься, я буду ждать от тебя только добра. Ради отца моего, помня о матери моей испытаю тебя еще раз, исполню желание твое.

Развязал тогда Урал руки Шульгену, снабдил его припасами, проводил в путь. Долго смотрел он вслед Шульгену, и на лице его то проступала тень сомнения, то загорался огонек надежды, и никто не мог сказать, что сулит завтрашний день, когда они встретятся с братом, и где это будет, и как.

Как Урал–батыр встретил бессмертного

Посветлело у всех на сердце, когда побежденный Шульген скрылся из глаз. Оглядел тогда Урал-батыр своих сыновей, оглядел батыров – товарищей по борьбе, оглядел людей, которые примкнули к его отряду и сражались с ним в последней битве с врагом. Отер он пот с лица, улыбнулся:

Радуйтесь! Мы победили тех, кто принес горе и страдание на нашу землю. Прогнали кровожадных дивов и змей, истребили их. Вечно будут нам напоминать о том высокие горы.

А теперь настало время победить Смерть, что невидима глазу. Пойдем же, наберем воды из Живого Родника, раздадим ее людям – от болезней, от напастей спасем всех, кто живет на свете, всех сделаем бессмертными.

Радостно приветствовали своего вождя люди. А когда крики поутихли, вдруг все услышали стенания и вздохи. Стали переглядываться люди, недоумевая, кто же может так страдать, когда все радуются. Увидели они старика, что брел к ним, еле-еле передвигая ноги, так он был стар. Каждый шаг давался ему с трудом, потому и стонал он, словно пытали его дивы и змеи.

На ходу гремели кости его, тело иссохло, как иссыхает деревце, лишенное коры в знойный день. Громко призывал он Смерть избавить его от мучений.

Стали тогда расспрашивать того старика, и вот что он рассказал, стеноя и плача:

– Я живу так долго, что не помню, когда родился на свет, кто мои отец и мать, где я жил в свои детские годы. Только помню я времена, когда люди даже не были похожи на людей, когда отец не признавал своих детей, когда люди ни стыда, ни совести не ведали.

Потом настали иные времена – их я тоже помню. Стали люди собираться вместе, жить парами. Потом они стали объединяться в племена. Помню я, как сильные стали нападать на слабых, помню, как дивы и змеи преследовали людей. Стали они похищать людей, одних обращали в рабство, а других съедали, отращивая себе головы. Род людской тогда рыдал кровавыми слезами, дивы и змеи стали их владыками, грудь свою простерли над страной, и заслонили собой небо.

Был я тогда юн, о смерти не ведал, а когда она пришла в наши края, задумался. И вот о чем я подумал тогда – что настанет на земле такой великий день, когда родится великий батыр, который истребит всех змей. Тогда-то, думал я, залечатся все раны, улыбки появятся на лицах измученных людей, тогда настанет время великой радости, думал я. И вот чтобы дожидаться этого дня, чтобы побывать на великом пире в честь освобождения от змей испил я воды из Живого Родника.

Когда Смерть пришла за мной, ничего она не смогла поделать. Рядом со мной лилась кровь, Смерть хватала меня за глотку, нож приставляла к сердцу, но я не поддался ей. И вот дождался я светлого дня, пришел на ваш пир. Радостные лица ваши увидал, теперь и умру без сожаления.

Но Смерть, которую я призываю, не спешит на мой зов. Сказала она:

– Испил ты воды из Живого Родника, теперь вовеки не возьму твоей души. Силы твои иссякнут, но ты будешь жить, тело твое истлеет, изъеденное червями, но ты будешь жить. Напрасно ты ждешь избавления от мук.

– Мой егет, Урал-батыр! Ты оказался настоящим батыром страны, отвоевал ты землю, теперь будет где жить твоим потомкам. Прислушайся к моим словам, достоин примером стать мой опыт.

Не обрекайте себя на муки, как это сделал я, не поддавайтесь желанию жить вечно. Мир – это сад, все живое растет в том саду, и поколение сменяет поколение, одни оправдывают ожидания, другие позорят, а между тем все украшают собой этот сад в разные времена. То, что Смертью мы называем, то, что злом привыкли считать, лишь только вечный порядок вещей. И в саду слабые, отжившие свой век растения пропалывают безжалостной рукой, очищают от них сад. Не пейте из Живого Родника, не ищите бессмертия себе – есть на свете только одно, что не умирает и остается вечно молодым, что составляет красоту мира, что украшает наш сад – это добро. В небо вознесется добро, в воде не утонет добро. В огне не сгорит добро, неустанно говорят о добре. Оно превыше всех дел, станет добро и для тебя, и для всех людей на свете источником вечного бытия.

Услышал эти слова Урал-батыр и открылась ему великая тайна жизни, великий ее смысл. Оглядел он безжизненную землю, дикие скалы, что взгромоздились над поверхностью исчезнувшего волшебного моря – на эти дикие безобразные скалы, лишённые покрова, на пустоту, в которой ни зверю укрыться, ни человеку найти себе приют. И тогда отправился он к Живому Роднику, и осушил его одним могучим глотком. Но не стал он воду пить, но оросил ею землю, что лежала как безжизненная пустыня.

– Пусть зазеленеют горы и леса, пусть птицы воспевают мир, что пришел на землю! Пусть враги, что сбежали под землю, укрывшись в мрачных ее глубинах, завидуют красоте земли! Быть нашему саду достойным жизни, быть нашей стране достойной любви! Пусть сияет наша земля на зависть врагам!

Такие слова сказал Урал-батыр, и все вокруг зазеленело, покрылось цветами. Куда больше воды живой попало – поднялись могучие вечнозеленые сосны и ели, куда меньше воды – зашумели дубравы и нежные липы зашелестели на ветру.

Мир пришел на землю! – Пела листва. Мир пришел на землю! – пела трава. И цветы молчаливо склоняли головы, и соловьи пели до рассвета хвалу тому, кто победил змей и принес на землю радость и счастье.

Шульген снова берется за злые дела

Настигла в дороге Шульгена поразительная, ошеломляющая новость – нет больше на земле Живого Родника! Выпил его Урал-батыр, и всю воду раздарил земле, чтобы цвела во веки веков, чтобы радовала род людской.

День и ночь думал об этом Шульген, ехал он по горам и долинам поклониться отцу и матери, как и обещал Уралу. Но мрачные думы не оставляли его ни на минуту. Думал он о том, что нет теперь на земле бессмертия и значит можно победить род людской, заставить его склонить голову перед ним, Шульгеном, повелителем подземного мира.

– Отныне моя помощница и заступница на земле – Смерть, – думал Шульген. – Она поможет мне сживать со свету людей. Нет, не поедет он к отцу и матери, есть у него дела, которые прославят его, да так, что всему миру будет тошно!

Решил так Шульген и сгинул с лица земли, отправился он в мрачные глубины подземного мира собирать остатки дивов и змей под свое начало.

А люди стали понемногу привыкать к мирной жизни, забывая о мрачных временах войны. Там и сям застучали топоры, завизжали пилы, там и сям стали возникать аулы. Построив дома, стали люди ходить друг к другу в гости, устраивать веселые игрища. Стали знакомиться юноши и девушки, стали влюбляться, стали люди родниться друг с другом. И зашумели, заиграли по всей земле свадьбы, повсюду стали слышны свадебные песни. Наконец-то люди вздохнули свободно.

И тут неожиданно стали приходить известия, одно страшнее другого.

Пошла, говорят, девушка за водой и не вернулась. Только нашли у воды кувшин разбитый. Отправился, говорят, юноша в лес и пропал – ни весточки, ни следа.

Копились эти известия, и вот всем стало ясно – это дивы и змеи начали новую войну против людей. А во главе их снова стоял Шульген.

В страхе пришли люди к Урал-батыру, молили они одолеть эту напасть.

Тогда Урал-батыр собрал всех людей, что жили на земле, и взял их под свою защиту. Дивы, узнав о том, перестали появляться на земле, хоронились они в подземных пустотах и пещерах, куда людям вход был запрещен. Стали они копить силы, чтобы снова напасть на людей.

Но Урал-батыр не стал дожидаться, когда дивов станет так много, что они не побоятся выйти на поверхность земли, покинув свои тесные убежища. Он собрал своих батыров, поставив во главе войск Иделя, Яика, Нугуша и Хакмара, сына Шульгена.

Горько было у него на душе, хотел он отомстить Шульгену, уничтожить его вместе со всеми дивами-приспешниками.

Отправился Урал-батыр к озеру, что осталось от волшебного моря дивов. В нем и затаился Шульген со своим войском.

– Выпью это озеро до дна, освобожу род людской от нечисти! – решил Урал-батыр. Стал он пить воду озерную – закипела вода, забурилась. В страхе завизжали, заголосили дивы. Пьет Урал-батыр воду, и дивы вместе с той водой попадают в его нутро, грызут печень и сердце. Почувствовал Урал-батыр, что плохо ему стало, выплюнул то озеро, а сам, не устояв на ногах, повалился навзничь.

Выскочивших дивов тут же прикончили сыновья, но своему отцу они уже ничем не могли помочь – ослабел Урал-батыр, сила ушла из его тела.

Собрался народ возле смертного ложа батыра, ждали люди, что скажет им напоследок их батыр, каким будет его последнее слово.

Собрал последние силы батыр, приподнялся на смертном ложе и люди услышали его завет:

– Вода, что таится в озерах и впадинах разных, всегда будет приносить вам беду. Там всегда будут таиться дивы и всякая нечисть. Воду ту не пейте, иначе дивы проникнут к вам в нутро и уничтожат вас. А я, гордый своим богатством, не ценил своих помощников, хотел сам освободить вас от дивов, и вот теперь я умираю.

Народ мой, хочу сказать тебе такие слова – не бери себе в попугачики зло, пусть сердце у тебя батыра и рука батыра. Но пока не постранствуешь, не повидаешь мир. Пока не станет сердце твое отважным – не делай ничего, не посоветовавшись с мудрыми людьми.

И вам, сыновья мои, мое слово. На этих землях, что я освободил от дивов, устройте счастье людей. Читите старшего по годам, не пренебрегайте его советами. Читите молодого за молодость его, ни лишайте его своего совета и участия.

Оставляю вам своего коня и свой меч – только отважному покорятся они, только в руках батыра страны будут они блистать, как молния.

Матерям вашим передайте, пусть не держат на меня зла, расстанутся со мной миром.

А всем вам скажу так – пусть добро будет вашей опорой, вашим спутником в пути. Не сторонитесь добра, не уступайте дорогу злу!

Сказал так Урал-батыр и умер. В скорби весь народ низко-низко склонил свои головы.

В тот же миг в небе упала звезда, и Хумай узнала, что мужа ее нет более в живых. Вновь надела она свой птичий наряд. Прилетела из-за гор, из-за лесов, из птичьей своей страны.

Прощание вышло грустным. Поцеловала она мертвого Урал-батыра в губы и так сказала:

– Ах, Урал, мой Урал, не застала я тебя в живых, не услышала я последних твоих слов, чтобы облегчить твою печаль. В юности встретила я тебя, сбросила я тогда свой птичий наряд. Когда пошел ты на войну против злодеев-дивов, оседлав Акбузата, в руках держа булатный меч, я провожала тебя в бой, была я тогда самой счастливой на свете.

А теперь что же делать мне?

Пусть люди зовут меня Хумай, но своего наряда птичьего я уже не сброшу. Не стану вновь красавицей тешить мужской взор. Нигде и никогда не найду я такого, как ты, матерью батыру не стану. Буду я птицей вовеки. Снесу яйцо, будет то дитя птицей белой, как твои чистые помыслы, мой Урал.

Похоронила Хумай Урал-батыра на высокой гряде. Ту могилу вода не зальет, огонь не сожжет. На высокой горе та могила, что поднял Урал-батыр из моря. Улетела прочь Хумай, скрылась из глаз. А та гора стала именоваться по имени батыра – Урал-гора. А вскоре и всю страну стали называть его именем – Урал.

Как появились на Урале лебеди

Много–много лет спустя на могилу Урала спустилась с небес диковинная птица. То была Хумай.

Соскучилась она по своему богатырю, вот и прилетела на легких крыльях. Не одна прилетела, вместе с ней целый выводок белых птиц – лебедей. Люди, зная, что это дети Хумай, не трогали лебедей, не охотились на них.

А Хумай, видя это, осталась жить на Урале, тяжело было ей в своей птичьей стране. А за ней ее лебедями прилетели на Урал и другие птицы и звери.

С тех пор Урал стал славен зверьем и птицами. Прослышал о том и бык Катила, что давно скитался по земле в поисках спокойного убежища со своим стадом, вожак которого он был. Привел он своих братьев на отроги Уральских гор, покорился человеку.

И Акбузат пришел на Урал, привел за собой табуны лошадей. Приручили их люди. Сделались лошади с тех пор верными спутниками людей.

Каждый месяц, каждый день полнился Урал все новыми и новыми животными. В память о том люди разделили время на месяцы и года, и назвали их именами животных и птиц в том порядке, в каком пришли они на Урал – благодатную страну.

Однажды люди увидели сияние, исходившее из могилы Урала. Оказалось, что это светится прах Урал-батыра. Собрались тогда люди на той горе, каждый взял себе на память горстку его праха. А со временем на том месте образовалось, говорят, золото.

Как на Урале появились реки

И стало на Урале людей, зверей и птиц видимо-невидимо. Все хотят пить, а на всех родников не хватает. Не пить же из озер, все хорошо помнили наказ Урал-батыра о дивах, что живут в водоемах.

Тогда решили люди обратиться к предводителям своим – Иделю, Яику, Нугушу и Хакмару.

– Что делать нам? – спросили они батыров. Задумались батыры, обещали ответить, как только смогут.

Задумался тогда и Идель, долго думал он, дни и ночи и вскоре собрал он народ и сказал им так:

– Покуда в воде, которую мы пьем, не исчезнет зло, никто не сможет жить спокойно. Надо разбить наконец войска Шульгена, только тогда будем

жить в мире и спокойствии. Только тогда будет воды в досталь для всех людей.

Поддержали его громкими криками, всем казалось, что победа близка, вот-вот, и победят Шульгена.

Когда собралось войско и Идель уже хотел отправляться в поход, с высокого неба соскользнула к нему птица. То была Хумай. Подлетела она к сыну и сказала ему такие слова:

– Когда-то никто не мог себе даже представить, что появится на свет батыр, который дивов победит, из их тел сложит горы, осушит море, свою страну создаст. Но пришел твой отец, и все увидели, что такое бывает.

Разве не говорил он тебе – не пейте воду из озер, чтобы не убить себя? Даже если ты победишь Шульгена, разве вода из его озера станет для людей материнским молоком? Нет, не утолит та вода жажды людской. Потому ищи, сын мой, другие пути, достойные батыра.

Стыдно стало Иделю, не стал он вести войско на Шульгена, не стал идти легким путем. Распустил людей, а сам отправился на высокую гору думать, размышлять.

– Достоин ли сын Урал-батыра сам называться батыром, если народ его страдает? В руках отца булатный меч крошил дивов, сможет ли он сослужить верную службу его сыну? – так думал Идель.

И вот ударил он мечом по горе, и раскололась та гора на две половины, и из недр ее появился на свет серебристый родник. Зажурчал, заструился тот родник, запел свою веселую песню, как соловей на воле. Добежал ручей до горы Ямантау, что образовалась из тела Азраки. Преградила ручью путь та гора. Шел следом за ручьем Идель, поднял свой меч, ударил. Раскроил он гору надвое, открыл путь роднику.

Гора, которую он разрубил, из которой потек родник, стала называться горой Иремель. Ущелье, которое образовалось от того, что Идель рассек гору мечом, стало называться Кыркты. А вода, что добыл Идель, стала рекой, которую и поныне зовут люди Идель.

Исстрадавшие от жажды люди подошли испить воды из той реки, все хвалили батыра, который добыл для них воду.

В благоденствии жил народ в долинах Идель-реки, год от года умножался род, и в стране стало много людей.

Скоро стали тесны просторные долины Идели. Тогда собрались Яик, Нугуш и Хакмар и по примеру своего брата отправились искать новые реки. Один за другим звенели их мечи, и вот увидели свет три новых реки, полные живительной влаги.

Собрали батыры народ, и поселились люди в долинах четырех реках. Имена батыров стали названиями четырех рек, и остались их имена в поколениях незабываемы.

Электронная библиотека RoyalLib.com

Бухарова Гульнур Харуновна Родилась 29 ноября 1960 г. в с. Нижний Ташбукан Гафурийского р-на БАССР. Выпускница 1978 года. Доктор филологических наук (2010). Окончила Башкирский государственный университет (г. Уфа, 1984). С 1978 (с перерывом) работала в Кургашлинской средней школе Гафурийского р-на, с 1988 – в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, с 1989 г. старший редактор литературно-драматического отдела Башкирского государственного академического театра драмы. С 1990 г. преподаёт в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы. Профессор кафедры башкирского языка и методики его преподавания (2011). Научные исследования посвящены проблемам когнитивной лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, ономастики, этимологии. Автор более 180 научных трудов, увидевших свет не только в России, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья: Казахстане, Украине, Белоруссии, Германии, Болгарии, Чехии.

Член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов.

Этические параметры в мифопоэтической модели мира: *Добро и Зло*

В башкирском устном народном творчестве, особенно в пословицах и поговорках, а также в семейно-обрядовом фольклоре, в сказках и эпосах, в легендах и преданиях находит отображение система национального этикета. Опираясь на эти произведения можно восстановить и охарактеризовать поведение народа, его ценностные ориентиры, оценивая его мотивы и результаты в категориях добра и зла, т.е. исследовать нравственную жизнь с точки зрения ее соответствия моральным нормам традиционного общества. Самое главное, на наш взгляд, это то, что на материале фольклорного текста можно описать зафиксированную в нем народную этику через ее отображение в языке.

...Через описание этических параметров в мифологической модели мира попытаемся показать этическое сознание башкирского народа и проиллюстрировать, как ментальность отражается в языке через призму фольклорного текста – эпос «Урал-батыр», через ее изображение в языке с позиций ценностных координат *добро – зло, хорошее – плохое, правильное – неправильное*, т.е. с точки зрения их соответствия этическим нормам.

Как известно, для традиционного башкирского общества была характерна очень высокая степень регламентации всего жизненного уклада: строго были регламентированы отношение человека к природе, к родителям, к старшему и младшему поколению, к самому себе, отношение к животным и растениям, отношения полов, семейные и социальные роли, речевое поведение, еда и т.д. Эти регламентации имели форму запретов и предписаний, существующих в устной традиции. Они передавались из

поколения в поколение и в какой-то степени передаются и поныне в устной форме посредством фольклора.

В эпосе «Урал-батыр» мораль, этика и нравственность, как и в традиционном башкирском обществе, тесно связаны с обрядом и ритуалом, а последние в свою очередь – с мифом и мифологическим сознанием.

Еще в мифологическом сознании башкир сформировалась своя особая система регламентации и норм – *йола*, соблюдение которых оказывается необходимым условием поддержания равновесия жизни и ее продолжения. В традиционном башкирском обществе мораль, этика и нравственность восходят к обычаю – *йола*. В эпосе «Урал-батыр» термином *йола* обозначается и обряд, и ритуал, и обычай, и все нравственные каноны тесно связаны с данным понятием.

... Как видно из содержания эпоса, в традиционном башкирском обществе *йола* выступает как основа жизни, является регулятором отношений между людьми и природой, определяет что «хорошо» и что «плохо» и устанавливает нормы поведения.

...В стране царя птиц Самрау живет обычай отвечать на добро добром: *я7шылы77а я7шылы7 7ыла тор4ан йола*. В этой стране нет ни печали, ни горя и боли, и все равны:

*Там, забот и вражды не зная,
В полном согласии живут: Волки и овцы на вольных лугах,
Лисицы и куры в густых лесах, Птицу Самрау всем сердцем чтут, Не
едят мясо, кровь не пьют – Смерти дорогу не дают.*

*Вот такая там есть страна. На добро отвечает добром – Обычай в
краю благодатном том.*

В стране царя змей Кахкахи, царя дивов Азраки и в стране царя Катила обычаем является Зло – *Яманлы7*.

Во всех странах, упоминаемых выше, действует *йола*, регулируя отношения между ее членами и природой, между ее членами и обществом. В каждой стране *йола* имеет свои отличительные признаки, которые соотносятся либо с добром – *Я7шылы7*, либо со злом – *Яманлы7*.

Представления башкир о *Добре и Зле* – *Я7шылы7* и *Яманлы7*, нашедшие отражение в эпосе «Урал-батыр», связаны с основным стержнем повествования – демонстрацией двух возможных путей – пути истинного и пути ложного. По истинному пути идет этический герой – Урал, следующий в своих словах и делах этическим нормам. Зло в его понимании это все, что направлено против жизни: все доброе служит ее сохранению и развитию. Ему противопоставляется его брат Шульген, который не соблюдает *йола*, и следовательно, нарушает этические нормы.

Урал наделен всеми достоинствами: честен, правдив, храбр, знает и свято чтит моральные законы своей страны, в отличие брата Шульгена им движет не стремление к личной славе, а чувство долга, и главным его достоинством является не столько сила, сколько доблесть. Народом оценивается не только физические качества героя, но и душевные,

оценивается его личность. Он скромнен, отказывается от всякого рода почестей. В сознании народа Урал-батыр является этическим эталоном, воплощением человеческих норм, ревнителем этики и морали. Урал-батыр свято хранит моральные законы своей страны. Ему чужды и неприемлемы законы, царящие в чужой стране. Урал отвергает любовь дочери царя Катила, нарушая обычай (йола) его страны. Но в итоге он вынужден подчиниться обычаю чужой страны: прислушавшись к совету аксакалов (опять им движет йола), он женится на дочери царя Катила.

Уралу противостоит его брат Шульген, который преступает моральные законы, нарушает йола ради своих интересов, личной выгоды и славы. В итоге он приходит к духовной гибели, став повелителем водной стихии – стихии Хаоса. «Мифологическая» мораль основывается на представлении о прямой связи поведения человека с состоянием космоса и космических последствий человеческих действий, поступков, деяний. Как правило, нарушения запретов и предписаний, закрепленных данной традицией, караются стихийными бедствиями.

Правила поведения, моральные нормы, определенные установки героев, их оценки в контексте эпоса связываются с цветом.

Бинарная оппозиция *белое – черное* соотносится с оппозицией *хорошее – плохое, добро – зло*. В тексте кубаира данная оппозиция используется для характеристики человека, его морального облика. Слово *а7* употребляется не в прямом цветовом значении «белый», а в переносном – «чистый», «светлый», «священный», «святой». Так, например, чистое, светлое начало в человеке выражается словосочетаниями «как молоко чистое», «белое сердце» в значении «чистое сердце», точнее «чистая душа». Согласно религиозно-мифологическим представлениям башкир, сердце является вместилищем души человека.

*Царя благородного чистую дочь,
Греющий жизнь его нежный цветок,
Выдать я за тебя помог,
Надеясь, что сердце твое уймется.*

Словосочетание *а7 й2р2к* в современном башкирском языке не употребляется, обычно употребляется его антоним – «черное сердце» для характеристики плохого человека. В эпосе злое, плохое начало в человеке связывается с черным цветом.

*Тому, чья душа истекает злобой,
День будет мраком глаза затмевать;
Ночью светлый день обернется.
Будет он ночью охотиться, чтобы
Птиц, ослепших во тьме, подбивать.*

Урал-батыр хочет превратить брата Шульгена в черную скалу. Возможно, в таком желании героя кроется идея остановить заблуждения брата Шульгена.

У многих народов бытуют сказания и легенды, где речь идет о превращении плохих и злых людей в камень. Интересно отметить, что в легендах в камень превращаются непослушные, ревнивые и злые люди. Подобный мотив наблюдается и в башкирских легендах. Согласно народной философии башкир, превратить в камень, значит остановить зло, заблуждения людей.

В тексте эпоса все чистое, светлое связывается с белым. Так, например, как говорит Хумай, после смерти Урал-батыра, ее будущий потомок родится уже не человеком, а птицей, а цвет его будет белым, как светлые чувства и мысли Урал-батыра

*Дитя родится – птицею будет,
Цвета белого оно будет,
Как самые чистые мысли твои.*

...Хороших, душевных людей башкиры называют *кеше й2нле*, а плохих и злых – *йырткыс й2н*, букв. «звериная душа», «животная душа», *7ара й2н*, букв. «черная душа» в смысле «плохой человек». Последнее закреплено в эпосе в следующем контексте:

*Ночью светлый день обернется.
Тому, чья душа истекает злобой,
День будет мраком глаза затмевать;
Будет он ночью охотиться, чтобы
Птиц, ослепших во тьме, подбивать*

Таким образом, посредством языковых средств, имеющих отношение к цвету, осуществляется та или иная категоризация, концептуализация действительности, так как цветообозначения характеризуются большой образностью, смысловой емкостью, обладают символическим значением, вызывают у носителей данной культуры различного рода ассоциации. В башкирской национальной культуре, как и в любой другой (в материальной и духовной), цветообозначения связываются с представлениями и знаниями этноса о мире и имеют определенную не только эстетическую, но и этическую ценность.

Особое место в контексте эпоса занимает этический концепт «ирлек», выражающий способность и творческую силу мужчины, которые направлены на совершение блага для себя и других людей. *Ирлек* связывается со способностью проявления мужественности

В современном башкирском языке, вместо *ирлек*, чаще всего употребляется *егетлек*. Если в современном понимании «ирлек» связывается с нравственной силой мужчины, с мужской гордостью, то в контексте эпоса выявляются отголоски связи ирлек также с сексуальной силой мужчины. Об этом свидетельствует фаллический символ – булатный меч, с помощью которого Идель разрывает земное лоно, давая живительную влагу земле.

Таким образом, в эпосе «Урал-батыр» находит отражение система представлений башкир о мире, и значительное место среди них занимают этические концепты «Добро» и «Зло». В концептуальном пространстве

текста эпоса этические концепты *Я7шылы7* и *Яманлы7* являются базовыми. Они актуализируются в эпосе в виде фраз и высказываний, через строй мыслей и чувств Урал-батыра, моральную подоплеку его отношения к окружающему миру и социуму, систему его ценностных ориентаций, через основные критерии оценки и самооценки, сложившиеся в русле традиционной народной культуры.

Этические (духовные) концепты являются продуктом и одновременно составной частью национальной ментальности. Зафиксированные эпосом главные нравственные регуляторы добро и зло – *я7шылы7* – *яманлы7*, *изгелек* – *яуызлы7* в семантическом пространстве текста связаны с такими морально-нравственными категориями как Гуманность, Справедливость, Сыновья почтительность, Мудрость, Доверие, Жалость, Сочувствие, Сострадание, Согласие, Великодушие, Прощение, Терпеливость, Скромность, Вежливость, Храбрость, Доблесть, Верность, Стыдливость (по отношению к женщине), Чувство вины, Чистота – Святость, Обман, Хитрость, Коварство.

Бухарова Г.Х.

Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. – Уфа: Вагант, 2008. – С. 274-285 (Уфимская книга)

Башкирский народный эпос «Урал-батыр» и хадисы пророка Мухаммада (САС) – вечные ценности как вакцина против экстремизма

В конце XX века на территории бывшего Советского Союза началось возрождение ислама. Мусульманский ренессанс не обошел стороной и Башкортостан. Отличительной чертой процесса, наблюдаемого в данном регионе, по мнению А.В.Малашенко, является то, что «здесь практически не наблюдалось всплеск религиозного экстремизма».

Указанной точки зрения придерживается и исламовед А.Б. Юнусова. Анализируя пути интервенции радикальных идеологий в массовое сознание мусульман, исследователь отмечает наличие в республике «устойчивого иммунитета к распространению радикальных течений».

Однако выработанная иммунная система может оказаться неспособной противостоять новым атакам вирусов, так как общественный организм претерпевает неуклонное омоложение. «Активность исламской молодёжи растёт. С одной стороны, это привлекает особое внимание государства, которое пытается проводить политику отвлечения молодого поколения от радикализма и экстремизма, с другой стороны, именно молодёжь сегодня рекрутируется в эти группы, ищет свои пути радикального преобразования несправедливого, по их мнению, мира»

Наиболее питательной средой для возникновения бацилл экстремизма считается рост социально-экономической напряженности. В последнее время ряд ученых обеспокоен новым источником угроз. Казахский философ Г.Ж.Джуманова видит корень проблем в изменении мировоззрения молодых людей, размывании, эрозии их традиционной идентичности, навязывании

альтернативной, чуждой идентичности, вносящей разногласие в семью, разобщающей традиционную общину, раскалывающую общество и государство. «В результате идеологической и психологической обработки неофит идентифицирует себя только как члена данной религиозной общины. Его индивидуальное начало растворено в общине единоверцев. Он ассимилирован в группе, общине, лоялен и предан только ей, фанатичен, слепо верен ее идеям. Важнее всего для индивида становится религиозная организация. Адепт ищет защиту и покровительство в новом объединении. Всех остальных он воспринимает как чужих людей, своих врагов».

Деструктивные исламские течения покушаются на социальную память молодого поколения мусульман. Социальная память имеет огромное значение для этноса. Она базируется на национальных ценностях. В процессе жизнедеятельности человек использует идеи и установки, характерные для своей национальной культуры, вычлняя положительное содержание из духовного наследия истории нации. Если же «новая система ценностей насильственно внедряется в национальную культуру и производит в ней какой-нибудь сдвиг, то такой сдвиг может разрушить всю систему традиционных связей и задеть самые сокровенные, самые незыблемые ее основы. Тогда сдвинутыми, разрушенными оказываются вся система национальных ценностей: вера, мораль, самые святые устои, на которых веками держалась жизнь этноса. Разрушаются все культурные узы, все ее скрепы, и изменения приобретают страшный и неконтролируемый характер».

Лишив социальной памяти, легко можно «закачать» новую вредоносную программу, выстроенную на ложном представлении об истинности лишь «рафинированных» исламских ценностей, без примеси национально-этического компонента. Все чаще приходится наблюдать, как молодые люди с ожесточением доказывают «неправильность» религиозных представлений отцов и дедов, указывают на необходимость следовать единственно верному пути, которым руководствуются сами, полагая, что знания о «настоящем» исламе можно почерпнуть лишь на родине религии. На самом деле ни в коем случае нельзя забывать о том, что в основе ислама, как и любой традиционной религии «лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда».

При сопоставлении морально-этической составляющей произведений башкирского народного творчества с исламским кодексом нравственности, становится явной тождественность многих элементов. С целью подтверждения данного тезиса, в нашей работе представлен обзор смысловых параллелей, имеющих место в древнейшем произведении башкирского фольклора эпосе «Урал-батыр» и хадисах пророка Мухаммада, являющихся мусульманскими духовными ориентирами.

Итак, как известно, центральными фигурами эпоса «Урал-батыр» являются братья Урал и Шульген. Шульген – отрицательный герой, пример, следовать которому неприемлемо для хорошего человека. Урал – идеал

добра, справедливости и высокой нравственности. Принципы, которыми он руководствуется, во многом созвучны с закрепленными в хадисах нормами мусульманской этики.

«Не поведать ли мне вам о трех самых больших грехах?» – спросил однажды пророк Мухаммад (САС), повторив трижды. Сподвижники узнали, что одним из таких грехов является неповиновение родителям. В эпосе «Урал-батыр» Янбирде обращается к сыновьям:

Ешьте то, что я вам делю,
Делайте то, что я вам велю...

Лишь кровь, что в раковину влита
Пусть не коснется вашего рта.

Старший брат «недолго размышлял» –

Хоть прекрасно о том он знал, Что раковину запрещают брать, Что видеть кровь запрещает мать, Урала он уговаривать стал, Всячески начал его подстрекать. Урал отказывается наотрез: Буду послушен я слову отца, Крови не проглочу и глотка.

В итоге, Шульген нарушает запрет. Кроме того, когда отец начинает допытываться, кто виноват, изворачивается и лжет. «Избегайте лжи! Истинно, она подобна злу. Совершающие и то, и другое в огне», – говорится в хадисе. Согласно хадису, переданному Сафуаном бин-Суляймом (р.а.), «мусульманин может быть трусливым, скупым, но лгуном – никогда». Не лишним будет привести здесь отрывок из такого хадиса: «Поистине, шайтан и ангелы могут оказывать влияние на сердце человека. Влияние шайтана заключается в подстрекании ко злу и опровержении истины. Влияние ангела направлено к добру и утверждению истины».

Образ Шульгена во многом схож с обрисованным в хадисах портретом «немусульманина», тогда как Урал, напротив, подходит под описание «истинного мусульманина».

На вопрос «Что в исламе наилучшее?» посланник Аллаха (САС) ответил: «Накормишь голодного, поприветствуешь и знакомых, и не знакомых». Поведение положительных героев эпоса соответствует данному правилу приличия:

И, войдя во дворец, Урал Доброго здравия всем пожелал; Четыре молодца, говорят След Урала в горах не теряя, Прибыли к нему, говорят, Поздоровались, говорят; Братья подошли к старику, Дружески поздоровались с ним, И кивком он ответил им.

Мусульманина отличает мягкость в общении с людьми. «Кто лишен учтивости – лишен добродетели». «Истинно, учтивость украшает, а отсутствие ее обезображивает», – сообщается в хадисах. Урал батыр встречает на своем пути множество людей. И всегда проявляет чуткость и уважительное отношение. В царстве Катилы, увидев напуганных старуху и девушку в ободранных одеждах, спешит успокоить их:

Урал поближе к ней подошел, Предупредил: «Не бойтесь меня, Рука моя людей не коснется, Кровь людская под ней не прольется. Выслушав

причитания старухи, обещает помочь и отправляется в путь, «счастья в жизни им пожелав». Трогательна сцена прощания Урала со львом: – Буду жив, так вернусь назад, Встретиться буду с тобою рад. А не вернусь – не очень-то жди, На чужбине жизнь не веди, А по пройденному пути На сторонку родную иди, От меня передай поклон, – Так ко льву обратился он. В лоб его поцеловал И дорогой своей зашагал.

«Тот, кто не причиняет (другим) мусульманам вреда своим языком и руками» – есть мусульманин, у него «наилучший ислам». На протяжении всего повествования Урал ведет себя как образец доброго отношения к живым существам. Мольба птицы Хумай отпустить ее не вызывает жалости у Шульгена, но доходит до сердца Урала, он вызволяет ее из беды. Змею Заркуму, проглотившему оленя живьем, Урал говорит следующее:

Оленя, не сотворившего зла,
Не причинившего боль никому,
Не проливавшего кровь никогда,
Предал ты Смерти – врагу моему.

Чувство милосердия настолько велико в нем, что он мечтает уничтожить Смерть и покончить с «обычаем сильных – слабого есть». «Не уверует никто из вас до тех пор, пока не станет желать своему брату (в исламе) того же, чего желает самому себе», – говорится в хадисе пророка Мухаммада (САС). Семья Янбирде и Янбики – самое сильное звено природной цепи, поэтому неся «неизбежную смерть тем, кому суждено умереть», сами они не ведают опасности, ведь

Здесь пока не рождался никто,
Чтоб человечины мог отведать,
Навлечь на головы наши беды.
Однако Урала такой порядок не устраивает:
Скажи, не мы ли здесь вчетвером
В глазах животных и птиц – злодеи?
Не мы ли гибель повсюду сеем
Ужас на всех наводя кругом;
– Мы же, неизменным считая,

Уничтожаем их бедный род, – обращается он сначала к своим родным, а потом к звериному совету, предлагая «покончить навеки с враждой», и «мир и радость свою сохранить». «Кто увидит зло, пусть остановит его своей рукой. Не может рукой – пусть остановит языком. Не может языком – пусть остановит сердцем. Последнее – самое слабое проявление веры», – утверждает хадис. Не в характере Урала просто оставаться несогласным в душе – он всегда открыто выступает против проявлений зла:

Когда я вижу перед собой Людей,
охваченных злой бедой,
Когда я вижу, что злая Смерть
На сородичей руку заносит,
– Всякий, кто имя батыра носит,

Может ли молча на это смотреть?
Неужто злодейству путь уступив,
Батыр окажется боязлив?
Эй, отойдите-ка прочь, рабы!
Царь, сойди с золотой арбы!
Всем парням развяжите руки,
Девушек избавьте от муки!
А если явится Смерть сюда,
Если с нею придет беда,
Если захочет она напуститься
Не только на человека – на птицу,
Я не буду стоять в стороне,
Не пристало бояться мне!

Урал и Шульген, на наш взгляд, являются иллюстрацией к следующему хадису: «Среди людей есть такие, которые являются ключом к добру и замком от зла. Есть и такие, которые являются ключом ко злу и замком от добра. Какое же счастье выпало тем, кому Аллах дал в руки ключи от добра! Как несчастны те, кому Аллах дал в руки ключи зла!».

Шульген с детства коварным злодеем рос
Лишь злодейскими мыслями жил,
О благодеянии забыл.
С дивами плавал в людской крови,
Землю всю водой затопил,
Всю страну огнем опалил,
Только с дивами дружбу водил,
Людям силой враждебной стал,
В камень сердце свое превратил
Чтоб человечью кровь пролить,
Дивов привел за собой,
Силы их вместе пытался слить,
Твердь земную, что ровной была,
В ямы и пропасти превратить.
Урал говорит о себе:
– В этом мире я тот,
кто рожден защищать людей.
Счастья желаю земле я всей;
Тот же, кто людям враг и злодей,
Смерть найдет от руки моей.

Не выпив ни капли воды из Живого родника, предпочтя личному бессмертию вечную жизнь всего сущего, батыр окропил окружающую природу. Желая навсегда избавить народ «от Шульгена и гадов других, Кто людям покоя не дает», выпивает воду из кишасщего дивами озера, заведомо обрекая себя на смерть.

Поэтому Шульгена именуют «камнем проклятия», а об Урале говорят, что он «счастьем народа был до конца».

Хадисы пророка Мухаммада (САС) содержат предупреждение пагубного влияния страстей и наставления о необходимости сдерживать желания нафса: «Поистине, чего я боюсь для вас после (моей смерти), так это блеска и украшений мира этого, которые будут вам дарованы!». «Поистине, мир этот сладок и зелен и, поистине, Аллах Всевышний делает вас своими наместниками в нем, чтобы посмотреть, каковы будут дела ваши. Остерегайтесь же мира этого и остерегайтесь женщин!». «Поистине, у каждой общины свое искушение. Искушением же моей общины станет богатство». «Будет отвлекать вас страсть к преумножению...».

В эпосе «Урал батыр» Заркум открывает Уралу способ обрести любую желанную вещь – нужно пойти к отцу змея, Кахкахе и выдержать непростое испытание:

Не проси богатств у него.
Будет красавицу предлагать,
Найди в себе мужество отказать.
И кораллы, и жемчуга
Перед тобою рассыплет отец –
И ими не обольщай себя.
Тогда промолвит он наконец:
– Таких, чтоб жемчуга не любили,
Пред золотом голову не клонили,
Красавиц – девушек не признавали,
На этом свете сыщешь едва ли.
Я тоже не видел и не слыхал,
А и стал искать бы – не отыскал.
Нечего больше тебе мне дать,
Должен сам ты теперь сказать,
Что за большую услугу твою
Ты от меня хотел бы принять?
В беседе с Хумай, Урал произносит следующие слова:
Не в чем золото мне увозить,
Некого жемчугом мне одарить,
Создан я лишь добро творить.

Когда дочь царя Катила избирает Урала своим женихом, батыр отвергает девушку, испытывая отвращение к кровавым обычаям ее страны. Шульген же своими поступками демонстрирует неспособность противостоять позывам мирских желаний. Во дворце Азраки он стал почетным гостем:

Ввел его царь к богатствам своим;
Толпы девушек тут собрались.
Все красавицы как на подбор –
Не оторвешь оробелый взор,

Можно память свою потерять...

Увидев Айхылу «замер Шульган, Нетерпения не сдержал – О горячей любви своей к ней Заркуму сразу же рассказал». Эта страсть очень скоро уступила место новой – услышав о дочери Самрау и Акбузате он «сразу решил отправиться в путь, Красавицей овладеть как-нибудь». Жажда мирского только увеличивается: услышав о волшебном жезле, обретенном Уралом, Шульган теряет покой: «Завистью сердце его вскипало».

В поступках Шульгена легко опознать свойства характера «истинного лицемера», указанные в хадисе: «предает, когда ему доверяются, лжет, когда рассказывает о чем-нибудь, поступает вероломно, когда заключает договор, и допускает беззакония, когда враждует с кем-либо». Наиболее ярко представлены данные черты в следующих строках эпоса:

Не открыл своих мыслей он,
Как и того, что с Заркумом знаком,
Что их бросили в водоем,
И для чего явились сюда, –
Не стал объяснять он брату тогда.
И решил он Урала убить,
Славой его себя наделить,
А Хумай себе в жены взять,
Оседлать Акбузата потом,
Овладев алмазным мечом.
Сам он всех обмануть решил:
Мол, в пути меня див схватил,
Мол, бежал я что было сил;
Ему поверила Айхылу.

Задумав захватить жезл, оседлать Акбузата, забрать Хумай, усыпив бдительность Урала, на коленях вымаливает у него жезл, сам тут же начинает творить злые дела. В конце-концов, Шульген переходит на вражескую сторону. Когда Урал со своими сыновьями и племянником начинают громить дивов, пойманный Шульген дрожит от страха и дает заведомо ложную клятву, которую снова нарушает. Этим он добивается всеобщей ненависти к себе. «Несомненно, худший из людей – человек двуликий, обращающийся одним лицом к одним и другим – к другим», – говорит о подобных людях Мухаммад (САС).

Несмотря на все злодеяния Шульгена, Урал три раза дает ему шанс исправиться. Когда Сакмар, желая сразить Шульгена, метнулся к отцу,

«ему бить Урал запретил,
Меч неохотно он опустил».

Вспоминается следующий хадис: «Помогай своему брату (в исламе), (независимо от того), притеснителем он является, или притесненным. (Люди) сказали: «О посланник Аллаха (САС), (будет правильно, если) мы станем помогать притесняемому, но как же мы будем помогать притеснителю?!» (Пророк (САС) сказал: «Хватая его за руки». Урал живет, словно зная и

соблюдая сказанное в важном хадисе кудси: «О Мои рабы! Я сделал насилие запретным (харам) для Себя. Я сделал его запретным и для вас. Не совершайте насилие (зульм) по отношению друг к другу!» В этом отношении наиболее показателен эпизод эпоса, когда Урал, взяв руку разъярившегося, избивающего Шульгена отца, останавливает его словами:

Отец, одумайся, посмотри
На палку, которую держишь в руках,
Молодо пела она в ветвях.
Нынче остругана вся она,
Вся побита, повреждена,
В дубинку голую превращена,
Если сегодня брата убьешь,
Завтра в меня вонзишь свой нож,
Если останешься одиноким,
Сделаешься стариком глубоким.
Тогда не увидишь ли ты сам
Смерть, представшую перед тобой
В час последний гибельный свой?

В хадисах говорится о важности искренности и чистоты помыслов: «Поистине, дела (оцениваются) только по намерению, и, поистине, каждому человеку достанется только то, что он намеревался обрести...». «Если кто-то, совершив благое дело, рассказывает о нем людям, чтобы обрести славу, Всевышний Аллах сделает явным для всех его намерение. Кто, совершив благое дело, показывает его людям, чтобы заслужить одобрение, Всевышний Аллах покажет всем его лицемерие».

В царстве Кахкахи, отрубив змеям многочисленные головы, выросшие за счет съеденных людей, Урал освободил изнывающий народ. Ликующие люди окружили батыра:

Как тебя нам благодарить,
Чем, скажи, тебя одарить?
Сказали б Тенгри, да ты человек,
Как восславить тебя навек?
На что Урал отвечает:
Слава и почести мне не нужны;
Лишь тот зовется батыром страны,
Чьи помыслы людям посвящены.
Ваша радость – она и моя,
Вы мою воспримите, как я.

«Спешите совершать добрые дела, пока мир не погрузился в смуты, каждая из которых подобна ночи», – призывал Мухаммад (САС). Прощальные слова Урал батыра звучат в унисон с хадисом пророка:

То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада красота и благоуханье –

Это добро и благодеяние,
В небо возвысится благодеяние,
В огне не сгорит благодеяние,
Останется в памяти благодеяние,
Оно – голова всех дел,
Для всех живущих на свете людей
Пребудет оно как высший удел.

Список подобных соответствий можно продолжать. Мы же ограничимся вышеуказанными параллелями. В одном из хадисов пророка Мухаммада (САС) говорится: «Руководство и знание, с которыми Аллах послал меня (к людям) подобны выпавшему на землю обильному дождю». Можно с уверенностью говорить о том, что башкирская культура явилась превосходным плодородным субстратом, на котором выросло крепкое и здоровое дерево традиционного башкирского ислама. Общечеловеческие духовные ценности на протяжении веков питали корни этого дерева, обеспечивая устойчивость даже в лихие времена. Идеи экстремизма сравнимы с опасными паразитами, способными за короткий срок вызвать гибель зеленого исполина и распространить свои вредоносные побеги на пустующем месте. Социальная память народа – как духовная ДНК общества. Необходимо помнить, что нравственные ценности, содержащиеся в произведениях башкирского фольклора, так же, как и идеалы ислама – структурные части одного целого, которые ни в коем случае не должны быть разъединены или удалены из общей цепи. При выполнении данного условия у бактерий экстремизма не будет шансов проникнуть в иммунную систему общественного организма.

А. Галеева

<http://rusisworld.com/> Группа стратегического видения "Россия - Исламский мир"

ГЛАВА II. МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В НАСЛЕДИИ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ПОВОЛЖЬЯ, СРЕДНЕЙ АЗИИ, ВОСТОКА, КРЫМА, КАВКАЗА

Сегодня все более очевидным становится тот факт, что апелляция к моральным ценностям и традициям народов России оказывается перспективной для гармоничного развития общества, его целостности и стабильности, поскольку эти традиции не только не являются препятствием для дальнейшей культурной модернизации страны, но могут стать ее органической основой. В этом отношении заслуживает особого внимания социокультурный опыт, накопленный народами Поволжья, Средней Азии, Востока, Крыма, Кавказа в ходе их исторического развития. Духовно-нравственная традиция, демонстрирующая, с одной стороны, уникальность их духовно-нравственного пути, с другой – связь с российской духовной почвой, представляет большой интерес для современного читателя.

Нравственные и духовные ценности для народов Поволжья, Средней Азии, Востока, Крыма, Кавказа – это не просто слова – это образ жизни, эталон поведения, можно даже сказать смысл существования, смысл бытия.

Султан Хан-Гирей (1808-1842) – этнограф, фольклорист, искусствовед, основоположник адыгской этнографии и исторической науки.

Родился в ауле Тлюстен-хабль в Черкессии (ныне Республика Адыгея). Окончил в Петербурге кадетский корпус, служил в различных офицерских чинах. Хан-Гирей не принимал участия в военных событиях на Кавказе. Однако эти события его безусловно волновали и чтобы остановить кровопролитие он разработал проект мирного завоевания Кавказа.

Произведения С.Хан-Гирея затрагивали жизненные интересы каждого из классов адыгского общества, чаяния и надежды, мечты и стремления земляков. Народный быт и нравы, обычаи и традиции, описываемые С.Хан-Гиреем, были одним из элементов того великого замысла, согласно которому адыги не должны были забыть себя. Писатель-просветитель призывал народ отказаться от внутринациональных распрей. Он был одним из тех, кто активно поднимал злободневные для черкесского общества тех лет проблемы: рабства, эмансипации, нравственного выбора, национальной замкнутости. Его сердце отзывалось болью за свой униженный, некогда гордый народ, за его этикет, ранее представлявший собой эталон красоты и изящества и служивший образцом для подражания другим народам Кавказа.

К примеру, такое умение рядового адыга, как наездничество и связанное с ним национальное качество – героизм. В частности в рассказе-предании «Наезд Кунчука» Султан Хан-Гирей художественно передает содержание народного предания о наездничестве. Героическая удадь вошедших в легенду черкесов-наездников проявилась в самых трагических условиях, при столкновении с гибелью в морозных и заснеженных степях. Возвращаясь с богатой добычей, они оказываются застигнутыми сильными

морозами в степи, подвергаются жестоким мукам и почти все гибнут. Но перед смертью черкесы принимают вызов судьбы и до конца борются с ней; встречают смерть, спешившись, взявшись за руки и образовав круг. Они начали танцевать и петь новую, сложенную ими в предсмертный час песню.

Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов **Религия**

Единственное вероисповедание черкесских племен (за исключением весьма малого числа жителей внутри гор, и поныне придерживающихся язычества) есть мугамеданское, суннитской секты. Беспоконный образ жизни черкесов причина тому, что они слабо исполняют обряды, сею религией предписываемые, хотя и многие из них готовы отдать жизнь за малейшее оскорбление своего исповедания. Случалось мне видеть между ними людей, превосходящих и самих турков религиозным фанатизмом и прилежанием к исполнению правил вероисповедания, которым духовенство учит их. Черкесы единодушно говорят и веруют, что люди за грехи свои подвергнутся в будущей жизни наказаниям, соразмерно преступным их деяниям, но что, будучи мугамеданином, человек не делается вечной жертвою, а возвратится снова к блаженствам рая. Вот главный отличительный догмат веры черкесов.

Что касается до древнего их исповедания, ниспровергнутого введением между ними мугамеданской религии, то оно было, как и везде, языческое. Черкесы верили многобожию, совершали празднества во имя грома, воздавали божеские почести существам тленным и многими другими поверьями идолопоклонства ознаменовывали свое заблуждение.

...Рассматривая остатки обрядов язычества у предков нынешних черкесов, находим и явные следы христианства. Так, например, у черкесов есть песня в честь святой Марии, в которой поют слова: «Мария великая, великого бога мать». Сохранились и христианские названия дней. Наконец, употребление изображения креста несомненный знак христианского исповедания. Все удостоверяет нас в том, что предки нынешних черкесов были христиане. Но здесь кажется несколько странным то, что в остатках древнего исповедания черкесского народа являются признаки христианства и идолопоклонства в одних и тех же религиозных обрядах. Такое обстоятельство заставляет думать, что не все черкесы были христиане, вопреки мнению некоторых писателей, но что лишь некоторые колена приняли христианское исповедание по влиянию греков, и когда греки не могли поддерживать введенной ими веры, она, ослабевая постепенно, обратилась в язычество, образовав особенную секту, обряды которой составились из обрядов прежнего идолопоклонства, смешанных с обрядами христианской веры. Таким образом, преобразившееся идолопоклонство, в которое были долгое время погружены предки нынешних черкесов, до принятия ими мугамеданской веры, оставило между потомками ныне видимые, явные следы христианства и язычества, вместе смешанных.

Впрочем, как раскрыть прошедшие вековые события там, где все минувшее поглощается в бездне неизвестности, где любопытство изыскателя тщетно внимает обманчивому эху темных преданий? Такова участь народов непросвещенных: их бытие и дела, преходя, теряются во мгле забвения.

Говоря о веровании черкесского народа, не излишне будет упомянуть о суевериях его. Предложим здесь описание некоторых предрассудков, оставшихся у черкесов от времен язычества.

Гадание на бараньей лопатке есть некоторым образом общее у черкесов обыкновение, как и у других азиатских народов. Смотри по чертам на плоскостях и выпуклостях бараньей лопатки, предсказывают они в скором времени предстоящие военные действия, голод, урожай в будущее лето, стужи, снега наступающей зимы и, словом, предвещают обо всех предстоящих благополучиях и бедствиях. Случайность подкрепляет верование народа в подобных прорицаниях. Вот пример, который черкесы рассказывают: черкесский князь, ночуя в одном ауле, за ужином смотрел на гадальную кость и сказал бывшим тут, что в наступавшую ночь будет тревога. Он лег спать, не раздеваясь. Действительно, в полночь партия разбойников из соседственного племени напала на аул, бывший близ места ночлега князя-прорицателя, который, будучи готов, пустился за партией разбойников и принудил их оставить захваченных ими пленников и искать спасения в бегстве, бросив тело своего убитого товарища. Не подозревая, что князь мог быть предупрежден о намерении неприятеля, или что его предсказание было случайное сцепление обстоятельств, все остались уверенными, что он предузнал нападение посредством гадания. Рассказывают еще, что недавно жили два брата, гадали по костям, которые предузнавали будущее. Однажды находились они оба в гостях в соседнем ауле и были в одной квартире. Вечером старший ужинал в гостинином покое соседа своего хозяина и, возвратясь, не застал брата на квартире. На вопрос о причине его отсутствия, хозяева отвечали, что брат его за ужином взглянул на гадальную кость, велел оседлать лошадь и поспешно уехал неизвестно куда. Старший брат спросил кость, на которую смотрел брат его, и, рассмотрев ее прилежно, со смехом объявил окружающим его, что кость показала его брату мужчину с его женой в его доме, почему он и поспешил туда ускакать, но что ревность ослепила его, ибо он не усмотрел, что находящийся в его доме мужчина малолетний брат его жены. Удивленные таким объяснением, хозяева послали нарочного вслед за братом прорицателя, и посланный возвратился с известием, что все точно так случилось, как было предсказано. Этот рассказ, конечно, явный вымысел какого-нибудь любителя подобных чудес, однако тем не менее он утверждает в черкесах предрассудок сего рода.

... «Невежество, суеверие и обман всегда подают друг другу помощь, и везде, хотя в разных видах, но соединенными силами угнетают род человеческий», – сказал справедливо один из умных писателей.

Каждый народ имел и имеет более или менее пагубные суеверия. Мы не будем здесь распространяться более о суевериях черкесов, а только скажем в заключение, что хотя со времени распространения в Черкесии мугамеданской религии, суеверия мусульманского духовенства увеличило многие предрассудки народа, но зато дало им более человеколюбивое направление. Ныне не видно уже ни пытки, ничего тому подобного против колдунов; молитвы и талисманы заменили все другие способы избавляться от них.

Воспитание

Не слыхано в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме под надзором родителей; напротив, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, то есть в руки человека, избранного в дядьки. Избранный нередко приезжает еще до рождения младенца в дом того, от которого получил согласие взять на воспитание его будущее дитя, и ждет разрешения от бремени матери будущего своего воспитанника. Потом, сделав приличное торжество в доме родителей, он возвращается к себе с новорожденным и воспитывает его до совершенного возраста.

Легко себе представить, что унесенный таким образом под чужой покров младенец, не умеющий еще различать предметы, придя в юношеские лета, только по слуху знает своих родителей, братьев и сестер, к которым естественным образом не всегда может питать нежную любовь. Отчужденный от дома родителей, он привыкает к тем людям, которые о нем имеют ежеминутное попечение; их почитает он своими родителями, а их детей почти всегда любит нежнее своих родных братьев и сестер. Такое обыкновение охлаждает некоторым образом и родительскую нежность отца к детям. Доказательством тому, и весьма явным, служит обстоятельство, что родители имеют более нежную привязанность к тем из своих детей, которые воспитываются у соседа, следовательно, под их надзором. Удивительно ли после того, что нередко дети оказывают нерасположение к родителям, которых они привыкли почитать, так сказать, людьми посторонними? Удивительно ли, что почти всегда братья, по привычке сделавшиеся детьми посторонних людей, питают взаимную ненависть, будучи к тому расположены отчасти ежедневными примерами, подаваемыми их воспитателями, которые, ища один перед другим расположения к себе сильного родителя своих воспитанников, друг к другу хранят вечную вражду? Наконец, удивительно ли, что дети одного родителя, в отрочестве и в юности, привыкшие друг к другу питать злобную ненависть, которую с молоком матери в себя всосали, придя в лета возмужалости, друг друга не щадят, как лютейшие звери? Вот источник вражды, раздирающей семейства высшего класса в Черкесии, и начало междоусобий, поглощающих счастье тысяч народа в том краю.

Причиной введения в обыкновение такого рода воспитания было, кажется, следующее: князья издавна, для увеличения своей силы, искали всех

возможных средств привязать к себе дворян, а дворяне для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях, всегда желали более сблизиться с князьями: бедные всегда и везде нуждаются в помощи богатых, а слабые в покровительстве сильных, могущество коих увеличивается обширностью влияния их на других. Для обоюдного сближения оказалось вернейшим средством воспитание детей, которое, связывая два семейства, в некотором смысле, кровным родством, приносит обоюдные выгоды, следствие которых породили странное и вредное для народной нравственности обыкновение, принявшее ныне у черкесов силу закона, освященного временем и поддерживаемого вкоренившимся мнением народа, что князь, дети которого воспитываются в собственном его доме, слаб в отечестве своем, не имея связей. Такое мнение повредит его власти, да и кроме того почли бы его за скрягу, что у черкесов считается величайшим стыдом. Во избежание подобного мнения, князья и значительные дворяне свято придерживаются введенного обыкновения, причина коего, кажется, таким образом легко объясняется.

Опишем образ воспитания черкеса. Воспитатель, или аталык, прилагает свои попечения о том, чтобы воспитанник его был ловок, учтив в обхождении со старшими, с младшими соблюдал приличие своего звания, и равно был неумомим в верховой езде и отважен в употреблении оружия. Аталыки ездят с воспитанниками в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомства. Когда воспитанник придет в совершенный возраст, воспитатель возвращает его в дом родителя с торжеством, которое состоит в том, что аталык со своим семейством, в сопровождении своих родственников и друзей, с арбами, наполненными яствами и напитками, является в дом родителей своего воспитанника, которого в тот день богато одевают и вооружают блестящими доспехами. Тут открывается семидневное пиршество; игры, забавы и пляски сменяются одни другими. При таком случае жена воспитателя пляшет, несмотря на запрещение женщинам плясать, ибо только девицы имеют на то право у черкесов. По окончании торжества отец воспитанника щедро дарит воспитателя и тех, кто был им приглашен на пир. После того аталык и друзья его возвращаются в свои дома. Такое точно торжество бывает еще до совершенного возвращения воспитанника в родительский дом, когда привозят его на показ к его матери.

Девочка, отданная на воспитание, воспитывается под попечением жены аталыка, или приемной матери. Она приучается к рукоделию, приличному обхождению, словом, ко всему, что необходимо для будущей ее жизни в супружестве. Приемная мать ездит с нею на празднества, сопровождаемые плясками, и под ее надзором воспитанница проводит там время в пляске. При возвращении воспитанницы в родительский дом соблюдаются те же обряды, какие исполняют при возвращении воспитанника.

Не только семейство воспитателя вступает в тесную связь с семейством воспитанника, но даже все родственники его и все подвластные поступают под защиту воспитанника.

Все, что мы сказали, относится к высшему званию; Впрочем, соблюдается соразмерно состоянию каждого семейства. Что касается до простого народа, то и низшего звания люди с хорошим состоянием также весьма часто отдают на воспитание в чужие руки своих детей. Разумеется, беднейшие пользуются расположением богатых, и если бедный человек из мелких дворян возьмет к себе на воспитание сына богатого из звания вольных земледельцев, то сей приемыш, гордясь такой связью, ничего не щадит для удовлетворения воспитателя. Он делается настоящим «мещанином во дворянстве» и за чванство часто становится предметом насмешек. Однако между простыми людьми домашнее воспитание почитается более приличным, и воспитание в чужих домах не такую сильную ненависть производит между братьями, как в высшем кругу.

Аталык не может иметь более одного воспитанника без неудовольствия со стороны первого питомца. Когда воспитанник из княжеского рода умрет, то воспитатель в знак глубочайшей своей печали иногда обрезае себе в прежние времена концы ушей; ныне довольствуются годичным трауром.

Когда воспитанница выйдет замуж, то воспитательница получает из окупа, даваемого за девицу, большой подарок от супруга воспитанницы.

Вообще удивительно, как сильна бывает привязанность воспитателей к воспитанным ими детям и тех к своим воспитателям.

Говоря об аталыках, кстати здесь сказать, что аталыка можно приобрести, будучи уже в летах мужества. Когда дворянин желает сблизиться с князем, то приглашает его к себе, совершает торжество и подносит ему подарки, которые обыкновенно состоят из оружия, с исполнением обычая, соблюдаемого при примирении и состоящего в том, что надобно приложиться губами к сосцам жены того дворянина, который делается аталыком. В низших званиях народа соблюдаются сии обычаи, но гораздо реже. Знатный воспитанник может иметь несколько аталыков; в числе их полагается и тот, кто в первый раз брил голову молодому князю или дворянину и хранит его волосы.

Празднества, игры, пляски, телесные упражнения

Во время благоденствия народа, свободные от дел часы бывают обыкновенно посвящаемы удовольствиям. Напротив, с бедствиями, постигающими народ, и удовольствия его становятся реже. Черкесы, никогда не достигавши степени надлежащего благоденствия и подвергшись тяжким бедствиям, отчуждились ныне от многих игр и забав народных, некогда доставлявших им в праздные часы величайшие удовольствия.

Из всех народных игр, ныне почти забытых, примечательнее других называемая диор. Весьма вероятно, что она осталась в народе от тех времен,

когда смешивались обряды язычества и христианства (на наречиях некоторых черкесских племен диор значит «крест»). Игру сию начинали с наступлением весны. Жители во всех аулах разделялись на две партии, верховую и низовую. Жилища в восточной части каждого аула назывались верховьями, а западной низовьями, и сие разделение и ныне существует в больших и продолговато расположенных аулах. Каждый брал в руки длинный шест, на верху которого прикрепленная корзина набивалась сухим сеном или соломой. Таким образом вооруженные партии выступали одна против другой, зажигали корзинки и с этими огромными факелами нападали одна сторона на другую, крича изо всей силы: диора, диора! Игра обыкновенно начиналась с наступлением ночной темноты, и вид пылающих во мраке ночи огней производил весьма замечательное зрелище. Партии, взаимно одна на другую нападая, по мере возможности захватывали пленников, которых со связанными руками приводили в гостиный дом старшин, куда по окончании борьбы каждая партия собиралась отдельно. Тут вели переговоры между собой, обменивали пленных, а оставшихся затем каждая партия выкупала или отпускала на волю, взяв с них обещание доставить назначенный за них выкуп, состоявший обыкновенно из съестных припасов. Таким образом, собранные припасы поручали одному из старшин партии, который готовил пиршество, звал других старшин аула к себе или в гостиный дом одного из них, куда приносили столы с яствами и напитки. Там пировали целый день или только вечер, проводя время в полной радости беззаботного веселья. Игру начинала с обеих сторон молодежь с корзинками, но к ним, как на тревогу, сбегались и пожилые люди, и даже старцы приходили, отчасти взглянуть на веселящихся и вздохнуть, вспоминая прошедшие годы молодости, отчасти предпринимать меры предосторожности от пожара, что легко могли причинить корзинками, в безумии веселья быстро разносимыми из одного угла аула в другой. Старики часто попадались в плен, будучи немощны и не в состоянии противиться сильным молодым борцам, налагавшим на них ременные оковы. Впрочем, такие пленники дорого обходились победителям, а равно и той партии, у которой похищены были: для примирения с ними надлежало удовлетворить их за то, что, не уважая их седины, увлекли их в плен, и в этом случае виновники приготавливали яства и напитки, и примирение со старцами заключалось новым угощением.

Князья и дворяне, преимущественно во время пребывания в поле или на съездах, разделялись на две стороны, и одна объявляла на другую свои требования под каким-нибудь предлогом. Избирали судей, перед которыми ответчики защищались силой красноречия, а обвинители не щадили сильных выражений для победы своих противников. Таким образом открывалось поле, где старшины, князья и дворяне показывали могущество своего красноречия и знание существующих узаконений народных и феодальных прав древних семейств своей нации. Забава эта, или, если можно так

выразиться, упражнение в изустном красноречии, служила у черкесов школой, образывавшею у них ораторов.

Вот еще игра: зимой, после уборки хлеба и сена, жители аула, разделяясь также на две партии, нападают друг на друга. Сначала дерутся комами снега, потом доходит до рукопашной битвы и тогда захватывают пленников, которых заставляют откупаться, после чего следует угощение.

В большом ауле, когда бывает съезд и соберется много молодых князей и дворян, нередко забавляются они таким образом: молодежь высшего звания, то есть князья и дворяне, составляют одну сторону, а молодежь вольных земледельцев – другую, и обе вступают в борьбу. Первая, сколько захватит пленников из второй, приводит их со связанными руками в гостиный дом одного из дворянских старшин аула; вторая приводит своих пленников в гостиную одного из своих старшин. Эта игра начинается также молодежью, но, однако же, всегда дело доходит до стариков. Сторона высшего звания начинает захватывать старшин простого народа в их домах, а простолюдины нападают в свою очередь на старшин высшего звания и уводят их, нередко без всякой пощады и осторожности, в плен. Затем начинаются переговоры, обменивают пленных или выпускают на условиях. Дворяне дают за выкуп своих разные вещи, а земледельцы обязываются доставить овса для лошадей благородных юношей и тому подобные потребности, приличные месту их пребывания. Далее следуют удовлетворения почетных людей. Избирают посторонних, не участвовавших в игре старшин, которые определяют удовлетворение. Обыкновенно приговоры заключаются тем, что сторона простых, приготовив множество кушаний и напитков, является с покорной головой в гостиный дом старшего князя или дворянина, где все собираются и пируют, а князья и дворяне делают подарки старцам, которых, не уважая их седин, забрали в плен, и тем водворяется мир.

Черкесы играют в шахматы и шашки, особенно шашки в большом употреблении. О других играх, бывающих при поминках и на свадьбах, будем говорить при описании этих обрядов.

Пляски черкесов делятся на два разряда: одни называются удчи и пользуются предпочтением. Мужчины, взяв под руки девушек, становятся в кружок, в виде русского хоровода, и двигаются постепенно в правую сторону, притопывая каблуками. Иногда круг бывает так велик, что внутри его помещаются музыканты, скрипачи, флейтчики, посторонние лица, нередко и детей старшин вводят туда же, верхом на конях, когда пляшут на открытом месте. Все порядочные люди, исключая стариков, пляшут в больших собраниях, как-то: при женитьбе знатных особ, при рождении у них детей, отдаче их на воспитание и возвращении в дом родительский. В таких собраниях назначается несколько расторопных людей для наблюдения за порядком в кругу пляшущих. Их обязанность состоит в том, чтобы народ не теснил пляшущих, а равно, чтобы и конные наездники не слишком приближались. Кроме этих надзирателей, еще несколько человек, более

почетных, назначаются по особому выбору хозяина, и их обязанность почитается важнейшею: они приводят девиц к пляшущим мужчинам, строго соблюдая принятые приличия, состоящие в том, чтобы приезжие гости не оставались без дам, и проч. Надобно заметить, что общественное мнение требует, чтобы девица не танцевала слишком часто и продолжительно с одним мужчиной, и напротив, почитается более приличным по очереди плясать со многими. Девица может оставить своего кавалера, или правильное кавалеров, с обеих ее сторон находящихся, и перейти к другому, а также возвратиться в комнату, чтобы отдохнуть. Тогда ее сопровождают пожилые женщины, обыкновенно при княжнах и знатных девицах находящиеся, и когда они пляшут, то приставницы не сводят с них глаз, стоя в отдалении. Девиц сопровождают также при возвращении в комнату избранные для того особы и домашние друзья хозяина, дающего торжество. Мужчина среди пляски, напротив, отнюдь не должен оставлять своей дамы, но он может плясать и без нее.

Пляшущие свободно разговаривают с девицами, и девицы свободно и без робости им отвечают, разумеется, соблюдая все приличия, не хохочут, не говорят взаимно о том, что непристойно полу и званию; по крайней мере, так положено по общепринятому закону общежития, не следующие которому девицы почитаются дурно воспитанными, а мужчины грубыми и чуждыми знания приличий, свойственного дворянину. Во время пляски музыканты становятся против знатнейших девиц: скрипач играет подле нее, а напевающий кричит во все горло, что «девица такая-то, пляшущая с таким-то окружена» и что «у нее возьмут платок (обыкновенно заткнутый за пояс, которым плясунья отирает пот с лица)». Далее говорит: «Нет ли друзей у ее кавалера, которые могли бы откупить его даму?» Тогда являются друзья кавалера и дают какую-нибудь вещь, по большей части пистолет (и, отдавая его, обыкновенно стреляют на воздух). Помощник музыканта возглашает, подняв подаренную вещь, что «такой-то за такого-то сделал какой-то подарок», после чего подаренную вещь вешают на столбе, поставленном для этого среди круга. Нередко даже и даримых таким образом лошадей вводят в круг, разумеется, когда пляшут на открытом воздухе, что всегда бывает, если погода не препятствует.

Когда круг большой и музыкантов в середине много, стрельба из даримых пистолетов неумолкаемо продолжается и дым носится над кругом пляшущих. Шум, говор, клики народа, теснящегося в кругу, сливаясь с звуками инструментов и выстрелами, оглашают воздух. Молодые наездники с красавицами, которые бывают предметами их вздохов, порой, погрузясь в сладостные мечты, предаются тогда приятным надеждам будущности и не упускают случая замолвить друг другу словцо о тех чувствах, которые в то время наполняют сердца. Таким образом, пляска продолжается сряду несколько часов, а потом заменяет ее игра, более шумная и весьма опасная. Пешие толпы, вооруженные огромными кольями, теснят конных наездников, готовых вступить в бой, чтобы показать проворство своих бегунов и

собственную ловкость. Пешие бросаются на них густыми толпами, с криком и бьют как их, так и лошадей, без пощады. Наездники также, со своей стороны, не жалеют пеших, топчут их своими скакунами, бесстрашно бросаясь в середину толпы, безжалостно их поражающей. Нередко конные преодолевают пеших, разгоняют их под защиту стен домов, даже и в самые дома, причем разгоряченные удалыцы на лихих бегунах иногда перепрыгивают удивительно легко высокие заборы, разбивая грудью лошади слабые строения. Такие атаки продолжаются, пока одна сторона не победит другую. Дело иногда доходит с обеих сторон до иступления, и тогда старики, вступая в посредничество, прекращают столь опасную потешную битву.

Легко себе представить, что несчастные случаи здесь почти неизбежны. Нередко убивают лошадей, даже и людей, или наносят тяжкие удары, перешибают у них члены. Недаром черкесы говорят, что «кому не страшно в день такой игры, тот не устрашится и в битве». В самом деле, безрассудная игра сия может некоторым образом показать храбрость и отвагу, качества, столь необходимые в сражениях.

После пляски и игр до усталости начинается пиршество. Гостям и почетнейшим особам разносят напитки и столы, отягощенные яствами. Народ собирается в разных местах, жители одного аула в одном, а другого в другом месте, и так далее. Кушанья разносят повсюду и раздают под надзором избранных, которые заботятся, чтобы старики и почетнейшие особы были прилично угощаемы и чтобы молодые шалуны не расхищали кушанья, что нередко случается.

Подобные празднества продолжаются иногда несколько дней, и по окончании их хозяин, то есть давший торжество, изъявляет свою благодарность почетнейшим особам, удостоившим его празднество своим присутствием, а народ расходится по домам, пресыщенный удовольствиями, пищею и напитками.

Музыканты получают подарки и сверх того в вознаграждение за свои труды берут себе кожи зарезанных на пир быков и баранов. Подарки, сделанные им во время пляски, возвращают они подарившим их, получив за каждый несколько зарядов пороха, а иногда князья дарят им особо разные вещи и лошадей.

Празднества сии и в простом народе производятся также, но они бывают тогда сообразны с состоянием и значительностью лиц, которые дают их.

Что касается до другого рода пляски, она состоит в том, что один, выступая на середину зрителей, пляшет, выделывая весьма проворно разные трудные движения ногами. Он подходит к одному из присутствующих, прикасается к его одежде рукой, и тогда тот заменяет его, и так далее. В этой пляске участвуют и девицы, но как они, так и мужчины не делают неблагопристойных телодвижений, что бывает у других азиатских народов. Впрочем, такая пляска не в уважении.

Большие торжества вообще становятся ныне реже в Черкесии по причине беспрестанных беспокойств. К тому немало способствуют и проповеди духовенства, которое представляет противным мугамеданской религии всякого рода публичные забавы в сообществе с женщинами, а в отсутствие прекрасного пола никакие публичные увеселения не могут уже быть оживлены удовольствием, даже и в полудиком народе.

Достоин замечания, что предки нынешних черкесов во времена язычества, призывая благословения боготворимых ими предметов или изъявляя им свою признательность, плясали, что явствует из древних плясовых песен. Есть и ныне старики, неоднократно участвовавшие в подобных плясках, когда совершаемы были празднества в честь грома, и проч. Они говорят с сожалением, что благословенные времена старины имели много прелестей, которые ныне, среди буйных забот жизни, стали редки на их родине.

Во время паханья обыкновенно жители аула разделяются на две стороны: те из них, которые находятся в поле, составляют одну, а другие, остающиеся в ауле, другую. Первые приходят в аул, схватывают шапку девицы знатного дома и относят ее в свои шалаши. Их преследуют, но редко успевают догнать, потому что они приходят и совершают свой набег скрытно. Спустя день или более возвращают шапку, завернув ее в платок, и притом привозят с поля яства и напитки, для такого случая приготовленные, в дом девицы и там нередко целую ночь пируют и пляшут, собрав всех жителей аула. По окончании увеселения отец или брат девицы делает подарки, но по большей части молодые князья или дворяне, живущие в ауле, не допускают до того, а от себя щедро награждают похитителей.

Другая сторона, в отмщение противной, собравшись толпой, идет в поле; там, схватив ремень, которым плуг связан (он называется вваше), уносит его, защищаясь от преследующих. Для выручения ремня привозят яства и напитки в тот дом, где ремень положен и целый вечер проводят в забавах. При возвращении пахарей, другая сторона встречает их и начинается борьба; каждая сторона старается столкнуть другую в воду в одеждах. Нередко женщин обливают водой или увлекают в реку. Эту забаву почитают весьма важной, ибо есть поверье, будто ее должно совершить для урожая.

Поднимание тяжестей, метание ядер и камней, борьба, беганье взапуски, конская скачка, прыганье через заборы и поднятые бурки, и проч., также у черкесов предметы забав, укрепляющих тело, и полезные для здоровья. Но главнейший предмет телесных упражнений состоит в том, чтобы владеть с особенной ловкостью оружием и конем, в чем черкесы действительно неподражаемы. С невероятной скоростью, на всем скаку самой быстрой лошади, они заряжают ружья в чехлах, но хорошему наезднику надобен только один миг – ружье выхватить из чехла и выстрелить. Беспрестанно стреляют черкесы из пистолетов и ружей, однако ж не всякий из них хороший стрелок, хотя те, кто славится искусством, достигают в нем до значительного совершенства. Нередко пробуют

пущенной из лука стрелой пробить доску, довольно толстую, и есть такие, что с удивительной силой натягивают лук и стреляют из него. Словом, вся жизнь черкеса проходит в забавах и упражнениях более или менее воинственных.

Русский вестник. 1842. № 1

Князь Канбулат, черкесское предание Хан Гирея

Хегайкское племя занимало прежде важное место между черкесскими племенами. Князя этого племени, два родных брата, славились своим мужеством и щедростью. Старший из братьев, Атвонук, был средних лет и очень дурен собою, а младший, Канбулат молод и красоты необычайной; плечи его были так широки, талия так тонка, что когда он лежал, то кошка проходила под его боком, не задевая пояса – а это верх черкесской красоты!

Сознавая свой физический недостаток, Атвонук не хотел жениться, но настойчивость и убеждение друзей заставили его взять себе жену, с тем, однако, условием, чтобы и младший брат, Канбулат, последовал его примеру. Оба брата женились, и Канбулат, как бы предчувствуя что-то недоброе, вопреки обычаям своей родины, никогда не показывался своей невестке. Черкесская женщина и ныне пользуется полною свободою, а в прежнее время она принимала даже участие в делах общественных.

Пораженная красотой брата своего мужа, жена Атвонука искала случая с ним сблизиться. Однажды, в отсутствие мужа, приехали к ней в гости родственники и просили Канбулата провести их в покои невестки. Отказать в такой просьбе было бы неприлично, невежливо, и Канбулат принужден был, против собственного желания, побывать у жены брата. По удалении гостей, княгиня, под предлогом переговоров о домашних делах, удержала у себя Канбулата, и, с бесстыдством сладострастной женщины, потребовала от него клятвенного обещания провести с нею вместе наступающую ночь, угрожая, в противном случае, поднять тревогу и объявить народу, что он хотел ее обесчестить. Слова свои она подтвердила целованием молитвенника, который висел в серебряном футляре на ее груди. Пораженный бесстыдством, но сознавая безвыходность своего положения, Канбулат дал слово исполнить желание своей невестки и в обеспечение его поцеловал тот же молитвенник.

Наступила ночь. Канбулат явился, но объявил, что пришел не для того, чтобы быть преступником, а для того только, чтобы исполнить клятву, к которой присоединил другую, что зарежет свою невестку при первом нескромном порыве, при неуместной и соблазнительной ласке. Обнаженная сабля, как доказательство решимости и твердости слова, легла между ним и невесткою. С наступлением утра, Канбулат бежал с ненавистной ему постели, не заметив, как одна из трех стрел, которые носили тогда черкесы на себе и дома, подкатилась под кровать: он забыл даже о том, что у него были три, а не две стрелы...

Возвратившийся Атвонук в первую же ночь заметил чужую стрелу и, по необыкновенной длине, узнал в ней стрелу брата.

– Чего я опасался, – сказал он одному из своих друзей, – то и случилось...

Оскорбленный Атвонук оставил свой дом и уехал к крымским татарам. Забытый всеми, он оставался долгое время незаметным при бахчисарайском дворе. Князь хегайкский не терял, однако, надежды и работал неутомимо над осуществлением своего желания отомстить Канбулату. Своею настойчивостью и неутомимостью он успел склонить хана дать ему войско и повел многочисленный отряд татар на владение брата, почти смежное с владениями крымских татар. Распустив слух, что татары идут на отдаленное племя, Атвонук хотел вернее достигнуть цели и захватить брата врасплох, но пегая лошадь открыла тайну. Приближенные Канбулата, узнав в стане татар лошадь Атвонука, дали знать своему господину. Князь бежал, однако семейство его попало в руки мстителя, старшего брата.

В особой палатке помещена была пленница, жена Канбулата, женщина твердого характера и пылкого ума. Она была в то время беременна, тогда как преступная жена Атвонука никогда не имела детей. Атвонук решил отомстить брату тем же, в чем подозревал его. Наступила ночь, и он отправился к пленнице, чтобы насытиться самым гнусным образом.

Гордо встретила пленница своего мстителя.

– Паш повелитель, сказала она – так величают черкешенки старших братьев своих мужей – ты торгуешь не совсем чисто: меняешь бесплодную корову на тельную...

Слова эти устыдили Атвонука; он оставил свою невестку и объявил ей, что отныне будет считать ее родною сестрой. Такое признание не означало еще примирение с братом: Атвонук обратил весь свой гнев на разорение аулов, подвластных Канбулату. Последний, скрывшись от преследования брата, поехал к жанеевцам, жившим на юго-восток от хегайкского племени. Десяток или два бедных хижин настоящих обитателей Каракубанского острова, суть единственные потомки жанеевцев, некогда многочисленного воинственного племени, выставлявшего тысяч десять всадников и страшного для соседей. Один из представителей жанеевцев, князь Хакушмук, человек уважаемый и могущественный, был в кровной вражде с Канбулатом. Последний в одном из набегов убил его сына.

И вот, в одно утро, у ворот ограды маленькой кунахской этого князя остановился всадник на вороном коне. Дом был пуст: князя не было дома. Пользуясь отсутствием владельца, разбрелись и его слуги. Оставив свою лошадь у ограды, приезжий вошел в кунахскую и лег на скамейку. Одна из прислужниц, пришедшая убрать комнату, была поражена его красотой и тотчас же объявила своей госпоже о приезде гостя. Княгиня отправилась в кунахскую, в полном убеждении встретить там одного из самых близких друзей мужа: в противном случае, гость не пришел бы в маленькую

гостиную, назначенную только для почетных лиц, а остановился бы в общей и большой гостиной.

Как только княгиня перешагнула за порог комнаты, незнакомец вскочил и бросился к ней.

– Будь моею восприимною матерью! – проговорил он, дотронувшись до ее груди.

Перед княгиней стоял Канбулат – убийца ее родного и единственного сына. Как ни велик был гнев княгини при первом взгляде на убийцу сына, но переступить строгие и священные законы гостеприимства не в силах, не в характере Черкеса. Следуя народному обычаю, княгиня взяла Канбулата под свою защиту и поместила в безопасном месте.

Прошло несколько времени. В одну из отлучек мужа княгиня приготовила пир и, собрав из всего племени самых почетных старшин, поручила им просить старого князя, чтобы тот дал слово исполнить одну из самых кровных и заветных просьб ее.

Сидя вечером в своей кунахской, князь, ничего не подозревавшей о происходившем в доме, был немало удивлен, когда к нему явились старшины, сопровождаемые служителями с блюдами, наполненными разными кушаньями. Князь принял старшин ласково. Сели за ужин; полные чаши стали ходить по рукам и разговор оживился. Старшины объявили тогда князю свое поручение.

– Согласен! – сказал развеселившийся старик; но с условием, чтобы княгиня сама и при всех открыла мне свою тайную просьбу.

В прежнее время, в высшем классе черкесского общества жена никогда не приходила к мужу в присутствии посторонних, и потому двое из старшин отправились к княгине объявить волю князя. Она не затруднилась нарушить обычай и, в сопровождении тех же посланных, вошла к пирующим.

– Я прошу тебя оказать гостеприимство этому человеку, – сказала она, указывая на следовавшего за нею Канбулата, и при этом объяснила обстоятельства, вынудившие ее принять его под свою защиту.

Неожиданная встреча эта взволновала старого князя.

– Конечно, отвечал он с наружным спокойствием и некоторою важностью, я не могу мстить человеку, который в моем доме ищет моего покровительства; но ты напрасно вздумала поить нас перед открытием твоей тайны, столь для нас приятной: мы могли забыться и наш стыд пал бы тогда на тебя.

– Острые стрелы прошло, так перья не сделают вреда, – заметили дворяне, умевшие позлословить и польстить, и просили княгиню прислать, по этому случаю, еще бузы и браги.

– Дельно! – заметил и старый князь; – только послаще той, которую ты мне поднесла теперь...

На следующий день жанеевский князь объявил Канбулата своим гостем; но, следуя обычаям, требовал от него плату за кровь, объявив, что как

все богатство Канбулата заключается теперь в лошади и оружии, то он удовольствуется и этим.

Канбулат исполнил требование, оставил у себя только одну саблю, но и ту должен был отдать, по вторичному требованию жанеевского князя.

– Что сказал Канбулат, отдавая саблю? – спросил князь принесшего ее старшину.

– Сказал только, отвечал тот, что саблю не считает драгоценностью, а оставил ее у себя для обороны от собак. Тут у него прибавил старшина, на глазах, кажется, навернулись слезы...

– Он достоин и оружия, и уважения! – перебил князь. Отнесите все обратно и скажите, что я хотел только испытать его, хотел узнать, принадлежите ли он к числу людей, которые служат основой умной поговорки наших предков: храброго трудно полонить, но в плену он покорен судьбе; а труса легко взять в плен, но тут-то, когда уже нечего бояться, он и делается упрямым. Скажите ему, что я раскаиваюсь в моем желании испытать его, и пока он мой гость – моя рука, мое оружие, все принадлежит ему.

Изгнанник был более чем доволен великодушием своего врага-покровителя, но, по местным обстоятельствам, не мог оставаться у него слишком долго, и потому просил жанеевского князя проводить его к бзедухам, жившим в вершинах речек Псекупса и Пшиша.

Представители сильного бзедухского племени были в сборе, на совещании по общественным делам, когда среди них явился жанеевский князь, в сопровождении своего гостя. Объяснив причину своего прибытия, старый князь поручил Канбулата великодушию их племени.

Обнажив, по тогдашнему обычаю, голову, Канбулат, обратился к собранию:

– Бзедухи! отдаюсь под защиту вашего поколения. Отныне, после Бога, на вас моя надежда. Не мои достоинства, а ваша честь и слава порукою мне в вашем великодушии.

Бзедухи объявили себя защитниками гостя. Семь лет тянулась с тех пор самая ожесточенная война между братьями; лучшие воины с обеих сторон остались на поле сражения; разорение и кровопролитие опустошили землю и истощили обе стороны враждовавших, но ни та, ни другая сторона не хотела уступить и вражде не предвиделось конца.

Виновница всех несчастий, жена Атвонука, жившая у своего отца, вздумала сшить полный мужской костюм и послала его в подарок Канбулату.

Посланный был захвачен Атвонуком, узнавшим работу своей жены. Желая еще более убедиться в преступной связи брата с женою, Атвонук, отправив посылку со своим слугою, поручил ему просить Канбулата на мнимое свидание. Канбулат изрубил в куски подарок ненавистной ему женщины и приказал его отвезти тому, кем он прислан, прибавив от себя, что кто впредь к нему явится с подобным поручением, того он повесит на первом попавшемся дереве.

Этот поступок внушил Атвонуку мысль, что брат не так виновен, как он предполагал, и он решился помириться. После переговоров, братья съехались на свидание.

– Я знал, – сказал Канбулат при встрече с братом, что невинность моя оправдает меня; но ты не хотел видеться со мною, а я был готов скорее погибнуть, чем открыть кому бы то ни было несчастный случай, бесславивший наш дом.

Братья помирились. После продолжительного кровопролития наступил мир; бзедухам осталась слава строгого исполнения обычая гостеприимства, благородной защиты гонимого и удовольствия слышать свои подвиги в народной песне и гордиться ею

«Русский вестник», 1844 г. – № 1.

Шигабутдин Марджани (1818-1889) – татарский богослов, шейх суфийского братства Накшбанди, философ, историк, просветитель. Родился в л. Ябынчи нынешнего Атнинского района Татарстана. Образование получил в медресе д. Ташкичу Казанского уезда, Бухаре, Самарканде.

В 1867 году Духовное собрание мусульман Поволжья и Приуралья назначило Марджани на должность ахунда и мухтасиба Казани, что явилось несомненным признанием его деятельности со стороны руководства мусульман. С официальными светскими властями у Марджани также устанавливаются позитивные контакты. Он выполняет отдельные поручения казанской губернской власти: следит за изданием текста Корана в казанской типографии, организует сбор денег для кавказских народов, пострадавших от землетрясения, составляет отчеты о рождении, бракосочетании, смерти мусульман для государственных учреждений, участвует в судебных заседаниях при произнесении клятв мусульманами. Со временем имя Марджани становится известным далеко за пределами Казани: в 1870 году выходит в свет его книга «Назратуль-хакк», с новыми для своего времени и среды религиозно-реформаторскими идеями, принеся автору широкую известность не только на родине, но и на всём мусульманском Востоке.

Просветительские идеи Марджани охватывают самые различные стороны обновления общественной жизни татарского народа, включая в себя мысли о необходимости получения татарским населением светского образования, усвоения прогрессивного наследия прошлого (античной, арабской мысли) и настоящего (русской и западноевропейской культур). Ученого заботили и вопросы воспитания национального самосознания татарского народа, беспокоили его благосостояние, социально-экономическое и политическое положение. Считая просвещение самым мощным орудием прогресса, ученый пытался выволить свой народ из «спячки». Ученый стремился ответить на многие вопросы, которые поднимало развивающееся по буржуазному пути татарское общество: «обновить веру», поднять социально-политический и культурный уровень татарского народа, приобщить его к современной цивилизации. Религиозные

взгляды Марджани проявляются в критике вопросов каляма (направление в исламской теологии). Необходимы были реформа медресе, преобразование преподавания. Марджани – предвестник джадидского движения в России, и именно он заложил его основы – реформу преподавания в медресе, усвоение татарским народом передовых достижений мировой культуры и науки. Марджани написал более 30 произведений, большая часть которых была издана в основном на арабском языке. Не все произведения, написанные ученым, еще обнаружены. Идеино-философские взгляды Марджани, его деятельность в качестве педагога, религиозного деятеля, историка, просветителя, философа останутся заметным явлением в отечественной истории.

Очерки Марджани о восточных народах
Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф
(Подробное о предшественниках и приветствие потомкам)

Наступил 130** год. В этот год в Ат-такрибе умер: Джахм б. Сафван б. ат-Термези. Его убил Салим б. Ахвар ал-Мазани в последние дни существования государства Омейядов в Исфахане. Сообщают также, что он был убит в Мерве.

Он глава джахмитов и джабаритов. Когда появились новшества в Термезе, люди преувеличивали [его ересь], возражали ему, относили его взгляды к порочным, подстрекающим Так, имам Абу-Ханифа – да помилует его Аллах – говорил: «Отойди от меня неверующий, приверженец мутазилизма в отрицании атрибутов [Аллаха] и рассказа пророка и в доказательстве сотворения речи [Корана], а кроме того, отрицающий вечность блаженства рая и адские муки, отрицающий за человеком могущество, мощь, свободу выбора и утверждающий, что Всевышний обладает сотворенным знанием и другие новшества».

... Наступил 310* год. В этот год умер: Абу Бакр Мухаммад б. Закарийа ар-Рази ат-Табиб. Да помилует его Аллах. По некоторым сведениям он умер позже в Багдаде.

Он был ученым, постигшим древние науки и мудрецов. Со временем стал авторитетом в различных сферах науки. Он был достойнейшим, ученейшим человеком. В начале своей жизни он был певцом, играл на уде, а потом оставил это увлечение. Когда его спросили о причине, он сказал: «Всякое пение, исходящее от пьющих, не одобрительно». И он занялся рациональными науками, стал искусным в медицине, снискал в этой области славу и авторитет, став знатоком во врачевании.

Он написал «Китаб ал-Мансури» [«Книга Мансури»] для эмира Абу Салиха Мансура б. Йсхака б. Ахмада б. Нуха правителя кермана. Это не эмир Абу салих Мансур б. Нух ас-Самани – правитель Хорасана, живший намного позднее его. Случилось так, что многие хронологи ошибались, утверждая, что Абу Бакр имел ввиду Абу Салиха Мансура б. Нуха ас-Самани, который

был восхищён этой книгой и вознаградил его тысячами динаров, тем допустил ошибку.

Он [ар-Рази] говорил: «Когда можешь лечить пищей, не лечи лекарствами. А когда есть возможность лечить простым лекарством, не лечи составом. Лечи в начале болезни тем, что не подрывает силы».

Среди его произведений: «Китаб ан-нафи» [«Книга о пользе»], «[Китаб] ал-актаб» [«Книга о полюсах»], «[Китаб] ал-хави» [«Объемлющая книга»] и другие.

Он обучался у Абу-л-Хасана Али б. Зайна ат-Табари – автора «Фирдаус ал-хакма» [«Райский сад мудности»].

Наступил 319 год. В этот год в начале месяца шабан* в Балхе умер:

Абу-л-Касим Абдаллах б. Ахмад б. Махмуд б. ... ал-Балха ал-Мутакаллим, известный как ал-Каби. Да простит его Аллах.

В фикхе он был ханафитом, а по убеждению – мутазилитом. Он афтор книги «Ал-макала» [«Учения»], приписываемой ему и многих сочинений по камалу. Его относят к мутазилатам Багдада, [считают, что] его школа среди других мутазилитских школ наиболее благочестивая и наиболее полезная делами и средствами. Поэтому некоторые из мутазилатов толковали в соответствии с его речью. В этом заключался их отход от веры.

Его упоминал ал-Хатиб в «Тарих ал-Багдад» [«Истории Багдада»] и писал: «Он их мутакаллимов-мутазилитов. Долгое время жил в Багдаде. Там и получил известность. Затем он возвратился в Балх и прожил там до самой смерти».

Он изучал калам у Абу-л-Хасана б. Абу Амра, ал-Хаййата и...

Наступил 332** год. В этот год в Самарканде умер: Абу-л-Мансур Мухаммад б. Махуммад б. Махмуд б.... ас-самарканди ал-Матуриди ал-ханафи ал-Факих [Факих]. Да помилует его Аллах. Похоронен на кладбище Шакир-Дизах.

Он один из величайших ханафитов и имамов. Мавераннахра, передовой человек своего времени, автор многочисленных сочинений в различных науках. Он придерживался мазхаба Абу Ханифы, в догматике – Абу джафара ат-Тахави. Ханафиты Мавераннахра следовали ему в вопросах основ вероучения. Он не внёс ничего нового [сочинением] «Макала» [«Учение»] и нет положения, которое бы он выдвинул самостоятельно. Он не из первых мутакаллимов, которые придерживались сунны и мнения общины.

Действительно, он следовал традициям благочестивых предков из асхабов и табиев [последователей асхабов]. Он выносил решения согласно убеждениям амама абу Ханифы и предшествующих асхабов, пространно излагая и разъясняя. Он был большим знатоком в тафсире, хадисах, фикхе, основах вероучения, в традиционных и рациональных науках.

Наступил 1283 год. В этот год последний понедельник месяца раби П* возрасте сорока пяти лет умер: Абу Мухаммад Хусаин б. Фаизхан б. Файзаллах б. Биккина б. Исмаил б. Тангри Берди-ал-Джабали ас-сабаи ал-ханафи. Да помилует его Аллах. Похоронен в Сабаджа, одной из деревень горной стороны. В честь него заупокойную молитву прочил Абу-л-Аббас Ашраф б. ... У него осталось три дочери: Айша, Зайнаб и Амина, а сыновей не было.

Хусаин б. Фаизхан был человеком благонравным, чистосердечным, ясновидящим, благих намерений, проницательным, праведным, тонким и глубоким исследователем и мыслителем, сочинителем прекрасных произведений и множества лекций. Он постоянно занимался, изучая работы других учёных, и многое почерпнул у них, хорошо знал хронику событий, мировую историю, обстоятельства жизни правителей и был знатоком фикха и основ веры.

Он глубоко скорбел из-за постигшей ислам слабости снижения его влияния, упадка знаний у мусульман, забвения ими бывшего высокого положения и былых достижений в науках, в создании новых инструментов, ухищренных изделий и пренебрежения мусульман к изучению прошлого.

Его огорчало то, что становится мало учеников и снижается их рвение у учёбе, что они тратят время на изучение ненужных предметов, и огорчало отсутствие порядка в жизнедеятельности как учеников, так и учителей. Он всеми силами старался возродить бывшее стремление мусульман к изучению рациональных и традиционных наук и искал способы достижения этой цели.

Хусаин б. Фаизхан считал, что мусульманам добиться подъёма наук можно только построив новое, великолепное медресе, в котором преподаванием каждой из мусульманских наук занимался бы отдельный преподаватель. Например, один из преподавателей вёл бы занятия только по фикху и не обращался бы к другим предметам. Другой занимался бы только арабским языком, и ничем иным. Кто-то преподавал бы только философию. Таким образом, у каждого из них были бы определённые обязанности, и за их исполнение он получал бы жалованье. В медресе также должен быть смотритель, обладающий достаточной властью над проживающими, который поддерживал бы среди них дисциплину, согласно распорядку, основанному на шариате и здравом смысле.

Ученик, закончив изучение какой-либо книги или предмета, может перейти к другому только сдав экзамен и получив успешное свидетельство от ответственных за это лиц.

Медресе необходимо выделить определённую сумму, достаточную для обеспечения потребности живущих в нём в дровах, горячей воде и свечах. Если же не удастся найти денег на всё это, то в медресе должны быть люди, которые бы занимались уборкой, подогревом воды, покупкой дров и другими подобными необходимыми вещами.

Такое медресе должно находиться в Казани, так как именно здесь сосредоточены учёные люди нашей общины и через этот город проезжают

все достойные мусульмане нашей страны. Здесь также больше богатых людей, чем в других местах, и они, быть может, окажут помощь в руководстве медресе и увеличении выплаты работающим там. Если бы каждому из преподавателей медресе было назначено жалованье в размере двухсот рублей русскими деньгами в год, то они надлежащим образом смогли бы выполнять все возложенные на них задачи по воспитанию и обучению.

Если же медресе будет открыто в одном из других городов, подчинённых Москве [православным], там не будет столько мусульманских учёных и достойных людей, как в Казани, следовательно, возникает потребность содержать всех учёных-преподавателей, приглашая со стороны. А это дело хлопотное. К тому же осуществление подобного возможно лишь при согласии и содействии Российского государства. Для того, чтобы получить такое согласие и добиться положительного отношения русских к изучению необходимых нашему народу предметов, необходимо ввести хотя бы для определенной части учащихся медресе изучение русского языка и письменности. Ведь наша страна связана с русским государством, постоянно возникает потребность в русском языке, и для того, чтобы избежать неприятностей от действующих законов, которые все составлены на этом языке, его нужно знать. Ведь даже пословица гласит: «Тот, кто изучил язык другого народа, обезопасил себя от его коварства».

Чтобы собрать деньги, необходимые на все эти нужды, следует создать при медресе типографию, в которой издавались бы мусульманские книги. Нужно позаботиться, чтобы издания осуществлялись на хорошей бумаге, четкими буквами, без опечаток, качественной краской. Это даст изрядную сумму на удовлетворение потребностей медресе. К тому же в настоящее время в распоряжении Оренбургского духовного собрания есть значительная сумма, собранная за счет средств, взимаемых по решению собрания при бракосочетаниях. Эта сумма из года в год возрастает. Имеется также солидная сумма, оставшаяся от постройки суда. Это все можно потребовать у государства. Если этих сумм не хватит, можно увеличить налог с бракосочетаний на величину, незначительную по сравнению с калымом.

Разумеется, все это может осуществиться только с помощью государства, и поэтому потребуется вести переписку и посылать ходатаев. Если разрешение на создание такого медресе будет получено, то только таким путем. Но Аллах – хвала Ему! – лучше все знает.

Известно, что государство намеренно открыть школы подобного образца. Если это произойдет, мы ничего не сможем сделать. Их управление будет вестись таким образом, что не принесет никакой пользы мусульманам, не будет способствовать возрождению их наук, сохранению их чести и возвращению былого расцвета. Ведь если русское государство откроет эти школы и будет содержать их на деньги казны или налоги с подданных, то, вероятно, преподавателями философских наук будут русские, преподавание будет вестись на их языке, и учащиеся будут подражать им в разговорах и

одежде. Далее, хотя эти науки и мусульманские, излагаться они будут на чужом языке, так же как и все руководство и обучение. У учащихся не возникнет желание читать мусульманские книги, и у них может сложиться представление, что ислам чужд этим наукам и знаниям, в особенности если они будут слышать намеки на это от своих преподавателей во время уроков и бесед.

Хусаин б. Фаизхан совещался по этому вопросу со многими важными лицами, обращался ко многим известным людям и ко всем кого считал человеком ученым, знающим и способным понять. Он не стеснялся просить помощи и не пренебрегал советами. Еще посланник Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует! – велел советовать с людьми. Аллах Всевышний сказал: «И советуйся с ними о деле».

Однако все это столкнулось с клеветой и измышлениями завистников и врагов. Они оспаривали все, что он задумал, стремились привить народу отвращение к нему, пугали последствиями его планов, приписывая ему всяческие грехи и злой умысел в отношении ислама, возводили на него напраслину и злословили.

Среди подобных клеветников особо усердствовал в распространении различных небылиц имам села Кышкар Исмаил б. Муса. Да ускорит Аллах его гибель и да пошлет его в ад! Мои друзья и прочие люди не раз рассказывали мне о том, что произошло между ними. Когда Хусаин б. Фаизхан приехал в Казань он пришел к Исмаил б. Муса в дом его зятя Абд ар-Рашида б. Йусуфа и рассказал о своих планах относительно руководства медресе и организации обучения в нем. Исмаил б. Муса категорически отверг все это, потому что предусматривалась необходимость изучения русского языка, и дошел до того, что заявил, что изучение русского языка – запретное дело.

Хусаин б. Фаизхан объяснил ему, что это всего лишь средство получить разрешение от правительства, цель же – возрождение утраченных и позабытых наук. К тому же существует большая потребность и даже необходимость в изучении русского языка, поскольку вся наша деятельность связана с русским государством.

Рассказывают, что Зайд б. Сабит ал-Ансари – да помилует его Аллах – сказал: «Посланник Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует – велел мне выучить язык иудеев, и я выучил его самостоятельно, а потом переводил их разговоры с посланником Аллаха. Передают, что пророк – мир над ним – сказал: «Вы можете рассказывать со слов израильтян, в этом нет греха, но тот, кто умышленно солжет обо мне, займет место в аду». Во время битвы при Йармуке Абдаллах б. Амир б. ал-Ас захватил два верблюжьих вьюка с иудейскими и христианскими книгами и потом читал их и рассказывал о них людям. Рассказывают, что пророк – мир Ему – сказал: «Ищите знаний, хотя бы и в Китае». А Китай – это страна, в которой не поднималось знамя ислама, ни доходили туда ни в прошлом, ни теперь рассказы о пророке и не читали никогда китайцам стихи Корана. Поэтому

знания, которые там можно искать, – рациональные, и их может перенять у китайцев только тот, кто знает их язык, говорит на нем и читает их книги. Хадис указывает на допустимость изучения их языка при необходимости. Сказал же пророк – мир Ему: «Мудрость для правоверного – заблудившаяся верблюдица, которую он ищет повсюду».

Ученые прошлого ненавидели калам и порицали его. Об этом открыто говорили все великие имамы, и сомнений в этом нет. Абу Йусуф – да помилует его Аллах – говорил: «Чем лучше человек знает калам, тем хуже он знает Аллаха, велик Он и славен». Аш-Шафии сказал: «Я предпочел бы встретиться с Аллахом, совершив все грехи многобожия, чем встретиться с ним, понимая хоть что-нибудь в каламе». Малик – да помилует его Аллах – говорил: «Берегитесь вводящих новшества!» Его спросили: «А кто это?». Он ответил: «Приверженцы калама». И тому подобное. Но ряд более поздних авторитетов пришли к выводу о допустимости изучения калама и чтения книг о нем из-за необходимости охранять мусульманские догматы от смешения с нововведениями. Сейчас же сторонники калама безвредны, а искажением мусульманских догм занимаются различные группы христиан, и нужно уберечь себя от их козней. Различные проповедники – епископы и монахи всеми силами стремятся заронить сомнения в души нестойкого простонародья и сбить его с верного пути. Для этой цели назначены определенные люди, и государство оказывает им помощь. Но опасность, исходящая от них, во много раз больше той, которой ждали от сторонников нововведений. Поскольку последние принадлежали к мусульманским сектам, верили в посланническую миссию пророка, признавали ислам, возвеличивали Коран, обращались к кибле во время молитвы, исполняли все основы веры и расходились только во внутренних вопросах. Защита мусульманской веры от нападок неверных и предупреждение мусульман об опасности позволительны и обязательны. Но это можно сделать только зная язык неверных и читая их книги. Это является коллективной обязанностью, как сказал кто-то, говоря о необходимости изучать калам.

Имам из Кышкара не смог ничего ответить на это, кроме того, что в этом нет необходимости, а изучать язык иудеев необходимость была. Тогда Хусаин б. Фаизхан спросил: «Чем ты оправдываешь свой запрет людям изучать этот язык и слова о запретности этого?». Тот ответил: «Дошедшим рассказом». Хусаин спросил: «Дошедшим от кого?». Исмаил б. Мусса ответил: «От Абу-с-Сууда ал-Имади». Хусаин опять спросил: «Этот рассказ из написанной им книги фетв или из отдельных фетв?». Тот сказал: «Из его книги». Тут Хусаин возразил: «Из слов автора «Кашф аз-зунун» видно, что у Абу-с-Сууда не было книги фетв, потому что его спросили: «Почему ты не составишь книгу об этом?». И он ответил: «Я стыжусь писать такую книгу, потому что автор «Ал-фатава ал-баззазийя» [«Фетвы ал-Баззаза] уже написал свою». Исмаил сказал: «Ибн ал-Абидин передал этот его рассказ». Хусаин ответил вопросом: «А каким путем дошел до него этот рассказ и через какую цепь передатчиков?». Исмаил сказал: «Ибн ал-Абидин – человек ученый и не

говорит того, чего не знает». Хусаин возразил: «Но он человек этого века, а в Османском государстве были тысячи таких. как он, или еще более ученых, но они придерживались другого мнения и издавали фетвы не только о допустимости, но и об обязательности обучения».

Потом Хусаин спросил: «Этот рассказ, который ты упомянул, касается языков неверных вообще или именно русского языка?». Исмаил подумал и ответил: «Языков неверных». Тогда Хусаин сказал: «А что называть языком неверных?». Если это язык, на котором говорят одни только неверные, то русский язык не таков, потому что на нем говорят жители Бисты [Татарская слобода Казани], а они мусульмане с давних пор. Если же это язык, на котором говорят неверные наряду с другими людьми, то к таким языкам относится персидский – ведь, несмотря на то, что на нем говорят некоторые мусульмане, на нем говорят также остатки огнепоклонников в Персии и некоторые иудеи. А некоторые татары-идолопоклонники на Востоке говорят на таком же языке, как наш, ничем не отличающемся от него. Следовательно, согласно твоей точке зрения, нельзя говорить на тюркском языке. Ведь на большей части языков говорят и мусульмане, и неверные, даже на арабском языке – господине всех языков!»

Исмаил б. Мусса был поражен этим... Потом, когда Хусаин б. Фаизхан поднялся, чтобы уйти, Исмаил лицемерно проводил его за ворота дома и сказал: «Нужно посмотреть книги. Если ты еще заедешь к нам, мы еще поговорим об этом». Но это было их последней встречей и началом разрыва между ними. Вернувшись в дом, Исмаил сказал присутствующим: «Этот человек переговорит даже шайтана. До сих пор мне не приходилось общаться с ним».

Покойный всегда верно передавал другим изученное им, был правдивым, надежным, справедливым человеком, всегда держал свое слово и был верен обещаниям.

Он учился у ряда ученых таких как Абд ар-Рахим ал-Бараскави, Абд ал-Карим б. Абд ар-Рахим ал-Мухаджира. Дольше всех он учился у Мурада б. мухаррам ал-Менгери. Затем он перешел ко мне, учился и много полезного получил от меня. После этого он отправился в Петербург и долгое время жил там. Я был не только против его поездки в Петербург, но и уговаривал его отправиться куда-либо в другое место. Однако воля божья – это судьба предрешенная. Аллах Всевышний через него многое сделал для меня и дал мне его в помощь в моих важных предприятиях. Да вознаградит его Аллах за меня и да поселит в раю.

Очерки Марджани о восточных народах

М. Акмулла – (1831-1895) башкирский поэт-просветитель, выдающийся поэт-философ, поэт-мыслитель.

Родился в башкирской деревне Туксанбаево Белебеевского уезда (в настоящее время Миякинского района Республики Башкортостан).

Начальное образование будущий поэт получил в родной деревне, учился в медресе соседних деревень Менеузтамак и Анясово, был шакирдом

медресе в деревне Стерлибашево, где получал уроки у знаменитого поэта-суфия Шамсетдина Заки. Прославился как талантливый поэт-импровизатор.

Акмулла проповедовал просветительские идеи, рассматривал поэзию как средство непосредственного общения с народом. Поэтому язык его произведений более доступен, содержит сравнительно меньше арабизмов и фарсизмов, характерных для литературного языка того времени. Акмулла писал свои стихи большей частью в классической форме рубаи, но мастерски владел и другими поэтическими формами. Творчество Мифтахетдина, пронизанное гуманистическими идеями своего времени, впитавшее в себя передовые и прогрессивные веяния общественной жизни России, снискало глубокую любовь и признание среди населения, оказало благотворное влияние на развитие литературы многих тюркоязычных народов. Поэтому его неслучайно прозвали Акмуллой (светлым, праведным учителем) за честность и правдивость. Поэт в своем творчестве проповедовал просветительские идеи, утверждал извечное стремление человека к свету, прогрессу.

Назиданья

В жизни, первое, совесть нужна, совестливость.
Совестливость как божья дается нам милость.
Мало молвить с усердством: «Прости меня, Боже!» –
Молча совесть блюсти в себе – много дороже.
Честь и честность – второе условие. Если
Нету чести в тебе, то не будет, хоть тресни!
Для бессчетного лучшее место – в могиле,
Чем ходить по земле в святотатственной силе.
Третье, сказано, ум. Говорить с дураками
Не словами приходится, а кулаками.
Осердясь, дураки посягают на веру,
Ни в делах, ни в сужденьях не ведая меру.
Благодарность, мы скажем, четвертое свойство.
Коль ты неблагодарен – с глаз моих скройся!
За добро благодарен будь и за доверье,
И за то, что Аллах в мир открыл тебе двери.
Свойство пятое – это порядочность. С нею
Мы любовь обретаем – нет чувства сильнее!
Нас любовь возвышает и делает чище,
Потому мы до гроба любовь свою ищем.
И шестое условие – это терпенье.
Терпеливый достигнет всего без сомненья.
Нетерпение – признак отсутствия воли,
Приведет оно к скорби, раскаянью, боли.
Страсть – седьмое условие. Страсть – это пламя!
Это пламя небесное властвует над нами.

Мудрецы говорят: все, что названо выше,
Совмещается в нас под единою крышей.
Неизменны в миру и печали, и слезы,
И народ привыкает к ним – вот где угроза!
Люди в спячке, свой стыд потеряв, пребывают.
Но идут караваны, но едут обозы!..
О беспечность! Она – принадлежность бесстыдства.
Хоронит она столько – иным и не снится.
Повидал я могильщиков в жизни немало,
Преисполненных смеха, игры и ехидства.
Что стенанья загробные! Что после смерти
Заклинанья, мольбы чьи-то о милосердьи!
В этом мире где трепет твой был пред Аллахом? –
Хохотал, когда плакать бы надо от страха.
Не приводит к добру ни разнузданность нрава,
Ни паденье, ни взлет, ни смиренья отрава.
Надо честно блюсти человечность такую,
Чтобы веру нести о небесном – земную.
Подлый блага от Бога вовек не дождетя.
Мудрый – и умерев – средь живых остается.
Просвещенный пребудет в умах. А невежда –
Как корова, что в пыль молоком обольется.
О нутре ты сначала своем беспокойся,
Чтоб не вонь шла оттуда – сияло бы солнце!
Пусть душа будет чистой. Стремись к очищенью –
Нет без этого пользы в твоём просвещеньи.
Средь ногайцев невежды есть и средь казахов.
Позаботься о грамоте, ради Аллаха!
Что с того, имена тебе ведомы, нет ли
Всех пророков и ангелов белого света?
Коль плодов просвещения ты не изведаль,
То и проку от жизни без этого нету.
Обращаюсь к казахам с душевным упреком:
Безразличье в вас есть к просвещенью урокам.
Несмотря на слова назиданья, как прежде,
Большинство оставаться желают в невеждах.
Непризнание муллы станет доблестью вряд ли.
Пусть лишь будет мулла ваш в реченьях внятнм.
Пусть блюдет человеческий долг и собою
Всем являет пример и живой, и опрятный.
Пусть он званьем своим пред людьми не кичится.
Пусть детей по-людски призывает учиться.
Пусть им головы мусором не забивает,
Про свой долг просветителя не забывает.

Знаю мулл я таких, что тупицы и сами,
Шарлатаны, дубины с пустыми глазами.
Строк пятнадцать заучат из книги священной
И надеются мир заморочить словами.
В словесах не нуждается медоточивых
Род людской. Суть важна в них и мыслей начинка.
Мусульманин любой понимать тебя должен:
И последствия видеть и первопричину.
Где лекарство найти? Как секрет исцеленья
Отыскать для аулов, джайляу и селений?
Есть ли прок призывать?... Проворчат: поученья
Вновь завел Акмулла для мирского мученья.
Что слова! Мы в словах стелем мягко. Однако
Жестко спать: ведь в душе – царство хлада и мрака.
Больно видеть, как тратит иной свою ловкость
На очистку кармана, увод аргамака.
Коль в груди не мерцает и проблеска чести,
То родителей честь в его совести есть ли?
Отчего мы безжалостны к жизни и людям?
Отчего обо всем так нещадно мы судим?
Мы бесчестие множим от жажды к отмщенью
То поступком дурным, то корыстным стремленьем.
Лесть цветет. Прямота на глазах иссыхает.
Тот, кто правду изрек – терпит злые гоненья.
Лгут вовью без смущенья муллы иные,
Чтоб добычу не выпустить в руки другие,
Гнутся в пояс пред мурзами, что побогаче,
Нет им дела до Бога, до веры тем паче.
Связан с глоткой язык. Не аркан ли на шею
Нам табунщик накинул? – От мяса жиреем.
Не шайтан ли поймал в свой капкан наш желудок?
Тот, кто пищей одною живет, тот – ублюдок.
За Каф-тау Шахбаза скрылся. И сразу
Стан заполнили вороны до отказа:
Жадность падаль плодит. Так нелепый обычай
Порождает уродство на свет и заразу.
Так худые дела нам коверкают душу,
Выворачивая все дурное наружу.
Не способное внять Ябраилу, немало
Ядовитую кровь наше тело впитало.
Хоть стирается вера – закон остается,
Чтоб душа понемножечку, да трепетала.
А бывает, мулле, словно кость, сунут клячу,
Да и ту он получит с трудом – не иначе,

А у клячи нет глаза, и спину короста
Покрывает – умрешь от обиды и злости.
А бывает, подкинут хромого барана
Иль верблюда больного – в болячках и ранах.
Чуть живые плетутся они за муллою –
Это все, что имеет мулла от Корана!
«Кисекбаша» мулла прочитает всегласно
И в глаза богача смотрит подобострастно.
Возвращается – спереди кляча слепая,
Позади – хромоногий барашек на мясо.
Ну а те, что и той не имеют подачи –
Ни хромого барашка, ни клячи незрячей –
Лица к небу возносят: «Прости нас, о Боже!»...»
Это – муллы-истяки, никак не иначе.
Отдают им такую скотину порою,
Что того и гляди – в землю ткнет головою.
Только поздно: угас человек на рассвете –
Кто на свете за смерть человека в ответе?
Нет тлетворней влиянья на детскую душу
Нищеты – искушает она ее, глушит.
Был в младенцах – как ангел. Стал в юношах вором.
Не найдет ли та порча на девушек мором?
Все испорченные помогают друг другу.
И оказывают в преступленьях услугу.
Только в мире ином ожидает их место –
Где Всевышний с них спросит сполна наконец-то!

Перевод Газима Шафикова

Башкорттарым, укыу кәрәк!

Башкорттарым, укыу кәрәк, укыу кәрәк!
Арабызга назандар күп, укыу һирәк
Аңгыра айыузан Уралдағы курккандай,
Эй, туғандар, назанлыктан куркыу кәрәк!

Илтифат ит: укыузальыр шәрафәттәр,
Яһиллыктан килә ятыр зур афәттәр
Укығандар күккә осор, һыуза йөзәр,
Юктыр унда әүлиәлек, кәрамәттәр.

Укығанға был донъяла жәләл булыр,
Харам тигән күп шәйзәр хәләл булыр.
Ырыс-дәүләт шишмәһен асам тигән,
Ғилем-һөнәр берзән-бер әмәл булыр.

Алтынға берзе кушып, һан ун булмай,
Сәғәтте алда бороп, төн көн булмай
Белемлелек – арысландан көслө батыр,
Шуға атланмай, һинен төшөң һис өн булмай.

Акмулла Мифтахетдин. Стихотворения. Перевод с башкирского. – Уфа: Китап, 2006. – 192 с.

Кешев Адиль-Гирей (Адыль-Гирей) Кучукович (псевдоним Каламбий) (1837?-1872) – абазинский писатель.

Родился в семье абазинского князя Кучука Кешева (Кечева).

Учился на восточном факультете Санкт-Петербургского университета (1860-61), был исключён за участие в антиправительственных волнениях. В 1861-67 переводчик с тюркских языков в канцелярии начальника Ставропольской губернии, преподаватель гимназии. В 1868-72 редактор газеты «Терские ведомости» (Владикавказ). Первые рассказы («Два месяца в ауле», «Ученик джиннов», «Чучело») напечатаны в 1860 году в журнале «Библиотека для чтения» под общим названием «Записки черкеса». В журнале «Русский вестник» опубликовал повесть «Абреки» (1860) и рассказ «На холме» (1861). Кешев был знатоком истории, этнографии и культуры горцев Северного Кавказа; он описывал быт, обычаи, нравы абaziнов, черкесов и др. Писал на русском языке.

Записки черкеса – чучело

По Кужибскому ущелью в жаркий полдень ехали пять всадников. Тощие кони едва передвигали ноги и с трудом ступали по каменистому грунту. Застывший пот густым белым слоем покрывал их спины и бока, а впавшие их желудки говорили очень ясно, что в них давно уже не было пищи. Запыленные угрюмые лица всадников не менее красноречиво высказывали крайнее утомление. Привычный глаз узнал бы в них еще издали искателей счастья; а кто заметил позади одного из путешественников человека, со связанными на спине руками и нахлобученным на глаза башлыком, тот наверное, позавидовал бы их удаче. Внимание всадников было главным образом обращено на молодого человека лет семнадцати, который ехал посреди кучки всадников, опираясь обеими руками на переднюю луку. Неестественная бледность лица и болезненно сжатые губы обличали в нем и сильное страдание, и явное усилие подавить физическую боль.

– Хасан, поправь башлык, – проговорил он наконец, с трудом, останавливая лошадь.

– Дай слезть с коня, – заметил один из всадников.

– Можно и так.

Хасан нагнулся к молодому человеку, взял за оба конца башлык, которым он был перетянут выше пояса, и начал осторожно стягивать.

– Крепче, – проговорил юноша, стиснув зубы.

– Больно будет.

– Ничего... так лучше.

– Не хочешь ли отдохнуть немного, – спросил Хасан.

– Не надо. Поедем дальше.

Путники тронулись молча. Солнце пекло нестерпимо. Дорога лежала по крутым подъемам и спускам. Кони оступались поминутно. Каждый толчок стягивал судорогами лицо молодого человека, но не мог вырвать ни одного стога. Он терпел с истинно черкесским героизмом. Всадники выбрались, наконец, из теснины и поворотили направо, в широкую речную котловину, усеянную частыми балками и чинаровыми лесами. Вдали показался темный очерк аула и обозначались легкие тучки дыма, над ним носившиеся.

– Вот и аул, – радостно воскликнул Хасан.

– А есть у тебя там знакомые? – спросил его юноша.

– Лучше спроси, есть ли у меня там хоть кто-нибудь незнакомый, – отвечал Хасан. – Нет аула в этих местах, в котором я не имел бы двух-трех друзей. Возьми, например, старого Теперуко – первый, можно сказать, хлебосол между адыгами. Никогда и никто не уходил непринятый от его порога. Он отец той Назики, про которую песню недавно сложили.

– Все же кунацкая его не больница, – сказал молодой человек, – да и беспокоить старика не следует!

– Ничего, ты ведь не баба, плакать не будешь. Впрочем, я поеду вперед и разузнаю. Если нельзя остановиться у Теперуко, найдем и другого хозяина, но только в его кунацкой веселее проведем ночь. Ступайте потише. Я вас встречу у ворот.

Хасан пришпорил лошадь, замахнулся для страха плеткой и мелкой рысцей направился к аулу. Насилу дотащился он до кунацкой Теперуко, известной каждому проезжему. На просьбу о ночлеге старик отвечал такими словами:

– Гостеприимство, не милостыня. Приезжай и остановись у коновязи. Если кто выйдет к тебе и возьмет коня за повод – слезай, а коли нет, поверни в другую сторону. Ты еще не знаешь, как жить на свете. А эти слова говорю за тем, чтобы ты удержал их в голове на будущее время.

– Всяк знает, что от твоего порога никто не отходил с досадой. Только мы не совсем легкие гости, особенно...

– Что у вас там нелегкого?

– С нами тяжелораненый.

– Вы откуда едете? – быстро спросил Теперуко.

– С Кубани. Немножко погуляли.

– А! И добыча есть?

– Неважная... на рубахи достанет.

– Да нет ли еще какой погони за вами?

– Была, да след потеряли.

Я с русскими не ссорюсь. Только не могу прогонять гостя от порога. Однако обожди в лесу хоть до сумерек... Чего доброго, в ауле найдутся доносчики.

«Трус-старик!» – подумал Хасан и, вскочив на коня, поспешил к товарищам. А Теперуко отдал тотчас приказание зарезать барана и вымести сор из кунацкой. Сам собственноручно убрал постель, как нельзя лучше, чтобы больной гость помнил на вечные времена, как его принимали. Настала чудная, летняя ночь, одна из тех ночей, которые бывают разве только в ущельях Кавказа.

Полная луна выплыла из-за куполов гор и величаво двинулась по безоблачному небу, обливая тихим, ровным светом лесистые ущелья. По глубоким балкам шумели, прыгая по каменным ступам, сердитые ручьи. Их неумолчному шепоту внимали одни высокие сосны, тихо покачивая своими ветвистыми верхами. Прекрасную картину представлял аул Теперуко посреди ночного безмолвия. Тонкие струи лучей, выходившие из щелей и окон саклей, чуть обмазанных глиною, смешивались с длинными тенями от соседних скал и утесов. Но ярче всех саклей блистала кунацкая старого владельца, выступившая из черты прочих зданий. На ее широком очаге трещали сухие дрова и пламя, поминутно усиливаясь, бросало на белые стены ярко-багровый свет. На длинной скамейке, придвинутой к огню, сидел сам хозяин в своем неизменном полушубке. Голова его задумчиво покоилась на груди. Далее, возле дверей, прислонившись к стене, стояли четыре человека. Все пятеро молчали упорно, будто по взаимному уговору. Стоявшие только переминались с ноги на ногу, по примеру лошадей, застоявшихся на месте, да изредка дергали друг друга за полы черкески: Вдруг на дворе послышался топот. «Приехали!» – проговорил один, все мигом выскочили из сакли. Теперуко приподнял голову, но не встал, боясь нарушить достоинство хозяина. Через минуту слуги внесли в кунацкую винтовки приезжих и развесили их вдоль стены, по чину хозяев. Вошел Хасан, за ним и раненый юноша. Теперуко, приподнявшись на этот раз, приветствовал гостей и попросил молодого человека садиться, но тот отказался, говоря: «постоять можно».

– Что скажете нового? – спросил Теперуко после значительной паузы. И он прибавил пословицу: «не спрашивай старого, а бывалого», которая одна и у русских и у горцев.

– Были на Кубани, да не было ничего, о чем стоило б тебе рассказать, – отвечал Хасан с должной любезностью.

– Как ничего? Не из-под куста же такие молодцы глазели на проезжих.

– Да, сказать правду, и в крепость не ворвались, – сказал Хасан усмехнувшись. – Бог послал навстречу казаков. Мы выпустили заряды, захватили одного, да зато начальника у нас зацепили. – И он указал на раненого.

– Напрасно ты не садишься, молодой человек, – сказал ему Теперуко. – Раненому не до приличий!

– Ничего, я постою, – повторил юноша.

– Да не призвать ли кого? У нас есть мастер лечить раненых.

– Не беспокой себя, ради аллаха, – отвечал Хасан. – Что за лечение на пути. А теперь лучше лекарства – скрипач, да несколько молодцов веселых.

– За ними дело не станет. У нас в ауле этого добра, что собак. Поди, Исхак, к Якубу, – обратился Теперуко к одному из прислужников, – пусть он придет со скрипкой, да забеги к гулякам: гости, скажи, приехали.

– Наши молодцы в девичьей, – отвечал Исхак.

– Так скажи им, чтоб домой не уходили. Постой, принеси, кстати, холста, да помягче. Видишь, башлыком перевязали рану.

– Что ж будешь делать? – заметил Хасан шутливо. – Кабы знали, взяли бы и холста на случай.

– То-то вы, молодые люди, никогда не заглядываете вперед, – поучительно произнес Теперуко. – Да вот что еще, не заметили ли вы чего на линии? Говорят, что казаки собираются в набег. Этак, того и смотри, нам места скоро для житья не будет.

– Что, казаки? – сказал Хасан вздохнувши. – Далеко еще им до нас, если б их не водили наши же изменники. Они во сто раз хуже, чем русские. Я видел, как один из этих подлецов, когда дрались под Ч... аулом, наскочил с шашкой на нашего раненого товарища и убил бы бедняка, если б его не остановил русский. Клянусь аллахом, если встречу на просторе русского с черкесом, то, конечно, прежде выстрелю не в гура.

В эту минуту молодой человек зашатался от утомления и усилий стоять на ногах. Кровь хлынула изо рта запекшимися кусками, мертвенная бледность покрыла все лицо. Теперуко и Хасан, взяв его под руки, хотели усадить на постель, но джигит отказался наотрез от такой почести.

– Ну, так я лучше уйду, – сказал Теперуко и вышел. Принесли холста. Хасан убедил товарища сесть, расстегнул ему черкеску, но бешмет так сильно присох к ране, что его надо было примочить теплой водой и потом отдирать понемногу. Кровь потекла с новой силой, и на этот раз терпение юноши не помогло. Голова его закружилась и больной тихо опустился на подушку. Пока он приходил в чувство, Хасан успел перевязать рану...

Подали ужин. Больной проглотил немного похлебки, а к баранине не притронулся. Он просил чего-нибудь кислого. Назика прислала ему на тарелке лесных яблоков и кизила. Зато Хасан с товарищами ели по-волчьи, откинув в сторону всякие церемонии. Уже более недели питались они одними сухими лепешками и ключевой водой. После ужина явились и отборные весельчаки аула под начальством музыканта. Все они, входя в кунацкую, поднимали правую руку до виска, приветствовали гостей, и потом скромно располагались вдоль стены. Гости и хозяйева оглядели друг друга, и первый шаг к знакомству был сделан. Теперь уж не стыдно было приступить и к разговору. Хасан, тонкий политик, все соображал, кого бы пригласить

сесть. Однако соображения его не привели ни к чему. По бородам и другим внешним признакам молодых людей, нельзя было определить, кто из них старше. В эту критическую минуту, когда светская репутация Хасана висела на волоске, глаза его упали на скрипку. Хасан весело встал, подошел к хозяину скрипки и весьма красноречиво изложил ему просьбу свою поиграть для больного. Скрипач выразил полную готовность.

– Так начинай же, – сказал Хасан, усаживаясь на свое место, а потом прибавил: – Садитесь же все, попросту. Между нами стариков нету!

Якубу из уважения к его искусству разложили на полу бурку, к нему подсели старшие по летам, остальные разместились как попало, кто на корточках, кто просто на полу.

– Играть песню ран, что ли? – спросил Якуб, перебирая пальцами волосяные струны кобуза.

– Нет, лучше спой Шуандыра, – слабым голосом проговорил больной.

– Отчего же не спеть, коли хочешь!

Якуб медленно повел смычком и мерно, почти шепотом, пропел два первых стиха песни. Товарищи подхватили грустный напев. При третьем стихе руки Якуба слегка задрожали; он гордо выпрямился, черные глаза его сверкнули, и звучный, дрожащий голос раздался по сакле. Но едва певец дошел до того места в песне, где герой Шуандыр после упорного боя сидит раненый пятью пулями, между трупами всех своих товарищей, голос его оборвался, и две крупные слезы повисли на его ресницах.

– Довольно! Дальше не надо! – проговорил больной, быстро вскочив с места. Гробовое молчание настало в сакле. Слабый свет потухавшего огня, как нельзя более гармонировал с общим настроением молодежи и грустным торжественным выражением лиц. Пение приходилось слишком близко к сердцу каждого из присутствующих. И молчание длилось несколько минут.

– Ну, теперь можно что-нибудь повеселее, – сказал Якуб, оправившись от волнения. – Песня для гостей не новость. Коли юноша возвращается с битвы с честной раной на теле, одной песни мало. Тут надо играть и веселиться, как на свадьбе.

– Что же? Можно позвать Назику, – предложил один из товарищей Якуба.

– К тому и шла моя речь, – сказал скрипач. – Нет и веселья без девушек.

– Сущую правду говоришь, – одобрил Хасан в свою очередь.

– А как она обидится? – спросил молодой человек.

– Не твое дело, гость, – отвечал Якуб. – Красавица наша не такая.

– Я пойду сказать ей, – вызвался один джигит и вышел. Спустя полчаса в кунацкую вошли, стуча сандалиями, пять девушек. Молодые люди вскочили с мест; даже больной поднялся с кровати и пошел на середину сакли. Якуб и Хасан распределили места. Назику они посадили на кровать, пониже ее поместили, не без труда, впрочем, и больного. Остальным девушкам разостлали на полу, возле кровати, циновку.

– Спасибо тебе, Назика, за нашего больного, – поспешил сказать Хасан.
– Имя твое знают по нашей стороне: а теперь мы расскажем о тебе и нашим девушкам.

Назика, выслушав похвалу, бойко и простодушно, ласково взглянула на больного юношу:

– Ты, я думаю, крепко страдаешь? – спросила она его.

– Ничего, мужчина создан на то, чтоб терпеть, – отвечал больной по всем правилам джигита.

Начались танцы. Девушки и молодые люди, то попарно, то кружком, носились в тесных пределах кунацкой. Якуб усердно водил смычком, хотя и не с таким одушевлением, как при пении Шуандыра. Во время отдыха девушки завязывали шелковые нитки в хитрые узлы, предоставляя распутать их сметливости молодых людей, которые ломали головы и большей частью напрасно. Девушки выражали торжество свое веселым смехом... Так время тянулось до петухов. Тогда девушки, пожелав гостям счастливой дороги, ушли в девичью. А Хасан приказал седлать коней, чтоб до света выбраться из аула, в котором, по словам Теперуко, могли отыскаться доносчики.

Якуб и молодцы аула, посадив приезжих на коней, тоже разбрелись по домам, завидуя в душе молодецкому путешествию незнакомцев, и особенно положению раненого юноши.

Говорят, один горный воин на вопрос, почему он не женится на известной своей красотой девушке, отвечал: «Я не хочу, чтоб меня только по жене моей знали». Старик Теперуко был далеко не чета этому воину, потому он нимало не оскорблялся тем, что в горах его знали только по красавице дочери. Назика действительно была прекрасная девушка, одна из тех, которым отдают справедливость даже в самых диких обществах. А если прибавить к ее славе две сотни отцовских кобылиц, сотен пять овец да десять крестьянских дворов, то выходило, что невесты привлекательнее Назики трудно сыскать и с решетом в руке, как говорят горцы.

Родители Назики, как истинно добрые люди, притом же до крайности простые, были счастливы, насколько может быть счастлив человек и собой, и дочерью. Тихо, однообразно, как светлый ручей, протекала их жизнь, идиллия в горах Кавказа! Теперуко и жена его не испытали в продолжение жизни своей ни труда, ни горьких лишений. А главное не имели за свою совесть ни малейшего укора. Старик во всю жизнь свою не ограбил никого, и если в молодости украл десяток кобылиц, то это сделал не по влечению сердца или дурному умыслу, а просто из боязни, чтоб товарищи не упрекнули его в трусости. Старуха с тех пор, как вступила под кровлю Теперуко, не улыбнулась мужчине. Потому, как Теперуко, так жена его, спокойно ожидали того страшного дня смертного часа, когда Джебраил прилетит, шелестя крыльями, за их душами. Привязанность стариков к дочери чересчур резко выходила из круга обычных отношений между черкесами, и не защити их старость, они сделались бы непременно предметом насмешек. Про них сочинили бы смешные песни и всякие грязные

сплетни, к которым, к сожалению, черкесы сильно пристрастились с недавнего времени. «Пусть себе нежничают старики, говорили самые суровые друзья суровых обычаев. Назика у них только одна. Притом же, какой Теперуко мужчина. Последняя баба лучше его». Этим и ограничивались все нападки. Теперуко не стыдился даже при людях обнимать свою дочь и трепать ее щеки, приговаривая: «Ах ты, пузырь с мылом. Пропал тот, кому ты попадешься». Самые ничтожные вещи рожают великие последствия. Из-за того, что две бабы повздорили за сито в древности, жители двух черкесских аулов перерезались до последнего человека, оставив на память потомства два ряда каменных пригорков под названием «Ситовых могил». Точно так же, из того, что Теперуко походил на бабу, Назика сделалась примерной девушкой... Ее не испортили жестокостью, ее не приучили к необходимости хитрить или думать о замужестве во что бы то ни стало. Ей и дома было очень хорошо.

Подруги любили ее за неистощимую доброту и ласковость, за всегдашнюю готовность помочь им. Молодежь теперукова аула буквально плясала под дудку Назики. В целом ауле не нашлось бы джигита, который не бросился бы в огонь и воду по одному ее слову, и тот из них считался бы недостойным имени мужчины, кто бы осмелился не исполнить ее священной воли.

И не мудрено: молодежь видела в ней не только хорошенькую, но чистую, благородную и умную девушку. Напрасно образованные народы присваивают себе монополию изящного вкуса. Смее думать, что черкесы в этом поспорят с кем угодно. Чувство удивления к красоте развито во всяком из них, а невежество не мешало жителям аула наслаждаться каждым движением хорошенькой княжны. Мрачнейший из молодых людей теперукова аула, Ислам, по прозванию безродный, и тот после того, как его под руки притащили в девичью по желанию Назики, прояснился и познал, можно сказать, «мед жизни». Каждый из молодежи считал для себя обязанностью сделать Назике какой-нибудь подарок.

Выезжая по ночам за добычей, они утешались мыслью, что часть ее перейдет в хорошенькие ручки. Назика сама не имела ни в чем недостатка, но знала, что отказ может глубоко оскорбить юношей; притом же, кому не приятно принимать дань уважения?

Таким образом, маленькая сакля Назики нередко наполнялась дорогими тканями, хорошенькими сундучками и тысячами безделок, дорогих не для одной черкешенки. Сюда же приносились огромные связки каштана, орехи, нанизанные на нитке наподобие короны – добыча резвой лошади на похоронах, башлыки, наполненные яблоками и спелыми грушами. Все это Назика, в свою очередь, раздавала своим подругам. Даже в табунах встречались десятки хорошеньких жеребят, с красиво вышитыми ошейниками. Это были тоже подарки Назике, о которых она осведомлялась с особенным участием, как о полной своей собственности.

Ни в одном ауле так весело не устраивались праздники, как у старого Теперуко, никуда не стекалось так много народу.

Далеко в округности еще за месяц до праздника шли хлопоты; юноши теперуковские на общую складчину вербовали лучшего в крае гегуака (Черкесские барды.).

В назначенный день, благодаря Назике, устраивались танцы, подобных которым старожилы не видали. В ауле не оставалось пустого места от приезжих всадников. За пороховым дымом пряталось самое небо. А стреляли большей частью над головой Назики.

Молодые люди нередко схватывались за оружие, оспаривая друг у друга честь сделать два-три круга с ней. Гегуако отбирал от каждого джигита, вступившего в круг танцующих, пули и порох, и наполнял ими свою шапку. За то же как он славил княжну! «Ты краса и гордость земли адыгской, – говорил он экспромтом. – Твои глаза краше блестящих звезд на синем небе. Твой стан гибче камыша, что растет на берегу Белой речки. Счастлив юноша, который назовет тебя своею. Да пошлет аллах счастье на земле родителям твоим, а когда они умрут, да отворит он пред ними ворота рая. Не думай, красавица, что я тебе льщу. Мать родила меня не льстить, а говорить людям правду, и своим скудным словом славить дела храбрых юношей и красоту наших девушек. Ну, танцуйте же, молодцы! Славьте со мною Назику во все концы света. Пусть черкесские девушки подражают ей во всем, а юноши тоскуют по ней». Назика, стыдливо потупив глаза, выслушивала похвалу, которой нельзя было не гордиться.

Наш горец ценит женщину, хотя в то же время ее угнетает. Черкес поработил ее, низвел на степень игрушки, по примеру развратного востока, но в то же время сделал ее предметом восторженных похвал и песнопений. Преступник, прибегнувши к покровительству женщины, делается лицом неприкосновенным.

Из многих бед вырвались черкесы, много переворотов испытали они, но свобода всегда оставалась неразлучной их спутницей.

Врожденный дух рыцарской чести жил в их крови и отражался на их действиях.

Прошло несколько недель со времени ночи с пляской и пением, о которой говорилось в начале рассказа нашего. Во всем ауле забыли о проезде удалцов и о храбром юноше, одна только Назика задумывалась чаще и вспоминала красивого джигита, с которым обменялась двумя или тремя словами. Любовь, видимо, завязалась, но должно быть ей, – и сама Назика о том догадывалась – суждено было кончиться одним началом. Другие, новые заботы ждали своей очереди, девушке уже исполнилось шестнадцать лет, и, по всей вероятности, ей недолго осталось жить под отцовской кровлей.

Чаще прежнего кунацкая Теперуко наполнялась незнакомыми лицами. У коновязи каждый день стоял десяток оседланных коней. Приезжие, прождав день и ночь, вели таинственные переговоры с старикашкой, а потом молча уезжали. Едва они выезжали со двора, как прибывали новые. А

Теперуко оставался все в обычном настроении духа, молчал и не сообщал никому новостей, привезенных гостями издалека. В ауле не сомневались, что дело шло о Назике. Повесила носы свои молодежь, предчувствуя скорое расставание со звездой аула.

Человека два-три из самых почетных лиц в ауле пробовали было заговорить с Теперуко насчет своих сыновей или молодых внуков, но переговоры не вели ни к чему, в родном ауле не находилось ровни для девушки.

Дело в том, что Теперуко от пяток до макушки был напитан сословной гордостью. Род его искони пользовался большим почетом. Много славных наездников считалось в его родне, и ни один из них не кончил жизнь в постели. Никогда девушка из-под кровли его дома не вступала в неравное супружество: никогда жених, будь он хоть такой человек, который мог одним взглядом вскипятить котел, не получал с первого же разу согласия, а принужден был украсть свою невесту или униженно вымолить ее, будто милостыню. А старику ли было нарушить, что заведено достойными предками? Он скорее бы умер, чем решился на такое святотатство. Кроме того, Теперуко крепко держался черкесской поговорки о браках: берешь жену – хватай повыше, выдаешь дочь – приищи равного. А между искателями Назикиной руки (Назикиной души, по-черкесски), Теперуко ни одного не мог бы назвать себе равным. Один и родом брал, и богатством ничего, да по справкам оказывался грешок: один из родоначальников его имел неосторожность жениться на покупной рабыне. Второй – молодец со стороны родословия, но был гол, как сокол. Отдать же дочь без калыма Теперуко ни за что не мог бы, потому что нельзя же такому родовитому человеку ни с того ни с сего подарить свое детище. И в ауле скажут, что старик торопился сбить с рук засидевшуюся дочь, и не взял за нее и курицы. Теперуко был такого свойства человек, что без богатства и происхождения ровно ничего не значил. Последний раб с его двора мог перещеголять его и на поле брани, и в народных собраниях. Природа не дала ему ни завидного ума, ни твердости духа. Об его храбрости ходили самые неправдоподобные слухи. Старик хорошо знал это и тем крепче держался за свой род и за свое значение. Дочь он, конечно, любил и желал ей добра, но за безродного храбреца, конечно бы, ее не выдал, а скорей бы застрелил ее с полным хладнокровием.

Не успел еще Теперуко вдоволь потешиться бесчисленными сватовствами и любезностями, при сватовстве неизбежными, как разнесся в ауле слух о приезде одного весьма известного в крае князя. Сердце Теперуко тотчас угадало цель такого посещения. А то обстоятельство, что столь важное лицо местом своего ночлега избрало дом узденя, тогда как по всем правилам подобная честь принадлежала ему, это обстоятельство подтвердило догадки Теперуко. Он ждал наутро посольства, потому решил приготовить приличный ответ. Старик понатужился, напруг все крохи мыслительной способности. Вопрос: отказать или принять предложение гостя застучал в

голове старика, словно жернов, на карачаевской мельнице. Старик прибег даже к известному способу решения неразрешимых задач: взял тихонько свою любимую палку из орешника и, начиная с нижнего конца до верху, поочередно обхватывал ее пальцами обеих рук, приговаривая с каждым обхватом, отказаться или принять. Рука, прежде достигнувшая верхнего конца палки, должна была восторжествовать и доставить первенство одному из двух слов, которое совпало с последним обхватом.

Хотя первенство досталось принять, однако старик не успокоился. Им овладела непонятная тревога. То радость, то нерешительность попеременно трясла его с силой абхазской лихорадки. Несколько мыслей поднялось в голове, несколько бледных картин зашевелилось в засоренном воображении старика и... не успел он хорошенько разобрать их, как вдруг налетело какое-то зловещее облако и покрыло собой и без того неясную перспективу. У старика дрогнуло сердце. «Рассудим со старухой. Дело это бабье», – почти вслух произнес Теперуко.

Ужин кончился, хотя, как казалось Теперуко, он тянулся мучительно долго. Старик, шатаясь от сильной тревоги, поплелся к жене. Бог знает по какому сочувствию, старуха еще издали почуяла его шаги и, спустившись с высокой кровати, где, наваленные одна на другую мягкие подушки образовали то, что черкесы называют тома-моша, стала около самых дверей с почтительной покорностью, как и в первую ночь своего замужества. Супруг не обратил на нее никакого внимания и, гордо пройдя длинную саклю, тяжело опустился на кровать. Просидев несколько времени молча с опущенными глазами, он, наконец, поднял немного голову и сделал слабое движение рукой. Старуха поняла знак и села на табурет в двух шагах от своего повелителя. Затем настала совершенная тишина. И муж и жена, несмотря на маленькое ослабление слухового органа, явственно различали жужжание и шелест крыльев засевшей в дальнем углу мухи. Огонь слабо вспыхивал в очаге и таинственным полусветом оттенял внутренность пространной сакли со всеми украшениями новейшей черкесской роскоши. Если справедливо поверье, будто души умерших по каждым пятницам витают в сакле потомков, то я уверен, что предки Теперуко с глубоким негодованием отказались бы от подобного путешествия. Так много было в сакле его вещей, невидимой цепью оковывающих железную мощь черкесского духа: шелковые тюфяки, начиненные шерстью, пуховые подушки, одеяла из атласа и бархата, симметрически наваленные один на другие, занимали всю длину стены и вершинами своими касались высокого потолка. Ковры разных цветов и величины, зеркала, фаянсовые миски и тарелки, красивые чайники с различными изображениями на боках; Ислам строго запрещает всякое изображение, а каких соблазнов тут не было! Вправо от дверей, на возвышении, сделанном из глины, стоял, гордо подбоченясь, отлично вычищенный самовар. Тут же, рядом с самоваром, находилась и кофейная мельница. Даже на одном из разнокалиберных сундуков, выглядывавших из-за кровати, виднелась шарманка, как бы в

доказательство того, что слух черкеса способен ощущать не одни трескучие звуки балалайки, но и гармонию инструментов европейского изделия. Внутри шарманки, по общему приговору жителей теперукова аула, должен был находиться если не сам шайтан, то по крайней мере один из помощников его. Были в сакле и часы, издававшие змеиное шипение, сопровождаемое пением выскочившей изнутри кукушки. Шарманка все еще сохраняла способность издавать кое-какие звуки, несмотря на то, что по сто раз в день подвергалась самым тяжелым операциям. А часы уже перестали давно шипеть, и кукушка более не показывалась в том, вероятно, убеждении, что семейство Теперуко и без их услуг знает очень хорошо, когда кушать или молиться. Все же вещи (кроме самовара), были, разумеется, столько же необходимы, как и очки для мартышки.

– Ты слышала, старуха, что важный гость к нам приехал? – проговорил Теперуко несколько тревожным голосом после продолжительного молчания.

– Ничего не слышала, – отозвалась старуха. – Никто не говорил мне об этом. Да как же это? Значит, он без ужина остался?

– Как без ужина? Он, я думаю, теперь уже храпит. Да ведь гость остановился не у нас, а в доме Умара.

– Какой же он нам гость, коли остановился в чужом доме? – с изумлением проговорила старуха и внимательно взглянула на мужа.

– В том-то и дело, – глубокомысленно отвечал Теперуко, – душа моя чует, что дело пойдет о твоей Назике. Теперешнему гостю соперников нет на земле адыгской. Последний чабан знает его имя. Жених хоть для дочери падишаха. В жизнь свою не выпускал меча из рук, не вынимал ног из стремян. Лошадей – как саранчи, овец – и не сосчитаешь. И с моим отцом еще знался!

– Как с твоим отцом? – сказала старуха, смутно испугавшись за Назику.

– Ну да, с отцом. Не молокососа же надо твоей дочери.

– Твоя воля, – спокойно сказала старуха.

И снова настала тишина. Тлевший огонь вспыхнул раза два, осветил лицо Теперуко, окаймленное подстриженной, пепельного цвета бородкой, его вздернутый кверху носик, черные глаза, тускло выглядывавшие из глубокой трещины, и лицо тощей старушки, которую всякий мальчишка мог схватить в охапку и унести куда угодно.

Сердце не обмануло Теперуко. Утром явились послы в сопровождении Умара. После обычных расспросов о свежих новостях, Умар встал и кивнул головой хозяину. Оба вышли. Гости переглянулись значительно. Некоторые кашлянули и плюнули в угол в знак маленького волнения, но никто из них не обнаружил признаков любопытства. Умар очень скоро вернулся, тем же киванием головы вызвал старшего из посланцев и, доведя его до того места, где стоял Теперуко, строгавший свою палку ножом, сам отошел в сторону.

– Посла не бьют, не вяжут ни на какой земле, – начал посланец, подходя к Теперуко с важностью на лице. – Род твой из тех, у которых мы должны учиться орк-хябзе. Я пришел к тебе с хорошей вестью – князь мой

ищет твоей дружбы. За ней приехал он издалека. Не смею хвалить князя Айтека, но думаю, что имя его тебе не чужое.

– Да, слава о нем хорошая, – важно отвечал Теперуко. – Такому человеку не следовало бы ехать так далеко за подобным пустяком, мог бы просто прислать тебя или кого другого.

– Берекеть-босын! – вскричал посол, пожимая руку хозяина. – Да благословит и поддержит аллах родство ваше, пока мир стоит. Да обрадуются ему друзья наши, а враги позавидуют.

Тем и кончилось посольство. Вечером снова явились посол, Умар да еще новое лицо, аульный эфенди в ветхой чалме, с самой скаредной фигурой. Умар перемолвил слова два с Теперуко и все трое отправились к сакле княжны. Назика в это время работала с подругами, ничего не подозревая. Едва послы вошли в калитку княжеского двора, девушки их заметили и подняли страшную суматоху, толкали друг друга в бока и хихикали, указывая пальцами на пожилых людей. Один вид почтенных мужей возбуждал в них непреодолимое желание посмеяться. Они не привыкли видеть в сакле Назики седые бороды. «Да они сюда идут! Чума их побери!» – засуетились девушки. Действительно, седые бороды и ветхая чалма подошли к самому окну, где сидела княжна. Умар, как человек домашний, выступил вперед и приветствовал княжну, которая в свою очередь также осведомилась о его здоровье.

– Садись, княжна, – проговорил Умар, но княжна не согласилась, видя незнакомое лицо между посетителями.

– Нас сюда прислал Теперуко, – начал Умар, подняв с земли какую-то щепку и вертя ее в своих руках, – а прислал за тем, чтобы передать тебе свою волю.

При имени Теперуко, Назика отошла от кровати и стала на разостланной на полу рогоже.

– Но мы должны узнать наперед, будешь ли ты согласна на все, что ни прикажет отец. – Буду, без сомнения, – отвечала Назика.

– Если так, слушай же дальше, душа моя, княжна, – сказал Умар, – отцу твоему угодно выдать тебя замуж.

При этих словах Назика встрепенулась и зарумянилась; она ждала чего-то радостного, бедная девушка. «Не от того ли юноши?» – подумала она и еще покраснела.

– Мне нечего хвалить жениха твоего, – продолжал Умар, все еще вертя в руках щепку. – Твой отец решил, что будущий твой муж достоин тебя. Что ты скажешь на это?

– Я уже сказала, что не имею своей воли.

– Да наградит тебя аллах, – одобрил Умар, – ты говоришь как истинная дочь.

И Умар быстро повернулся к эфенди, который все время следил больше за окружающими предметами, чем за ходом разговора. Серенькие глазки эфенди не могли не заметить подруг Назики, притаившихся позади

сакли, и на них-то достойный муж глядел с кошачьими ужимками. Умар без церемонии дернул его за полу черкески, и сказал:

– Твоя очередь.

Эфенди оторопел, ему было стыдно, что его духовную особу застали заглядывшимся на девушек, но, будучи по природе увертлив, он скоро оправился. Потом запустил руку за пазуху, вытащил оттуда деревянную чернильницу и лоскуток не совсем белой бумаги; достал из-за чалмы толстое камышовое перо и расположился на корточках.

– Говори, эфенди, – приказал Умар, – а княжна будет повторять твои слова.

Эфенди слегка закачался, будто кто уколол его иглой, подобрал под себя полы своей черкески и обмакнул перо в бурые чернила.

– Я раб и слугитель аллаха на земле, – начал он, – действую во всех делах согласно с Кораном, избегаю кривых путей, и если где и отступаю от прямых своих обязанностей, то неумышленно, а по свойственной людям слабости. Человек создан из греха и...

– Оставь все это для другого времени, да примись за дело, – перебил Умар, знавший неукротимое стремление эфенди к красноречию.

Раб и слугитель аллаха на земле приятно ухмыльнулся и снова начал:

– Отец твой желает видеть тебя, прекрасную Гурию, хи... замужем за достойным князем Айтеком, приехавшим единственно за тобой из дальнего края... ихи... Коран предписывает мне... ихи... спросить тебя: согласна ли ты с желанием твоего отца?

– Согласна, – чуть слышно вымолвила княжна.

– Слышали ли вы, правоверные? – обратился эфенди к своим товарищам.

– Слышали, – отвечали те.

– И будете перед богом свидетелями?

– Как же не быть? Будем.

– Еще один вопрос, – обратился эфенди к Назике: – будешь ли любить и уважать своего мужа и господина... ихи... права которого священнее всех прав земных, и будешь ли верна ему до могилы... ихи?

– Буду, – еще тише шепнула Назика.

Эфенди еще раз обратился с вопросом к товарищам и, получив от них удовлетворительный ответ, принялся писать что-то на своей грязной бумаге. Минут через десять послы простились с Назикой, переговорили с Теперуко насчет калыма и срока к платежу его. Потом отправились к жениху, чтоб и от него отобрать формальное изъявление согласия. К сумеркам дело совершенно покончили. Бумажку о согласии жениха и невесты передали на время Теперуко. Эфенди за труды получил от жениха доброго коня. А старый жених на другой день утром выехал из аула Теперуко чрезвычайно довольный легким приобретением первой красавицы земли адыгской.

Приготовления к приезду фызише (люди, посылаемые женихом для взятия невесты из дома родителей.) шли быстро, так как жених назначил

всего два месяца срока. Десять отборных подруг Назики день и ночь работали ее богатый свадебный наряд. Опытные женщины исправляли при них должность цензоров. От их пытливого взора не ускользала ни малейшая погрешность или небрежность в шитье. Служанки Теперуко без усталости готовили всевозможные кушанья, с раннего утра до темной ночи мололи остеницу, толкли просо, лили в огромных кадучках бузу. Крестьяне то и дело подвозили к кухне дров, резали баранов и откормленных быков. Мать Назики, от природы вялая, слабая женщина, стала на этот раз необыкновенно деятельна. Она не знала ни минуты покоя. За всем присматривала, всюду поспевала. Сто раз в день забегала в девичью взглянуть, как там идет шитье, столько же раз посещала и кухню, исправляла промахи служанок, отведывала приготовляемые явства. «Эка, добрая какая стала», – подсмеивались служанки, исподлобья посматривая на свою госпожу. Старуха собственными руками раскладывала в большие сундуки дорогие ткани и другие ценные вещи, приговаривая беспрестанно: «Все это пойдет на родню жениха, ничего не останется Назике. За то ни один человек не скажет, что она вышла из дома родительского с пустыми руками». Тесемки, вытканые из серебра, подушечки и чехлы для пистолета и другие принадлежности наездника размещались по особым корзинам. Ужаснейшая возня шла во всем доме. Не было во дворе человека, который более или менее не принимал участия в общей суматохе. Только сама Назика с полным и унылым спокойствием глядела на кипучую деятельность. Первые дни после обручения ей было невыразимо грустно, хотя она ясно и не понимала причин своей печали. На самом деле причина тоски ее была понятна, но Назика, никогда не думавшая о любви, никогда не слышавшая любовных рассказов, – первая бы ужаснулась и, пожалуй, не поверила, если б ей сказали, что она тоскует по раненому юноше, даже имя которого ей неизвестно. Грусть свою она приписывала разным причинам: во-первых, подружки слегка шутили над ней и говорили, что ее будущему мужу больше семидесяти лет и что он хоть храбр, как лев, да с лица-то похож на старую бабу. Во-вторых, вся молодежь аула стала обходиться с девушкой как с «несвободным человеком» и держала себя от нее в почтительном отдалении. Все это казалось горьким для Назики, но нужно ли прибавлять, что под воображаемой горечью тут таилось что-то более тягостное и далеко не осознанное!

Между тем роковой день приблизился и весь аул Теперуко был в смятении. С зари до глубокой полночи народ волновался на тесных, кривых улицах, оглашая воздух неистовыми криками. Особенно много людей толпилось на дворе двух больших саклей, в самом центре аула. Там пировали физише. Буза из огромных чаш лилась в горло и на головы сотни народа. Гости пили за здоровье жениха, невесты, стариков-родителей и целого аула. Десятки столиков со вкусными изделиями черкесской кухни беспрестанно вносились в сакли. Не меньшее количество столиков доставалось и на долю народа... Кончился пир. Народ с криком бросился в сакли, вытащив пьяных гостей во двор, и принялся купать их по очереди в нарочно устроенных

банных. И что за чудные были эти бани! Никакие медицинские средства не могли бы так скоро переварить пищу, как эти бани из помойных ям с досчатой перекладной наверху. Гости один за другим вползали на одну сторону и проползали до противного конца на брюхе или на четвереньках, смотря по обстоятельствам. Если люди, покачивавшие сверху перекладину, питали в душе какое-нибудь сострадание, то гости отделялись четвереньками; если же нет – им приводилось черпнуть грязи и ртом и носом. Многие из гостей, выбравшись из прохладительной ванны, с особенной нежностью ощупывали свои ребра. После такой припарки к гостям подводили арбы, в которых восседала молодежь с палками, веревками и прочими понудительными средствами. Гостей попарно впрягали в ярмо, чтоб испытать, как велика в них физическая сила. Если пара не в силах была сдвинуть арбу, впрягали еще двух, говоря, что и быки иногда нуждаются в подмоге. Даже почтенные, седые бороды, приехавшие в качестве распорядителей, не избегли насмешки. Их тоже за шивороты тащили из саклей. Гости вооружались против такого бесчестия. «Мы выкупим своих тхамата, – кричали они. – Мы дадим за них все, что при нас есть». «Возьмите выкуп свой домой, – отвечали им. – А из уважения к старости ваших тхамата, так и быть, немного смягчим испытание. Пусть они принесут с реки несколько котлов воды». Тхаматы, кряхтя и сопя, притащили требуемое количество воды. Но народ не ограничился таким ничтожным наказанием. «Ведь мы не крестьянку какую выдаем, – кричал он. – Окатим их водой. Пусть себе знают, какую воду мы пьем».

И почтенных старцев окатили с головы до самых пяток... Так прошло три дня. Аульные гуляки истощили свой запас. Не осталось ни одной сколько-нибудь замечательной шутки, все было испробовано над приезжими. Да и гости соскучились порядком. «Довольно уж натерпелись мы, – говорили они, – пора и в дорогу. Мы исполнили все, что велит орк-хябзе. Возьмите, что вам приглянется из нашего наряда и сбруи, да отпустите поскорее». Раздевание началось. Молодежь теперуковская отобрала все, что было хорошего на гостях (исключая нижнего платья, оружия и коней), а чтоб гостям не показалось холодно, предложили им лохмотья из чердаков, давно всеми брошенные. Фызише превратились в группу странствующих факиров. Смех и свист сопровождали их повсюду. Мальчишки хлопали им в ладоши и швыряли грязью. Невозможно было без смеха смотреть на оборванную толпу в черкесках без рукавов, с подрезанными по пояс полами, в шапках без меха, на голых седельных досках, с одной подпругой вместо трех... Наконец пришел конец страданиям бедных гонцов! Невесту снарядили в дорогу. Отец и мать тайком простились с ней и благословили. Старик, прижимая к груди еще раз свою Назику, не мог удержаться от слез. «Будь скромна, послушна своему хозяину. Сохрани свое доброе имя, не срами и нас. Будь всегда так умна, как была до сего времени», – говорил он, всхлипывая, как баба.

Этим нежным прощанием бедный старик прибавил еще одно пятно к своему имени. Его слабость казалась тем непростительнее, что даже старуха,

во всяком случае женщина, простилась с любимой дочерью без рева и рыданий, а с приличной твердостью. Простились с Назикой и подруги. Все они знали, чего в ней лишаются, потому дали полную волю слезам. Молодые люди не могли плакать, как девушки, зато на их лицах выразалось сильное уныние. Назика не выронила ни одной слезинки. Рыдания подруг, дворовых мальчишек и женщин, казалось, вовсе не доходили до ее ушей. С бесчувственным равнодушием подавала она каждому руку на прощание, быть может, вечное. Побледневшее лицо ее, ее ласкающий взгляд, тянувший к себе сердца, не выражали теперь ни радости, ни горя. Кто прежде не знал Назику, тот не мог бы, смотря на нее в эту минуту, составить себе о ней какое-нибудь понятие. То была прекрасная статуя, произведение хорошего мастера, не более.

Готовая арба, запряженная парой здоровых коней, стояла у ворот. Вокруг ограды толпился народ, желая бросить хоть издали прощальный взгляд на свою любимицу. Оживленный говор ходил в толпе. «А что жениху-безбожнику жить поближе от нас. На байрамах, по крайней мере, видали бы Назику», – поговаривали многие с досадой. «А кто из молодцов ее провожает?» – спросил кто-то. «Ислам безродный», – отвечал ему сосед. «Выбрали, нечего сказать! Или чума перебрала наших молодцов, что очередь дошла до бродяги?» «Она сама его выбрала». Гонцы жениха в это время стояли пред дверьми девичьей и ждали с нетерпением, когда выведут покрытую чадрой невесту. Но этого им никак нельзя было дожидаться, пока вход в девичью охраняли служанки Теперуко. Они требовали от гостей своей законной доли. «Родителям невесты даете калым за то, что они ее родили, а мы по очереди носили ее ночи без сна, сидели над люлькой. Она и наше дитя». Но гонцы на этот раз были суровы. «И так вы над нами натешились, – сказали они. – Не первый раз бывали мы в фызише, а таких обид нигде не видали».

– Да отроду вы не ездили за такой невестой. Чего хвастать даром! – отвечала толпа. Гонцы, оскорбившись окончательно, отправились в кунацкую, чтобы взять оружие.

– Мы и без невесты вернемся домой. За это ушей нам не отрежут, – говорили они. – Ведите коней!

– Эка, вы какие чванливые! – заколыхался народ. – Ведь не мы к вам ходили, сами просили невесту. И ступайте себе как приехали. Плакать не будем, найдем и моложе вашего зятя.

В это время вывели невесту, и споры покончились. Служанки получили подарки, арба заскрипела. Гром выстрелов потряс воздух. Серое облако дыма медленно заходило над аулом. Густая масса народа хлынула к воротам. Вот арба у ворот... Сильные кони рванулись, и побежали резво. Оборванная толпа свистнула нагайками по бедрам коней. Туча пыли, поднятая на дороге, скрыла от взоров народа арбу и всадников. «Дай бог ей счастливого пути! Славная была девушка», – говорили жители, расходясь по домам. Те из них,

которым лежал путь мимо княжеской кунацкой, кланялись Теперуко, который сидел на камне перед кунацкой, низко опустив голову.

Смех и веселие навсегда покинули дом Теперуко. Сыростью могилы несло от него. Душу богатого семейства составляла Назика. Не стало ее – и биение жизни почти прекратилось. Со дня выезда Назики нога молодого человека или девушки не переступала более порога теперукова двора. А двери девичьей затворились навсегда за своей милой хозяйкой.

Роль фызише, то есть посланцев жениха, изменилась, как только они выехали из ворот теперукова аула. Из безответных жертв насмешки, они сделались безнаказанными грабителями. Все испытанное было забыто. Вот вдали показался всадник. Раздался дружный гик. Пыль взвилась тонким вихрем... Путник настигнут и ограблен в минуту. «Сердиться не смей, иначе еще хуже будет», – говорят ему гонцы с возмутительным хладнокровием. Повторив несколько раз такую проделку, фызише вознаградили себя за потерю. Но вместе с обновкой, у многих появились синяки на носах и под глазами; а на более отважных даже рубцы шашки и кинжала. Схватка с невинными путниками не обошлась даром. Впрочем, на это никто не обращал внимания. Мало ли чего не бывает с фызише. Уорк умеет сносить шутки. Что за черкес тот, кто для уорк-хябзе не расстанется с жизнью. Нужды нет, что побили крепко.

Счастлив был путник, достигавший до арбы, и успевший крикнуть: «Я твой гость, благородная невеста». Его отпускали целым... На четвертый день путешественники приблизились к своему аулу. Гонец помчался извещать о прибытии княжеской невесты и на дороге кричал каждому встречному: «Фызише вернулись!» Народ высыпал на встречу поезда. Лихие всадники безумно закружились по широкому полю, сверкая обнаженными винтовками. Раздался гул выстрелов. Пешие и конные люди смешались и закружились. Фызише старались разогнать толпу, яростно врывались в нее, хлестали на все четыре стороны плетьюми и сами получали не менее тяжкие удары сучковатых палок. Смотря издали, можно было подумать, что в аул врывается неприятель.

С трудом прочищая себе дорогу, арба подкатила наконец к воротам аула. Свадебная песня слилась с выстрелами а громким восклицанием народа. Волны народа сгущались все более, фызише брали каждый шаг с боем. Кровли саклей, плетневые ограды были унижены народом; а из полуотворенных дверей и окон выглядывали благородные жены и девушки.

Невесту подвезли прямо к княжескому дому, так как в нем никого не было старше жениха (Если в доме жениха есть старший член, невеста на несколько времени остается жить в чужом доме, откуда вводят ее в дом с разными церемониями).

При том же Айтек был ужасно стар и женат был раз пять, что избавляло его от тяжелых церемоний встречи. Отдых был необходим утомленной долгим путем девушке. Айтек очень благоразумно распорядился, приказав разогнать любопытную толпу, собравшуюся у ворот его дома. По

его же повелению выпроводили из сакли всех женщин и девушек, пришедших посмотреть, какие у невесты глаза, нос, подбородок, из чего состоит ее наряд и много ли вещей она привезла с собой.

Назика осталась одна, окруженная княжескими служанками, потому ей незачем было исполнять требования этикета. Она не прикрыла даже бледного лица чадрой, глаза ее машинально блуждали кругом... грусть волновала душу.

Мулла прокричал вечерний намаз, девушки подали ужин. Назика отказалась, не до еды было ей, нянька, приехавшая с ней, положила несколько кусочков в рот, но вид Назики отбил и у нее охоту кушать. По окончании ужина, служанки начали исчезать одна за другой. Осталась только одна старшая распорядительница в доме. Она приготовила постель, разместив тазы и рукомойники по их местам, подложила к огню дров и, сложив руки на груди, вопросительно посмотрела на няньку.

– Пойдем с нами, – сказала она тихо, видя, что нянька не поняла ее знака.

– Ах, душа моя, оставь нас на часок вместе, – ответила няня. – Мне кое-что нужно сказать княжне. Я скоро выйду за тобой.

Служанка вышла и притворила за собой дверь.

– Тебе, свет очей моих, нужно стать вон там, – проговорила нянька дрожащим голосом, указывая на то место, где возвышались тюфячки и одеяла.

– Лучше бы умереть мне! – вырвалось у Назики.

– Ничего, дитя мое. Все девушки так говорят сначала. Привыкнешь.

– Нет, у меня не хватит сил... я не могу, Заират... я убегу отсюда.

– Тс! Избави тебя аллах! С каким лицом покажешься после людям? Стыдно. Я, право, не ожидала этого от тебя.

На княжну нашел какой-то припадок. Слезы покатались из глаз, прерывистое рыдание вырвалось из уст. Нянька пришла в совершенное отчаяние.

– Что мне делать, великий аллах! – говорила она, ломая свои руки. – Ребенок, ведь ты бросишь грязь в седую бороду Теперуко.

Рыдания Назики становились сильнее, она ничего не слышала, ничего не хотела понять. Она не знала, что с ней случилось, какое у нее горе. Она не хотела думать о том, какой стыд встретить своего мужа слезами!

– Пора, князь будет скоро, – проговорила служанка, просунув голову в полуоткрытую дверь.

Заират стояла неподвижно, уставив глаза на Назику, ей совестно было обернуться к служанке. Угадала ли служанка в чем дело, или подумала, что поучения няньки еще не кончились, только она снова скрылась. Пристыженная, растерявшаяся нянька не находила более слов для увещаний; к счастью, сама Назика оправилась.

Она быстро отерла слезы и твердо проговорила:

– Уйди, Заират, куда тебя зовут. Да будет воля аллаха. Я вырвала бы из груди свою душу. Но душу вложил аллах, он один вправе и отнять ее.

Нянька так обрадовалась внезапной перемене, что схватила руку княжны и осыпала ее поцелуями.

– Да будет с тобой аллах! – проговорила она и простилась с ней.

Назика осталась одна, в незнакомом доме... холод пробежал по всем жилам; ею овладел страх, до того времени незнакомый. Назика впала в смутный сон... Дубовые двери тяжело закрипели на петлях и растворились настезь. Вошел высокий старик в черной черкеске...

Наутро молодая княгиня осталась в постели, к большой горести аульных девушек, давно уже приготавливавшихся к танцам. По аулу пошли толки и догадки. Причину внезапной болезни княжеской невесты объясняли различно, смотря по вкусу и наклонности каждого. Старухи утверждали, что какая-нибудь колдунья успела поднести княгине зелья; а более тонкие знатоки сердца строили предположения еще более хитрые. Но ни тем, ни другим не было известно ничего положительного. Предусмотрительность Айтека избавила Назику от сплетней и докучливого любопытства.

«Чтоб ни одна бабья нога не смела перешагнуть моего порога», – наказал Айтек. А воля сурового старика свято исполнялась.

Прошел целый месяц, пока Назика окончательно не встала на ноги. Болезнь значительно облегчила ее. Кроме того, что она отстранила неизбежные толки, она дала ей время осмотреться и привести в сознание новое свое положение. Этому много способствовала и нянька, которая, сидя у изголовья больной, поминутно твердила ей о необходимости перемены. Во все время болезни жены Айтек ночевал в кунацкой, но его скрытой заботливости обязана была Назика спокойствием и полным довольством. Служанки не выходили из сакли и на лету хватали малейшее ее желание. Такая предупредительность немало содействовала и тому, что Назика в месяц успела довольно привыкнуть к новому своему положению. Великий переворот совершился в ее судьбе почти незаметно. Круг ее деятельности расширился и потребовал от нее умения и распорядительности. В короткий срок она усвоила все тонкости домашнего управления. Нужно ли было приготовить какое-нибудь замысловатое блюдо, выткать домашнее сукно, выкроить платье, она не прибегала за советами к служанкам, и сама приказывала сделать так, как ей хотелось. И весь аул единогласно решил, что хозяйки, подобной Назике, хоть бы с ситом в руках объехать свет, не найдешь. Здесь, как и дома, Назика приобрела любовь и уважение окружающих. Молодые девушки постоянно находились при ней, учились шитью, а замужние женщины, в отсутствие своих мужей, приходили осведомиться о ее здоровье, и, посидев часа два, возвращались домой совершенно довольные молодой княгиней. Даже дворня Айтека (привыкшая, как и всякая другая дворня, чернить своих господ) ничего дурного про нее не говорила. И было бы мудрено чернить ее, когда она с последним мальчишкой обходилась ласково, не выговорила ни одного жестокого слова, не причинила

никому ни малейшего огорчения. Несмотря на такую мягкость, все слушали ее беспрекословно. Назика снискала также и расположение старого своего повелителя, даром, что князь считался человеком самого неугомонного и вечно недовольного нрава.

После смерти последней жены князь Айтек два года оставался вдовцом. В это время в доме его произошли большие беспорядки во всем. Служанки прибрали к рукам все домашнее хозяйство, мало заботились о старике и его семействе. Каждая из них думала только о том, как бы подластиться к хозяину, и выжидала удобного случая, чтобы стянуть что-нибудь из дому, отчего домашняя утварь и другие необходимые принадлежности исчезали одна за другой неизвестно куда.

Трое детей Айтека ходили так неприлично, что их нельзя было отличить от крестьянских ребятишек. Самому князю нередко приходилось краснеть перед гостями: стол его был хуже, чем у какого-нибудь отпущенника. Приходилось донашивать черкеску до последней нитки. Все это Айтек видел и понимал очень хорошо, да и приближенные чуть не каждую минуту твердили ему, что ему нужна хозяйка. Но старик медлил, потому что старух он терпеть не мог, а про вдов и женщин средних лет говаривал: «Лев не возьмет овцы после волка». Случай навел его на молодую невесту. В одном из своих переездов по краю он провел ночь в одном ауле, у старого приятеля, который за ужином молол всякую чепуху и, между прочим, коснулся случайно старого Теперуко.

– Этот человек, – так выразился хозяин, – в жизнь свою сделал одно только хорошее дело – родил дочь красавицу.

Кто-то из товарищей князя стал расспрашивать про Назику.

– Я желал бы каждому из вас и вашему князю иметь бы такую дочь, – отвечал хозяин. – Право, не худо бы хоть туркам продать. Сам падишах посадил бы ее по правую руку на Стамбульском престоле.

– Почему не пожелаешь нам такой жены? Какая от дочери польза? – заметил Айтек.

– И то правда, – поправился балагур. – Только старикам, как мы с тобой, поздно уже зариться на красавиц. А сын у тебя есть?

– Еще какой! – подхватил один из товарищей Айтека. – Джигит во всех статьях!

– Чтоб я стал искать невесту для поросенка! – перебил князь сурово. – Пусть сам ищет, коли захочет.

– Да зачем ему искать? Пожалуй, хоть я устрою, – вызвался хозяин, охотник до всяких услуг.

– А как ты думаешь, хозяин, пойдет ли за меня дочь Теперуко? – спросил Айтек.

– Не знаю, право, воин ты хоть куда, да стар больно.

– Стар! – произнес Айтек каким-то глухим голосом, – мне далеко за шестьдесят, а все-таки красавица твоя от меня не увернется. Верь этому, если знаешь хоть мало Айтека.

Айтек никогда не изменял своему слову, если оно касалось его чести. Неумышленная шутка словоохотливого хозяина решила судьбу молодой девушки. Сватовство, как мы видели, кончено было с успехом. Только на другой день прибытия невесты убедился старик в истине слов балагура. Но он не имел привычки пенять на то, что раз сделано. Айтек верно, не стал бы более преследовать невыгодное сравнение своей особы с женой, если б в душу его не вползла, как змея, ревность. Мысль, что жена не может его любить, и быть может, презирает его в душе, одна эта мысль стоила ему неописанных мук и тайных страданий. Айтек чувствовал, что он, как вор, украл целую жизнь невинного существа. Но не совесть мучила его – нет! с совестью он никогда не церемонился.

Его мучило убеждение, что тот, кто крадет, бывает в свою очередь обкрадываем. «Трем вещам не должен доверять мужчина, – говорил князь Айтек, – коню, винтовке и жене. Конь в минуту сражения поднимется на дыбы, фыркнет и осрамит так, что хоть домой не возвращайся. Винтовка осекается в самое нужное мгновение. А жена... о, с этим шайтанским отродьем ничего не сделаешь».

С первого взгляда на жену Айтек убедился в возможности измены. Подозрительность его усиливалась с каждым днем и дошла до того, что он строго запретил спутнику Назики, Исламу безродному, видеться с ней, и когда тот начал энергически жаловаться на невиданное притеснение, то Айтек предложил ему щедрый подарок с тем, чтоб он немедленно оставил его дом. Ислам отказался от награды и отправился восвояси, круто побранившись с Айтеком. Вслед за Исламом отправлена была нянька, которая, по мнению старика, могла быть опасной. Затем ревнивец образовал из домашней прислуги род полиции со строгим предписанием следить каждый шаг Назики.

Под влиянием ревнивых помыслов старый князь стал чаще сидеть дома, почти отказался от военных предприятий и, как часто случается с воинами в душе, страшно состарился от бездействия. Он разом опустил и одряхлел. Айтек не так уж страстно вдевал ногу в стремя, не так горячо прикладывался к винтовке. «Пять ночей сряду не высижу на седле, – говорил он с глубокой горестью. – Справедлива поговорка: сделался стар – сделался дрянь». Не только пять ночей, но уже и день верховой езды стал обходиться ему недешево; выражение пять ночей употреблял он для того, чтобы слушатели не подумали, будто он никуда уже не годится.

Физическая дряхлость князя скоро стала отражаться на его отношениях с молодой женой. Он привязался к ней пуще прежнего, с назойливостью, какой не знал в молодые годы. Старик готов был дни и ночи просидеть возле Назики, не сводя с нее глаз. Круглая шея, полные, мягкие ее формы горячили его воображение, грозный князь у ног своей молодой жены делался чрезвычайно мягким и послушным. Тихо, как бы опасаясь пощечины, привлекал он ее к груди, ласково гладил ей лоб, глаза, вил в кольца ее мягкие кудри, и за все эти нежности просил у жены, как особенной милости,

поцелуя... Старик не мог не знать, что этот поцелуй и это дыхание искали иного... И тут опять в нем пробуждалась беспредметная ревность, угрожающая бедами.

Так прошло четыре года – целая вечность: за эти четыре года в семье Айтека не случилось ничего особенного, кроме того, что на пятый год старший сын старика, после семнадцатилетнего пребывания в доме аталыка, занял свой уголок под родительским кровом. Молодая мачеха приняла самое живое участие в юноше и заставила всех позабыть, что у него не было родной матери. Она приготовила буззы и яств в таком количестве, что хватило на два аула, и тем заслужила общую похвалу и благодарность. Народ особенно изумился приему молодой княгиней Джераслана.

Когда Джераслан по обычаю принимал из рук мачехи чашу с бузой, мачеха зашаталась и едва не упала, а молодой человек чуть не выронил чаши. Случай этот долго переходил из уст в уста, как пример редкой любви мачехи к пасынку. Сам старик остался чрезвычайно доволен добрым расположением жены. Он очень любил сына, который подавал большие надежды на отличного наездника, а это не могло не радовать отца, бывшего в свое время первым между храбрыми.

Старик с особенным удовольствием выслушал рассказы о похождениях Джераслана, обличавших в нем будущего головореза. Четырнадцать лет Джераслан участвовал в набегах, видел не раз человеческую кровь и с юношеским пылом порывался всюду, где можно было подраться. В известном походе на Бекешевскую станицу, в котором пять тысяч отборных черкесских наездников покрыли себя вечным позором, молодой Джераслан находился в малочисленном арьергарде, храбро прикрывавшем бесславное отступление. Ядра жужжали кругом, гранаты лопались среди скачущих всадников и, забегая вперед, рыли землю, кони уставали под тяжестью седоков и падали. В общей суматохе никто не думал подавать помощь опешавшим товарищам. Каждый старался спасти себя. Обычай – лечь подле убитого товарища, но не покидать его трупа на произвол врага, был забыт совершенно. Отстававших резали или брали в плен. В такую критическую минуту Джераслан отважился проникнуть в густые ряды преследовавшего неприятеля и вынес из под града пуль покинутого товарища. За этот смелый подвиг песня о «Походе трусов» отличила его эпитетом «молодого льва».

Самая наружность Джераслана была из тех, которые, по мнению черкесов, изобличают благородную кровь. Черты его лица, кроме изящной тонкости, отличались еще полудевической нежностью: если б нарядить его в женское платье, то никто не мог бы узнать в нем мужчину. За это качество прекрасный пол очень жаловал Джераслана. Говорят, что одна женщина сказала про него: «Так и хочется посадить Джераслана к себе на колени!» Джераслан умел пользоваться благосклонностью женщин, и немало хороших глазок заставил проливать слезы позднего раскаяния. Джераслан, как истинное дитя полудикого края, любил хвастать пред товарищами своими любовными победами, даже не был правдив в своих

рассказах, но тот же хвастун никогда и никому не рассказывал о подвигах своих на поле брани и среди темных ночей, в опасных набегах.

Джераслан действительно обладал всеми качествами черкесского джентльмена. Он был ветрен, беспечен или, как говорят черкесы, сидя на ветре, тыкал пальцем в воду; был не глуп, но не щеголял умом в том убеждении, что умничанье безобразит молодого человека; не говорил никогда серьезно, хотя мог высказать мысли, над которыми поломал бы голову и первый Солон аула. Характер имел самый неуловимый, можно сказать, безразличный, который изменялся по меньшей мере, десять раз в день. Все действия Джераслана вытекали из минутного настроения. Он не обдумывал заранее и не каялся в том, что раз сделано, хотя бы и признавал ошибку. Отчаянная предприимчивость Джераслана не знала ничего невозможного, ничего такого, пред чем можно бы остановиться в раздумье. Раз, говорят, он проехал с товарищами по узкой тропинке над обрывистой скалой, сажени две вышиной. Кто-то от скуки предложил вопрос: найдется ли такой молодец, который, будучи преследуем врагами, решился бы пустить коня в эту кручу?

– Такого труса, надеюсь, не найдется между нами, – отвечал Джераслан. – Не велика храбрость в том, кто из боязни к врагу бросится в кручу. Другое дело, если он так, из удалства, от нечего делать, решится на этот подвиг.

– Да, это было б делом хорошим, – сказал другой товарищ. – Только удалцов такого разбора нынче не сыщешь. Мудрено без причины ломать себе шею.

Джераслан, ничего не говоря, повернул коня, укоротил поводья и, когда конь, трепеща всем телом, остановился на самом крае обрыва, сильно ударил его под брюхо. Раздраженное животное поднялось на передние ноги и стремительно ринулось в пропасть. Товарищи не верили глазам своим, когда Джераслан со своим конем, сделав несколько оборотов в воздухе, очутился у подножия скалы, сидя в седле как прикованный.

Кроме предприимчивости, имеющей огромное значение для черкеса, Джераслан обладал и многими другими качествами. У него насчитывалось большое количество друзей, готовых сесть на коней по первому его зову. А знакомство вел он со всяким, кто хоть раз перемолвил с ним два-три слова.

А как дружба между черкесами держится главным образом на взаимных услугах и подарках, то Джераслан без всякого расчета сорил конями и оружием, и сам, в свою очередь, загребал их обеими руками. От этого он ничего не приобретал и ничего не проигрывал. Подарит, бывало, сегодня приятелю лошадь или винтовку, а завтра сам возьмет у другого; так что одна и та же винтовка, переходя из рук в руки, несколько раз попадалась к старому хозяину и снова отправлялась бродить где попало.

Круглый год, за исключением двух-трех месяцев, он проводил на коне, и все приобретенное чистыми и нечистыми средствами делил между товарищами. С двенадцати лет аталык не справил ему ни одного платья.

Несмотря на это, Джераслан был всегда одет прилично, даже находил что подарить товарищу. Впрочем, о костюме он очень мало заботился; надевал что попадало под руки, и самая плохая черкеска шла к нему так, как иному франту не идет изящный фрак, изделие французского мастера. Летом и в самые жестокие морозы одежда Джераслана была одна и та же: тонкий бешмет, да ветхая черкеска с куцыми рукавами, разодранная под мышками. Он не знал даже, что такое шуба.

Один старичок, желая польстить самолюбию Айтека, отзывался о Джераслане такими словами; «Когда этот безбожник прильнет к тебе выманить какую-нибудь вещь, отдай ему скорее и закрой глаза. Вообрази, что он сыграл со мной. Года два тому пристал ко мне: отдай, говорит, мне шашку; шашка осталась от покойного моего родителя, и я берег ее, как свою бороду. Я говорю ему: возьми все мое состояние, а шашки не могу отдать. Что ж ты думаешь? Безбожник уверил меня честным словом, что он просит ее только так, на короткое время, и что он отдаст ее мне назад в новых ножнах и ручку обделает в серебро. И теперь бери шашку, если можешь. Я остался как кошка, у которой вырвали мясо, я проговорил клятвенное обещание не расставаться с отцовским наследием. Следа даже не открою: так ловко он ее упрятал».

– Не может быть! – восклицал с восторгом обрадованный отец.

– Спроси у сынка своего, коли не веришь, – подтверждал старичок.

Расторопный Джераслан, скоро по возвращении своем домой, сделался правой рукой старика-отца. Случалась ли надобность поехать куда за делом, участвовать ли в собраниях вместо отца, приезжал ли в кунацкую важный гость, – всюду успевал Джераслан. Со времени его возвращения старик еще более опустился и стал совершенным домоседом, не принимал участия ни в домашних, ни в народных делах. Целые дни строгал какую-нибудь палку, точил свой ножик, постоянно пробуя острие его о свою бороду, отчего эта последняя стала походить на остриженную аллею. Старик, вероятно, хотел под своим надзором приучить к жизни наследника своего имени и чести.

Только один раз важное обстоятельство заставило его на несколько дней покинуть дом. В народном собрании в то время шли рассуждения об отправке большой партии на русские границы. Гонец прибыл за старым наездником с приглашением от старейших членов собрания. Голос его был необходим в таком важном вопросе. Старик отправился на зов, приказав сыну готовиться к выступлению в поход. При этом он слегка намекнул, что, быть может, Джераслана изберут в предводители...

Вечером, на пятый день отъезда Айтека, Назика сидела на своей кровати, задумчиво опустив голову на ладонь правой руки. Необычайный блеск в ее глазах и живой румянец, пылавший на щеках, показывали, что в ней происходит сильная душевная борьба. Она не обращала ни на что внимания, даже выронила из рук иглу и бешмет, который пред тем шила к приезду мужа. Служанка и три девушки, сидевшие в углу за работой,

посматривали с недоумением на княгиню. Они не привыкли видеть ее в таком положении.

Назика долго молчала. Наконец, обращаясь к присутствующим, проговорила:

– Оставьте меня. Я нездорова – хочу лечь.

Девушки встали, сложили работу в большую корзину и, пожелав княгине покойной ночи, вышли чинно из сакли. Одна из служанок раздела Назику, поправила ей подушки, набросила на нее одеяло, затворила дверь и тихо вылезла из заднего окна. Оставшись одна, Назика быстро вскочила с постели, достала из сундука завернутую в кисейный платок шапочку, в которой она выехала из родительского дома и которую переменяла на черный платок, спустя неделю по прибытии. Надела также новый, атласный бешмет, обшитый кругом серебряными тесьмами; посмотрела раза два в закопченное пятнами зеркальце и в страшном волнении под села к огню. Лихорадочная дрожь проникла в нее насквозь. Румянец на щеках становился шире и ярче. Огонь в глазах усиливался. Назика поминутно вскакивала с табурета и, подойдя к окну, чутко прислушивалась к малейшему движению на дворе... Прошло часа два. Настала темная, беззвездная ночь. Одному богу известно, какую страшную муку вынесла бедная женщина в этот короткий промежуток. Агония смерти не могла бы так сильно измучить ее, как эта двухчасовая борьба.

Упрямая натура, устоявшая против непрерывных мук четырех лет, сломилась наконец от сильного волнения. То страшный, оледеняющий холод, то пожирающий огонь попеременно овладевали Назикой. Она не выдержала, в изнеможении бросилась на постель, бешено прильнула горевшими щеками к подушке, и несколько жгучих слез выпало из глаз... глухой стон вырвался прямо из стесненной груди и замер в пустом пространстве сакли. Если б подобное состояние продолжалось до утра, то, верно, вместо прекрасной Назики, нашли бы холодный труп. Но, к счастью, окно тихо растворилось... Назика вспрыгнула как молодая тигрица и мигом очутилась в объятиях статного юноши. Страстная немая сцена тянулась несколько времени. Вошедший юноша с жаром прижимал к сердцу молодую женщину, потерявшую на время чувство.

– Сядем... я не могу стоять, – прошептала Назика задыхающимся голосом и повлекла любовника к постели.

– Я там не сяду, это грех, – сказал юноша, указывая на кровать. – Лучше сядем вон там, на ковре.

Назика в страшном бессилии опустилась на ковер. Молодой человек подсел к ней и дрожащими руками обнял шею княгини... Долго шел прерывистый, бессвязный шепот, прерываемый ежеминутно жаркими поцелуями. В пылу страсти Назика позабыла всякую стыдливость.

– А ведь я до сих пор не снимала корсета (После первой ночи замужества черкешенки не носят корсета), – говорила она в упоении, едва

переводя дух. – Посмотри сам, если не веришь. Душа мне говорила, что я еще с тобой увижусь.

– Лучше б нам никогда не встречаться с тобой, – отвечал молодой человек.

– О, нет. Я буду твоя... ты знай, что у меня не было и не будет мужа. Возьми меня куда хочешь. Я повсюду буду следовать за тобой, лишь бы не видеть старика... Возьми меня, умоляю... продержи возле себя, хоть один месяц, хоть неделю... а потом брось, убей меня. Только прошу тебя, вырви меня отсюда.

– Этого нельзя сделать даже с врагом, – отвечал молодой человек, – а я... как я дерзну на это... Ведь аллах убьет меня на этом же пороге...

– Если так, даешь ли мне клятву, что всегда будешь любить меня, – сказала Назика, болезненно прижимаясь к юноше. – Что каждую ночь придешь на место, которое я тебе назначу... Поклянись, умоляю тебя... Иначе, я не проживу неделю...

– Клянусь именем аллаха, – начал юноша...

– Нет... нет... не надо, не говори этого слова, – перебила Назика.

Наступила полночь. Небо стало проясняться. Из-за туч выглянул месяц и снова спрятался. У ворот княжеского дома отряхнулась лошадь, звеня стремянами. Калитка закрипела. Вошел человек в бурке и башлыке. Сначала он подошел к двери хозяйской и, постояв там минуты две, тихо направился к заднему окну... Он занес руку, чтобы постучаться, но остолбенел. Из щели показался слабый луч, потом послышался шепот разговора. Ночной гость затрясся, ухватился за грудь, зашатался и сел на землю. На несколько времени сознание покинуло его. Очнувшись, незнакомец быстро вскочил на ноги, одним движением сбросил с плеч бурку, дико сверкая глазами, изо всей мочи ударил в окно. Окно оставалось не затворенным изнутри, потому вместе с ударом влетел в саклю и высокий старик, бледный как мертвец. Раздался слабый визг... что-то тяжело упало на пол... затем все стихло в сакле.

Любопытство и страсть к кочевой жизни закинули меня недавно на реку Уарп. Славные здесь виды, да и люди пришлись мне по нраву. Да, здешние черкесы невольно переносят мысль к давно минувшим дням, – славы и бурной свободы. Наездничество у них еще в полной силе. Народ беднее, чем у нас на Кубани, но несравненно чище нравственностью и пристойнее. У нас число почитателей Бахуса возрастает с каждым базаром в станицах, а здесь, в целом ауле, не найдется и пустой бутылки. Женщины прячутся от мужчин. Как я ни старался, однако, во все время пребывания моего здесь, мне не удалось увидеть ни одной женской фигуры. Даже из-за плетневой ограды не мелькнуло ни разу белое покрывало. А на улицах кубанских аулов я очень часто натыкался на самые бесстыдные женские лица и на сцены не очень благовидные. В наших местах редкий мужчина, будь он хоть и молодой, просиживает день в кунацкой (большая часть не имеет даже и кунацкой). Все очень весело проводят время у ног своих жен, а если

таковой не обретается, то в присутствии матерей и сестер. Обычай, запрещающий входить в чужое семейство, изглаживается быстро и можно предсказать наверно, что лет через двадцать сделается преданием почтенной старины. На Уарпе не то. Каждый дворянин или отпущенник считает первым долгом выстроить перед своей саклей приют для гостей. И эти приюты играют очень важную роль. В них сосредоточивается общественная жизнь черкеса.

Кунацкая для черкеса то же, что кофейни, клубы, трактиры в Европе, с той огромной разницей, что в кунацкую даром входит всякий желающий. В ней черкесы едят, пьют, веселятся за счет хозяина, обсуждают свои дела и набирают новостей в таком количестве, что их не уместишь даже на столбцах любой газеты.

Десять дней провел я в кунацкой старшины Карабатыра и не соскучился бы провести еще столько же, если бы одно странное обстоятельство не разрушило моего короткого очарования. Раз мы сидели в обществе молодых людей, пели, шутили и дружески болтали. Мне было как-то особенно покойно и весело. В безыскусственной шутливости и непринужденном смехе молодежи было столько удали и теплой простоты, что я вообразил себя перенесенным в какой-нибудь волшебный мир. Я забыл и прошлые огорчения, и первые неудачи, и примирился с своим положением, как вдруг долетели до нас крики со двора. Мы все высыпали гурьбой из сакли. Народ толпами валил к мосту, где уже виднелась густая кучка зрителей. «Что это?» – спросил я своего хозяина. «Уаллахи, не знаю, – отвечал он – Пойдем посмотреть». Мы пошли довольно быстро и скоро подошли к мосту, переброшенному через реку. Мост был выстроен довольно прочно, из толстых бревен, выровненных слегка, и возвышался на высоких скалистых берегах. На мосту и перед мостом толкался народ. Полунагие мальчишки, побросав свои игрушки, взбирались на соседние плетни и кричали изо всей силы.

Почетное положение Карабатыра в ауле дало нам возможность без особенных пожертвований протиснуться через густо сплоченную массу. Мы очутились на мосту, и я увидел сцену, привлекавшую жителей аула. Посредине моста, по обеим сторонам перил, стояли по два здоровых мужчины. Двое на правой стороне спускали с моста на веревке какую-то женщину и, окунув ее со всего размаха в воду, медленно выпустили из рук смотанную в кольцо веревку. Двое других по левую сторону поднимали женщину по другой веревке, связанной с первой под мостом. Операция эта производилась до тех пор, пока женщина не лишилась чувств. Тогда ее подняли и положили на широкую доску, лежавшую на берегу. Из рта и носа женщины вода была непрерывным фонтаном. Черная коса, обрезанная до половины и напитанная влагой, безобразными комками валялась в пыли. Синее лицо и надувшийся живот были отвратительны на вид. Отчаянные вопли этой женщины так меня взволновали, что во все время операции я не

мог произнести ни слова. Опомнясь немного, я бросился к Карабатыру и дрожащим голосом спросил его, зачем мучили эту несчастную.

– Да это сумасшедшая, – отвечал он с возмутительным спокойствием. – Наши хакимы всех сумасшедших так лечат... Вернемся в кунацкую. Здесь что-то жарко.

Я молча отделился от моего хозяина и сел на камень, неподалеку от бесчувственной страдальицы. Хозяин с молодыми людьми пошел домой. Масса народа тоже заредела. Полдневный зной сильно накалял землю. Я попросил товарища моего и одного из зрителей отнести жертву хакимской премудрости хоть под тень ближайшего плетня. Через полчаса обнаружили в ней признаки жизни. Бедняжка открыла глаза и, встретив яркие лучи солнца, снова их закрыла. Я наклонился к ней и ощупал пульс, биение его чуть было слышно. Долго всматривался я в ее лицо. На нем еще не изгладились следы изумительной красоты. Тонкая линия черных бровей, большие глаза, изящно округленный подбородок и крошечный ротик, ясно говорили, что эта женщина не была судьбой предназначена к такому плачевному состоянию. Соразмерность и стройность всего ее тела была изумительна. Одна особенность очень меня поразила и возбудила во мне страшное подозрение: у, несчастной отрезан был кончик носа.

Прохлада под тенью и подувший ветерок благотворно подействовали на страдальицу. Она очнулась, присела и кинула кругом себя мутный, безжизненный взор. Затем она схватилась судорожно за спину, вскочила на ноги, и из уст ее вырвался какой-то неопределенный звук, пронзивший меня до глубины сердца. Отчаянно вцепившись руками в свои волосы, она зарыдала дико, безнадежно. Эта раздиравшая душу сцена, к счастью, продолжалась недолго. Сумасшедшая, бросив беглый взгляд вокруг себя, побежала к мосту. Я последовал за нею, опасаясь, чтобы она не бросилась добровольно в воду. Она остановилась на том месте, откуда опускали ее в реку, и начала что-то искать вдоль берега.

В это время показался на берегу мужчина, держа в руках какой-то деревянный обрубок, тщательно закутанный в разноцветное тряпье и опоясанный красной лентой. Это было чучело человека. Мужчина стал на возвышение и пронзительно свистнул. Сумасшедшая оглянулась и, увидев в руках человека чучело, с радостным криком устремилась к нему, схватила обрубок, отпрыгнула в сторону, и стала прижимать кусок дерева к сердцу, осыпая его поцелуями и вся дрожа от радостного волнения. Потом она взвалила чучело себе на спину и, придерживая его обеими руками как бы из опасения, чтобы люди вторично не отняли драгоценность, тихо пошла за незнакомцем. Долго следил я за нею глазами, пока она не скрылась в глубокой балке.

Пораженный до глубины души, я вернулся к своему хозяину. Здесь из расспросов узнал я, что несчастная женщина была некто иная, как когда-то знаменитая красотой Назика, первая звезда теперукова аула. Еще прежде я знал историю Назики в общих чертах, с неизбежными ошибками и

преувеличениями. В кунацкой Карабатыра я навел верные справки, и в первый раз услышал страшную развязку этой мрачной повести. В правдивости хозяйских рассказов нельзя было сомневаться.

Подозрительность Айтека, на время усыпленная постоянным пребыванием дома, разгорелась с новой силой, лишь только ему пришлось по делам удалиться на время из своего аула. Он был позван друзьями на совещание о предстоящем набеге, но Айтек, не имея сил сдерживать свое беспокойство, сказался больным и поскакал домой, сломя голову. Товарищи едва успевали за ним и дивились необычайной торопливости, с какой Айтек гнал свою лошадь. Давно уже не видали его таким бодрым... Предчувствие не обмануло Айтека. Чего он так долго и так мучительно ожидал, сбылось. Его глаза увидели ясно, осязательно то, что жило только в предположении. И Айтек поступил, как поступил бы на его месте всякий другой черкес. Любовник жены был убит кинжалом, а отрезанный нос остался вечным клеймом преступной жены. Но это не удовлетворило Айтека. Не зная меры злобе и мщению, он раздел догола жену, своими руками привязал к ее спине труп любовника и в таком виде продержал несчастную трое суток в своей сакле, сам все время просидел дома, забив наглухо все двери и окна. Назика не вынесла жестокого удара и сошла с ума. Но и в этом печальном состоянии сохранила она воспоминание о минутном счастье. Никогда она не целовала своего мужа с таким безумным исступлением, как безумное чучело, которое ей показывали добрые люди аула всякий раз, когда сумасшествие усиливалось и грозило сделаться опасным. Бедной женщине стоило увидеть грубое подобие человека, и пароксизмы болезни пропадали, и восторг сменялся радостным плачем и поцелуями. Назика, впрочем, была гораздо счастливее многих из своего пола. Первый задушевный поцелуй ее жарких уст выпал на долю того самого юноши, который, мелькнув перед нею, как в сновидении, занял первое место в ее сердце. То был молодой Джераслан, перед которым, больным и раненым, она плясала в отцовском доме.

Записки черкеса. Повести, рассказы, очерки, статьи, письма.

Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1845-1904) – великий поэт, писатель, общественный деятель, основоположник современной казахской письменной литературы, реформатор культуры в духе сближения с русской и европейской культурой на основе просвещенного либерального ислама.

Получил хорошее гуманитарное образование. Учился в медресе имама Ахмет-Ризы в Семипалатинске, где преподавали арабский, персидский и другие восточные языки. Здесь познакомился с классической персидской литературой – классиками Ближнего Востока Фирдоуси, Низами, Саади, Хафизом и др.

1882–1886-е стали для него годами наивысшего творческого подъема, когда были созданы его лучшие произведения.

Он пишет об основных социальных и культурных проблемах казахского народа, призывает бороться с невежеством. Оставаясь всю жизнь просветителем, он призывал: «Раз в день, или раз в неделю, или хотя бы раз в

месяц давай сам себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и разуму».

Абай призывал способствовать прогрессивному развитию общества, где человека возвышают «разум, наука, воля». С 1890 по 1898 записывал свои мысли в прозе, которые позже оформились в 45 назиданий своему народу.

Будучи верующим мусульманином, сожалел, что его единоверцы ограничиваются формальными религиозными отправлениями без понимания их внутренней сути. Он призывал открыто и дружелюбно относиться к людям других национальностей. Выступал за сближение с русской культурой, и через нее – с культурой мировой. Обличал пороки, призывал их исправлять, восстанавливая справедливость.

Из богатого наследия Абая, поэта и просветителя, для нас самыми ценными являются его прогрессивные идеи, устремленные в будущее и исполненные решимости неустанно призывать народ к свету, знаниям. Эти идеи вылились в своеобразную программу умственного воспитания молодого поколения. Абай упорно стремился утвердить идеал нового человека – деятеля разума и просвещения, поборника труда и науки, заступника слабых и угнетенных. Поэтому поэт утверждал: «Лишь знаньем жив человек, Лишь знаньем движется век! Лишь знанье – светоч сердец!»

Подчеркивая трудность овладения знаниями, Абай говорил, что дело это еще не превратилось среди казахского народа в традицию, отсутствует стремление людей к знаниям, и виноваты в этом экономические, социальные условия.

Поэт не скрывает суровую правду о том, что отсутствие знаний, невежество делают человека неполноценным. Духовное совершенствование личности во многом зависит от приобретения знаний, просвещения. «Знание человека, – писал Абай, – это мерило человечности».

Свой высший этический идеал Абай выразил в нравственной формуле: «Адам бол! – Будь человеком!», с которой он обращается, прежде всего, к молодёжи. Этический смысл абаевской формулы «Адам бол!» состоит в высокой оценке роли назначения человека в жизни. В его понимании человек должен сочетать в себе разум и гуманность, трудолюбие и образованность, дружбу и любовь. Он не уставал напоминать современникам, что солнце и луна – украшение небес; леса и ягоды – украшение гор, а украшение земли – человек.

Черное слово (слова назидания)

Слово четвертое «Бездарные проходимцы»

...Человек рождается на свет с плачем и уходит скорбя. В промежутке между этими двумя событиями, так и не изведав истинного счастья, не распознав до конца ценности и неповторимости дарованной ему жизни, он бездумно прожигает ее в унижительных ссорах и недостойных спорах. Спихватывается, когда жизнь уже на исходе. И только тогда начинает

понимать, что ни за какие сокровища мира невозможно продлить ее хотя бы на один день.

Жить хитростью, обманом, попрошайничеством – удел бездарных проходимцев. Веруй в Бога, надейся на свое умение и силы. На честный и самоотверженный труд даже твердь земная ответит всходами.

Слово седьмое «Невежды и кликуши»

Ребенок рождается на свет, наследуя два начала. Первое из них требует еды, питья и сна. Это – потребность плоти, без этого тело не может служить пристанищем для души, не будет расти и крепнуть. Другое – тяга к познаниям. Младенец тянется к ярким вещам, берет их в рот, пробует на вкус, прикладывает к щеке. Встрепенется, услышав звуки дудки или свирели. Подрощи, бежит на лай собаки, на голоса животных, на смех и плач людей, теряет покой, спрашивая обо всем, что видят глаза и слышат уши: «Что это? Зачем это? Почему он так делает?» – это уже потребность души, желание все видеть, все слышать, всему учиться.

Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн вселенной, Не объяснив всего себе, человеку не стать человеком. И бытие души такого человека тогда ничем не разнится от бытия иной твари.

Изначально Бог отличил человека от животного тем, что наделил его душой. Почему мы, повзрослев и поумнев, не ищем и не находим удовлетворения тому любопытству, что в детстве заставляло нас забывать о еде и сне? Почему мы не избираем путь тех, кто ищет знаний?

Нам бы неустанно ширить круг своих интересов, множить знания, которые питают наши души. Нам бы понять, что блага души несравненно выше телесных, и подчинить плотские потребности велению души. Но нет, не стали мы делать этого. Кликушествуя и каркая, не продвинулись мы дальше навозной кучи у аула. Душа правила нами только в детстве. Повзрослев и окрепнув, мы не позволили ей повелевать собой, подчинили душу телу, на все окружающее смотрим глазами, но не разумом, не доверяемся порывам души. Довольствуясь внешним видом того, что охватывает взор, не пытаемся проникнуть во внутренние тайны, полагая, что ничего не теряем от этого незнания. На замечания и советы людей умных отвечаем: «Ты живи своим умом, а я своим проживу», «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы не способны оценить их превосходства над нами, не понимаем смысла сказанного ими.

Нет ни искры в груди, ни веры в душе. Чем отличаемся мы от животного, если видим только глазами? В детстве мы были лучше. Тогда мы были человеческими детьми – стремились узнать как можно больше. Сейчас мы хуже скота. Животное не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты: отстаивая свою темноту, стремимся свое невежество выдать за знания.

Слово двенадцатое «Невежда в чалме»

Когда кто-то учит других слову божьему, хорошо ли, плохо ли делает он свое дело, у нас язык не повернется запретить ему проповедь, ибо нет ничего предосудительного в делах благонамеренных. Пусть наставляет, если даже сам недостаточно просвещен. Но ему следует помнить два непреложных условия.

Прежде всего, он должен утвердиться в своей вере, во-вторых, пусть слишком не довольствуется тем, что знает, а постоянно совершенствуется. Если кто, не завершив учебу, оставляет ее, тот лишает себя божьего благословения, от его наставлений прока не жди. Что толку, если, обернув голову чалмой, строго соблюдая посты, совершая моления, он напускает на себя благообразие, но не знает, в каких местах требует повторения или в каком месте может прерваться тот или иной намаз?

Кто небрежен, не соблюдает себя в строгости, не умеет сострадать, того нельзя считать верующим – без бережливости и внимания не удержать в душе иман – веру.

Слово четырнадцатое «Человек ли он?»

... Если человек, предавшись дурным поступкам, безудержному бахвальству, не в силах остановиться и взыскать с себя, не пытается очиститься перед Богом или собственной совестью, как назвать такого джигитом?

Впору задаться вопросом – человек ли он?

Слово восемнадцатое «Возвышение глупца»

Человек должен одеваться скромно, содержать одежду в чистоте, быть опрятным. Тратить на одежду больше, чем позволяют средства, обременять себя излишней заботой о внешности, могут только щеголи. Щеголи проявляют себя по разуму: один холит лицо, лелеет усы и бороду, нежит тело, ступает с важностью – то брови вскинет томно, то пальцами стучит, то локоть в сторону отставит; другой же подчеркнуто небрежен в своем щегольстве и, стараясь прослыть к тому же простецким парнем, как будто нечаянно обронит вскользь про лучшего скакуна и свои богатые наряды – мол, ничего особенного; усердствует, привлекая к себе внимание тех, кто стоит выше него, вызывает зависть в равных себе, а среди низших слывет примером недостижимой изысканности и роскоши. О нем говорят: «О чем можно тужить, имея такого коня и одеваясь как он?» Все это и нелепо и стыдно. Пусть никто не увлечется этой блажью, иначе трудно будет ему вернуть истинно человеческий облик. Человек должен отличаться от других умом, знаниями, волей, совестью, хорошим нравом. Думать, что можно возвыситься иначе, может только глупец.

Слово двадцать восьмое «Правое дело не может бояться испытания разумом»

... Разумный человек должен знать, долг верующего – творить добро. Правое дело не может бояться испытания разумом. Если не дать свободу разуму, то как быть с истиной: «Да познает меня обладающий разумом»? Если существует в нашей религии изъян, то как запретить разумному думать о нем? На чем бы основывалась религия, не будь разума? Чего стоит добро, творимое без веры? Нет, ты должен понять и поверить в то, что добро и зло созданы Богом, но не он творит их. Бог создал богатство и бедность, но не он сделал людей богатыми и бедными. Бог создал болезни, но не он заставляет людей страдать от них. Иначе, все – тлен.

Слово тридцать первое «Четыре причины и четыре порока»

Существует четыре причины, способствующие восприятию и запоминанию услышанного:

во-первых, нужно утвердиться духовно и быть непреклонным;

во-вторых, слушать советы умных людей со вниманием и открытым сердцем, с готовностью и желанием уяснить смысл сказанного;

в-третьих, вдумчиво, неоднократно повторять про себя эти слова, и закреплять их в памяти;

в-четвертых, следует избегать вредных свойств ума, если даже придется подвергнуться искушениям этими силами, не поддаваться им.

Вредные свойства ума: беспечность, равнодушие, склонность к беспричинному веселью, тяга к мрачным раздумьям и губительным страстям. Вот эти четыре порока способны разрушить и ум, и талант.

Слово тридцать второе «Пути науки»

Тем, кто стремится усвоить науку, необходимо знать условия, без которых невозможно достичь цели.

Во-первых, обретая знания, не ставь себе задачи получить через них какую-нибудь выгоду. Чтобы заняться наукой, прежде всего, нужно полюбить ее, иметь стремление к ней. Если ты ценишь знания как высшее благо, каждое открытие новых истин принесет твоей душе покой и удовлетворение. Крепко запоминай то, что ново для тебя, тогда появится стремление к поискам, любовь к науке, память хорошо усвоит и запечатлеет в себе то, что ты видел и слышал.

Если же мысли твои заняты другим, а науку ты ищешь из жажды накопительства, твое отношение к знаниям будет таким же, как отношение мачехи к пасынку. Когда душа и мысли поистине благосклонны к науке, она и сама становится благосклонной – легко дается. С половинчатой благосклонностью она и воспринимается половинчато.

Во-вторых, изучая науки, ставь перед собой ясные и благородные цели, не стремись приобрести знания для того, чтобы иметь возможность спорить с другими. В разумных пределах споры помогают обрести твердость в убеждениях, но чрезмерное увлечение ими только портит человека. Потому что охотники до словесной перебранки чаще всего затевают споры не для выяснения истины, а чтоб блеснуть своими знаниями, одержать верх над другими. Такие споры рождают зависть, они не прибавляют человечности, не служат науке, напротив – сбивают людей с толку. Это – занятие смутьянов. Тот, кто сбивает с праведного пути сотни людей, не стоит мизинца того, кто возвратил на путь истины хотя бы одного человека!

Да, споры – один из путей науки, но тот, кто втягивается в них, рискует стать самодовольным спесивцем, завистливым сплетником. Такому человеку в спорах не чужды и ложь, и злословие, и брань, унижающие человеческое достоинство.

В-третьих, если ты добился истины, не отступай от нее даже под страхом смерти. Если твои знания не способны убедить тебя, не думай, что кто-то другой оценит их. Если ты сам не ценишь своих знаний, как ждать признания других?

В-четвертых, существуют два орудия, способствующие приумножению знаний. Одно из них – мулахаза, и другое – мухафаза. Эти способности должны находиться в непрестанном совершенствовании. Не усилив их в себе, не умножить знаний.

В-пятых, в девятнадцатом Слове сказано о четырех губительных недостатках ума, среди них тот, что называется беспечностью, праздностью ума. Душа моя, заклинаю, остерегайся этого зла! Оно губительно и для Бога, и для человека, и для разума, и для чести. Оно – враг всему! Но там, где жива совесть, этому недостатку нет места.

В-шестых, сосуд, хранящий ум и знания – характер человека. Воспитывай свой характер! Предавшись зависти, легкомудрию, то и дело попадая под влияние чужих речей и сиюминутных увлечений, можешь утратить твердость характера. Не будет пользы от учения, если нет надежного хранилища для знаний.

Для того, чтобы достигнуть намеченной цели и быть верным своему долгу, в характере человека должны быть постоянство, решимость, сильная воля, способные сберечь трезвость рассудка и чистоту совести.

Все должно служить делу разума и чести.

Слово тридцать четвертое «Разве это достойно звания человека?»

Все знают, что люди смертны, что смерть приходит не только за старыми, и, взяв кого-то, она никогда не возвращает его.

...Тот, кто хочет избежать мучений на этом и на том свете, должен помнить: не бывает в душе одновременно двух радостей, двух страстей, двух противоречий и двух горестей. Это невозможно. Тот, для кого земные

радости и земные печали выше забот и радостей потустороннего мира, не мусульманин.

...Человек человеку друг. Потому что все в жизни – рождение, воспитание, чувство сытости, голода, печали, горя, форма человеческого тела, путь которым являешься на свет и которым уходишь из него – все у всех одинаково; и в другом мире – смерть, погребение, тление, допрос на Страшном суде – все общее. Как знать, проживешь ты еще пять дней или нет? Все люди гостят друг у друга, сам человек – гость в этой жизни, так стоит ли злословить, враждовать из-за богатства, завидовать чужому счастью, коситься друг на друга из-за пустяков?

Преклоняться не перед Богом, а перед человеком, молить не о благословении своего труда, а о том, чтобы добро для тебя было отнято у других, разве с подобной просьбой следует обращаться к Аллаху? Разве создатель может ради одного унижать и обездоливать другого?

Не имея ни здравого ума, ни образования, не умея связать двух слов, упрямо настаивать на своем, тягаться с мудрыми – разве это достойно звания человека?

И что это за человек?..

Слово тридцать восьмое «Слова назидания детям»

Дети мои, утешение сердца моего! Вот написал несколько слов о человеческих деяниях и завещаю написанное вам, как память. Прочтите со вниманием, вникните в суть этих слов, и ваши сердца преисполнятся любовью. Любовь человека неотделима от его разума, человечности, знаний. Исходной, изначальной причиной этих свойств являются те совершенства, которые даются человеку от рождения – крепкое здоровье, прекрасная внешность, все остальное зависит от благородства отца и матери, от мудрых наставников и добрых друзей. Устремленность и понятливость порождаются любовью. А разум, человечность и знания будят в человеке интерес к науке.

Скверно, что многие родители, дурно воспитавшие своих детей, затем отдают их на попечение мулл, ибо пользы от этой учебы нет. Развращенные сизмальства дети не могут иметь интереса к знаниям, религии, почтения к своим наставникам. Не получится из них полноценных людей, добросовестных мулл, истинных мусульман. Самое сложное – воспитать в них человечность. Потому что Аллах – это путь истины, а искренность и правдивость – враги зла. Разве друг явится на приглашение, посланное через врага? Не добиться истины, если в душе нет любви к ней. Человеческие знания добываются любовью к истине, жадной открытию для себя природы и сути вещей. Это не божие всезнание, любознательность и стремление к наукам дают человеку знания лишь соразмерные его рассудку.

Но прежде всего надобно возлюбить Аллаха. Известно, что Наука – один из ликом Всевышнего, потому и любовь к Науке – признак человечности и искренности. Не достигнуть вершин Науки, занимаясь ею для стяжательства, достижения корыстных, низменных целей. Пусть богатство,

всеобщее уважение и слава сами найдут человека, только тогда они смогут стать достойным украшением его. А преклонение перед ними принижает человека, независимо от того, добьется он успеха или нет.

Если ты обрел любовь к истине, желание учиться – найди в себе внимательный слух и искреннее прилежание. Исповедующие ислам, прежде всего, должны знать, в чем заключается истина имана, ибо иман – это не слепое поклонение. Скажем, поверили мы в Бога, в то, что слова Корана – изъяснение его воли, что Мухаммед Мустафа, да будет благословенно его имя, является посланником его. Что нам дает такая вера? Ты веруешь в Бога ради него или ради своего спасения? Аллах велик и он не пострадает от твоего неверия. Если ты утверждаешь, что вера твоя необходима тебе самому, хорошо, значит, ты веруешь. Но если это – вера ради веры, пользы от нее тебе не будет. Твоя вера окажется поистине праведной, принесет пользу, когда ты сам этого жаждешь. Нужно знать, какими усилиями достигается осознанная, разумная вера...

Ты сказал, что веришь в Бога, в его лики и имена. Тогда ты должен знать его имена, понять величие сущности каждого из восьми его ликов, назвавшись мусульманином, почитать себя рабом Всевышнего и стараться подчинить свои помыслы его воле. Не тверди невежественно, что невозможно уподобиться Богу. Действительно, нельзя в точности воспроизвести творения Всевышнего. Но подражай во всем делам его, следуй указанным им путем. Вот светлейшие лики Аллаха: Жизнь, Наука, Могущество, Зоркость, Чуткость, Желание, Слово, Созидание.

Создатель наделил человека этими восемью ликами, но не в таком абсолютном совершенстве, каковым он сам ими обладает.

...Сила человека заключается в его разуме и знаниях. Могущество Всевышнего выражено в Науке и Милосердии. Хотя Милосердие не упоминается в числе восьми его ликов, оно поясняется смыслом следующих его имен: Всемилостивый, Милосердный, Сострадательный, Всепрощающий, Любящий, Защищающий, Покровительствующий, Благодетельный, Дарующий, Учтивый. Эти имена Аллаха подтверждают мои доводы. Логику моих изложений также подтверждает удивительная гармония сотворенного мироздания. Ведь все на свете создано так, что одно служит интересам другого. Неживые тела не чувствуют боли и служат пищей одушевленной твари; животные поддерживают жизнь разумных существ – людей; животные освобождены от ответа перед Страшным судом, а человек наделен разумом и властвует над всем. В том, что Бог создал человека способным держать ответ на Страшном суде, проявились его справедливость и любовь к человеку. Он создал образ человеческий отличным от форм червей, птиц, прочей живности, наделил человека лучшим сложением, поставил на две ноги, высоко расположил голову, чтобы он мог обзреть окружающий мир, чтобы он не пригибался и не брал пищу, как животное, дал ему две руки, которые служат голове; чтобы он мог наслаждаться ароматами, дал ему нос; чтобы он мог видеть употребляемую пищу дал ему глаза; чтобы защитить их

от опасностей, дал веки; ресницы даны, чтоб уберечь веки от трения; брови – чтобы отвести от глаз стекающий со лба пот; язык дан для того, чтобы люди могли общаться, понимать друг друга и трудиться сообща. Разве это не свидетельство любви к человеку? Если кто-то любит тебя, разве ты не обязан отвечать ему тем же?

Вдумайся: солнце испаряет влагу, превращает ее в тучи, которые, проливаясь на землю животворным дождем, дают жизнь семенам, травам и цветам, радуя человеческий глаз и сердце; созревают всевозможные плоды, сахарные тростники, поддерживающие жизнь на земле; реки стекают в моря и озера, утоляют жажду животных и птиц, служат обиталищем для рыб. Земля одаривает человека хлебом, хлопком, коноплей, плодами и ягодами, хранит в себе ископаемые богатства; птицы дают человеку пух, мясо, яйца; животные – молоко и шкуру; вода – рыб, рыбы – икру, пчелы – мед и воск, черви – свой шелк. Производя эти богатства, никто и ничто на свете не скажет: «Это мое!» Все предназначено для блага человека. Фабрики и машины, созданные невероятным трудом, служат на радость и пользу человеку.

Разве это не проявление любви Всевышнего к человеку? Разве не долг человека отвечать любовью на любовь?

...Мы не задумываемся над тем, что доброта и справедливость – есть условия шариата, считаясь мусульманами, мы должны были быть верными последователями Аллаха, но разве мы следуем ему неукоснительно? Разве для нас недостаточно этих ярких, подобных небесным светилам доказательств заботы Аллаха о человеке?

Нам нравится видеть благодеяния других. Но себя мы не обременяем лишней заботой о ближних. Разве это не грешно?

Кто допускает зло, не препятствуя ему, тот не может считаться истинным мусульманином. Или же он мусульманин наполовину.

...Справедливость – мать всех благодеяний. Понятия совесть и честь исходят от справедливости. Справедливый человек непременно задумается и спросит себя: «Почему я одобряю добрые дела других, а сам не спешу принять в них участие»; Разве это не свидетельство его справедливости и честности? Разве это не начало благих дел? Но почему, заботясь о людях, он не проявляет такой же заботы о Создателе?

Стремление к благотворительности порождается умением довольствоваться малым. Не теряйте чувства справедливости, не уставайте творить добро. Без справедливости нет ни веры, ни человечности. Как учит Аллаяр суфи, один порок рождает сто других.

...Не всякий ученый – мудрец, но всякий мудрец – ученый.

Традиционная вера приобретается с помощью наставления ученых, но благодаря просвещению мудрых, она перерождается в истинную веру. Добиваются этого мудрецы, постигшие высший смысл мусульманства. Ученые же мирских наук не знают основ религии, хотя они добиваются истины и сумели раскрыть для себя тайны вселенной и человеческого бытия.

Из семи условий шариата они способны признать лишь Аллаха, не могут отличить сторонников Аллаха от его противников. Пусть они не являются нашими духовными пастырями, но они заслуживают нашу признательность, ибо, как сказано пророком в Хадисе, лучшими из людей считаются те, кто приносит пользу окружающим.

Эти люди не знают ни сна, ни покоя, ни развлечений, они находятся в неустанном поиске полезных для человечества открытий, они добыли электричество, подчинив человеку энергию молнии, научились держать связь друг с другом на огромных расстояниях, заставили огонь и воду выполнять колоссальную работу, непосильную тысячам людей, они совершенствуют человеческий разум, учат нас отличать добро от зла, несомненно, мы во многом обязаны им.

...Мы не стремимся овладеть знаниями в целях наживы. Напротив, используем богатства на пути к овладению знаниями. Искусство – вот подлинное, неиссякаемое богатство, учиться ему – самое благородное дело. Знания должны служить справедливости и отвечать требованиям закона Божьего. Человек обязан быть благодетельным и не только восхищаться благотворительностью других, но и самому неустанно творить добро.

...Так знайте же, дети мои! Путь Всевышнего беспределен. И никому не дано преодолеть его. Тот, кто решился пойти по этому пути, считается истинным мусульманином....! Если ты намерен делиться с другими своими деньгами, скотом, знаниями, другими благами – это и есть путь Всевышнего, единственный путь, не знающий предела. Избравшие его считаются истинными рабами его, они могут питать надежду приблизиться к Богу. Какая надежда может быть у иного пути? Способности и намерения

...Существуют три вещи, способные унижить весь человеческий род, которых следует избегать, это: невежество, лень, злодеяние.

Невежество – то есть отсутствие знаний, без которых ничего нельзя добиться; отсутствие знаний равняет человека со скотом.

Лень – злейший враг искусства; бесталанность, безволие, бесстыдство, бедность – порождение лени.

Злодеяние – враг человечества; причиняя зло другим, человек отдаляется от людей, уподобляясь дикому зверю.

Противоядие от этих пороков – человеколюбие, желание всеобщего благоденствия, твердость духа, справедливость, глубокие всесторонние знания. Направь свои знания на путь, указанный Аллахом, ибо Аллах не лентяй, огромными усилиями и старанием создал гармоничный совершенный мир. Твое дело тоже должно быть сделано с усердием и добрыми намерениями. Все, что создано Аллахом имеет свое назначение, плоды твоего труда тоже должны быть обращены на пользу людям. Иначе – любой труд бесполезен. И вера твоя – тщетна.

*Кунанбаев Абай. Слова назидания
http://bourabai.ru/articles/black_word.htm*

Исмаил Гаспринский (1851-1914) – крымско-татарский интеллектуал, просветитель, издатель и политик, получивший известность и признание среди всего мусульманского населения Российской империи.

Родился в селе Авджикой Ялтинского уезда Таврической губернии (ныне Бахчисарайский район Крыма). Исмаил Гаспринский получил образование домашнее, в начальной школе (мектебе), в Симферопольской казенной мужской гимназии, в воронежском военном учебном заведении, а затем во 2-й Московской военной гимназии. В 1871 г. уехал во Францию. С 1874 по 1875 г. жил в Турции. Вернувшись в Крым, он был избран гласным (депутатом) Бахчисарайской городской Думы. С 13.02.1879 г. по 05.03.1884 г. – городской голова Бахчисарая.

С именем Исмаила Гаспринского связано основание и развитие просветительского движения народов исламского Востока – джадидизм, которое радикально изменило суть и структуру начального образования во многих мусульманских странах, придав ему более светский характер. И.Гаспринским были разработаны основы преобразования мусульманской этноконфессиональной системы народного образования. Его новые методы обучения с успехом применялись не только в Крыму, но и в Татарстане, Казахстане, Башкортостане, Туркменистане, Таджикистане, Узбекистане, Киргизстане, Азербайджане, Турции, Северной Персии и Восточном Китае. Им была написана и издана серия учебных пособий для национальных новометодных школ. Наиболее известным из них стал учебник «Ходжа и субьян» («Учитель детей»).

Мировоззренческие принципы и идеи И.Гаспринского основывались на основе либеральной идеологии, прогрессивного развития общества, дружбы славянских и тюркских народов, конфессиональной терпимости христиан и мусульман, неприятия радикальных требований социалистов. И.Гаспринский выступал за эволюционные формы развития общества. Взгляды И.Гаспринского по общественной значимости стоят в одном ряду с идеями выдающихся просветителей и философов Джамалютдина аль-Афгани, Шигабутдина Марджани, Мухаммада Абдо, Гасанбека Меликова Задарби, Махмудходжи Бехбуди и др.

Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения

Представляя на суд публики наши заметки и мысли по вопросу о сознательном и близком сближении русских мусульман с их русскими соотечественниками, мы считаем необходимым оговориться, что решительно не имеем претензий на безошибочность мыслей и наблюдений. Цель настоящих заметок – вызвать обсуждение и исследование вопроса о будущем русских мусульман в интересах нашего отечества и цивилизации. Всякое возражение, пояснение и факты по интересующему нас вопросу мы готовы выслушать теперь и обсудить при дальнейшей обработке предмета сих заметок. Поэтому мы будем очень рады и благодарны за всякое мнение, которое услышим от читателя, обращенное непосредственно к нам или путем печатного обсуждения.

Исмаил Бей Гаспринский. Бахчисарай 1 июня 1881 года.

I

Пятьсот лет назад на Куликовском поле бесповоротно был решен судьбою и историей вопрос о подчиненности северного и восточного мусульманства, а в частности тюрко-татарского племени, племени русскому. После вековых испытаний и борьбы возмужавший и окрепший русский дух сломил наконец грозную, своеобразную власть татар, и с того момента шаг за шагом русская сила и власть надвигаются в недра Татарии, и разрозненные ветки тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, постепенно переходят под власть России и делаются ее нераздельной составной частью. Так одно за другим, в моменты исторической необходимости, вошли в состав растущей Руси царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, далее – ханства Закавказья и в последнее время – некоторые ханства Средней Азии, где, по нашему мнению, Россия еще не достигла своих исторических, естественных границ.

Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские племена и в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии. Граница, черта, разделяющая Туркмению и Среднюю Азию на две части – русскую и нерусскую, – может быть, политически необходима в настоящее время, но она неестественна, пока не обхватит все татарские племена Азии... Эти племена испокон веков живут в известном, резко очерченном районе Азии и, заключенные в естественные, географически правильные границы, могли защищать свои поселения, земли и царства от вторжений и завоеваний чуждых соседей – персов, афганцев и монголо-китайцев.

История Средней Азии и тюрко-татар – ряд нескончаемой борьбы элемента тюрко-татарского с окружающими, начиная со сказочных богатырей Рустема и Зораба до Якуб Бека Кашгарского включительно. При даровитых, воинственных ханах тюрко-татары спланивались и переходили свои географические, естественные границы, громя соседей, чтоб вскоре опять успокоиться, как расходившееся море, и войти в свои исторические рамки в форме снеговых гор, непроходимых плоскогорий и пустынь. Вот почему мне кажется, что, пока русские границы, как наследие татар, не дойдут до исторических, естественных пределов их поселений, они не могут быть прочны. Таким образом, мне кажется, что в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы.

Впрочем, не предвещая вовсе вопроса о дальнейшем направлении и расширении азиатских границ, мы желаем лишь указать теперь на тот факт,

что уже ныне в руках России находится до десяти миллионов тюрко-татарского племени, исповедующих одну и ту же религию, говорящих наречиями одного и того же языка и имеющих один и тот же социально-общественный быт, одни и те же традиции.

Племя это разбросано на громадных пространствах Европейской и Азиатской России и во многих местах смешано с русским или иным населением. Однако, имея особые и прочные религиозно-бытовые условия жизни, оно представляется нам довольно крупной единицей среди народностей нашего обширного отечества, и судьбы ее заслуживают, мне кажется, серьезного внимания общества и государства.

Присматриваясь к отношениям русской власти к покоренным и покоряемым татарским племенам, мы замечаем, что она мало знакома с почвой, на коей приходится действовать, мало знает татар, их внутренний быт и строй. Русское господство над татарами до сих пор, насколько мне известно, выразилось только в следующем: я владею, вы платите и живете как хотите. Это очень просто, но крайне бессодержательно... В самом деле, какого рода отношения должны существовать между татарами и русскими? Чем должны быть татары, русские мусульмане, в отношении к русским и обратно, русские в отношении к ним? К какой разумной хорошей цели стремится русская власть в отношении к инородцам-мусульманам? Что русские должны делать для них, как должны делать и чего требовать от них? Должны ли русские и русские мусульмане жить рядом на одной земле, под одним законом, как случайные спутники, соседи, или между ними следует развить более близкие родственные отношения, как между детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества?..

Где та идея, которая воодушевляет и служит источником отношений и регулятором действий русской власти в отношении русского мусульманства?

В последние годы часто приходится читать и слышать о великой цивилизаторской миссии России на Востоке. Отлично, прекрасно. Но чем должна выражаться эта миссия? Неужели замена кадиев – уездными начальниками, наибов – приставами, бекетов – областями и губерниями, десятины – подушной и другими податями, шелковых халатов и бешметов – дворянским воротником исчерпывает все содержание этой миссии и больше ничего не остается делать?

Быть может, наше общественное положение, ограниченное воспитание и многое другое не дали нам возможности стать ближе к источникам внутренней политики нашего отечества; но по доступным нам наблюдениям на обширном по времени и пространству поле деятельности русской власти мы усматриваем лишь одно хорошее деяние, достойное великой миссии: –

это уничтожение рабства там, куда проникла эта власть. И странное дело, рабство уничтожалось русскими среди азиатов в то время, когда оно процветало еще в недрах коренной Руси. Затем все остальные проявления русской власти среди мусульман не идут далее требований государственного фиска и ограждения общественной безопасности и порядка, выразившихся во множестве законов, распоряжений, льгот, скопившихся в различных судах и правлениях и доходивших до мусульман только в форме звуков колокольчика станового или уездного начальника, да еще во множестве споров, межеваний, непонятных массе отчуждений, в открытии и закрытии школ, словом, во всем таком, что сменяло одно другие с быстротой крыльев ветряной мельницы, и в конце многолетней деятельности и затрат какой же результат? Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция!

Я глубоко убежден, что наши русские соотечественники не только не желали, но даже и не ожидали, не предвидели таких печальных результатов; что они были убеждены искренно, что дело цивилизации азиатов обстоит благополучно. Но, однако, от этого наличный факт не изменяет своего грустного характера.

Вопрос об инородцах, о мусульманстве в России, сколько мне известно, вовсе еще не обработан. Даже литература почти не представляет материалов к тому, а между тем, мне кажется, стоило бы подумать о нем. Провидение передало и передаст под власть и покровительство

России массу мусульман с богатейшими землями, делает Россию естественной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоєм...

Отсутствие строго намеченной, последовательной политики, воодушевленной высокой идеей распространения цивилизации среди русского мусульманства, чувствуется до сих пор и принесло немало горьких плодов как для нас, русских мусульман, так и для нашего отечества. Так, например, там, где можно было, мы бросали свои пепелища, святыни, родину и уходили Бог весть куда (крымцы, бессарабцы, кавказцы), а где уйти было некуда и нельзя, мы уходили в свой тесный мирок, отдаваясь ему всецело и не желая знать и ведать ничего, что не касалось близко нашего мирка и его узких интересов (мусульмане внутренних губерний). Русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества; ему почти неведомы его горе и радости, ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи. Незнание русской речи изолирует его от русской мысли и

литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры. Русское мусульманство прозябает в тесной, душной сфере своих старых понятий и предрассудков, как бы оторванное от всего остального человечества, и не имеет иной заботы, кроме заботы о ежедневном куске хлеба, иного идеала, кроме указаний желудка...

Не странно ли, что мусульманские общества многих азиатских центров, как Константинополь, Смирна, Каир, Дамаск, Тунис и многие другие, – настолько опередили во всех отношениях общества русских мусульман, что среди тех мусульман вы чувствуете Европу, оживление умственной и нравственной жизни, слышите новые, далеко не азиатские идеи и стремления; между тем как современное состояние каких-нибудь бахчисарайцев, казанцев, касимовцев и прочих представляет нам материальную и умственную картину времен Иоанна Грозного, Ермака и Чобан-Гирея, с затхлой атмосферой неподвижности и застоя? Знаменательное и единственное исключение в этом отношении составляют немногочисленные общины литовских мусульман, разбросанных по Литве, которые, сохранив и строго охраняя свои мусульманские традиции, отлично усвоили европейскую культуру и образ жизни и умственно стоят во главе русского мусульманства...

Не грустно ли, в самом деле, что русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации; бессильно вдохнуть новую жизнь, идеи и стремления в область русско-татарской мертвечины, не говоря уже о материальных преступлениях. Мало того, – я с болью должен констатировать, что при русском господстве пришли в некоторый упадок и те средства умственного развития татар, кои представлялись их школами и письменностью.

Только полуразрушенные, развалившиеся памятники старины с их надписями, кое-какие засаленные, запыленные книги свидетельствуют, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, умели задумываться над вещами, требующими мысли, понимали красоты Гафиза, человечность Шейх-Саади и смелый полет мысли Ибн-Сины и других арабских и персидских писателей и философов.

Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы.

Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чуждому племени, как наши старшие братья, русские.

Русский человек и простого, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на своих, не выказывая, не имея узкого племенного себялюбия. Мне приходилось видеть, как арабы и индусы были в неловком положении среди высокообразованного парижского и лондонского общества, несмотря на всю изысканную деликатность обращения с ними, а может быть, и благодаря ей. Сыны Азии как бы чувствовали в отношении к себе деланность, натяжку и обидное снисхождение. Это мне доказывали многие арабы, алжирские выходцы, служащие или торгующие во Франции. Эту черту племенной гордыни или самомнения я наблюдал у турок, у которых, за отсутствием европейской галантности, она выступает рельефнее...

Слава Богу, не то приходится видеть у русских. Служащий или образованный мусульманин, принятый в интеллигентном обществе, торговец в среде русского купечества, простой извозчик, официант в кругу простого люда – чувствуют себя одинаково хорошо и привольно, как сами русские, не тяготясь ни своим происхождением, ни отношениями русского общества, так что образованные мусульмане, имевшие случай знакомиться с разными европейскими обществами, наиболее близко, искренне сходятся с русскими людьми. Это не более как следствие едва уловимого качества русского национального характера, качества, которое, я уверен, весьма важно для будущности русских и живущих с ними племен.

Мне приходится читать, а чаще слышать упреки, что, мол, русские в массе почти лишены племенного, национального самосознания. Подобный упрек едва ли имеет место, потому что в Отечественную войну и много ранее того, в тяжелые годы народной жизни, русские доказали, что сознают свое бытие и национальную личность, если можно так выразиться. Что же касается того, что русские то или другое событие встречают и провожают без шуму и треску, то это – народная особенность и, думаю, черта хорошая...

Там, где французы или немцы пожгли бы много пороха, устроили бы множество символических, демонстративных процессий и факельцугов, натворили бы множество умных и неумных фраз, русский ограничивается крепким задушевым пожатием руки, молитвой в храме, а не то – просто снимет шапку да перекрестится. Например, недавно Россия и русские отпраздновали день 500-летия Куликовской битвы, день – один из важнейших в истории Руси. И что же? Ни шуму, ни гаму, ни искусственных декораций, ни экзальтированных демонстраций и речей... Молитва в храмах, описание события в печати и молебен на самом знаменитом поле – вот все, чем был отличен этот день от прочих. Не знаю, так ли, но я думаю, что эта черта русского характера весьма почтенна и заслуживает полной симпатии.

Кстати, к дню Куликовской битвы – два слова по истории. Известно, что день этот служит гранью, с которой начинается возрождение Руси и, наоборот, постепенное падение татарского владычества. Об этом владычестве мне приходилось кое-что читать и слышать, и мне всегда казалось, что тут что-то как бы не дописано или не досказано. Обыкновенно говорят: татарское господство причинило Руси неисчислимые бедствия, задержало цивилизацию на несколько столетий. Это совершенно верно; но я думаю, что столь продолжительное господство над Русью какого-либо другого племени, при той же силе и могуществе, могло бы совершенно уничтожить Русь. Примеры этому мы видим на западных окраинах славянства. Татары, как господа, собирали дань; как дети Азии, частенько похищали хорошеньких девушек, и затем бытовой, религиозной жизни Руси почти вовсе не касались. Я не историк, могу легко ошибиться, – но мне кажется, что, говоря о татарском господстве, следует подумать о том, что оно, может быть, охранило Русь от более сильных чужеземных влияний и своеобразным характером своим способствовало выработке идеи единства Руси, воплотившейся в первый раз на Куликовском поле...

Если действительно в этом смысле мы, татары, сколько-нибудь были полезны Руси, то «долг платежом красен», и мы желали бы, чтобы этот платеж был произведен уже не старой азиатской, а новой европейской монетой, т. е. распространением среди нас европейской науки и знаний вообще, а не простым господством и собиранием податей. Правда, до сих пор сами русские учились, но ныне они могут быть нашими учителями и наставниками.

Меня всегда огорчала и поражала та отчужденность, та апатичность, тот индифферентизм, с которым относится мусульманская масса к самым жизненным вопросам своего русского отечества, несмотря на то, что и законы, сравнивающие ее в правах с русскими, и указанная нами черта русского характера чрезвычайно благоприятствуют к сближению этих двух народностей между собою. Это грустное явление наблюдается не только на окраинах, более или менее недавно присоединенных к империи, но и во внутренних губерниях, где есть татарское мусульманское население. Многие публицисты и путешественники склонны объяснять подобные явления враждебным духом ислама, но в настоящем случае такое объяснение было бы крайне односторонне и ошибочно. Мне, как мусульманину, этот вопрос близко знаком, и потому я решительно заявляю, что религия тут ни при чем. Учение, которое имеет догматом любовь к земле, которая кормит, и верность повелителю, который охраняет, не оставляет места отчужденности, обособленности, неприязни в смысле политическом. Факт, упомянутый

мною, должен иметь совершенно другие причины, которые мы, по мере разумения, ниже укажем.

Да, любезные соотечественники русские, нам нужны знания и свет: так примитесь же серьезно и дайте нам света и знаний, знаний и света; иначе господство ваше, как господство ради господства, станет ниже китайского, ибо известно, что у них искусство господства доведено до совершенства и механизм его верно и мерно движется вокруг одной и той же точки в течение тысячелетий...

II

Рождаясь и живя в России, под охраной и покровительством общегосударственных законов, неся, наравне со всеми, общие обязанности и повинности, русские мусульмане исполняют свой долг как верноподданные граждане России. Но этого мало. Желательно, чтобы эта еще внешняя, официальная связь приобретала все более и более нравственный характер; чтобы она неустанно укреплялась и оживлялась сознанием не только ее политической необходимости, но и сознанием ее внутреннего исторического значения и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России, открыло пред ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу.

Как достигнуть этого? Как должны относиться к мусульманам русские как племя господствующее и более образованное? В какие отношения должна стать русская власть к инородцам мусульманам, чтобы, соблюдая коренные государственные интересы, вести в то же время мусульман к всестороннему преуспеянию и прочному сближению с русскими, Россией и ее образованностью? – Вот, мне кажется, вопросы, которые нужно тщательно обсудить, с должной осмотрительностью решить и решения осуществить на деле целесообразными мерами, если мы желаем добра обширным русским странам и населяющим их миллионам русских мусульман.

Нам не известно, какой руководящий принцип лежит в основе отношений русской власти, русской политики к русским мусульманам. Литература в этом случае не дает почти никаких указаний: архивы для нас недоступны, но из известных нам отрывочных письменных и иных источников мы составили себе мнение, что в отношении русского мусульманства правительство не держалось какого-либо намеченного принципа и пути, а действовало всегда так, как полагало лучшим и необходимым в данное время и в данном месте. Так, например, на эмиграцию крымских татар правительство, а за ним и местная администрация, не имело ясного определенного взгляда, так что эмиграция эта то поощрялась, как

желательное явление, то задерживалась, как явление вредное. Также и в сфере народного просвещения мусульман заметно отсутствие точно определенной цели и соответствующих ей средств: для них открывались школы, но, как плохо и без изучения почвы насаженные растения, школы эти не давали плодов и с течением времени погибали бесследно.

Желая в настоящих очерках коснуться интересующих нас вопросов лишь в общих чертах, мы не будем утруждать внимание читателя ссылкой на множество фактов, а будем лишь ограничиваться ими, насколько то необходимо будет для более точного выражения наших мыслей и соображений.

Весьма понятно и весьма естественно, что всякое государство, всякая господствующая народность в разноплеменном государстве, в видах упрочения своей будущности, стремится к единению в широком смысле этого слова, к возможному приведению в однородность своего разноплеменного населения. Хотя стремление это само по себе вполне законно, но способ достижения его может быть многообразен, и ошибочное избрание путей и средств часто, вовсе не приводя к цели, может делать их и самое стремление пагубным и безнравственным. Только при тщательном изучении и основательном знании поля действий, только при искреннем, проникнутом идеей блага беспристрастии можно достигнуть выработки наиболее подходящих и соответствующих данным условиям и цели способов к созиданию единства в разноплеменном государстве.

История указывает нам, как при приблизительно равном пропорциональном отношении иноплеменников к господствующему племени вызывались тяжкие, кровавые драмы и перевороты как следствие применения безнравственных и ошибочных способов и систем по упрочению государственного единства, точно так, как при ином соотношении племен, там, где господствующее племя представляет подавляющее большинство, задерживалось, в силу вещей, умственное и материальное развитие обширных стран и областей, а это, конечно, не могло не отзываться вредно на всем ходе государственной жизни.

Изучая историю, мы можем заметить, что в отношении к иноплеменным народностям, в видах упрочения государственного единства, действуют в разных государствах разные системы политики, исходящие из разных принципов и условий. У нас, в России, как бы применяется несколько систем: одна в отношении одной, другая в отношении другой народности; таковы, например, отношения государства к губерниям польским и финляндским, не говоря о других видоизменениях этих отношений к другим инородцам и областям. Каковы бы ни были отношения или системы

политики, они преследуют одну цель – единство государства. Пути к тому двоякие: или стремление к кровному, так сказать, к химическому единению данной народности с господствующей – отсюда система ассимиляционная, русификационная, или стремление к единению нравственному, так сказать, к нравственной, духовной ассимиляции на принципах национальной индивидуальности, свободы и самоуправления.

Первая из этих систем политики действует в последнее двадцатилетие в Польше, вторая издавна – в Финляндии. Мы не будем касаться того, насколько нравственны и целесообразны упомянутые системы в отношении тех частей России, но позволим себе сделать несколько общих замечаний о практических достоинствах самих систем вообще.

Система ассимиляционной политики, с какой бы выдержкой и тактом она не проводилась, носит в себе характер принуждения, ограничения прав данной народности и по этому одному уже имеет за собой очень мало симпатий. Но, игнорируя, по ходячей доктрине, всякие симпатии в области политики и обращаясь только к целесообразности, полезности ее, мы не находим необходимых оправданий для политики поглощения одной народности другою, политики русификационной в нашем отечестве, если слово «русификация» понимать именно в смысле поглощения русскими других народностей империи. Несомненно, есть горячие патриоты в литературе и в администрации, думающие, что легко и возможно путем канцелярских мероприятий, тех или иных ограничений или поправок переродить ту или другую народность по желаемому образцу.

Я ничего не имел бы против этого желания, если бы оно было осуществимо в сколько-нибудь краткий период времени, если бы не было одним только толчением воды и медвежьей услугой отечеству на почве патриотизма; но мы глубоко убеждены, что для перерождения, переделки по данному образцу какой бы то ни было народности, сколько-нибудь исторической и культурной, необходимо столько же времени при совокупности всех условий, сколько было необходимо при первоначальном обособлении и выработке той народности; иначе, по всей вероятности, давным-давно исчезли бы с лица земли десятки народностей, живущих уже тысячелетия, несмотря на то, что в доброе старое время способы поглощения и ассимиляции были далеко не столь деликатны и медленны, как теперь...

История почти не представляет нам примеров полного смешения, тем более поглощения одного народа, племени другим, за исключением двух, трех, как, например, смешение англо-саксов в Британии или арабов с коренными жителями берегов Северной Африки вслед за завоеванием. Но вспомним, что в упомянутых случаях действовали такие исторические факторы и условия, которые никаким образом не создаются кабинетными проектами и канцелярскими соображениями.

Апологеты ассимиляционной политики часто ссылаются на онемечение Познани как на факт, доказывающий практическую состоятельность ассимиляционной политики вообще. Но не слишком ли преувеличен факт

онемечения Познани? Если даже германизация имела сравнительные успехи в Познани, то следует еще вникнуть, насколько действовали тут живые, жизненные условия, качества самих народностей и насколько в этом смысле влияла канцелярия с неизбежными поощрениями, репрессалиями и проч., так как без строгого разграничения в этом отношении политик легко может ошибиться, строя предположения и соображения на неточно понятом или мнимом факте...

Несомненно, что сила и способность ассимилировать не одинаковы у всех племен, так же как сила и способность сопротивления ей. Но все-таки отсюда очень далеко до полной ассимиляции одного народа другим, так что следует остерегаться, чтобы, увлекаясь частными фактами, не слишком широко обобщать их и не принести в жертву несостоятельной системе ассимиляции реальные, святые принципы справедливости и прогресса.

Обращаясь к другой системе политики проистекающей из уважения к национальности и всестороннему равенству племен, населяющих государство, мы замечаем, что она, отлично служа делу государственного единства, в то же время споспешествует образованию, прогресс и выработке лучших форм труда и жизни; как система, имеющая за собой правду и справедливость, она привлекательна и действует среди большинства цивилизованных народов мира. На основе всестороннего равенства и племенной самобытности мирно и счастливо живу в государстве Соединенных Штатов немцы, французы и англичане, в Швейцарии – немцы, французы и итальянцы, которые в то же время готовы бы потопить друг друга на берегах По, Тибра и Рейна. Даже в более разношерстном и отсталом государстве, именуемом Австро-Венгрией, начинают мирно уживаться и развиваться немцы, славяне, мадьяры, итальянцы, евреи и прочие, не ослабляя, а, не против, укрепляя государственное единство, конечно, в иной форме, чем обыкновенно думают укрепить при действии систем зануздываний и поглощений. Впрочем, к чему нам образцы и пример других государств и народов, когда у себя дома мы имеем не менее красноречивые данные?.. Мы думаем, что, несмотря на некоторую самостоятельность учреждений, языка и литературы и вообще народности в Финляндии, несмотря на централизацию и многоразличные ограничения, действующие в духе русификации в Польше, первая страна несравненно больше русская, чем вторая, и останется всегда таковой, никогда не представляя собой большого, слабого места отечественного организма.

Говоря все это, нам хочется лишь высказать, что, как между отдельными человеческими единицами лучше и легче живется на основе взаимного уважения, признания прав и солидарности интересов, так и общежитие человеческих труп и народностей должно исключительно покоиться на таких же основах.

Было время, когда отношения человеческих индивидуумов не знали иного регулятора, кроме грубой силы, но ныне, слава Богу, немалую роль в этом отношении играют правда и совесть. Мы надеемся на таковой же

прогресс в области государственной, общественной жизни, когда, так сказать, общественная совесть подыметя до уровня развития совести отдельных индивидуумов.

Последние высказанные нами мысли и надежды могут вызвать улыбку у некоторых читателей. Если так, то я попрошу их выслушать запавший мне глубоко в душу рассказец, сообщенный мне матерью, когда мне было еще 13–14 лет, рассказец, известный почти каждому мусульманину и который, может быть, отчасти объяснит выраженные выше надежды и мысли...

Нельзя всякого хана или падишаха именовать адилем (справедливым), так начинается рассказец, ибо очень трудно быть справедливым. Наш пророк позволил назвать «справедливым» только одного падишаха древности – его зовут Адиль-Нух-Ширван, потому что он был всегда и во всем крайне справедлив ко всем народам, которые жили в его обширной, богатой и счастливой империи. Однажды он угощал народ своей столицы. За большими столами, уставленными прекрасными кушаньями и душистыми, прохладными шербетами, сидели и угощались старые и молодые, богатые и бедные, христиане и мусульмане. Адиль-Нух-Ширван обходил своих гостей и радовался им. К концу угощения великий, милостивый падишах внезапно чем-то смутился и, обратившись к гостям, воскликнул: «Меня зовут милостивым и справедливым: увы, я царствую сорок лет и только теперь заметил всю неправоту мою, заслуживающую наказания Аллаха! Я всегда сажал за эти столы рядом молодых и старцев: старцы отставали, торопились – молодые, вероятно, стеснялись присутствия старцев, значит, и те и другие были лишены надлежащего покоя и моего внимания. Я не так должен был распоряжаться, я должен был одинаково, но порознь угощать их и поэтому не заслуживаю великого прозвища «справедливого»! Да продлит Аллах дни мои, чтобы загладить роковую ошибку!»

Можете быть уверены, читатели, что очень многие мусульмане усваивают понятия права, правды и справедливости так же, как иногда очень точные воззрения на вещи вовсе не в замысловатых книгах, а в подобных безыскусственных рассказах, сопоставлениях и сравнениях...

III

Извиняясь за невольное отступление от непосредственного предмета сих заметок, русских мусульман, – мы возвращаемся к ним и, оговорившись, что в отношении их невозможны, а потому и нежелательны ни отношения, существующие в Финляндии, ни русификационные стремления, действующие в Польше, тут мы постараемся выяснить следующий вопрос: каким путем стремиться к сознательному общественному и государственному единению русских мусульман с Россией и ее образованностью? Вся цель настоящих заметок клонится к выяснению поставленного вопроса. Выше мы упоминали об отчужденности мусульман относительно России, об их индифферентизме в отношении ее жизни. Это происходит вовсе не от тех или других политических симпатий или стремлений русских мусульман, таковые у них не имеются.

Мусульманину почти безразлично, кто им повелевает, – он по своему закону обязан повиновением, – лишь бы только власть над ним была справедлива и в проявлениях своих не стесняла религиозно-бытовую сторону его жизни. При этом условия он не чувствует к окружающему ни вражды, ни симпатии; он делается индифферентным. Все не свое его не интересует, все, что не входит в круг его знаний, привычек и верований, – ему чуждо и не нужно. Для всех случаев жизни, для всех вопросов ума и сердца он не нуждается в помощи опыта, критики и науки: все это заменяет вечный Коран с вечнонеизменными ответами и указаниями на все вопросы жизни и смерти...

В силу существующих социально-общественных условий быта и жизни русские и мусульмане лишены возможности обмена мыслей и идей: все отношения начинаются и кончаются на «купи – продай», давай – бери, и затем один идет направо, другой – налево. Разность языка и жизни, обстановки и верований никоим образом не могут способствовать развитию взаимного сближения, живого сочувствия и интересов, поэтому нет нужды искать причин мусульманской отчужденности от русской жизни и деятельности на политической или иной подкладке. Я глубоко убежден, что только незнание, непонимание и недоразумение удерживает мусульманина от близкого, деятельного и сочувственного приобщения к общей русской отечественной жизни. Исламизм непосредственно тут вовсе не мешает. Есть нечто посильнее и постарее его, которое мешает и портит тут дело, как и везде, – это невежество, борьба с которым до сих пор не организована как следует и для борьбы с которым должны дружно приняться лучшие мусульмане и русские.

На самом деле, каким образом русское мусульманство может искренне сочувствовать России и русским, когда оно их не знает и встречается с ними не иначе, как в форме начальника, действующего на непонятном ему языке: не иначе, как в форме податей, пошлин, марок и разных повинностей?.. Какое дело мусульманину до новых и старых судов и гласности? Те и другие для него тьма кромешная. Какое ему дело до городских и земских учреждений после уплаты причитающегося налога, когда эти учреждения и пальцем не шевелят ради мусульман как местного элемента? Какое ему дело до русской науки и печати с ее вопросами и интересами, когда он не подозревает существование первой и не ведает речи и стремлений последней?...

При подобной обстановке и условиях никакая солидарность, сознательное сочувствие немислимы, а напротив, нередко по ошибке или недоразумению возникают такие обстоятельства, которые поселяют среди мусульман мрачные ожидания, боязнь будущего, пассивное озлобление и, так сказать, еще больший уход в самих себя, в свой спертый душный мирок. Например, вводится всеобщая воинская повинность. Крымцы впервые призываются к воинской службе, но никто не позаботился дать населению точные понятия о предстоящей обязанности, и вот стоустая молва, нередко

исходившая из грязных, низменных источников, оповестила татар, что до сорокалетнего возраста все будут взяты в солдаты и разосланы по России. Понятно, татары всполошились, и нужна была значительная доля терпения, времени, опыта и уступок, чтобы успокоить население и избежать легко возможных разорений и несчастий...

Для крещеных инородцев Поволжья нужно строить церкви и приобрести священные книги и прочее. Отлично: но дурно то, что подписки и сборы денег на сей предмет поведены так неумело, халатно и грубо, что всполошили все мусульманские края, вызвали некоторые репрессалии и замутили доверие всего русского мусульманства нелепыми слухами, облетевшими все мусульманство от Касимова до Ташкента, от Перми до Ленкорана о насильственном обращении в православие северных мусульман и замене минаретов колокольнями! Еще один пример, и пока довольно. В видах экономического улучшения края и последовательного привлечения в край русского элемента, – сначала проектируется размежевание башкирских земель, затем льготная раздача русским казенных земель в том же крае – и что же? Меры, которые могли иметь основанием добро, вызывают одна – волнения, усмирения и ссылки, другая – расхищение земель, завершившееся довольно громким скандалом их отобрания, но что всего хуже, что больше всего печалит нас, это зловещий шепот, коснувшийся всякого правоверного уха, о том, что в далеких губерниях отнимают земли мусульман и раздают своим помещикам!

Русские и мусульмане, не имея никакого источника и способа для опровержения, разъяснения или надлежащего освещения подобных нелепостей или часто превратных, ошибочных толкований самых необходимых вещей, едва ли могут понять друг друга, а без понимания сближение, сочувствие, сознание единства останутся всегда явлениями весьма желательными, но сомнительными.

Обращаясь теперь к разрешению поставленного выше вопроса о путях единения мусульман с Россией, посмотрим, можно ли достигнуть этого путем ассимиляционных отношений, можно ли обрусить мусульман?

Прежде всего, наблюдателю нетрудно заметить, что ассимиляционная способность русских должна быть очень слаба, ибо, по крайней мере, мы не могли видеть обруселых инородцев, а, напротив, встречали примеры того, что русские в некоторой степени поддавались влиянию окружающих инородцев, перенимая их язык без оставления, конечно, своего, так же, как и некоторые обычаи, поверья и одежду. Таковые явления можно наблюдать в некоторых приволжских губерниях, в русских поселениях Кавказа и Закавказья. Русские деревни в Крыму отличаются от татарских тем, что там церковь, а здесь мечеть. Мужика по внешнему виду не отличишь от татарина, и только своеобразный выговор татарской речи выдает его русское происхождение. Интересно, что влияние татар распространяется даже на упорных, неподдающихся вообще немцев. Немецкие колонисты Крыма

почти все говорит по-татарски, переняли кое-что из незатейливого гардероба татар и в то же время плоховато осваиваются с русской речью.

Хотя мусульмане и лишены высокой европейской культуры как силы для самосохранения, но они в своей религии и проистекающем из нее своем общественном быте имеют весьма крепкую, почти непреодолимую силу сопротивления всяким чуждым влияниям во вред своей национальной индивидуальности. Обыкновенно интерес, выгода – стимул действий человека, но и они бессильны нередко перед убеждениями мусульманина. Например, по всей России вы не найдете мусульманина, торгующего в кабаке и содержащего дом терпимости.

Обратите внимание и изучите все функции любой мусульманской общины в наименьшей ее единице, представляемой приходской общиной. Всякая такая община представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет свои власти в лице старшин и всего прихода, нуждающиеся в высшем признании, ибо авторитет этой власти -авторитет религиозно-нравственный, ее источник – Коран. Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть ходжей (учитель), муэззином, имамом, ахуном и т. д. при согласии общины. Мусульманство, не имея и не признавая сословий, не имеет кастового духовенства. Сословие духовных, установленное русскими законами в некоторых землях мусульман, существует лишь формально, не мешая при нужде отправлять духовные требы и членам других сословий, конечно, подготовленных к тому.

Каждая мусульманская община имеет свою школу и мечеть, содержимые или общиной, или на завещанные на то капиталы и имущества (ваккуфы). Мусульманское мектебе близко соприкасается с общиной и служит дополнением школы семейной, где чуть не с пеленок дитя подвергается неотразимому влиянию отца и матери в деле воспитания в духе ислама, так что ребенок 7–8 лет уже имеет столь сильную мусульманско-племенную закваску, что удивит всякого новичка-наблюдателя и заставит призадуматься рьяного русификатора. Несколько таких общин имеют одну соборную мечеть; несколько десятков их – одно медресе, высшую школу, где концентрируются и имеют источник все познания мусульман, откуда выходят их богословы, законоведы, муллы, ахуны, учителя и вообще ученые. Все эти учреждения и установленные общественные порядки неуклонно и неустанно работают из года в год, поддерживаемые нравственно Кораном и материально общиной и ее богатыми членами, в ожидании наград будущей жизни.

Такая мусульманская община в 10– 20 семейств, куда бы ни была заброшена судьбой, сейчас группируется вокруг мечети или школы, совмещаемых нередко в одном и том же помещении, и немедленно для

питания себя высшими познаниями примыкает к сфере действий какого-либо ближайшего медресе, куда посылают детей, предназначенных к высшему мусульманскому обучению.

Такие небольшие мусульманские общины, разбросанные отдельными поселками, наблюдаются во многих внутренних губерниях России и, несмотря на вековое сожительство в массе русского люда, не утратили никакой татарско-мусульманской черты, и распространение между ними даже русской речи сравнительно весьма незначительно, и то между мужским полом. Что касается мусульманок, они вовсе не говорят по-русски, за весьма редкими исключениями. Пример весьма поучительный и доказывающий необыкновенную племенную устойчивость татар представляют литовские татары, рассыпанные чуть не в десяти губерниях Юго-Западного и Привислянского края в числе восьми-девяти тысяч душ.

Год тому назад, посетив некоторые губернии Литвы для ближайшего изучения влияния европейской культуры на азиатцев, мы наблюдали житье-бытье деревенских и городских татар Литвы. Надо заметить, что нынешние литовские мусульмане – потомки тех орд татарских уланов, которые нанимались литовскими князьями для борьбы с Польшей как лихие наездники и верные телохранители. Благодаря предоставленным им широким льготам с правом женитьбы на литвинках, часть этого наемного воинства поселилась в Литве. Вследствие того, что жены поселенцев-татар не понимали вовсе по-татарски, уже первое поколение литовских татарчат говорило больше языком матери, т. е. по-литовски, чем по-татарски, так что через несколько поколений татарский язык исчез из употребления, и язык литовский стал национальным языком татар.

Несмотря, однако, на это столь исключительное условие и крайнюю разбросанность поселений, литовские мусульмане сохранили исламизм, как религию, тип и традиции – как татары. Несмотря на массу крайне неблагоприятных условий местности и жизни, они пережили несколько столетий, сохранив свою религию и упорно отстаивая свою индивидуальность. У них такие же мечети, те же обряды, как у прочих мусульман. Правда, по недостатку средств они не имеют мектебов и медресе, но у них существуют подвижные школы – ходжи, переходящие из одной местности в другую, где надо и желают учиться правилам ислама. Каждая семья татар имеет необходимые священные книги с переводами арабского текста на польско-литовский язык. Войдя в дом, в хижину литовского мусульманина, вы непременно заметите на стенах рамки с красиво написанными и раскрашенными изречениями из Корана и вензелевыми именами Аллаха, пророка, Али, Омара и других. Словом, путешествие по Литве убедило меня, что исламизм почти непобедим и что вероотступничество между литовскими татарами – явление столь же редкое, как, например, в Крыму.

Однако, на первый взгляд, литовские мусульмане вовсе не похожи на таковых

Из других стран. Во-первых, большинство их более или менее образовано и очень многие служат в военной и гражданской службе, пользуясь доверием администрации, как нейтральный, надежный элемент края. Так, мне пришлось посетить одну татарскую деревню близ Вильно, где все жители имеют гот или иной орден и все – поручики или майоры и губернские секретари в отставке. Мусульманского затворничества среди них не существует. Понятно, что литвинкам, выходя замуж за татарина, приходилось бороться за свою свободу и, благодаря благоприятным условиям, им удалось воспротивиться созданию «гарема». Ныне тамошнюю мусульманку трудно отличить от коренной польки или литвинки, и только их собственные имена – Фатьма, Айша, Мерием, Зелиха и т. д., при ближайшем знакомстве дают знать их мусульманское происхождение. Обыкновенно литовские татары носят русско-польские имена с фамилиями от татарского корня, как Ахматович, Асанович, Селимович и прочее. Вообще, заметим мимоходом, литовские мусульмане – лучшие татары России и стоят вообще во главе мусульманства по культуре и образованности. Было бы весьма желательно привлечение их к деятельности среди остальных мусульман России. По службе им можно бы дать некоторые льготы для того, чтобы облегчить это, ибо, я думаю, их культурная жизнь послужила бы хорошим примером многим другим мусульманам.

Из приведенных выше заметок видно, что мусульманская община представляет компактную, прочную массу, живущую особой, своеобразной жизнью, влиять на которую в смысле русификации едва ли возможно, если не доходит до геркулесовых столбов всевозможных ограничений, стеснений и прочее. Русификационная система могла бы, например, направить усилия к стеснению, ограничению изучения исламизма: тогда оно укрылось бы в семью, которая никоим образом не могла бы быть контролируема; могла бы затруднить достижение духовного сана, звания; в этом случае пришлось бы бить по воздуху, так как существовало бы более влиятельное, неофициальное духовенство, борьба с которым выходила бы из круга доступной деятельности; могла бы ограничить постройки мечетей, но это было бы бесполезно, так как любая чистая комната, летом любое место могут заменить ее; могла бы стеснять письменность, книгопечатание, – но мусульманство развивалось и живет исключительно рукописями; могла бы сузить деятельность речи, не терпя, не признавая ее, где только было бы возможно, но это, не ведя к цели, вело бы население к ограничению деятельности и раздражению; могла бы...

Но, впрочем, довольно. И помянутые чудовищные мероприятия, если бы они действовали, были бы бессильны в смысле русификации мусульман, но зато, порождая неприязнь, глухую борьбу, обход законов, вызывали бы безнравственность, усугубляли бы невежество мусульман и мало-помалу в борьбе за существование с более просвещенными обществами они неминуемо пошли бы к обеднению и вымиранию, если ход истории не вызвал бы иного кризиса...

Но не к тому должна вести нас великая Россия! Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы одну минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нем мусульманства. Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства. Цивилизация, родившись на крайнем востоке и постепенно до сих пор продвигаясь на запад, ныне, кажется, начала обратное движение на восток, и на пути ее русские и русские мусульмане, мне кажется, предназначены быть лучшими ее проводниками...

Если цивилизацию Востока водворили на западе римляне и арабы, то, может быть, Провидение предназначало русских и татар к водворению западной на Востоке.

Однако я уклонился от предмета своих заметок. Итак, если мы находим, что обрусение тюрко-татар России невозможно и, следовательно, единение этим путем недостижимо, то, что же остается? Остается возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы, науки и образования. Достигнуть этого не так трудно, как может показаться с первого взгляда. Подобное единение может быть весьма прочно и не отразится никаким дурным явлением в сфере государственной и экономической жизни нашего отечества, напротив, поведет к быстрому умственному и экономическому преуспеянию областей, населенных русскими мусульманами.

IV

Если взаимное знакомство, общность идей и интересов связывают отдельные единицы людей, то мне кажется, что те же мотивы отлично могут служить и для единения общественных групп и народностей. Дайте мусульманам возможность знать Россию, ее жизнь и законы, дайте им возможность приобретать познания, которые бы своей живительной струей освежили их затхлое мировоззрение, облегчите доступ к ним новых идей и принципов, – и вы увидите, как быстро оживет, очеловечится и примкнет к русской мысли и жизни дремлющая и апатичная мусульманская масса. Конечно, этого можно достигнуть не крутыми мерами, а прямым и доверчивым обращением к учебным средствам и языку самих мусульман.

Словом, нравственное обрусение мусульман может совершиться путем подъема их умственного уровня и знаний, а это может совершиться только путем признания за татарским языком прав гражданства в школе и литературе. Русские мусульмане не имеют ни науки, ни литературы, ни печати и, полагаю, надо облегчить, поощрить их развитие. Мне, может быть, скажут, что они могут учиться в русских школах и затем пользоваться русской литературой и печатью для своего развития. В отношении единиц – это так, но если дело идет о массах, то бессилие русских школ и науки в обсуждаемом нами вопросе, мне кажется, очевидны и не допускают возражений.

Мне могут сказать еще, что для инородцев-мусульман открываются специальные русско-татарские народные школы для обучения их русскому языку. Увы, я был одним из наиболее ревностных учителей этих недавно народившихся школ, получил одобрение за свою деятельность, потеряв всякую надежду выучить говорить по-русски хоть одного татарина. Может быть, я был плохой учитель, но успехи и других многих сотоварищей моих не дали иных результатов, и мы стоим перед роковым вопросом: выпустили ли в целое десятилетие крымские татарские школы хоть одного татарчонка со свидетельством на знание русской речи?

Что русская школа для татар есть мертворожденное учреждение – это доказывает ее практика, поддерживаемая и теорией дела. Представьте себе округу, волость, населенную мусульманами. Во всей округе по-русски говорит волостной писарь и бывающий там наездом становой. Вот в одной из деревень этой округи открывают русскую школу – земскую или министерскую, это все равно. Нанимается или строится помещение. Население недоумевает, зачем это, к чему это поведет... Вот появляется здесь народный учитель с тощим запасом разных книжек, и начинается лучеиспускание света русской науки и просвещения. Обыкновенно мусульмане посылают детей в школу не ранее 10-12 лет, по окончании ими курса своих мектеб – это их традиция. Учение в сельской школе продолжается не более 5-7 месяцев в году при 2-3-часовом занятии в день... Спрашивается, какие же могут быть при таких условиях результаты обучения русскому языку?

Вспомним, сколько времени и усилий нужно для того, чтобы путем школы, при желании, при отличных преподавателя и руководителях довести русского мальчика или юношу до сколько-нибудь основательного изучения иностранного языка и мы легко поймем все бессилие инородческой школы, лишенной симпатии почвы и даже сколько-нибудь удовлетворительных руководств. В Симферополе существует татарская учительская семинария для приготовления учителей из та тар. В этом закрытом заведении, где татарские мальчики находятся под постоянным наблюдением и руководством опытных педагогов и наставников, окруженные русской прислугой, нужно не менее трех лет, как говорит опыт, усиленное учения по 10 месяцев в году при 7-8-часовом занятии в сутки в классе, чтобы выучить их русской речи настолько, что бы было возможно дальнейшее преподавание предметов курса на русском языке. Если в подготовительном классе закрытого заведения нужно мальчику 3 года дл; усвоения русской грамоты, то ученику народной школы для такого же успех необходимо, сравнительно, не менее 9 лет учения, при желании выучиться со стороны учащегося.

Очевидно, что если бы мы силой задерживали мусульманина в русской школе до 18-19-летнего возраста и успевали выучить его русской речи, то результат был бы сравнительно ничтожный, так как такая школа, как орган зубрения и обременения памяти, не имела бы никакого воспитательного значения, и время для того было бы упущено безвозвратно между тем как,

если бы целью инородческой школы поставить исключительную цель всякой школы – воспитание и развитие, и воспользоваться для того родной речью инородца, то время, затраченное теперь на долбление русских слов и фраз ненужных ему в его обиходе, пошло бы на обогащение его ума полезными занятиями элементарных образовательных наук, и мусульмане могли бы получить! толчок к умственному движению: от увидели бы в такой школе реальную пользу, а не нечто туманное и непонятное...

Высшее образование в России немыслимо без общегосударственного языка, не ничто не мешает для распространения элементарных знаний (народные школы низшие ремесленные профессиональные школы) пользоваться татарским языком. Этим путем знания проникли бы в массы мусульман быстро; они вместо бесплодного зубрения русских слов, могли бы изучить – что такое Россия и русские (отечествоведение), приобрели бы общеобразовательные сведения и некоторые прикладные знания, подвергаясь в то же время воспитательному влиянию своего образованного наставника.

Я решительно не понимаю, что может мешать введению татарского языка в школе. Разве русский язык и наука настолько слабы и не окрепли, что их нужно охранять насчет других языков империи? Если нет, то повторяем, пока элементарные познания не распространятся среди мусульман и не шевельнут их мозгов, до тех пор русская наука и речь будут для них недосыгаемы. Они не будут знать их значения, не будут чувствовать в них нужды. Инородческие школы будут толочь воду, а русские гимназии и университеты тщетно ожидать и ожидать мусульманских юношей. Мусульманин не подозревает иной книги, кроме Закона Божия, иной науки, кроме богословия. География, история, арифметика и прочее ему вовсе неведомы. В его убеждении русская школа – это мектеб; гимназия и прочее – это русское медресе. А так как он имеет свой мектеб и медресе и желает быть муллой или кадием, а не попом или судьей, то его не интересуют ни русская школа, ни русские книги, которых он, по неведению, даже несколько опасается.

Света, света дайте нам, старшие братья, иначе мы задохнемся, будем разлагаться и заразим местность. Мы, мусульмане, – еще дети, так будьте же разумными педагогами; – говорите с нами так, чтобы мы понимали вас, а не хлопали только глазами. Когда мы поймем вас; когда в своем мектебе мы приобретем первоначальные плоды вашей науки и знаний; когда мы из татарских книг узнаем нашу родину Россию и ее порядки: будьте уверены, у нас явятся и желания, и средства наполнить ваши гимназии и университеты, чтобы трудиться рядом с вами на поприще жизни и науки. А до того мы, не зная ни вашей науки, ни вашей жизни, будем чуждаться, избегать их и не будем сознавать их пользы и значения, несмотря на трогательное красноречие и убеждение чиновников разных неведомых нам ведомств.

Как вы хотите, чтобы человек с завязанными глазами узнал другого и, не зная его, сочувствовал, сближался с ним? Если русская литературная речь оказалась несостоятельной, как орган начального образования среди русских

же в Малороссии, то очевидно, что в отношении татар он пригоден еще менее. Земства, после краткого опыта, сознали это и позакрывали открытые для татар школы, и ныне в лице таврического губернского земства ходатайствуют перед высшим правительством о введении в школы преподавания татарского языка. Еще несколько времени – и министерство народного просвещения сознает то же. Позволю себе привести одно соображение, хотя и несколько парадоксальное. Если бы для воспитания и просвещения ввести в русских народных школах преподавание на немецком языке, вместо родного русского, с лучшими учителями и руководствами, то можно ли ожидать практических результатов и скорого просвещения русского мужика? Если нет, то будьте уверены, что русский язык имеет в инородческо-мусульманской школе еще меньше значения.

Школа – орган умственного и нравственного воспитания. Служить чему другому она не может и не должна. Русская речь распространится по Руси не путем нескольких десятков жалких школ, а улучшением, облегчением сообщений, расширением способов труда и торговых, промышленных сношений населяющих ее народов. А для этого прежде всего надо позволить и помогать писать, читать и учиться на родном языке всякому русскому народу, не забывая, что наука одна для всего человечества, что она одна побеждает предрассудки невежества, и только на ее почве последует единение татар с русским славянством.

V

Выше мы высказали убеждение, что для единения русских мусульман с русскими, для нравственного их обрусения, если можно так выразиться, следует смело и прямо прибегнуть к их учебным средствам и их собственному языку.

Если мы раз признаем возможность этого, то думаем, что этим путем легко можем влиять на воспитание, умственное развитие мусульман и впустим свежую струю воздуха в затхлую атмосферу их неподвижности и живительный луч света во мрак их векового невежества... Этим путем мы легко и скоро вдохнем новую жизнь в умственную и практическую деятельность ученого (улемы), торгового и сельского класса мусульман, для коих русские воспитательные и образовательные учреждения то же, что для слепого свеча. В этом случае даже образование высшего класса мусульман, каковы первоклассные негодья из внутренних губерний, беи, мурзы и пр. в окраинах, приобретет более солидное основание. Хотя некоторые члены этого класса ныне показываются изредка, как метеоры, в среднеучебных заведениях военного и гражданского ведомств, но они, за очень немногими исключениями, возвращаются восвояси с третьего или четвертого класса...

В течение столетия из крымских мусульман только один кончил курс в кадетском корпусе и один окончил курс в университете. Мы не смогли собрать точных цифровых данных об успехах в этом отношении мусульман в других местностях России, но можем сказать, что и там результаты не более блестящи.

Не можем не привести здесь еще одно замечание, которое вполне заслуживает внимания и дальнейшего наблюдения. Мусульманин по простоте и патриархальности своего быта, по чистоте внушаемых ему с детства религиозно-нравственных принципов, чуждый хитрости и лицемерия, которыми он гнушается, человек честный. Солидно образованный мусульманин к хорошим качествам заурядного присоединяет более широкие, гуманные взгляды на вещи; наука и знания, не колебля в нем мусульманских основ и симпатий, освещают, гуманизируют его воззрения, уничтожая, конечно, предрассудки и суеверия. Но те мусульмане, которые волей судеб, так или иначе, освоят какой-либо иностранный язык и приобретут внешний лоск европеизма, без солидной научной подкладки, увы, эти люди почти потеряны для полезной, деятельной жизни. Это – люди, потерявшие хорошие качества своего племени и усвоившие дурные качества другого. В молодости они обыкновенно люди дешевых свободных принципов, поклонники Бахуса и Венеры, на старости лет они отвратительные ханжи и лицемеры, усердно отмаливающие грехи молодости в борьбе со всякой новизной и светом действительного знания и прогресса. Этот печальный тип мусульман я наблюдал среди нас, русских мусульман, среди арабов и очень много среди турок.

Избави нас Бог от таких плодов цивилизации и языкознания. Не языкознание развивает мозги, а научная подкладка воспитания: не русский язык вдохнет новую жизнь в русское мусульманство, а наука, которая должна быть передана им наилегчайшим и действительным образом.

Выше мы сказали, что следует обратиться к учебным средствам самих мусульман и их языку. Мектебов, т. е. начальных школ, мусульмане имеют столько, сколько нужно. Высших школ - медресе, – представляющих в одно и то же время нечто в роде духовных академий, учительских семинарий и общеобразовательных заведений, – есть достаточно. Все духовенство и ученые (улемы), все учителя (ходжи) начальных школ (мектебов) суть создания медресе, которое есть единственный источник мусульманского знания, нравственности и добра. Влияние медресе на мусульманское общество и весь строй его жизни и мыслей несравненно сильнее, непосредственнее, чем влияние любого университета на европейское общество.

Мектебы и медресе, как учреждения, пустившие глубокие корни на мусульманской почве и вросшие в нее, а не наложенные на нее сверху, каковы инородческие народные школы, имеют важный авторитет у мусульман, пользуются их симпатией и доверием и освящены вековыми традициями. Было время, – и об этом смутно знают почти все грамотные мусульмане, по крайней мере 50-60% их, – когда мусульмане учились в своих медресе – иль-ми-тыбие (медицина), ильми-икмет (физика), ильми-кимья (химия), ильми-набо-дат (ботаника), ильми-нуджум (астрономия), ильми-эндесе (геометрия) и проч. Это смутные воспоминания и предания о медресе арабов времен блестящей эпохи их калифатств, когда в Багдаде, Кордове и

других городах мусульманского Востока были медресе с 20-30 профессорами (мудерисы, муальлимы), преподававшими разные умозрительные и опытные науки. Программа же теперешнего татарского медресе – арабский книжный язык, теология и схоластика. Метод преподавания: долбление и зубрение – зубрение и долбление!

Мне кажется, что русские сослужат великую службу отечеству и человечеству, воскресив для своих мусульман на русской почве славные арабские медресе, давшие в свое время столько знаменитых тружеников науки и мысли. Дать этому делу толчок будет не трудно и не дорого. Надо лишь подвергнуть небольшим преобразованиям 9-10 медресе по России в таких мусульманских центрах, как Казань, Уфа, Оренбург, Астрахань, Ташкент, Самарканд, Баку, Нуха и Бахчисарай, чтобы поставить дело умственного развития русских мусульман на прежнее основание. Все преобразованные медресе могли бы именоваться «великими» или «перворазрядными» в отличие от непреобразованных, и можно бы дать их «сохтам» (студентам) некоторые преимущества и права. Сутью преобразования должно бы, по нашему мнению, быть введение в курс этих медресе преподавания элементарных, общеобразовательных наук на татарском языке (сокращенные курсы географии, истории, естественных наук, арифметики с планиметрией, основания педагогики и краткое русское законоведение). Преподавателями могли бы быть лица, получившие образование на восточном факультете университета или в Лазаревском институте Восточных языков.

За руководствами серьезной остановки быть не могло бы. По три преподавателя, из коих один в то же время в качестве мудериса-директора, нам кажется, было бы достаточно для одного медресе. Это нововведение могло бы стоить (жалованье учителей и учебные пособия) по 7-8 тысяч на каждое медресе, а на все 10 медресе важнейших центров потребовалось бы до 80 тыс. Допуская даже до ста тысяч расхода в год для десяти медресе, мы находим этот расход, для коего можно установить специальный сбор с мусульман по образцу бывшего татарского сбора в Крыму, ничтожным, сравнительно с блестящими результатами, коих можно ожидать. В какие-нибудь пятнадцать лет русское мусульманство, вместо нынешнего невежественного духовенства, имело бы развитое духовенство, образованных улемов; вместо нынешних тупых учителей (ходжей), – подготовленных к своей деятельности и развитых педагогов; и тогда можно бы поднять курс начальных училищ – мектебов до уровня требования времени и ввести в них лучшие, усовершенствованные методы преподавания, вместо существующих ныне долбления и палки.

Этим путем быстро проникли бы в массу русские, или лучше сказать, общечеловеческие, гуманные идеи и знания. Раз пробужденная любознательность вызвала бы среди татар сознательное, а не принужденное из-под палки стремление к просвещению. Тогда само мусульманство искало и создавало бы средства к изучению русской речи, чтобы ближе стать к науке

и знаниям. Тогда не существовало бы настоящего недоверия к русскому просвещению, апатичного равнодушия к русской науке. Мусульмане убедились бы в том, что есть еще чему учиться кроме священного писания арабов... Тогда русские гимназии и университеты приобрели бы значение в глазах мусульман, их отчужденность, недоверие и апатия, эти следствия неведения, рассеялись бы как туман.

Подумайте, читатель, может ли от такой постановки дела пострадать русский язык и наука и не выиграет ли отечественное образование и общечеловеческая культура?

Что касается до значения собственно татарской речи, как средства к приобретению познаний, мы должны заметить, что 50-60% мусульман и мусульманок могут читать свободно по-татарски, тогда как по-русски прочесть и понять едва ли может один из тысячи из них. Поэтому не практично ли, не обязательно ли, в интересах общественного блага и государства, воспользоваться этим обстоятельством, этой татарской грамотностью, этой распространенной между мусульманами письменностью, как проводником полезных сведений, отечествоведения и пр. в мусульманскую массу. Не следует ли облегчить, поощрить развитие печати среди татар? Разве было бы дурно, если бы распоряжения правительства и общественных учреждений имели возможность доходить до сведения многочисленных мусульманских подданных России в форме понятной им речи? Сколько бы недоразумений, убытков и несчастий можно бы избежать этим путем! Мне могут заметить, что русский мужик тоже ничего не читает, ничего не знает, но живет себе. Но, во-первых, он живет очень плохо и терпит очень много от того, что ничего не читает; во-вторых, как бы то ни было, ему в силу одного уж его происхождения, его исторической традиции русские порядки и жизнь ближе знакомы, чем мусульманину, имеющему иные условия жизни, иные воззрения.

Вот почему особенно важно знакомить мусульман с русскими порядками, понятиями и жизнью. Тут-то татарская письменность и грамотность окажет большую услугу, если не будем пугаться призраков и не будем преважно и пресерьезно играть в политику там, где нужно искренне приняться за дело и учить, сеять добро и правду, не стесняя себя воображаемыми препятствиями и опасениями. Под владычеством Англии в Индии зародилась и развилась ныне значительная туземная литература и периодическая печать, которая, служа интересам прогресса, нисколько, как видно, не вредит ни англичанам, ни их языку; иначе, наверно, англичане не поцеремонились бы задушить в зародыше туземное слово и печать... Закавказская администрация, кажется, сознала значение туземного языка в деле воспитания и управления краем. Благодаря ее практически верному взгляду на вещи и при ее помощи в Тифлисе зародилось и крепнет татарское печатное слово в лице «Зия-и-Кавказ» (луч Кавказа), приносящее местному населению громадную пользу разъяснением и сообщением на татарском языке необходимых сведений и правительственных распоряжений, и которое,

в случае распространения каких-либо вредных слухов, будет отличным средством для их опровержения. Кажется, польза очевидная, и много говорить излишне.

Резюмируя высказанные нами мысли относительно сближения мусульман с русскими и ознакомления их с Россией, мы выразим эти мысли в следующих положениях:

1) незнание, отсюда недоверие мешают сердечному сближению русских мусульман с Россией;

2) распространение отечествоведения и знания среди мусульман посредством русского языка почти немислимо; русские учебные заведения не привлекают даже одного из сотни мусульман высшего сословия, не говоря о прочих;

3) если ввести в курс мусульманских медресе элементарное преподавание наук на татарском языке, – то это облегчит доступ знаний в мусульманскую среду без всякого вреда для государства и быстро поднимет умственный уровень духовенства, среднего сословия и рассеет многие дурные предрассудки;

4) облегчение условий печатного дела на татарском языке, ввиду значительной грамотности татар, быстро распространит между ними необходимые полезные и практические сведения, почему необходимо покровительствовать и поощрять всякие издания на мусульманских наречиях;

5) было бы очень полезно, а потому и желательно, в областях с татарским населением иметь в судах толковых штатных переводчиков, чтобы избавить мусульман от больших потерь и нередко несчастий, охлаждающих их к отечеству, и необходимые распоряжения и извещения публиковать в местных ведомствах при русском тексте с переводом на туземный язык; и, наконец,

6) от этих мероприятий ни интересы русского языка, ни интересы государства никоим образом страдать не могут.

Заканчивая настоящие заметки, позволю себе обратиться к образованной мусульманской молодежи. Братья, примитесь серьезно за дело народного образования: при помощи и содействии просвещенных русских обсудим лучшие способы к тому. Выучиться самому – достоинство, но передать незнающему свое знание еще большее достоинство и благое, святое дело. Наша религия учит, что добро можно творить трояко: трудом, словом и подаянием, – и то, и другое, и третье одинаково угодны Богу и благородны: бедный помогает ближнему работой, ученый – поучением, богатый – подаянием. Итак, вы выучились, приобрели знания и добрые правила: не храните их лишь при себе, постарайтесь передавать ваши знания ближним, соплеменникам; переводите на татарский язык хорошие русские книги, пишите для бедных, темных татар, старайтесь открывать и улучшать школы, распространять искусства и ремесла. В этом святом деле, надеюсь, просвещенные муфтии Таврический и Казанский окажут вам должную

помощь и содействие своим влиянием и знанием. Это, братья, будет честно и благородно, и если не теперь, то в будущем народ благословит ваше имя, памятуя священное изречение великого Алия, что «чернила ученого столь же достойны уважения, как и кровь мученика».

1 июня 1881 года. Бахчисарай.

*Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения.
Симферополь: Изд-во тип. Спиро, – 1881.*

Мирза Алекпер Сабир (1862-1911) – азербайджанский поэт, сатирик и один из наиболее видных азербайджанских поэтов начала XX века.

«Сабир» – «терпеливый» – один из многочисленных псевдонимов поэта. Начальное образование получил в начальной школе, но в 1874 году поступил в школу нового типа, открытую С.А. Ширвани.

Сабир создал новый стиль в поэзии. Он был понятен всем – от мала до велика. При всей видимой простоте Сабир доносил до народных масс смысл самых сложных внутренних и международных проблем эпохи. В его стихах органически сливались высшее мастерство и повседневная жизнь.

После 1905 года в его поэзии становятся преобладающими политические и гражданские мотивы. Его творческое внимание привлекали самые темные стороны жизни и быта азербайджанского общества: фанатизм, разврат, социальный гнет, невежество. Поэт резко выступал против противостояния шиизма и суннизма.

Произведения Сабира переведены на многие иностранные языки. Его именем в Азербайджане названы город и район, теплоход, многие культурно - просветительные учреждения, улицы в городах и селах.

Стих – это жемчуг драгоценный, его не обесценю ложью.
Не жди похвал – не одописец! Мне льстить и угождать негоже.
Мой стих сатирую прольется – пути иного быть не может.
Пусть мир услышит голос правды: мне истина всего дороже.

К согражданам мусульманам и армянам

Когда идущий век единством осиян,
Когда благая цель не призрак, не обман
И в мыслях нет вражды, нет неотмщенных ран,
Кто родины сынов толкнет во вражий стан?
Откуда ж этот спор армян и мусульман?
Иль не рассеялся тот вековой туман?
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора поддержку нам друг в друге обрести!

Когда один сосед нуждается в другом
И мощь родной страны в содружестве благом,

Какой же дьявол злой стучится в братский дом?
Всплывет ли косность вновь?
Вот, оглянись кругом:
Резня по городам, убийства и погром...
Довольно! Пощади, аллах! Мы ждем, мы ждем...
 Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
 Пора собратьев нам друг в друге обрести!

На сеть коварных дрязг, возникших вдруг, - взгляни!
То дело наших рук иль ваших рук? Взгляни!
Кто ссорит - друг армян иль наш он друг? - Взгляни
Всё дело в косности в одной - вокруг взгляни!
Во всем виновен гнет - вот наш недуг, взгляни!
 Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
 Пора нам спутников друг в друге обрести!

Народу правду дать, унылый стон прогнать!
Невежества закон, тупой закон прогнать!
Всё мужество собрать, всю мерзость вон прогнать!
Всех сеющих вражду, всех сплетен звон прогнать!
Сабир! Возьмись и ты тяжелый сон прогнать!
 Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
 Пора нам родину друг в друге обрести!

1 июля 1905

Что мне за дело?

Пусть грабят мой родной народ – что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод – что мне за дело?
Я сыт. Что мне за дело до других?
Я сыт. Мне просто наплевать на них!
Пусть пухнет с голоду весь мир – что мне за дело?

Тсс! Не шуми! Пусть люди спят. Я не желаю,
Чтоб спящих подняли, глаза им раскрывая.
А если кто проснется, пусть мне бог
Устроит так, чтоб я лишь не был плох.
Пусть грабят мой родной народ – что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод – что мне за дело?

Не говори о судьбах мира мне ни слова,
Да хлеба принеси, чтоб я покушал снова.
Зачем, зачем тревожить мне века,
Ведь жизнь, я знаю, очень коротка!
Пусть грабят мой родной народ – что мне за дело?

Пусть он страдает от невзгод – что мне за дело?

Сыны отчизны пусть на дне клоаки
Бродяжат в страшной нищете, как те собаки,
А вдовы носят пусть позор тряпья,
Лишь был бы славен всюду только я!
Пусть грабят мой родной народ – что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод – что мне за дело?

Любой народ не может жить без интереса;
В своей стране шагает он путем прогресса.
Что ж, коль прогресс в дремоте вспомню я,
Немедля совершу его, друзья!
Пусть грабят мой родной народ – что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод – что мне за дело?

28 апреля 1906

Трудись для грядущего

Не трать усилий, милый мой, обогащенья ради,
Не занимайся кутерьмой приобретенья ради,
Не трать часов, не трать минут ты наслажденья ради,
Пусть будет в мыслях светлый труд освобожденья ради,
Чтоб выжил твой народ, борись его спасенья ради,
И для грядущего трудись его рожденья ради!
Времен не изменяя ход, свободы кто добьется?
Будь трезвым, друг, гляди вперед, жизнь вспять не повернется!
Оковы бедности впились в тела людей – ты видишь?
Ведь их терзают всё лютей, их боль – сильней, ты видишь?
Как можно спать? Странанья, скорбь земли своей ты видишь?
Вождем случайно дервиш стал, а жизнь трудней, ты видишь?
Радетель этот низко пал, ведь он злодей, ты видишь?
Тут было зданье – от него гора камней, ты видишь?
Любое зданье – час придет – в руины превратится,
Любой родившийся – умрет, но жизнь – не прекратится!
Скажи, чего добьешься ты богатствами своими?
Их наживал ты и копил, что делать будешь с ними?
Умрешь – и люди назовут труды твои пустыми!
Пока возможность есть, слепец, иди с людьми простыми,
Одно хоть зданье возведи – свое возвысишь имя,
Пример потомкам покажи поступками такими!
Нужд у народа не сочтешь, их время только множит, –
Не так легко того найдешь, кто бедному поможет.
Народ мой, будешь в крепкий сон ты погружен – доколе?
Постельных радостей искать, считать ворон – доколе?

На эту спячку, праздность, лень ты обречен – доколе?
Ислам в невежестве погряз, мир ослеплен – доколе?
Терпеть убогость, темноту, и плач, и стон – доколе?
Народ забит и угнетен, бесправен он – доколе?
Иль не способны мы сынов вести к прогрессу, к свету?
Иль не талантлив наш народ, к науке тяги нету?
Ведь знанья каждому нужны, на всё нужны ответы,
Но школ-то нет, а ведь сыны должны учиться где-то?
И где, скажите, есть богач, который понял это?
Мы ожидаем от него поддержки и совета!
Помочь нам надо с прошлым рвать, чтоб счастье обреталось,
Ну а Сабирам – лишь взывать! Что им еще осталось?

24 сентября 1906

Сабир М.А. Сатиры и басни. – Издательство детской литературы. – 1954.

Габдулла Тукай (1886-1913) – татарский народный поэт, литературный критик, публицист, общественный деятель и переводчик.

Родился в деревне Кушлавич Казанского уезда Казанской губернии.

«Духовная сила Габдуллы возвысила его – он стал поэтом всего народа. С самого начала своей творческой карьеры он поет песню народа. Его волнует будущее нации. Он радуется вместе с народом, вместе с народом печалится. До этого не было в татарской вселенной такого поэта» (*газета «Йолдыз», 4 апреля 1913 г. некролог на смерть поэта*)

Татарская молодежь

Горд я нашей молодежью: как смела и как умна!
Просвещением и знаньем словно светится она.
Всей душой стремясь к прогрессу,
новой мудрости полны,
Водолазы дна морского, – нам такие и нужны!
Пусть мрачны над нами тучи, –
грянет гром, дожди пойдут,
И мечтанья молодежи к нам на землю упадут.
По вершинам, по долинам зашумят потоки вод.
Грянут битвы за свободу! сотрясая небосвод.
Пусть народ наш твердо верит
всей измученной душой: Заблестят кинжалы скоро,
близок день борьбы святой.
И с оправою пустою пусть не носит он кольца:
Настоящие алмазы – наши верные сердца!

1912

Назидание

Когда с мольбой о подаянье проситель встанет у ворот,
Остерегайся грубым словом в нём человека побороть.
Он, как и ты, хотя и нищий, Аллаху он такой же раб,
Стоит с протянутой рукою, несчастный, сам себе не рад.
У жизни различать умеете вы не одну – две стороны:
Её задворки и фасады, что на показ обращены.
Богатство, слава, положенье вращаются, как колесо,
Богат сегодня, а назавтра ты – как шайтан, бедней ещё.
Есть что подать – подай, не можешь – скажи, на слово не скупясь.
Тот с бородою белой старец, быть может, сам Хозыр-Ильяс.

Перевод В.Думаевой-Валиевой

Оригинал на татарском: [Нэсьйхэт](#)

(Из сборника: Избранное/Габдулла Тукай; Перевод с татарского В.С.Думаевой-Валиевой. - Казань: Магариф, 2006. - 239 с.)

Заки Валиди Тоган (1890-1970) – всемирно известный учёный востоковед, крупный общественный деятель, публицист; историк, доктор философии, профессор.

Родился в небольшой деревне Кузяново Ишимбайского района. Отец и мать учёного владели арабским, персидским и чагатайским (старотюркским) языками. Чтение книг религиозного содержания на двух-трёх языках для них было делом повседневным.

С 1906 по 1908 год учеба в Утякском медресе, где особое внимание уделяет обучению основам ислама, философии, литературы и истории. Активно знакомится с русской востоковедческой литературой, переводит на чагатайский произведения А.С.Пушкина «Восстание Пугачева», «Арап Петра Великого», стихи поэта, где сильны восточные мотивы, темы Корана.

С 1908 по 1912 год Валиди продолжает свою учебу в медресе Касимия в Казани. В 1912 году вышел в свет его первый фундаментальный труд «История тюрков», получивший высокие отзывы.

В 1914г. З. Валиди, уже признанный ученый и общественный деятель, переезжает в Уфу и становится мударрисом медресе «Усмания». Его направляют в IV Государственную думу, где он начинает сотрудничать с ее мусульманской фракцией.

Его деятельность будет иметь два основных направления: общественно-политическое, связанное с борьбой за независимость тюркских народов, и научное.

1935 год – закончил Венский университет, защитил докторскую диссертацию – в будущем известнейшее его произведение «Путевые сообщения Ибн Фадлана».

В 1953 основал Институт исламских исследований, который возглавлял до самой смерти.

«Заки Валиди Тоган – великий ученый, это определено. Но он велик и как человек» (Герберт Янски, известный австрийский востоковед).

Воспоминания

... В советское время некоторые историки опубликовали труды, где утверждается, что уже тогда влияние русской культуры было сильным, но это вовсе не соответствует действительности и подобное утверждение не более чем влияние сегодняшней пропаганды русских. В то время преимущество русских в области техники можно было принять безоговорочно, но в духовной жизни башкиры, как и многие другие народы, обладали внутренней самостоятельностью, а в нравственном отношении явным превосходством и это бесспорный факт. Русские, поселившиеся среди нас как лавочники или кузнецы, очень быстро усваивали наш язык, а их дети впоследствии долго пребывали под воздействием ислама, а иные, несмотря на запреты Российского законодательства, вообще переходили в ислам. Были русские авторы, описавшие своеобразие жизни и быта башкир в середине XIX века генерал-губернатор Оренбургской губернии генерал Циолковский, поляк по происхождению, гостил в деревне Макарово в доме майора Юсуфа Карамышева и выразил свое восхищение оригинальностью башкирского быта, с большим вниманием и удовольствием слушал башкирские мелодии и советовал сохранять оригинальные черты обычаев народа. И в Турции можно встретить интеллигентов, которые перед лицом чудес европейской цивилизации готовы отказаться и предать забвению духовные сокровища собственного народа. Некоторые ученые турки пытаются представить Победителя Махмуда Султана как деятеля, безумно влюбленного в европейский, в особенности итальянский, Ренессанс, но это не соответствует исторической действительности. Махмуд II был верным представителем исламской культуры, на европейскую культуру смотрел как достойный представитель иной культуры и гордился величию собственной культуры. И представители башкирской интеллигенции и духовенства в XVIII-XIX веках вынужденные тесно соприкасаться с русской культурой, занимали те же позиции, они хорошо знали собственную культуру, знали, что она своими корнями связана с великой цивилизацией Средней Азии, и гордились ею.

Муки революционной мысли. Вынудив меня написать содержание наших разговоров в эти месяцы, Усман после своего отъезда вызвал в отчем доме настоящий переполох. Написанные мной для него бумаги он вложил в книгу, которую забыл в Стерлитамаке у хозяина библиотеки «Калям». Он прочитал эти мои записи вместе с прибывшими из Оренбурга татарским мугаллимом по имени Зиннатулла Бикбулат, некогда обучавшимся то ли в Египте, то ли в Бейруте. Были там ещё кто-то, потом рассказали об этом ещё кому-то, разнося таким образом сплетни обо мне. Расползся слух о том, что я отступился от ислама и что в этом «потом» мне мой отец, что ввергло его в

невыносимые душевные муки. Поэтому отношение отца ко мне резко изменилось. Мать объяснила мне, что причина всего этого записка, находящаяся у хозяина библиотеки «Калям», которую надо оттуда забрать и уничтожить. Я сел на коня и поспешил в Стерлитамак. Забрал свои бумаги у хозяина библиотеки, взял с него слово никому о них больше не говорить, и вернулся домой. Рассказал матери о положении дел и упросил её объяснить всё отцу. Однако дело в лучшую сторону не изменилось. Я проявил неосторожность, не сказал, что порвал или сжёг записку. На вопрос отца: «Где они?», вытащил и отдал бумаги ему в руки, так как никогда ни в чём не обманывал его. И это окончательно испортило наши с ним отношения. Он после этого вообще перестал со мной разговаривать, не стал приглашать меня на традиционный утренний намаз. Я замечал, что мама всё чаще и чаще плачет. Моим братьям и сёстрам ничего не сказали, но они чувствовали, что в семье что-то произошло, в отношениях наших воцарились холод и отчуждение. Отец несколько раз ездил в Утяк, к дядя. Бесспорно, что-то хотели предпринять.

В 1920 году дядя преподнёс мне эти записки как память о тех событиях.

Дядя очень любил упомянутого выше Ахметсани. Они обменивались мнениями по самым деликатным вопросам. Дядя передал Ахметсани мои записки, они его заинтересовали и он переписал их, привёз с собой в Стамбул и вручил казанскому татарину д-р. Сибагатулле Давлеткильде, который жил в Ускударе. Позднее Ахмет забрал у Сибагатуллы-эфенди эти бумаги и вернул мне. Это являлось для меня приятной неожиданностью, потому что переданная дядей записка осталась в моём архиве в Башкортостане.

Краткий смысл этой записки, изложенной на семи страницах, таков:

«Для мыслящей личности суть религии заключается в вере, что мир сотворён божественным духом и вся вселенная ему подвластна. Религиозному человеку присуща вера, что его дух не ограничивается существованием в его теле и, оторвавшись от бренного тела, продолжает существовать в мире ином. Мыслящая личность всегда пребывает в поисках путей единения в этой мировой духовности. А простой человек Бога представляет себе как существо, говорящее на человеческом языке. Более того, считает, что божьи слова исходят к людям непосредственно на европейском или арабском языках, которыми сам он повседневно пользуется. Простой человек искренне верит, что он в судный день поднимется из могилы в том же виде, что и в жизни, с тем же телом и костями, предстанет пред очи божьи и будет самолично отчитываться перед ним за свои грехи. Но мыслящая личность понимает, что дело бога, создавшего миллиарды различных растений, насекомых и животных – установление законов природы и канонов жизни. Но не дело божье вникать в суматоху в каждом муравейнике и вмешиваться в дело этого Ахмата или того Махмута. Всё это происходит по законам и канонам божественного установления. Великие личности, постигающие начало бытия и жизни, понимающие основания

морали и действительности, накопившие опыт, знающие многое из того, что ускользает от взора заурядных, и на этой основе достигшие необычайной проницательности и в силу этого близкие к божественной духовности, среди людей снискали признание как пророки. Но среди народов, культура которых находится на сравнительно низкой ступени, эти люди формируются как шахматы. А вот у семитов, культура которых достигла больших высот, они были признаны как пророки. Тем не менее сами пророки также вышли из народа, многие из них не умели читать и писать и они, по уровню культуры близкие к народу, могли донести до народа свои мысли и идеи в таких формах, которые были доступны и убедительны для простого народа. Ради разъяснения мысли: «Чего только ни сделают люди, стремящиеся к великим целям» в Коране упоминается легенда о двурогом Зу-ль-карнаине. Это великий завоеватель, объединивший Запад и Восток – никто иной, как Александр Македонский, сын царя Филиппа. В Коране приводится легенда о его подвигах, распространённая среди арабов. В суре «Бакара» и в других местах Корана 24 раза повторяется мысль, что эта книга состоит из многих глубокомысленных притч и мыслей. Сведения о жизни правителя Йемена (выходец из Абиссинии), жившего на сто лет раньше пророка, а также слова о пророке Гайсе «его евреи не убивали и не распяли, но в хадисах это событие связывают с ним», отражают реальные исторические события. Всевышний создал Коран точно в этом виде, со всеми буквами и словами или только его смысл? Не этот счёт учёные выискивают разные суждения. Об этом мутазилиты утверждали, что Аллах создал лишь содержание и смысл Корана. А истина в том, что не только буквы и слова Корана, но и суждения и притчи, приводимые в нем, показывают, как Пророк проповедовал божественные истины в том виде, в каком они были доступны сознанию арабов той эпохи. То есть, мысли пророка преподносятся арабам с помощью притч, дастанов, поговорок, истинности которых они свято верят. Современной наукой доказано, что некоторые притчи Корана основаны на арабском фольклоре, а иные из них отражают реальные исторические события. Поэтому желание христианских миссионеров доказать, будто древние предания Израиля остаются непреложной истиной для всех времен, в том числе и для дня сегодняшнего, не имеют под собой никакой почвы, это теперь совершенно очевидно».

То, что я в свои двадцать лет о преданиях и притчах в священных книгах, в том числе Коране, рассуждал правильно, доставляет мне удовлетворение и сегодня. То, как воспринимали семитские народы три колонны в Баальбеке и другие исторические развалины, сохранившиеся со времен Римской империи до наших дней, отражает повествование о рае, которое ведется в форме, понятной и доступной арабам той эпохи. Хадис в Коране, в категорической форме утверждающий, что «Ибрагим и Исмагил заложили фундамент Каабы», является всего лишь частью одного из арабских дастанов. Моя же цель заключалась в том, чтобы доказать, что религия, проповедуемая нашим Пророком, как, впрочем, все мусульманство,

представляет собой куда более древнее явление, что она отнюдь не придумана Пророком.

Когда я воспринял Коран именно в этом понимании, ислам превратился для меня куда в более привлекательное учение. Если бы как простые верующие, так и образованные верили этим притчам (кисса) как исторической истине, внимали бы не букве Корана, а смыслу его, то не оставалось бы места оскорбительным взаимным упрекам друг друга между этими двумя группами верующих.

Прекрасно зная, что толкование Корана может носить разный характер, Джалаледдин Руми в своем знаменитом «Маснави» вносит все новые и новые притчи. Его не интересует их соответствие или несоответствие исторической действительности, он старается донести до читателя их глубинный смысл. Если бы из наших тюрков вышли бы свои пророки, они тоже для объяснения тех или иных истин прибегли бы к тюркским дастанам. Например, чтобы представить вероломное предательство, обратились бы к притчам о жене Кулляркина Ябгу из огузских дастанов; для показа символа справедливости – к притчам вроде «Верблюд Едигея» из дастана об Едигее и изложили бы все это в доступной для понимания тюрков форме.

В последнее время я прочитал труд английского ученого Кеннета Крэгга, который в своем произведении, изданном под названием «Вопросы современного ислама», пишет, что арабские и западные ученые создали многотомные труды о притчах, используемых в Коране, и порадовался тому, что мой интерес к теме, над которой я ломал голову с 1910 года, угас. Я остыл к трудам по этой теме и передо мной открылась широкая возможность заниматься другими проблемами.

Но отец все это воспринимал иначе. Прочитав тогда мои записи, он полностью уверился в том, что я безраздельно отошел от мусульманства, однако в своем открытии, которое он воспринял как глубочайшую семейную трагедию, не стал распространяться и никому не показывал своего глубокого презрения ко мне. Только не стал поднимать на утренний намаз, лишь другие молитвы позволил творить вместе с ними. И это он делал лишь из сострадания к матери. Пятнадцать дней я прожил в атмосфере такого к себе со стороны отца отращения и презрения, которое немислимо было раньше и представить. Порою мне хотелось подняться и уехать в Казань, но это повело бы к окончательному разрыву с семьей, ввергло бы в невыносимую горе мою маму, поэтому я решил терпеть, не терял надежды, что, может быть, дядя найдет какой-нибудь выход из создавшегося положения.

Однажды отец сказал мне: «Вставай, поедem к дяде».

Сажать меня на свою телегу не пожелал, велел ехать верхом. В Утяке в доме Хабибназара собрались все родственники, близкие по материнской линии из Ташбукаяна, Янгызкайына, Яныраса, состоящие в имамах старшие и младшие братья из разных махалля самого Утяка. Я понял, что надо мной будет устроен семейный суд. Отец начал гневную речь. Я спросил его: «Следует ли понимать твои слова так, что если я не отрекусь от своих

убеждений, то меня забьют камнями?» Именно такой вопрос задал в Коране пророк Ибрахим своему отцу. Мой отец ответил: «Я говорю о тебе по своему разумению. Ты человек ученый, вот уже поставил против меня Коран», – и замолчал, не удержавшись от слез, и больше ничего не стал говорить. Мой зять Кабир-мулла сказал: «Записки – это бумага, надо выяснить все ли написанное принадлежит ему самому», – тем самым встав на мою защиту. Как бы отвечая на его вопрос, дядя сказал: «Сынок, ты общаешься со многими людьми в чужих краях, много читаешь. Вполне понятно, во взглядах твоих будут происходить перемены. Это я объяснили твоему отцу. Мы верим, что ты всегда останешься мусульманином и будешь любить Коран. Но дело еще вот в чем. Никогда не спеши высказывать свои мысли, которых пока не может понять и принять твой народ, тем более не заноси незрелые мысли на бумагу, ибо этим воспользуются наши враги, разнесут дурные сплетни и это обернется злом для твоего отца, для меня и всей нашей семьи. Вон, Шахшариф Метинов (член Государственной Думы) поражается твоему знанию русского языка, тому что ты составляешь прошения и жалобы, как адвокат. Все мы мечтаем, когда ты возмужаешь, выбрать тебя в земство. Даже членом Думы от этой губернии, и мы этого добьемся. Только не говори в этих местах слов, которые смогли бы тебя опорочить, поверь, ты нам дорог, мы тебя ценим как зеницу ока».

После этого была сотворена молитва, в которой приняли участие все собравшиеся родственники. Обе жены моего дяди были очень добрыми, начитанными женщинами. Особой человечностью и нежностью отличалась старшая из них. Они расстелили множество ковриков для намаза. Это был семейный намаз высокоодухотворенных и благочестивых людей. И я был глубоко тронут этой семейной молитвой людей, понимающих Коран, знающих арабский язык, где в задних рядах молились и женщины. В зимние месяцы к нам приезжали младшие братья и сестры моих родителей, зятья, дети, невестки и гостили в нашем доме по три-четыре дня. На утренние и дневные молитвы ходили в мечеть, а вечерний намаз творили дома, разостлав множество ковриков. Дядя исполнял обязанности имама, читал отдельные аяты из Корана. На этот раз было так же. Дядя читал из Корана суру «Ал-Хиджр», которая обычно в намаз не включается. Он многократно повторил слова из Корана:

«Ясно объясняй остальным повеления всевышнего и исполняй их сам, не обращай внимания на слова язычников. Мы образумим тех, кто смеется над тобой. Мы знаем горечь души твоей, вызванную их злобными словами и напраслиной, но ты благодари Аллаха и будь с поклоняющимися».

Во время второго коленапоклонения он прочитал аяты из суры «Фуссилат»: «Ангелы будут спутниками тем, кто признает Повелителя нашего Аллаха и на этом поприще проявляет верность и твердость духа, но только пусть они не страшатся ничего и не горюют. Ангелы скажут им о том, что останутся им друзьями и защитниками в этом мире и на том свете. Кто лучше того, кто говорит, что он один из мусульман, и молится всевышнему?»

Добро и зло не одно и то же, если злу будешь отвечать добром, в конечном счете обратишь врагов в своих друзей». Этими аятами дядя обращался ко мне. В сравнении с моим отцом он мыслил более широко и свободно. По старой традиции, после намаза, повернувшись лицом к нам, он говорил проповедь-вагаз, смысл которого был созвучен прочитанным аятам. Прежде всего поставил вопрос: «Что такое истикамат?», и, сам же отвечая, продолжал: «Без колебания идти тем путем, который считаешь праведным. Это и есть истикамат. Это умение, отбросив в сторону суетные дела, идти вверх великим путем. В исламе истикамат – пройти свой жизненный путь, сохраняя верность собственной совести. Если ты будешь восходить к вершинам учености, сохраняя в чистоте веру, следуя истикамату, непременно достигнешь своей цели.

Затем привел несколько мудрых арабских изречений и поведал халис, подтверждающий, как полезно оставаться верным своим высоким идеям, не поддаваясь людским пересудам и, напротив, как пагубно отклоняться от них.

Закончились молитвы, назидания и наставления. Отец сказал: «Вот и разрешил дядя все дела». А дядя продолжал: «Один из самых великих в истории ислама людей Амави Валид ибн Муавия, порвав Коран и отбросив его в сторону, обратился к нему со словами: «Иди и до прихода Судного дня скажи своему создателю Аллаху, что Валид порвал меня и выбросил». – И далее добавил: «Амави Марван ибн Мухаммада, а также халифа Мамуна тоже называли безбожниками за смелые мысли; жители Дамаска объявили кафыром (гяуром) и Хромого Тимура за то, что тот возвеличивал мутазилитов и попытался назначить их имамами всех четырех толков ислама. Наш сын мусульманин ничуть не хуже их. В его голову пришли незрелые мысли, но они приходят в голову любого другого думающего человека. Среди мусульманских ученых и до этого были люди, утверждавшие, будто личность Зу-ль-карнайн был никем иным, как правителем Греции великим Искандаром». Но отец ему возразил: «Однако наш сын поклоняется не Ахмету Мидхату, а кафыру Дрейперу, арабским христианам и русским книгам, которые непрестанно читает, с ними он советуется». Дядя на это ответил: «Нельзя же отказаться от чтения книг, боясь изменения взглядов».

После молитвы и этих слов души всех родных охватило чувство общей радости, которое бывает лишь после благополучного избавления от большого горя.

Между тем, дядя продолжал: «Сын наставника султанов Хызыр-бея по имени Синанетдин тоже был таким. Испытал сомнения и колебания, но при помощи шейха Вафы нашел свой верный путь и стал учителем Фатиха Султан Махмута. Иншалла, Ахметзаки тоже найдет свою дорогу». Отец ответил ему: «Лишь бы его Вафой Шейхом стал не какой-нибудь христианин или безбожник». «Такого не будет, – сказал дядя, – тут произошла ошибка, он изложил на бумаге все пришедшие ему в голову мысли и тем самым дал волю сплетням. Больше он не будет записывать подобные мысли».

Семья наша, устроившая суд совести надо мной из-за предосудительного поступка, повергшего всех в большое горе, сумела разрешить дело в ходе общей молитвы, опираясь на одну из сур Корана и это было прекрасное зрелище. Прежде всего было совершенно ясно: дядя был в полном смысле слова либерально мыслящей личностью. Он согласен почти со всеми моими доводами, ценит их. Но в данном случае самым важным была его искусная тактика. Многие вещи он понимает точно так же, как я, но не разглагольствует об это с кем попало, навлекая на свою голову беду. Чтобы успокоить отца, он привлек меня к семейному суду, но по сути меня защитил. Учитывая, что отец фанатичен в своих убеждениях, дядя, даже защищая меня, делал это тонко, не явно для остальных и, опираясь на Коран, сумел подчинить тем самым и волю отца. Приводя аяты из Корана, он, с одной стороны, успокоил отца, с другой, укорял меня за невнимание к сплетням недоброжелателей, но при этом никоим образом не упрекнул меня за мои мысли.

У этого круга людей было немало качеств, достойных восхваления. Они были искренне преданы и уважительны друг к другу, в любом деле энергичны и рачительны, каждый обладал способностью в какой-то определенной области. Им были чужды проявления фанатизма и пороки вроде пьянства и иные дурные наклонности. Во всяком случае, этот круг верующих людей внедрил в мое сознание мысль Пророка о том, что «убрать с дороги мешающие, вредные предметы – тоже один из видов добродетели». Если нам попадались лежащие поперек дороги поваленные деревья или камни, отбрасывали их в сторону, падаль закапывали в землю. Меня и поныне бесят те, кто бросает на дороге автомобильные шины; если увижу на дороге бутылочные осколки, считаю своим долгом убрать их подальше. Эта среда, в которой я вырос, старалась никогда никого не унижить, не обидеть. Из нее вышло бы немало видных людей. Но русская революция отрицательно сказалась на их судьбе. Хотя русские красные на весь мир ославили нас, что «они, мол, не умели ни читать, ни писать, это мы научили их этому», по существу именно они искоренили эту одухотворенную культурную среду.

Мы с другом своим Усманом, посетившим нас накануне упомянутого события, побывали у наших родственников, проживавших в разных деревнях. Дядя одобрил желание Усмана учиться в высшей сельскохозяйственной школе и сказал так: «В нашем роду все учителя-мугаллимы и имамы, мы служим своему народу на этом поприще, получив на то у властей «указ». Многих их тех молодых людей, с которыми вы лично познакомились, будем воспитывать и готовить инженерами, юристами, иные, как Ахметзаки, будут изучать историю, литературу, философию, сопоставляя произведения ученых Европы и Востока. Тогда вы сможете организовать здесь цент науки и просвещения».

Дядя хотел открыть в своем ауле сельскохозяйственную школу, отвечающую современным требованиям. Усман ему очень понравился.

«Когда завершишь учебу, может быть, когда-нибудь приедешь к нам и возьмешь дело организации школы в свои руки. Эту идею одобряет и начальник земства Султанов», – сказал он. С другой стороны, дядя весьма одобрительно отнесся к желанию Ахметсани и Мансура, вернувшись из Турции, открыть здесь колледж. Понимал он и необходимость организовать типографию. Таким образом, по его мнению, Утяк должен превратиться в некий центр культуры.

Предельно искренние взаимоотношения, установившиеся между дядей и мною после семейного суда совести распространились и на взаимоотношения между мной и отцом. Теперь, на мои слова в разговоре с Ахметсани, происходившем при отце: «Коран как источник, объясняющий человеку веру и открывающий истину – божье слово, но как источник, повествующий на языке отдельного народа, основываясь на его фольклоре и эстетических воззрениях, это слова Пророка», – отец не проявил никакой фанатичной нетерпимости и не рассердился. С течением времени отцу стали известны работы современных ученых Мухаммата Халифуллы и Джевада Али, специально занимающихся сравнительным изучением Корана с вариантами исторических хадисов, древних преданий, созданных по правилам арабского красноречия, сохранившихся в арабском фольклоре со времен пророка Мухаммада. Я был свидетелем разговора между индийским ученым Абу Саид аль-Гараби, который зимой 1920 года останавливался у нас проездом в Москву, и отцом о имеющихся в Коране притчах «Райские сады» и относящихся к греческим дастанам «Семь спящих подростков», об археологических раскопках древнего города Эфеса. Проведенный в Утяке «семейный суд» оказал сильное влияние на сознание и душу моего отца.

Было признано мое право творить намаз по своему усмотрению. После этого отец перестал меня будить на утреннюю молитву. И другим сказал: «Дальше он будет жить так, как пожелает, теперь он вырос, сам знает, что делать». Больше мы не затрагивали с отцом религиозных и философских тем. После случившегося я вообще ни с кем об этом не разговаривал, пытался не задевать религиозных чувств людей. Никогда не забывал слова дяди: «Когда говоришь с людьми, помни совет Пророка разговаривать с каждым сообразно уму собеседника». Он советовал мне также, чтобы за изучение тонкостей толкования религиозных вопросов я взялся лишь после совершенного овладения арабским языком. И это дело осталось в стороне. Он не учил меня теологии и фикху, не заставлял заучивать молитвы. В Казани я изучал у Садика-муллы «Хидаю» в части муамилата, но другие части не изучал. Изучал «Историю исламской культуры» Георга Лейдена, как наилучший образец. Под воздействием дяди возрос мой интерес к книгам по арабской истории, а также биографиям выдающихся людей. Прочитал опубликованные в Стамбуле и Египте биографические сочинения о таких ученых как Ибн-Халликан, Ташкепрезаде (Шакаик), а также об ученых Ханефи и Шафиги.

... В результате, лето 1910 года оказалось для меня чрезвычайно плодотворным:

1) вышел победителем в борьбе с фанатизмом, опутавшим всю исламскую религию;

2) на почве встреч в Айгырульгане и разговоров о религии с земляками, воротившимися из Стамбула и Мекки и последовавших за тем событий, я пришел к выводу: чем с такими взглядами и умонастроениями заниматься в области исламиата исключительно религиозными вопросами, лучше приступить к более глубоким научным исследованиям в других направлениях исламской и всей человеческой культуры. Итог:

3) эти разговоры вызвали во мне желание заниматься исследованием творчества аль-Бируни и

4) изучением немецкого языка.

Заки Валиди Тоган. Воспоминания: Книга I. – Уфа: Башкирское издательство «Китан», 1994. – С. 111-121.

Гаяз Исхаки (1878-1954) – деятель татарского национального движения, писатель, публицист, издатель и политик. Учился в медресе города Чистополя и Казани. Гаяз Исхаки начал свою литературную деятельность в конце 19-го века. Его первое произведение «Радости познания» вышло в свет в 1896 году и имело огромный успех среди читателей.

Семьдесят лет имя Исхаки было под строжайшим запретом, и не одно поколение татар выросло, ни разу не слышав имени великого и талантливое писателя. Наследие Исхаки велико и многогранно: десятки романов, повестей и пьес, сотни статей.

Как основное определяющее качество литературных героев Гаяза Исхаки, на первый план выходит духовность. Она в большинстве случаев проявляется как отражение нравственных аспектов ислама. В процессе воспитания у татар чаще других применяли два понятия «иман» (вера) и «оят» (стыд). Слово имансыз означало не только «безбожник», но и безнравственный, невоспитанный, дикий, грубый, т.е. нравственность, духовность и ислам очень тесно связанные понятия. Гаяз Исхаки не был фанатично преданным религии. Он был ярким представителем джадидского движения, глубоко понимал, какую роль сыграл ислам в течение веков в формировании нравственных устоев татарского народа, в воспитании личности. Поэтому, в его произведениях красной нитью прослеживается морально-нравственные принципы ислама. Первая сура Корана призывает: «Учись!», и первое произведение Исхаки «Свобода в обучении, или счастливая жизнь в изучении наук» (1897) показывает читателям, что дает знание герою повести Халиму, чего он достигает в жизни.

Книга «Вырождение двести лет спустя» (Ике йоз елдан сон инкыйраз), написанная в 1902 году и напечатанная через 2 года в значительно усеченном царской цензурой виде, совершенно четко обозначила роль Гаяза Исхаки в болгарской литературе. Собратья по перу и критики признали за ним право

занимать одно из самых почетных мест в негласной «табели о рангах» болгарской культуры.

Вырождение двести лет спустя **Послесловие**

...Мы постоянно обманывали сами себя, пребывая в самодовольстве. И сейчас самообман, нежелание смотреть правде в глаза тормозят наше движение вперед.

Наш век – это время, когда другие народы изобретают невиданные доселе машины и механизмы, совершают все новые и новые, подчас непостижимые для человеческого ума научные открытия. С другой стороны, численность населения в мире непрерывно возрастает, жизненные блага становятся все более дорогим удовольствием. В этих условиях для того, чтобы не отставать от других народов, мы должны добиться, во-первых, соответствия нашего уровня знаний мировым стандартам, а во-вторых, работать не меньше и не хуже остальных.

К сожалению, пока мы не можем похвастаться ни тем, ни другим. Если будем жить по-прежнему, не видать нам успехов и достижений как своих ушей. И не надо сравнивать наше время с прошедшими эпохами. Тогда все народы были в одинаковом положении, т.е. не могли пользоваться современными достижениями цивилизации, которые очень облегчили человеческую жизнь. Теперь же с помощью этих достижений они движутся по пути прогресса семимильными шагами. Совершенно очевидно, что та нация, которая окажется не в состоянии идти с другими в ногу и соответствовать требованиям нового времени, в конце концов ослабеет и одряхлеет до такой степени, что просто будет поглощена другими. Упорное стремление сохранить все по-старому не сулит нам счастья. Наша жизнь все равно изменится, и дело лишь в том, каким образом. Если мы пустим все на самотек, последствия будут непредсказуемыми, а точнее говоря, страшными. Короче, пока у нас еще есть воля к жизни, мы должны отбросить пришедший к нам с конфуцианством принцип «все новое – ересь» и спешить приобретать знания, которыми уже обладают передовые народы. И первый шаг на пути к этому – обучение в русских школах.

Не следует ругать тех учащихся русских школ, за то, что они одеваются по русской моде и критикуют вещи, которые многие из нас считают святыми в соответствии с конфуцианским вероучением. Пора уже научиться сдерживать раздражение и гнев, тем более что мы прекрасно видим, как время Кышкара и Сатыша¹ безвозвратно уходят, а на смену ему спешит эпоха тех, в кого сейчас летят стрелы осуждения и хулы.

Народ наш все более и более впадает в бедность и нужно серьезно взяться за решение этой проблемы. Богатство народа определяется его физическими затратами на труд, или, иначе говоря, объемом выполненной

¹ Кышкара, Сатыш – крупные аулы в Заказанье, в которых находились известные медресе.

им работы. Этот объем зависит от умения работать, а для того, чтобы уметь, необходимо знать. Но только не надо делать вид, что мы и так всему обучены. Наши знания несопоставимы с уровнем образованности других народов. Вот почему мы должны, нет, мы обязаны определять своих детей в технические учебные заведения. Мы должны устраивать в такие училища бедных людей, в конце концов, сами поступать туда. Давайте же будем соответствовать времени, приносить конкретную пользу нации! Если есть деньги, можно открыть собственные промышленные училища. Если нет, надо поступать в государственные, главное, чтобы мы получали нужное для жизни образование. То же относится и к коммерческим школам. Мы обязательно должны изучить науку торговли, перестать довольствоваться продажей шапок и тюбетеек, перейти к масштабным торговым операциям, знать бухгалтерию, вести торговую деятельность рационально. Нужно овладевать и другими науками, которые преподаются в государственных учебных заведениях: медициной, юриспруденцией, историей, математикой, архитектурой, искусством живописи – в общем, всем, чем возможно. Лишь в таком случае мы сможем открыть дорогу к так нужным нам денежным средствам и расходовать их сообразно потребностям. И тогда мы уже не будем вынуждены обивать пороги в поисках финансовой помощи.

Ну а если предпочтем жить по старинке, то потеряем и то невеликое богатство, которое пока у нас есть. Нет общественного богатства – значит, ничего нет. Обнищавшая нация сначала теряет мораль, потом религию и, наконец, самое себя. Это многократно доказано историческими прецедентами. Самые развитые народы современности являются и самыми богатыми и цивилизованными. Во времена Аббасидов² арабы жили в достатке и благополучии, были самым цивилизованным народом. Но лишь только истощилась государственная казна и наступил период обнищания, исчезла и славная арабская цивилизация. Их счастье, что как народ они все-таки сумели выжить.

Для национального прогресса необходимы прежде всего финансы, а они придут только в том случае, если мы постигнем премудрости технического, профессионального образования. Поэтому когда мы учреждаем обычную школу, при ней следует открыть и специальные классы для изучения тех или иных профессий и ремесел. Чему бы ни учили в школе, все это должно быть применимо в жизни.

У нашего народа есть странный предрассудок: мол, чем больше человек учится, тем дальше он отходит от религии. Об этом очень часто говорят, особенно улемы. Стоит только кому-то совершить конкретное дело, самостоятельный поступок на ниве просвещения, и тут же улемы, а вслед за

² Аббасиды – династия арабских халифов, пришедшая на смену Омейядам (661-750). Первым ее представителем был Ас-Саффах (749-754), последним (в Багдаде) – Аль-Мустасим, зверски убитый монгольскими захватчиками под предводительством Хулагу (1258). Рассвет правления Аббасидов пришелся на VIII-IX вв. При халифе Аль-Муктадире, мать которого была поркского (возможно, болгарского) происхождения, было организовано посольство халифата в Булгарское государство. Его участник Ибн Фадлан оставил интереснейшие «Записки» (Рисаля) о путешествии в болгарские земли.

ними и простые люди начинают твердить, что образованные люди непременно сначала лишаются национальных нравственных устоев, а затем, постепенно теряют и религиозность. Так обычно говорят об учащихся государственных школ и училищ, хотя при встрече те же самые критики подобострастно обращаются к ним не иначе, как «господин мурза». По-моему, такое отношение к образованию происходит от незнания ислама, от того, что конфуцианство, принесенное нам из степей «Каракорума»³, пустило у нас слишком глубокие корни.

В наших личных документах записано «мусульманин», и мы всегда активно протестуем против ущемления нашей религии, однако на деле так рьяно защищаемые нами «святые» принципы представляют собой конфуцианские догмы ничего общего не имеющие с исламом. Нам давно пора понять, что все эти разговоры о неприемлемости для мусульман русского стиля в одежде и обучения в русских школах никак не связаны с защитой ислама, они просто лишний раз свидетельствуют о засилье конфуцианского менталитета, который по своей природе не терпит перемен.

Тринадцать веков назад исламская религия установила принцип обязательности образования. И неужели по причине того, что сын некоего Ахметзяна, закончивший Кышкарское медресе, и сын Фахри-муэдзина, несколько лет «пасший стадо» в Бухаре, стали «солидными» муллами, а отпрыск Дамина-хазрата, вернувшись из Египта, провозгласил себя ишаном, – неужели лишь по этой причине образование стало запретным, богопротивным делом? Следуя такой логике, нужно признать, что и сама религия запретна. Вот до какого абсурда доводит конфуцианство на нашей родной почве! Впрочем, вы конечно же возразите в том духе, что если принцип единства времени был безусловным 1300 лет назад, то стал неприемлемым в наши дни, а принцип единства места был обязателен в Азии, но ни в коем случае не в Европе и т.д. и т.п. Однако чтобы вы не говорили, какую бы схоластическую белиберду в свое оправдание ни приводили, все это признаки вашей приверженности не исламу, а именно конфуцианским верованиям. Если вы утверждаете обратное, то тем самым клеветаете на ислам, и за это будете держать ответ в Судный День...

У нас на пятнадцать миллионов человек нет ни одного настоящего медресе, ни одного профессионального училища, ни одной газеты. А ведь те же финны, которых всего-то два-три миллиона, издают 200 газет и журналов. В каждой финской деревне есть начальная школа в настоящем смысле этого слова, в городах – сама средних школ и профессиональных училищ.

Вообще количество учащихся в европейских учебных заведениях огромно. Их наиболее талантливые выпускники знамениты на весь мир. Балканские болгары, численность которых очень мала, и то доказали всем свою самостоятельность, послали своих детей учиться за границу, и их теперь можно встретить в крупнейших учебных заведениях самых передовых стран. Болгары неустанно трудились и трудятся на благо своего народа, во

³ Каракорум – ставка монгольских (татарских) ханов до правления Кубилая.

имя, его счастливого будущего. А что же мы? Разве мы не нуждаемся в людях способных, талантливых, людях с широким кругозором и патриотически настроенных? Чем мы занимаемся? Может быть, надеемся на то, что таких личностей взрастят медресе в Кышкаре, Сатыше, Сабахе или в тех, что построены в самых грязных уголках Казани и возглавляются муллами-неудачниками? Смогут ли наши педагоги и теологи освободиться от пут средневековой схоластики и формальной логики, выбросить как ненужный хлам книги, в которых на редкость бестолково изложены мысли умерших 2000 лет назад Платона и Аристотеля? Достаточно ли у них для этого смелости и решимости?

Откройте же глаза пошире, господа? Перестаньте заниматься начетничеством и буквоедством! Задумайтесь хотя бы о причинах прогресса европейцев, прочитайте несколько страниц из книг по всеобщей истории. О Всевышний, откуда эта слепота, нежелание видеть цивилизацию, сверкающую как солнце, да еще почти под самым боком?

Повезло европейцам! Если бы они вовремя не избавились от мертвой схоластики, которая и их держала в своих объятиях очень цепко, они, как и мы, находились бы в пропасти невежества, нищеты и мерзости.

До каких же пор мы будем изучать «Кади», «Тахзиб», «Мубин», «Тураб» и им подобные книги, которые уже давно следовало бы переработать в бумажные пакеты? До каких пор мы намерены забивать свои головы «исследованиями» идейных споров хариджитов⁴, исчезнувших ровно 1285 лет назад? В конце концов сколько еще времени мы, упорно не признавая наше невежество, будем брести неизвестно куда, в полной темноте, как слепые, без руля и без ветрил?

Стыдно, господа, очень стыдно! Разве мы не потомки тех деятельных и энергичных болгар, которые в свое время строили такие совершенные во всех отношениях города, как Булгар, справедливо и разумно правили, успешно торговали и путешествовали по всему миру? Неужели взаправду мы уподобились живым мертвецам, не признающим, кто они?

Ведь если мы найдем приложение хотя бы небольшой части наших способностей, мы сможем удвоить пользу от каждого совершенного нами дела. Очень мало на свете народов, наделенных такими талантами, как мы, болгары. Даже те немногие из нас, кто поступает в русские школы, считаются там одними из лучших учеников.

Самое важное – мы должны четко уяснить, что и как должны делать в первую очередь. Определив основное направление, мы сможем приняться за исправление и оздоровление нашей жизни. Главное – активные действия. Без этого самые благие намерения пойдут прахом. Иные говорят: «Спешить не надо, со временем все придет само». Такие либо не понимают сути происходящего, либо преследуют свои личные интересы. Как не бывает дохода без реализации товара, так не будет и никакого национального прогресса, прежде чем мы не возьмемся самым серьезным образом за дело

⁴ Хариджиты – одна из первых сектантских групп в Исламе.

образования. Наши школы дают детям лишь начальное образование, поэтому далее нужно продолжать обучения в русских школах. Ничего, если при этом немножко «запачкаемся». Умный человек всегда сумеет очиститься от «скверны». Но не вызывает сомнения то, что человек, отупевший в наших медресе от бесконечных схоластических упражнений, не сможет помочь своей нации, напротив, он будет камнем висеть на ее шее, не давая распрямиться.

Некоторые радуют за то, что бы ехать за образованием в Турцию. Но они глубоко заблуждаются. Хотя у турков период осознания необходимости реформирования учебных заведений и практической работы в этом направлении уже завершился, однако по причине всесилы и всевластия в них улемов (которые вообще стали настоящей напастью всех мусульман) реформы так и не были доведены до конца. К тому же мы живем в России и для нас обучение в русских школах, знакомство с русской духовной жизнью гораздо полезнее. По-моему, в этом нет сомнения.

Мы – российские мусульмане и ходим ими остаться. Ни одной покоренной нации ни в одном государстве не дано столько свободы, сколько нам в России. Нужно только уметь ею пользоваться. Неужто у нас и на это не хватит сил и страсти? О, Боже, спаси нас от засилья мракобесия и направь по пути культуры и просвещения. Пусть у нас всегда будет основание с гордостью говорить: да, именно мы – потомки тех людей, которые прославили наш народ во всем мире!

Мухаммед-Гаяз Исхаки, 27 ноября 1902 г.

Оренбург, квартира Ильина.

Мухаммед Гаяз Исхаки. Вырождение двести лет спустя.

Издательская группа Булгар Иле; Москва; 2004

ГЛАВА III. МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ДУХОВНЫЙ ИММУНИТЕТ ОТ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ВЫСТУПЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

В духовной жизни общества во всем мире с наступлением XXI века наметился заметный спад. Доминирующее положение в нем стали занимать экономические проблемы и связанные с ними политические и идеологические вопросы: усилия людей оказались в основном направленными на накопление материальных благ. Поклоняясь золотому тельцу, люди пренебрегли духовностью, перестали думать и заботиться о своем духовном обогащении, стали игнорировать нравственную сущность своих поступков.

Только у народа, который руководствуется общечеловеческими принципами нравственности, национальное сознание может находиться на высоте, только он способен к духовному росту, к осознанию своей роли в истории человечества. Все это является необходимым условием для нормального стабильного развития государства.

Путин Владимир Владимирович (1952) – Президент Российской Федерации.

Родился в Ленинграде в семье рабочих.

С 1960 по 1968 гг. Путин учился в школе-восьмилетке №193 в Ленинграде. После 8-го класса поступил в среднюю школу №281, которую окончил в 1970 году.

В 1970 году поступил на международное отделение юридического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ), который окончил в 1975 году.

«Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку к самобытной культуре и самобытным культурным ценностям», – отметил Путин в Послании Федеральному Собранию.

Стратегия национальной безопасности

«К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины.

Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры),

пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры» (Пункты 76-79).

4 января 2016 г.

Моральный кодекс гражданина России

1. Нравственность. Защита нравственных идеалов. Морально-нравственные принципы являются краеугольным камнем внутренней и внешней политики Российского государства.

Соответствуют главным идеям, отраженным в «Моральном кодексе гражданина России», и основаны на общепринятых общечеловеческих морально-нравственных ценностях, исходящих из существующих в стране мировых религий: христианства, мусульманства, иудаизма и буддизма.

Является основой, отражающей главную национальную идею России – защиту нравственных идеалов.

1. Преданность российскому народу, любовь к Родине, к дружественным странам.

2. Добросовестный труд на благо общества: каждому по труду. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.

3. Всемерная поддержка отечественного предпринимательства в сфере культуры, поощрение меценатства и благотворительного спонсорства социально значимых проектов, связанных со здоровьем населения, включая лечение алкогольной и наркотической зависимости людей, с поддержкой инвалидов, малолетних сирот, малоимущих граждан.

4. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов, прав и свобод человека, свободы вероисповедания, слова и средств массовой коммуникации, которые могут быть ограничены рамками общечеловеческих морально-нравственных ценностей и настоящим моральным кодексом.

5. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый – за всех, все – за одного, материальная и моральная поддержка нуждающихся соотечественников.

6. Гуманные, вежливые отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.

7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.

8. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.

9. Непримируемость к несправедливости, туеядству, нечестности, аморальности, взяточничеству и стяжательству.

10. Дружба и братство всех народов России, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.

11. Нетерпимость к сообществам, исповедующим однополярный мир, призывающим к диктату одних стран и наций над другими, противникам дела мира и свободы народов.

12. Братская солидарность с народами всех стран, исповедующими общечеловеческие моральные ценности, свободными от фашистской пропаганды, превосходства одних наций и народов над другими, диктата насилия и агрессии по отношению к своему народу и народам других стран, от государственного поощрения пропаганды аморального образа жизни.

Предполагается к принятию в Государственной Думе РФ в качестве приложения к Конституции Российской Федерации.

Из выступления Владимира Путина на открытии Московской соборной мечети 23 сентября 2015 года

Россия всегда была многонациональной и многоконфессиональной страной, она так и создавалась. Во взаимообогащении культур, традиций, религий заключались и заключаются до сих пор и своеобразие, и сила нашей общей Родины – России. К примеру, мусульманская община Москвы сложилась ещё в Средневековье, свидетельство тому – татарские корни у названий многих улиц нашей столицы.

На протяжении веков в нашей стране развивались традиции просвещённого ислама. И в том, что в России мирно сосуществуют разные народы, религии, безусловно, огромная заслуга мусульманской уммы. Она внесла достойный вклад в обеспечение согласия в нашем обществе, и всегда стремилась строить внутри- и межрелигиозные отношения, общение на принципах веротерпимости.

Сегодня традиционный ислам – это неотъемлемая часть духовной жизни нашей страны. Его гуманистические ценности, как и ценности других наших традиционных религий, учат людей милосердию, справедливости, заботе о близких. Всё мы это очень высоко ценим.

За последние 20 лет количество исламских культурных и культовых учреждений в России выросло в разы. Просто удивительные по своей красоте мечети появились в Татарстане, Башкортостане, Чечне, в других регионах Российской Федерации. С 2003 года наша страна является постоянным наблюдателем и в Организации Исламская конференция. Тысячи паломников из России совершают хадж, стало значительно больше медресе и школ при мечетях.

Важно, чтобы мусульманская молодёжь воспитывалась на традиционных исламских ценностях, чтобы пресекались попытки навязать чуждые нам мировоззренческие установки, которые не имеют ничего общего с подлинным исламом. Подчеркну, государство будет и впредь помогать

воссозданию отечественной мусульманской богословской школы, своей системы религиозного образования.

Как вы знаете, мною поддержано предложение руководства Татарстана и ведущих духовных управлений мусульман о создании Булгарской исламской академии. Таким образом, будет возрождён древний духовный и научный центр российских мусульман.

И конечно, должны расширяться мусульманские культурные и научно-просветительские центры. Их цель – объединять мусульман, передавать им тот духовный, культурный и нравственный код, который присущ традиционному исламу в России, помогать решать общие проблемы, содействовать воспитанию молодых людей.

Отмечу большую роль мусульман и, прежде всего, духовных лидеров в укреплении межнационального и межрелигиозного согласия. Неприятие и осуждение любых проявлений фундаментализма и радикализма стало весомым вкладом в борьбе с национализмом и религиозным экстремизмом.

Работа в этом направлении особенно важна сегодня, когда предпринимаются попытки цинично эксплуатировать религиозные чувства в политических целях.

Мы видим, что происходит на Ближнем Востоке (о чём уже здесь говорилось), где террористы из так называемого «Исламского государства», компрометируя великую мировую религию, компрометируя ислам, сеют ненависть, убивают людей, в том числе и священнослужителей, варварски уничтожают памятники мировой культуры. Их идеология построена на лжи, на откровенном извращении ислама.

Они пытаются вербовать адептов и в нашей стране. Мусульманские лидеры России мужественно и бесстрашно, используя свой авторитет, противодействуют экстремистской пропаганде. Хочу выразить огромное уважение этим людям, они действительно ведут свою работу героически и несут потери. Но не сомневаюсь в том, что они и в будущем будут воспитывать верующих на принципах гуманизма, милосердия и справедливости.

<http://kremlin.ru/events/president/news/50351>

Из выступления на заседании на 70-й Генеральной ассамблее ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года

Всем нам не стоит забывать опыта прошлого. Мы, например, помним и примеры из истории Советского Союза. Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации. Однако, похоже, никто не учится на чужих ошибках, а только повторяет их. И экспорт теперь уже так называемых «демократических» революций продолжается.

Достаточно посмотреть на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке, о чём говорил предыдущий выступающий. Конечно, политические, социальные проблемы в этом регионе назревали давно, и люди там, конечно, хотели перемен. Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся.

Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: «Вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили?». Но, боюсь, этот вопрос повиснет в воздухе, потому что от политики, в основе которой лежит самоуверенность, убежденность в своей исключительности и безнаказанности, так и не отказались.

Уже очевидно, что возникший в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки вакуум власти привёл к образованию зон анархии, которые немедленно стали заполняться экстремистами и террористами. Под знамёнами так называемого «Исламского государства» уже воюют десятки тысяч боевиков. В их числе бывшие иракские военнослужащие, которые в результате вторжения в Ирак в 2003 году были выброшены на улицу. Поставщиком рекрутов является и Ливия, чья государственность была разрушена в результате грубого нарушения Резолюции № 1973 Совбеза ООН. А сейчас ряды радикалов пополняют и члены так называемой умеренной сирийской оппозиции, поддержанной Западом.

Их сначала вооружают, обучают, а потом они переходят на сторону так называемого «Исламского государства». Да и само «Исламское государство» возникло не на пустом месте: его также поначалу пестовали как орудие против неудобных светских режимов. Создав плацдарм в Сирии и Ираке, «Исламское государство» активно расширяет экспансию на другие регионы, нацеливается на господство в исламском мире и не только там. Только этими планами явно не ограничивается. Положение дел более чем опасно.

В такой ситуации лицемерно и безответственно выступать с громогласными декларациями об угрозе международного терроризма и при этом закрывать глаза на каналы финансирования и поддержки террористов, в том числе и за счёт наркобизнеса, нелегальной торговли нефтью, оружием, либо пытаться манипулировать экстремистскими группировками, ставить их себе на службу для достижения собственных политических целей в надежде потом как-нибудь разобраться с ними, а попросту говоря, ликвидировать.

Тем, кто действительно так поступает и так думает, хотел бы сказать: уважаемые господа, вы имеете дело, конечно, с очень жестокими людьми, но вовсе не с глупыми и не с примитивными, они не глупее вас, и ещё неизвестно, кто кого использует в своих целях. И последние данные о передаче оружия этой самой умеренной оппозиции террористам – лучшее тому подтверждение.

Считаем любые попытки заигрывать с террористами, а тем более вооружать их, не просто недалёковидными, а пожароопасными. В результате глобальная террористическая угроза может критически возрасти, охватить новые регионы планеты. Тем более что в лагерях «Исламского государства» проходят «обкатку» боевики из многих стран, в том числе из европейских.

К сожалению, должен сказать об этом прямо, уважаемые коллеги, и Россия не является здесь исключением. Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое чёрное дело. Мы этого не хотим. Ведь этого никто не хочет, не так ли? Россия всегда твёрдо и последовательно выступала против терроризма во всех его формах.

Сегодня мы оказываем военно-техническую помощь и Ираку, и Сирии, другим странам региона, которые ведут борьбу с террористическими группировками. Считаем огромной ошибкой отказ от сотрудничества с сирийскими властями, правительственной армией, с теми, кто мужественно, лицом к лицу сражается с террором. Надо наконец признать, что кроме правительственных войск Президента Асада, а также курдского ополчения в Сирии с «Исламским государством» и другими террористическими организациями реально никто не борется. Мы знаем все проблемы региона, все противоречия, но нужно всё-таки исходить из реалий.

Уважаемые коллеги! Вынужден заметить, что в последнее время наш такой честный и прямой подход используется как предлог, чтобы обвинить Россию в растущих амбициях. Как будто у тех, кто говорит об этом, нет вообще никаких амбиций. Но суть не в амбициях России, уважаемые коллеги, а в том, что терпеть складывающееся в мире положение уже невозможно.

В действительности же мы предлагаем руководствоваться не амбициями, а общими ценностями и общими интересами на основе международного права, объединить усилия для решения стоящих перед нами новых проблем и создать по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию. Как и антигитлеровская коалиция, она могла бы сплотить в своих рядах самые разные силы, готовые решительно противостоять тем, кто, как и нацисты, сеет зло и человеконенавистничество.

И, конечно, ключевыми участниками такой коалиции должны стать мусульманские страны. Ведь «Исламское государство» не только несёт им прямую угрозу, но и своими кровавыми преступлениями оскверняет величайшую мировую религию - ислам. Идеологи боевиков издеваются над исламом, извращают его истинные гуманистические ценности.

Хотел бы обратиться к мусульманским духовным лидерам: сейчас очень важны и ваш авторитет, и ваше наставническое слово. Необходимо уберечь людей, которых пытаются вербовать боевики, от необдуманных шагов, а тем, кто был обманут и в силу разных обстоятельств оказался в рядах террористов, нужно помочь найти дорогу к нормальной жизни, сложить оружие, прекратить братоубийственную войну.

Уже в ближайшие дни Россия, как председатель Совета Безопасности, созывает министерское заседание для комплексного анализа угроз на пространстве Ближнего Востока. Прежде всего предлагаем обсудить возможность согласования резолюции о координации действий всех сил, которые противостоят «Исламскому государству» и другим террористическим группировкам. Повторю, такая координация должна основываться на принципах Устава ООН.

Рассчитываем, что международное сообщество сможет выработать всеобъемлющую стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока. Тогда, уважаемые друзья, и лагеря для беженцев строить не придётся. Поток людей, вынужденных покинуть родную землю, буквально захлестнул сначала соседние страны, а потом и Европу. Здесь счёт идёт на сотни тысяч, а может пойти и на миллионы людей. Это, по сути, новое великое горькое переселение народов и тяжёлый урок для всех нас, в том числе и для Европы.

Хотел бы подчеркнуть: беженцы, безусловно, нуждаются в сострадании и поддержке. Однако кардинально решить эту проблему можно только путём восстановления государственности там, где она была уничтожена, путём укрепления институтов власти там, где они ещё сохранились или воссоздаются, путём оказания всесторонней помощи - военной, экономической, материальной - попавшим в трудное положение странам и, конечно, тем людям, которые, несмотря на все испытания, не покидают родных мест.

<http://russian.rt.com>

Рамзан Ахматович Кадыров (1976) – российский государственный и политический деятель.

Родился в селе Центарой.

В 1992 году окончил среднюю общеобразовательную школу в родном селении.

Во время Первой чеченской войны вместе с отцом находился в рядах чеченских сепаратистов и воевал против российских Вооружённых Сил. Осенью 1999 года Рамзан вместе с отцом, противостоявшим нараставшему с 1996 года влиянию ваххабизма, перешёл на сторону федеральных властей.

5 апреля 2007 года в Гудермесе прошла церемония инаугурации Рамзана Кадырова в должности Президента Чеченской Республики.

Популярность Президента связана с его активной жизненной позицией. Рамзан Ахматович является кандидатом экономических наук, мастером спорта по боксу.

Без духовности нет общества

Чеченская Республика – особенная по сравнению со всеми субъектами Российской Федерации, к ней на протяжении многих столетий приковано

внимание общественности, исследовательских институтов и т. д. Последние годы о Чечне заговорили во всём мире. Там произошли большие политические, экономические, социальные преобразования.

Теперь никто не узнает послевоенную, когда-то разрушенную Чечню.

Большие изменения произошли и в духовном плане, ликвидированы игровые залы и клубы, сауны. Наблюдается трепетное отношение к Исламу не только со стороны простого населения, но и правительства, каждое заседание которого начинается с дуа. Недавно состоялось открытие Центральной джума-мечети в центре Грозного, прошло масштабное празднование дня рождения Пророка Мухаммада (мир ему и благословение).

– Обычно журналистов в интервью с Вами больше интересует именно политическая и экономическая ситуация в Чечне. Но, как мне кажется, не менее важную роль в жизни общества, республики, да и всей страны в целом, играет религия. Как Вы понимаете слово «духовность», и что необходимо сделать человеку, чтобы стать духовно развитой личностью?

– Нет ни экономики, ни политики, ни даже самого общества без духовности. Даже если все перечисленные составляющие будут присутствовать, они всё равно не будут долговечны. Безнравственное общество само себя разрушит.

Возьмём, к примеру, библейские Содом, Гоморру, народ пророков Шуайба и Лута, Рим, наконец. Разве все эти цивилизации не погубил разврат?! Зачем, имея перед глазами такие примеры, допускать в собственной стране, среди своего народа разложение и деградацию?! Я уже предчувствую крики: тоталитаризм, Кадыров вводит Шариат, культ личности!!! Я их немало слышал. Но когда, при какой власти и в каком народе, духовность была не ко двору?

Мир подчиняется законам более совершенным, чем всё, что изобретено людьми. И спрашивать с нас будет Тот, Кто всё создал! С меня спросится втройне. Я в ответе перед Всевышним, перед руководством страны и перед собственным народом. Если Всевышний накладывает на меня, как на правителя народа, ответственность за его судьбу, у меня нет иного выбора, как призывать к благочестию.

Мы остановили войну, приложили титанические усилия, возрождая республику, мы хотим жить мирно. Значит, надо считаться и с нормами Ислама, и с традициями собственного народа. Нет лучшего средства для мирного развития.

– Согласно Конституции РФ, религия отделена от государства. Как в Вашей республике строятся их взаимоотношения?

– Согласитесь, не все отношения людей между собой и в обществе в целом прописаны и строго определены Конституцией. Более того, ничто нравственное, проповедуемое Исламом и Христианством, не вступает в прямые противоречия с Основным Законом страны. А уж нашему, чеченскому обществу исторически свойственно жить в некоем симбиозе заповедей Божьих и законов государственных. Поэтому, как мне кажется,

взаимоотношения этих двух непреременных составляющих любого общества у нас уживаются прекрасно. Вера и духовность создают все условия или, как говорится, предпосылки для исполнения гражданских обязанностей и свобод, прописанных в Конституции.

– *Как Вы считаете, политика и Ислам – понятия совместимые? Почему?*

– Думаю, что достаточно рассказал о политике и Исламе. Но добавлю, что политика, основанная на нормах истинного Ислама, подчеркиваю – истинного, а не разных экстремистских толкований, всегда будет исключительно мирной и созидательной!

– *Как известно, во многих важных вопросах политические лидеры России советуются с главой Православной церкви патриархом всея Руси Кириллом. Хотелось бы знать, советуетесь ли Вы по каким-то вопросам с муфтием Чечни?*

– Патриарх Кирилл – образованнейший человек нашего времени и духовный лидер одного из великих народов. И то, что его мнение учитывается при принятии тех или иных серьёзных решений, на мой взгляд, совершенно правильно. Я тоже принимаю во внимание мнение муфтия республики. Султан Бетерович – мой названный брат и очень уважаемый в республике человек. Фактически в любом специфическом вопросе пытаюсь проконсультироваться со специалистом, который, как говорится, в теме. Вопросы религии не исключение. Более того, именно в этих вопросах я чувствую самую высокую ответственность. И конечно, не будучи в этой области всезнающим, советуюсь и с муфтием, и с теологами. Можно сказать, это каждодневный диалог.

– *Также можно заметить, что первые лица нашего государства присутствуют на службе в церкви во время главных христианских праздников. Как Вы считаете, какую роль это может играть для россиян? Есть ли в Чечне подобная практика?*

– Это говорит о том, что люди верят во Всевышнего. Самое показательное в этом то, что они знают, что придётся держать ответ за все свои земные дела. Следовательно, памятуя об этом, они будут вести политику, направленную на благо всего народа.

Разумеется, и я стараюсь совершать обязательный намаз в мечети. Пять раз в день посещать мечеть не всегда получается. Но пятничную молитву не пропускаю никогда, даже когда бываю по делам в Москве или в любом другом городе. А когда я дома, в Чеченской Республике, в пятницу посещаю центральную мечеть в Грозном. Когда мы только планировали строительство, я мечтал в ней помолиться.

– *В каких совместных мероприятиях, проводимых в республике, участвуют госструктуры и духовенство?*

– У нас уже стал традиционным ежегодный Международный миротворческий форум «Ислам – религия мира и созидания». В его организации, проведении, во всём, что связано с его работой, равно

задействованы и государственные структуры, и духовенство. Согласно ранее заключённым соглашениям УФСИН по ЧР, МВД, Минпечати совместно с Духовным управлением мусульман ЧР проводятся мероприятия в рамках правительственной программы «Духовно-нравственное возрождение чеченского общества». Это многопрофильная программа, рассчитанная не на один год. Огромная работа проводится для того, чтобы подрастающее поколение ориентировалось не на тлетворное влияние современной культуры, а обращалось к своим истокам, к тому, что тысячелетиями сохраняло наш национальный облик, позволяло оставаться полноценным обществом. Кроме того, духовенство задействовано во всех значимых событиях, происходящих в республике.

– *Одним из инициаторов недавно прошедшего празднования дня рождения Пророка Мухаммада (мир ему и благословение) являлись и Вы. В таком масштабе в России это мероприятие проводилось впервые. Почему Вы уделите такое значение этому празднику? Личность Посланника Аллаха (мир ему и благословение) является для Вас примером для подражания?*

– Личность Посланника Аллаха Мухаммада (мир ему и благословение) является примером для всех, кто считает себя правоверным мусульманином. В истории человечества было много людей, достойных подражания, но личность того, кого называли «Печать Пророков», для меня особенная. Пока ничего благочестивей, полезней для души и тела, чем сунна Пророка, человечество не имеет. Празднование дня рождения Пророка Мухаммада (мир ему и благословение) станет ежегодным в нашей республике. Это один из самых светлых мусульманских праздников, отдающих дань уважения величайшему из людей.

– *За последний год произошли серьезные изменения в духовной жизни республики: построена новая мечеть, новые здания Духовного управления, исламского университета. Каким образом это может повлиять на мораль, нравственность чеченского народа? Контролируете ли Вы деятельность религиозных организаций?*

– Мечеть имени Ахмата Кадырова – это символ мира, воцарившегося на земле Чеченской Республики, символ объединения народа. В эту мечеть приходят люди, они обретают здесь душевный покой, набираются мудрости. Открытие исламского центра в Грозном – лишнее подтверждение ориентированности чеченцев на морально-нравственное возрождение.

– *За годы Советской власти были репрессированы многие алим, религиозные деятели. Как сейчас Вы восстанавливаете этот пробел? Сколько исламских университетов функционирует в ЧР и как в них проходит образовательный процесс? Как происходит подбор кадров?*

– Конечно же, понесённые утраты невосполнимы. Советская власть проповедовала атеизм на государственном уровне и, соответственно, уничтожала людей, которые каким-то образом могли помешать этой государственной политике: учёных, теологов, военачальников, просто образованных людей.

В настоящее время усилия руководства республики направлены на воспитание достойной молодежи с высокими нравственными принципами и моральными устоями. Функционирует Исламский институт в Курчалое, в 14 медресе по всей республике обучаются студенты. С 1 сентября свои двери откроет Российский Исламский университет имени Кунтахаджи Кишиева. Здесь наряду с канонами Ислама студенты будут обучаться и общеобразовательным наукам. Это позволит выпускникам при желании работать и в гуманитарной сфере. В Чеченской Республике немало людей, в совершенстве знающих каноны Ислама. Исходя из этого, преподавательский состав в основном будет состоять из жителей нашей Республики.

– Насколько активно молодежь принимает участие в духовной жизни Чечни? Есть ли заинтересованность в вопросах религии с их стороны?

– Сходите в центральную мечеть во время пятничного намаза, да в любую мечеть во время любого намаза – утреннего ли, вечернего. Вы увидите, что 80-90 % молящихся – молодые люди.

Молодежной политике уделяется первостепенное значение. И касается это не только светской стороны жизни, но и духовной. У нас активная молодежь. Она – основная движущая сила позитивных преобразований в Республике.

– Рамзан Ахматович, как Вы считаете, нужно ли в общеобразовательных школах Республики преподавание основ Ислама? Если да, то не боитесь ли Вы отрицательной реакции родителей, не будет ли это выглядеть как навязывание религии?

– Если вас интересует моё личное мнение, я вот что скажу: духовность и богобоязненность надо воспитывать в личности с ранних лет. Что плохого в том, если ребёнок будет ознакомлен с азами Ислама? Он впитает в себя всё светлое, доброе, вечное. Я не только допускаю преподавание основ Ислама, я считаю это совершенно необходимым. В этом со мной согласно абсолютное большинство жителей Республики.

– Ваш отец Ахматхаджи Кадыров окончил исламский вуз. Обладаете ли Вы религиозными знаниями? Кто Ваш первый учитель? Можно ли вашу семью назвать религиозной, соблюдающей все каноны Ислама?

– В нашей семье вопросы веры всегда были на первом месте. Во всех своих поступках и решениях и мой отец, и мой дед, и предки руководствовались нормами Ислама. Я не скажу, что обладаю знаниями богослова или алима, хотя свободно читаю Коран. Но если мне нужно знать ответ на какой-то вопрос религиозного характера, то только в роду Кадыровых более 20 человек могут дать мне исчерпывающую информацию.

– Какие эмоции Вы испытали, находясь внутри Каабы, которая объединяла все конфессии со времен пророка Адама (мир ему). Как Вы считаете, в чем заключается главная причина нравственного кризиса в России, в мире? Может ли Ислам в поднятии нравственного уровня общества сыграть главную роль?

– Главная причина нравственного кризиса в России мне видится вот в чем. Была большая могучая страна – Советский Союз. Все мы гордились тем, что являемся гражданами самой непобедимой страны. Но политики тех времен развалили страну. Все ценности, культивировавшиеся десятки лет, были объявлены преступными и были прокляты. Взамен разрушенному людям ничего не предложили. Началась эпоха капитализма, но не разумного и упорядоченного, а варварского капитализма. Бедная часть населения обеднела ещё больше. Ведь сейчас кризис выражается в бездуховности молодого поколения, тех, кто родился в период 1985–1995 годов. А что еще можно было ожидать от поколения, которое с экрана телевизора видело тлетворную западную идеологию, а вокруг себя – правовой и нравственный беспредел?! Я считаю, что Ислам не только может, но и будет той консолидирующей силой, которая объединит людей, стремящихся к духовному самосовершенствованию и, следовательно, к процветанию Родины.

– Какой позиции придерживаются СМИ Чечни в отношении религии и, в частности, Ислама? Существуют ли исламские печатные органы, теле- или радиопередачи в вашей Республике и какова их направленность?

– СМИ Чеченской Республики относятся к теме религии очень бережно. Два республиканских телеканала, радио, газеты уделяют вопросам религии значительное внимание. Функционирует телеканал «Путь», который вещает исламские передачи. Гудермесская типография «Путь» издаёт проповеди известных чеченских алимов, выпускает аудио- и видеопродукцию религиозного характера. В республике выходят исламские газеты «АнНур» и «Зори Ислама». Информация религиозного характера, выходящая в СМИ Чеченской Республики, согласовывается с Духовным Управлением мусульман.

– Вопрос одиноких женщин в послевоенный период решался в Исламе дозволенностью Всевышнего на полигамию. Действителен ли Ваш Указ, согласно которому каждый чеченец должен иметь хотя бы две жены?

– Нет указа о двоеженстве. Если следовать Конституции РФ, он невозможен. Но есть мое пожелание: каждый, кто хочет взять вторую жену, волен это сделать. Более того, мы поможем человеку с жильем или работой.

А что лучше: если женщина будет предоставлена сама себе, будет постоянно испытывать соблазн и искушение или же станет чьей-то женой, матерью? Это одна из форм борьбы за духовность. Осуждать двоеженство или многоженство может только тот, кто не утруждает себя размышлением, а идет на поводу у избитых штампов и застарелых стереотипов.

– В одном из интервью Вы сказали, что «рано или поздно может стать реальностью, что в России будет Президент мусульманин». Что Вы думаете по поводу этого сейчас?

– Почему бы и нет? Еще несколько лет назад мог кто-нибудь предполагать, что Президентом США станет афроамериканец? На все воля

Аллаха. Если в России Президентом станет истинно верующий мусульманин, это будет благом для страны и народа.

– *Что бы Вы могли пожелать умме России, да и всем россиянам?*

– Мира, добра, процветания

Журнал «Ислам» № 4. – 2011.

Равиль Гайнутдин (1959) – Муфтий Духовного управления мусульман Европейской России (ДУМЕР), председатель Совета муфтиев России, 1-й имам-хатыб Московской Соборной мечети.

Родился в деревне Шали Татарской АССР.

С отличием окончил Казанское театральное училище. Имеет высшее духовное образование. Заочно окончил факультет режиссуры Ленинградского госинститута театра, музыки и кинематографии. В 2001 году окончил Академию госслужбы (2001). Кандидат философских наук.

Шейх. Член Исполкома Всемирного татарского конгресса. Член Совета по взаимодействию религиозных организаций при Президенте России.

Как противостоять ваххабизму

Интервью Равиля Гайнутдина радио Свобода 4 ноября 2010 г.

***Ирина Лагунина:** Незадолго до начала муниципальных выборов председатель Совета Муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин обратился ко всем дагестанцам с наставлением: «Ни в каких аятах или хадисах не говорится о том, что мусульманам дозволена междоусобная война или вражда в жажде обрести тот иной пост, или должность».*

Выборы прошли, на кровавое противостояние в Дагестане они никак не повлияли, а нынешнее силовое решение проблемы вызывает еще более яростное сопротивление. Шейх Равиль Гайнутдин, который выступал в свое время против принятия закона «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности», с сожалением говорит о том, что он тогда оказался прав. Исчерпаны ли все мирные пути? С этим вопросом мой коллега Муртузали Дугричилов обратился к шейху Равилю Гайнутдину.

***Равиль Гайнутдин:** Я оказался прав тем, что в то время мы призвали власти не принимать закон о запрете ваххабизма на территории Российской Федерации, не определив, что же означает ваххабизм в целом. Вначале необходимо было самим правоохранительным органам давать смысл, как определить ваххабизм. Если ваххабизм – это террор, если ваххабизм – это призыв к насилию, пролитию крови, если ваххабизм – это призыв к насильственному свержению власти. Если это призыв к так называемому вооруженному джихаду и тем самым перевороту в стране, то это, конечно же, является преступлением, это является тем, что необходимо пресекать, запрещать и наказывать это зло. Такое понятие – это действительно было бы зло и это бы запрещалось. А если ваххабизм, как это было в свое время принято как основа теократического государства, как Саудовская Аравия и во многих других странах Залива, то это есть учение, а учению нужно*

противостоять так же учением, идеологии противостоять идеологией. Иначе мы вызовем большое противостояние между братьями и приведем к тому, что у нас будут созданы условия гражданской войны и братья будут убивать друг друга, то, что сегодня, к сожалению, наблюдается на территории Дагестана. Брат поднимает руку против своего брата, и тот мусульманин, и другой мусульманин. И два мусульманина убивают брата, и оба они попадают в ад.

Однажды у нашего пророка спросили: почему и тот, который убивает своего брата, попадает в ад, и тот, который хотел убивать, но не смог убить, он тоже попадает в ад? Потому что у них были намерения убивать друг друга, а убийство в исламе – это великий грех, за который человек попадает в ад. Мы не хотели, чтобы наши братья убивали друг друга. И идеологически нужно было вести борьбу, идеологически нужно было вести просветительство. И государство должно было создавать условия для такой пропаганды и просвещения. К сожалению, в начале 90-х наше государство заботилось больше о строительстве самой государственности, о повышении экономики, а не о повышении морали и духовности в государстве. Все это поручалось, вот вы есть, религиозные деятели, вы и поднимайте мораль, духовность, нравственность – это ваша работа. Но не помогая религиозным структурам, не помогая мусульманским организациям, нельзя было таким образом отпустить: вы заботьтесь, а мы будем заниматься другими. И нас в начале 90-х нашлись люди, которые за государственный счет обогатились и стали миллиардерами.

Муртузали Дугричилов: Среди постоянных прихожан московской соборной мечети можно встретить и тех, которых называют салафитами или ваххабитами и тех, кто считает себя суфиями. В отличие от Дагестана, где убийства священнослужителей, представителей, так сказать, официального духовенства с одной стороны, и навязчивая охота за салафитами с другой, стала печально заурядным явлением. На Поклонной горе, как свидетельствуют очевидцы, согласие, во всяком случае внешнее, в рядах молящихся и мирно внимающим проповедям заставляет задуматься, как удалось этого добиться. Шейх Равиль Гайнутдинов поделитесь опытом.

Равиль Гайнутдин: В Москве и в целом в центральной России шла работа по просвещению мусульман, по воспитанию мусульман. И мы старались доводить до наших мусульман истинные духовные ценности ислама. И не отрывками говорить то, что интересно, то, что сегодня хочет услышать радикальная часть молодежи, а наоборот, что такое ислам, как мусульманин должен жить в 21 веке, когда мир глобализируется, и когда нас окружают представители других религий. Мы должны были давать ислам и общество, ислам и представители других религий, ислам и государство, ислам и армия, ислам и семья, ислам и молодежь. Вот такие темы надо было раскрывать и показывать, что ислам – это не только работа в мечети, ислам – это не только соблюдение поста в месяц Рамадан, а ислам – это еще наша жизнь, ислам – это наш быт, ислам – это наши традиции, ислам – это наша

культура. И мусульманская культура ничем не хуже по сравнению с другими. Вот это нужно показать всем. И те проповеди, которые звучали в московской соборной мечети, они с большим вниманием слушались представителями разных масхадов. Вы знаете, имамы и татары, они являются в основном последователями халафитского масхада. Но у нас огромное количество мусульман, которые последователями являются шахиитского масхада. У нас в Москве проживают представители и шиизма, они тоже приходят и слушают имама, подчиняются во время намазов одному и тому же имаму. И они составляют у нас единую мусульманскую умму.

Я думаю, что отталкивать тех, кто приходит на твою проповедь и обвинять их в чем-то – это ошибка имамов. Имамы должны своими наставлениями исправлять ошибки тех, которые может быть попали в заблуждение, может быть они получили не ту информацию и им дали не ту литературу. Надо было им подсказать правильные пути, чтобы они служили духовному возрождению, чтобы они служили поднятию авторитета, имиджа ислама и мусульман, чтобы мусульман уважали, чтобы с мусульманами считались, чтобы мусульмане завоевывали свои права в многонациональном государстве.

Муртузали Дугричилов: Общественность Дагестана не так давно обсуждала возможность введения на государственном уровне норм шариата при рассмотрении гражданских исков. В пример приводилась британская практика. Можно ли рассматривать эту возможность как шаг к примирению между мусульманами, ратующими за шариаты и приверженцами светского образа жизни? Шейх Равиль Гайнутдинов поделитесь своими соображениями на этот счет.

Равиль Гайнутдин: Нужно изучать и анализировать различные варианты, которые есть в мире, существуют в строительстве государственного строя. Есть и другие пути. Например, мы же видим в течение скольких десятилетий было противостояние между властями и радикальными исламскими движениями в Алжире. Мы знаем, как и какими путями они пришли к национальному согласию. Не говоря о том, что включают шариатские нормы законодательно, они объявили открытость, они объявили мир для того, чтобы люди спустились с гор и приступили к созидательному мирному труду и жизни. И это сыграло определенную роль, когда от имени государства Президент объявил о декларации мира. Я думаю, что такие мирные акты могли бы сделать и в Чеченской республике, и в Ингушетии, и в Дагестане, если президенты объявили призыв к мирному созидательному труду и к мирной жизни. Я думаю, многие, те, которые, заблудшись, ушли в горы и в леса, они бы спустились, они бы начали во благо своей республики, во благо своих народов трудиться и жить мирной жизнью.

Что касается введения шариатских положений в светском государстве, этот вариант также не отрицается, этот вариант также должен быть рассмотрен. Потому что, вы правы, и после октябрьской революции в России,

после того, как от имени большевистской партии объявлено о том, что восточным народом не ущемляются права в сохранении их культурных, религиозных традиций, была ведь принята соответствующая декларация, направленная народам Востока. И на основе этого сохранялись и те шариатские нормы семейно-бытовых отношений, имущественных вопросов, которые традиционно сохранялись в мусульманских семьях. И мусульмане в основном решали вопросы именно на основе шариатских норм. И эти нормы, они могли бы сегодня, если не юридически, но на уровне шариата так же использоваться в светском государстве. И это был бы своего рода определенный шаг навстречу друг другу и светских властей, и тех, кто хочет ввести шариатские нормы в нашем государстве. Я думаю, можно было бы найти пути, которые приемлемы для светского государства, с использованием определенных религиозных норм.

4 ноября 2010 г.

Талгат Сафич Тадзетдинов (1948) – председатель Центрального духовного управления мусульман, Верховный муфтий России.

Родился в г. Казань.

В 1966 году поступил в медресе «Мир Араб» в Бухаре, где получил высшее богословское образование, окончил с отличием в 1973 году.

В 1978 году получил образование в исламском университете ал-Азхар в Каире.

В настоящее время Талгат Таджуддин является официальным представителем мусульман Российской Федерации в ЮНЕСКО, Организации Исламская конференция, Европейской лиги мусульман и других крупных международных организаций.

Интервью ТАСС:

Талгат Таджуддин: в борьбе с терроризмом важно объяснять, что такое ислам и вера

Председатель Центрального духовного управления мусульман РФ (ЦДУМ), Верховный муфтий России Талгат Таджуддин в интервью ТАСС рассказал об итогах прошедшей 9–10 ноября 2016 г. в Уфе международной конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века», о проблеме вербовки россиян террористами, перспективах упразднения нескольких десятков духовных управлений России и о важности создания программы отцовского капитала.

– *Как вы оцениваете итоги конференции? Какие важнейшие задачи стоят перед исламскими религиозными организациями?*

– На конференции состоялся откровенный разговор об исламском образовании и о подготовке кадров. Другой важной темой стало то, что беспокоит нас всех, – это волна экстремизма и терроризма, которая захлестнула почти весь исламский мир. Это и арабская весна, и нападение и вторжение коалиции во главе с США в Ирак, а сейчас уже – в Сирию. Это не

просто беспокоит, а вызывает огромную озабоченность, тем более люди уже говорят о третьей мировой войне и конце света.

Терроризм и экстремизм не имеют абсолютно никакого отношения к исламу и ни к одной другой традиционной религии. Это самая настоящая провокация, прежде всего против самих мусульман. А ее отголоски слышны и в Европе, и в нашей стране. Были попытки разрушить мир и спокойствие посредством традиционных религий: и на Северном Кавказе, и в Москве были теракты. На конференции мы однозначно осудили проявление терроризма и экстремизма и призвали все страны объединиться в борьбе против международного терроризма.

Россия принимает самое активное участие в противостоянии терроризму в Сирии на законных основаниях, по приглашению избранного народом Сирии президента. Тем более это наши соседи. Кроме того, Россию и исламский и арабский мир связывают духовные и культурные скрепы. В этом регионе есть святыни и для православных, и для мусульман, и для иудеев. Поэтому восстановить мир, не допустить распространения экстремизма и терроризма – это важнейшая задача сегодня.

– У Центрального духовного управления мусульман есть ресурсы для противодействия вербовке россиян террористами?

– А как же! У нас две тысячи общин, две тысячи имамов, прихожане во всех мечетях, начиная от Владивостока, Хабаровска и до самой западной границы. Имамы ведут эту работу, не допускают вербовки и пропаганды экстремизма, терроризма и радикальных течений, работают с молодежью, и даже в места заключения наши имамы ходят и проводят уроки, лекции, богослужения. Это важно, потому что в местах заключения немало и тех, кто вербует, притом пачками. Это тоже ресурс. Прежде всего – слово. Людям знаний не хватает. Вербовщики представляют, что это священная война, борьба против безбожия, а сами безбожные дела творят. Наши проповедники, имамы, духовенство говорят именно о том, что вера – это прежде всего жить по-человечески.

– По Вашим оценкам, таких проповедников в России достаточно?

– Это отдельный вопрос. Сегодня у нас две тысячи общин, они все укомплектованы. Но более половины имамов – в преклонном возрасте: от 75 до 85 лет. Они по-отечески тоже работают, но в ближайшей перспективе... все мы смертны. Дальше что будет?

Именно поэтому участники конференции приехали из разных уголков России и других стран: Ирака, Иордании, Малайзии, Казахстана, Киргизии, Туниса, Египта. Рассказали, что там происходит. Зачем мы это делаем? Обмениваемся опытом, как готовить достойные кадры, чтобы активно могли противостоять радикальным течениям. Сначала в обрядах появится разница, потом – в идеологии, а потом уже... Мы видели, что происходило в Египте, Тунисе. Вроде арабской весной назвали, но на самом деле это и осень, и зима – конец всего. Люди тысячами бегут в Европу. Что с ними там будет? Кто там их ждет? Просто из них будут набирать террористов и направлять опять

в эти страны, опять кадры себе готовить. Мы не хотим, чтобы это в России было. Здесь почти две сотни народов, 193 народа живет в одной семье. И родина одна, и Бог един. Значит, нам сохранять этот мир. Очень много пытались с 90-х годов привнести течения, но мы смогли уберечь подавляющую часть наших прихожан от этих идей.

Что касается исламских вузов и в Уфе, и в Казани – по тысяче или, может быть, даже по две тысячи студентов нужно учить. Сейчас мы готовим в университете где-то 900 человек. И здесь государственная поддержка, несомненно, нужна. И она оправдывает себя. Мы не должны ждать какой-то помощи из Саудовской Аравии, от Турции или еще от кого-то. У нас (Российский исламский университет, Уфа. – *Прим. ТАСС*) почти два десятка преподавателей. В основном это наши, свои. Зачем? По России построено 7500 мечетей, в нашем ведении из них 2000. Кто будет в них проводить службу? Те, кто подготовлен за рубежом, кто оторван от нашей жизни? Поэтому должна быть опора именно на отечественные кадры.

– *Именно за счет проповеднической деятельности?*

– А как же! Но не только это. Вместе с государством. Не должно быть, как в басне Крылова, «а Васька слушает, да ест». Не только словами, но и делами нужно участвовать в сотрудничестве с государством в противостоянии бредовым идеям терроризма и радикализма. Это очень опасная вещь. Бывает, что на улице, во дворе террористы пытаются в свои силки молодых людей поймать. Мы тоже должны это все видеть, чтобы молодежь не ушла туда. Это одна из важнейших задач – объяснить, что такое вера.

Религия, вера зачем нужна? Разве Всевышнему нужны наши поклоны, посты? Это только чтобы внутреннюю веру поддерживать, а на самом деле религия – это божественный закон сохранения мира и спокойствия между людьми

Человеку дано 60–70 лет, кому-то чуть больше. Он должен по-человечески жить, а не как волк, не как шакал.

– *Почему террористы и экстремисты прикрываются исламом?*

– В Сирии жестоко убивают монахинь и священнослужителей. И даже показательные казни совершают руками детей, принуждают их к этому. А там более тысячи лет христиане и мусульмане живут вместе. Смешанных семей сколько. Зачем это делается? Разве верующий человек может это делать?! Вообще человек не должен этого делать. Совершенно понятно, что это оплачено, что это провокация, чтобы возбудить вражду и ненависть между и мусульманами, и христианами, и иудеями. Чтобы никогда мира там не было. Значит – базар оружия будет постоянно открыт.

– *Как мусульманские религиозные организации России могут противостоять экстремизму, радикальным течениям?*

– В России 82 духовных управления мусульман, и пока мы решаем, кто главнее, ваххабиты захватывают умы молодежи. Среди верующих в подавляющем большинстве единство есть, даже несмотря на то, что у нас

большинство ханафитского мазхаба (одна из правовых школ в суннитском исламе. – *Прим. ТАСС*), на Северном Кавказе – шафиитского мазхаба (другая правовая школа в суннитском исламе. – *Прим. ТАСС*). Даже в советское время было всего четыре духовных управления и, не вмешиваясь во внутренние дела, всю международную деятельность проводили вместе: и гостей приглашали, и делегации для выезда за рубеж составлялись из четырех управлений, в какое бы из них ни пришло приглашение. Сейчас этого, к сожалению, нет. Сейчас нужно объединяться самим и поддерживать усилия президента РФ и государства в противостоянии терроризму и экстремизму.

– *Когда Вы говорите о необходимости объединения усилий общин, может ли речь идти о создании единого для всех мусульман России духовного управления?*

– Мы уже очень много об этом говорили, и я выступал с призывами пять-шесть и даже восемь лет назад. Нет никакой причины, чтобы нам разделяться. Ханафитский мазхаб – это в основном башкиры и татары; на Кавказе тоже есть, и немалая часть – это шафииты. Регион там, регион здесь. Волга, Урал и Северный Кавказ – можно даже два создать. Но если два, то полнейшая координация действий должна быть.

– *Это возможно?*

– Да. Почему невозможно? Вполне возможно. Насильно, конечно, ничего не сделать. Не должно быть, чтобы мечети, духовные управления были офисами отдельных личностей. Вот наше духовное управление создано указом императрицы Екатерины II. И глава его назначался Министерством внутренних дел до 1917 года. С 1917 года глава избирается духовенством и представителями. Я тоже был избран в 1980 году.

– *Президент России заявил, что в стране не хватает специалистов в области межрелигиозных и межэтнических отношений и требуется соответствующий образовательный стандарт. Как Вы считаете, как это можно исправить, в какие сроки? Может ли конкретно ЦДУМ этому поспособствовать?*

– Стандарт создать не так-то просто и не так-то быстро. Об этом мы говорим последние четыре-пять лет, но, к сожалению, пока этого стандарта даже для исламского образования нет. Пока мы только говорим об этом. Несомненно, и специалисты по теологии, и межнациональным отношениям нужны. Но здесь нужна и помощь светских ученых: у нас позиции сближаются, лучше начинаем друг друга понимать. Так методика и создается.

Еще важно, по каким книгам будут учиться. Сегодня литературы очень много, но она дана на откуп каким-то бизнес-структурам без всякого разбору. Например, Министерство юстиции создало огромный список запрещенных книг, запрещенной литературы. Ее нельзя даже доводить до издания, ни одна типография изначально не должна печатать такую религиозную литературу! Если по медицине книги, то медики должны их проконтролировать. Если

религиозная литература по православию, то патриархия сама разрешение на издание выдает. Любая книга, которая по исламской тематике печатается, если она действительно религиозная, то духовные управления должны давать свое заключение и свою печать ставить и нести за это ответственность, а не доводить до того, что Министерство юстиции запрещает изданные.

– *Что такое закон о российской нации?*

31 октября на заседании Совета по межнациональным отношениям было предложено создать закон о российской нации и управлении межэтническими отношениями. В его основу может лечь Стратегия по развитию национальных отношений в России. Как объяснил автор инициативы, зав.кафедрой Российской академии народного хозяйства и госслужбы Вячеслав Михайлов, сегодня каждый трактует понятие «российская нация» по-своему, законодательно оно не прописано. Президент поддержал инициативу.

– *Нужен ли стране закон о российской нации? Зачем?*

– Раз президент говорит, значит закон нужен. Сейчас как рыбу ловить – об этом издают закон, дорожное движение – об этом закон, и так далее. Есть такое важнейшее проявление нашей жизни, как национальности, народ. Мы же на различных языках говорим, и есть разница в менталитете, традициях, религии. Но мы живем в единой стране уже веками, друг друга даже без слов понимаем: русский ли, татарин ли, башкир ли – любой нации. Главное – сохранить родные языки, традицию и культуру. Она только обогащает. Мы, на самом деле, единая российская нация.

Но нас сейчас маловато. Рядом находится Китай, где больше миллиарда жителей, а у нас только 145 млн. Ввели программу поддержки материнства, материнский капитал, надо дальше продолжать ее реализацию. А лучше не только материнский капитал, но и отцовский капитал давать. Мужчина же тоже участвует. Его тоже надо заинтересовать – это значит и экономические условия, и зарплату побольше платить. Надо в ближайшие лет 50 довести до 250 млн. население страны. Вот тогда будет дело.

Дело ведь не только в законе. Мы говорим о национальной идее. Говорят, что ее нет. Но как это нет?! Она есть у каждого россиянина: жить и славить Бога, вырастить детей, увидеть внуков, а если Всевышний даст возможность, то и правнуков. У меня на сегодня 17 внуков и две правнучки. И еще планы есть. Пусть еще будут. Вот это и есть национальная идея. Не просто так Всевышний дал нам такую огромную страну, которая занимает 1/8 часть всего земного шара. Это национальная идея – сохранить ее нашим детям и внукам, не разбазарить.

Беседовала **Августа Яковлева**

<http://tass.ru/opinions/interviews/3790158>

Расул Гамзатов (1923-2003) – известный аварский поэт советского периода.

Первым учителем и наставником Расула Гамзатова в поэтическом искусстве был его отец Гамзат Цадаса.

В 1940 году окончил Аварское педагогическое училище в городе Буйнакске.

Первый сборник стихов Расула Гамзатова «Горячая любовь и жгучая ненависть» вышел на аварском языке в 1943 году. В стихах военных лет Гамзатов воспевал героизм советских людей.

В 1947 году вышла первая книга стихов Расула Гамзатова на русском языке.

В 1950 г. окончил литературный институт.

За сборник стихов и поэм «Год моего рождения» Расулу Гамзатову присуждена Государственная премия СССР (1952), сборник «Высокие звезды» (1962) удостоен Ленинской премии (1963).

Творчество Расула Гамзатова – это единая книга, книга мудрости и мужества, книга любви и боли, книга молитв и проклятий, книга истины и веры, книга благородства и добра, книга мгновений и вечности. Поэт всегда был большим гуманистом. Его творчество переполнено любовью к жизни, людям, земле, миру, он был беспощадным борцом против злого, низкого, ничтожного на земле. Широта творческого горизонта, восхождение к гармонии, новые творческие открытия, балансирование между таинственным и познанным, небесным и земным – это основные черты его таланта.

Творчество Расула Гамзатова колоритно украсило мужественный образ Дагестана ореолом высокой духовности и культурной самобытности. Вместе с тем оно значительно расширило жанровую палитру национальной литературы. С Гамзатовым литература Дагестана прошла огромный путь и заняла достойное место в мировой культуре.

Взаимодействие общественных, религиозных и государственных структур – основа профилактики экстремизма и радикализма

С именем Аллаха, мир и благословение его Пророку (с. г. в.)

Ислам – религия середины

Воистину, Ислам – это религия середины, лишенная крайностей. Отсутствие упущений и умеренность, не переходящая в чрезмерность, и есть прямой путь, по которому завещали следовать Аллах и Его посланник (мир ему и благословение Аллаха). Всевышний Аллах сказал: «Мы сделали вас общиной, придерживающейся середины, чтобы вы свидетельствовали обо всем человечестве, а Посланник свидетельствовал о вас самих» (аль-Бакъара 2: 143). В этих словах Всевышнего повеление, прежде всего, а также констатация факта, что мусульмане – это община умеренности и сбалансированной середины. Быть мусульманином – значит быть носителем

принципа васа́тыйя (умеренность), и это даже не обсуждается, ибо Аллах сам сделал мусульман такой общиной. Более того, мусульмане будут свидетелями в Судный день о людях, согласно этим словам Всевышнего, а свидетель должен быть беспристрастным и свидетельствовать только по справедливости. Соответственно, всякая крайность и неумеренность в широком смысле никак не может быть присуща Исламу и истинным мусульманам. Отсюда мы понимаем ошибочность такого утверждения, как «исламский экстремизм», поскольку Ислам – это истина и середина между халатными упущениями и чрезмерностью, а экстремизм – это превышение велений, установленных Аллахом в Шариате, и преступление установленных границ, которое запрещено. Всевышний Аллах сказал: «Вкушайте блага, которыми Мы наделили вас, но не преступайте посредством их границы дозволенного, а не то на вас падет Мой гнев» (Та-ха 20:81). На то, что проявляющий крайность не имеет отношения к Пророку (мир ему и благословение Аллаха), указывает следующий хадис. Передают, что Анас ибн Малик, да будет доволен им Всевышний Аллах, рассказывал, что трое мужчин подошли к домам супруг Пророка, мир ему и благословение Аллаха, и начали интересоваться тем, как поклоняется Пророк (мир ему и благословение Аллаха). Когда им рассказали о том, как он поклоняется, они сочли это недостаточным для себя и сказали: «Куда нам до Пророка, мир ему и благословение Аллаха?! Аллах простил ему все предыдущие и будущие прегрешения». Затем один из них сказал: «Отныне я буду молиться все ночи напролет». Второй сказал: «А я буду поститься всю жизнь и не стану прерывать пост». А третий сказал: «Я же откажусь от женщин и никогда не женюсь». Тут к ним подошел Посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, и сказал: «Это вы сказали такие-то слова? Клянусь Аллахом, я являюсь самым богобоязненным и благочестивым среди вас! Однако я соблюдаю пост и разговляюсь, молюсь и сплю, а также женюсь на женщинах. А всякий, кто не желает следовать моим путем, не имеет ко мне никакого отношения». (аль-Бухари и Муслим).

Причины экстремизма

После небольшого вступления, разъясняющего нам сущность экстремизма и отношение Ислама к его проявлениям, нам можно поговорить о причинах возникновения этого явления. Я остановлюсь на наиболее основных из них и с Аллахом успех!

1. Искаженное понимание Ислама.

Это, на мой взгляд, самая главная причина, толкающая человека в крайность. Многие из тех, кто бывает поражен этой болезнью, не имеют правильных знаний об Исламе. Ведь если мусульманин будет знать, что его религия, - это религия умеренности и справедливости, что религия учит быть милостивым и нести добро людям, это, вне сомнений, удержит его от проявлений экстремизма в любых его формах. Незнание и невежество - это причина всех болезней и отклонений. Ислам побуждает обретать полезные знания и не быть буквалистом, как это было свойственно хариджитам, а

понимать священные тексты так, как их понимали общепризнанные имамы и ученые мусульман. По причине незнания невежественный мусульманин берет на себя храбрость говорить о религии без знаний и выносить суждения и религиозные постановления. По причине незнания невежественный мусульманин перенимает знания о религии от кого попало, не делая различий между компетентным человеком и дилетантом. По причине незнания он с легкостью слепо принимает взгляды, которые ему подходят, и слепо спешит применять их на практике. Такие люди представляют собой опасность не только для общества в целом, но и для самих мусульман, поскольку своим фанатизмом искажают истинный образ мусульманина, в результате чего у не мусульман создается ложное представление об Исламе. Уважаемые братья и сестры, отсутствие понимания в религии порождает в сердце оболоченность и уводит человека с пути середины и справедливости, а это и есть экстремизм!

2. Отдаленность от ученых, знающих Коран и Сунну людей.

Ученые люди являются наследниками Пророков, мир им и благословение Аллаха. Они являются хранителями и носителями знаний, ниспосланных Аллахом для руководства людям. Они лучше всех знают дозволенное и запрещенное, они передатчики знаний и единственный источник правильного их черпания. Они – те, кого повелел нам спрашивать Всевышний Аллах: «Спрашивайте людей знания, если вы сами не знаете» (ан-Нахль 16:43). Если же мы потребуем источник, на который ссылаются попавшие в крайность, то найдем, что это неизвестные люди, ошибки ученых, страницы интернета, непроверенные книги или такие же невежды, выставяющие себя учеными, но не получившие полного шариатского образования и, что не менее важно, воспитания. Во всех этих источниках попавшие в крайность находят себе то, что подходит их страстям. Поэтому мы находим, что большинство этих людей позволяет себе злословить и занижать степень истинных и больших ученых, потому что ученые раскрывают их сущность, предостерегают от них и разъясняют людям их отклонения и то нечестие, которое они творят на земле. По сути же, обсуждая и принижая ученых, они отдаляются не от них, как таковых, а от источника правильных и достоверных знаний! Мы же находим в завещаниях праведных предшественников наставления перенимать знания только из уст знающих людей и даже не из их книг. Поскольку в текстах Корана, Сунны, а также в трудах ученых имеется масса высказываний, которые можно понять неправильно, и недостаток не в том, кто сказал, а в том, кто неправильно понял. Мухаммад ибн Сирин (да помилует его Аллах), говорил: «Поистине это знание является религией, так смотрите же, от кого вы перенимаете себе религию». Ас-Сафари (да помилует его Аллах), говорил: «И поэтому ученые сказали: «Не бери знание у человека, выучившегося по книгам, и у человека, изучившего Коран по мусхафу».

3. Отсутствие семейного воспитания.

Я думаю не секрет для вас, что эмоциональные условия, в которых подрастает ребенок, очень сильно влияют на формирование его личности в будущем. От того, как к нему относятся родители, в каких условиях он живет, как в него закладывают первые кирпичики будущего строения, во многом зависит его будущее, ведь этим обретается основа его будущего отношения к отдельным людям и обществу в целом. Семья – это колыбель духовного рождения человека, это основа основ, из родительского дома человек попадает в общество. В семье человек начинает учиться, обретает первоначальный нрав, и если семья благополучная, она учит ребенка таким понятиям, как любовь, уважение, согласие, взаимовыручка, ответственность, честность, понимание, стремление учиться и быть полезным и многому другому. Поэтому с точки зрения Ислама, благополучная семья – это личная крепость для каждого индивида. Семья – это частица общества, состояние которого говорит о состоянии семей. Неблагонадежные семьи – это беспорядок в обществе, а это в совокупности служит причиной возникновения крайностей и разных форм радикализма. И практика показывает, что молодые люди, оставленные без воспитания и образования, выросшие в неблагополучных семьях и предоставленные самим себе, чаще всего бывают заложниками разного рода отклонений и крайностей.

4. Разрыв молодого поколения со старшим.

Говоря об этой причине, я хотел сказать о нечто большем, чем почтение и уважительное отношение к старшим. Поскольку уважение к старшему – это общепринятое проявление благого нрава. Дело в том, что в языке Шариата слово старший (кабир – буквально «большой») имеет более глубокое значение, нежели просто превосходящий тебя по возрасту. Это, прежде всего, достигший зрелости, обладающий знаниями, авторитетом, мудростью и жизненным опытом человек, слова которого не расходятся с делами. Молодому поколению следует обращаться к таким людям по всем волнующим их вопросам и принимать их советы, отдавая предпочтение их мнению над своим. Молодежь будет пребывать во благе и благополучии до тех пор, пока будет поступать таким образом! Дело в том, что ум молодого человека не созрел, ему свойственна чрезмерная ревность, горячность, поспешность, неразумность, максимализм и желание изменить весь мир. Что же касается авторитетных старших, великих своим духом, то их отличает мудрость, приобретенные знания, жизненный опыт и дальновидность. Они выше услад молодости и свойственной ей поспешности, пылкости и необдуманности; ими не овладевает страсть и желания и шайтан не может их заставить ошибиться так же легко, как он толкает к этому в молодости. С возрастом приходит серьезность, величавость и почтение. К большому сожалению сегодня молодежи, не хватает таких старших, которые бы являли собой авторитет. Не удовлетворенная нужда в старших, готовых отвечать растущим потребностям молодежи, служит одной из основных причин бунтарского поведения молодых людей, и это свойственно не только мусульманской части общества! Посланник Аллаха (мир ему и

благословение Аллаха) говорил: «Одним из признаков приближения Последнего часа будет то, что (люди) станут обращаться за знаниями к малым» (Сахих аль-джами).

5. Совокупность разного рода факторов.

Прежде чем подробно говорить об этой причине, я бы хотел задать вопрос: крайность – это естественное явление или возникающее, как ответ на внутренние или внешние факторы, которые толкают на нее человека? По моему глубокому убеждению, это происходит под влиянием факторов. Внутренние факторы – это душевное состояние человека, а внешние – это влияние окружающей действительности. Исходя из этого, крайность – это не самостоятельный поступок, а ответная реакция на факторы, влияющие на подсознание. Экстремизм – это ответная реакция на неправильный поступок как таковой. Либо он неправильный, в ошибочном понимании пошедшего на крайность. Человек, возразивший Пророку (мир ему и благословение Аллаха), сделал это, полагая, что он был не справедлив в дележке. Хариджиты, выступившие против Али (да будет доволен им Аллах), сделали это, полагая, что Али был не прав, когда согласился на третейских судей. Более того, сам факт возникновения течения хариджитов в смутные времена говорит о том, что экстремизм рождается под воздействием факторов и имеет прямую связь с обществом, в котором возникает это явление. Если говорить о внешних факторах, способствующих проявлению экстремизма в среде мусульман, то часть их следующая:

а) отказ большого количества мусульман от своей религии, проявившимся либо вообще выходом из Ислама, либо оставлением сунны и следованием нововведениям, что послужило причиной разногласий и разделения среди мусульман. Отказ от религии также привел к распространению мерзостей, прославлению чуждых мусульманам ценностей, совершению ими грехов и ослушания. Отсутствие богобоязненности и призыва к одобряемому пробуждает в молодежи ревность за религию и толкает ее на противостояние этому явлению без знаний и мудрости;

б) распространение несправедливости во всех ее видах и формах;

в) пропаганда против религии, против платка, бороды, литературы, строительства мечетей, пробуждает в мусульманине чувство отчужденности, что, несомненно, влияет на его моральный и душевный настрой;

г) применение излишней жесткости к мусульманам. Вне сомнений, одна из важнейших причин экстремизма, на которой выросла идеология противостояния власти, и ответ на силу – силой;

д) некомпетентное вмешательство не мусульман во внутренние исламские дела. Сюда можно отнести расставление приоритетов, анализ и советы горе-специалистов и исламоведов, поддержка одних и ограничение других, и многое другое;

е) появление молодых проповедников, не имеющих комплексных знаний Шариата, которые взялись учить мусульман, вынося постановления без знаний и понимания религии. Большая их часть обольщена собой, не

обращается к ученым, более того, обвиняет их в, трусости, лицемерии и продажничестве. Подобными резкими высказываниями они пробуждают и без того ревностно настроенную молодежь, толкая ее на всевозможные крайности;

ж) неправильная работа, направленная на исправление проявлений экстремизма. Немудрое, необоснованное и несправедливое опровержение заблуждений попавшего в крайность человека только прибавит ему упорства в заблуждении. Лечение этой проблемы в Исламе должно исходить от компетентных людей и не выходить за рамки Шариата. Порой бывает так, что сам опровергающий крайность уходит в другую крайность, а это в решении проблем не поможет, более того, усугубит их. Сюда можно отнести и неумелую работу с молодежью, нежелание её выслушать и подобное этому.

Эти и схожие с ними факторы по отдельности и в совокупности способствуют появлению среди мусульман хариджитов или свойственных им крайностей, в любое время, в любом месте и любом обществе. Усугубляет положение несвоевременное разъяснение учеными людьми этих отклонений.

Это то, что было облегчено, а Аллаху обо всем ведомо лучше!

Пути предотвращения

Говоря о путях предотвращения радикализации, важно указать на то, что главную роль на этом поприще должны играть люди, истинно знающие Коран и Сунну Пророка (мир ему и благословение Аллаха). Чтобы они лечили от этой болезни на основе знаний, мудростью и благим увещанием. Если мы проведем аналогию с первыми хариджитами и попавшими в крайность нашими современниками, то найдем, что их объединяют следующие признаки и качества:

- 1) Отсутствие истинных знаний и правильного понимания Ислама.
- 2) Отдаленность от ученых и нежелание их слушать.
- 3) Обольщенность собой.
- 4) Молодость и отсутствие жизненного опыта.
- 5) Чрезмерное поклонение и чрезмерно ревностное отношение к происходящему.
- 6) Отсутствие терпения и мудрости в призыве.
- 7) Приобретение знаний из недостоверных и не заслуживающих доверия источников.

Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что лечение проявлений экстремизма – в распространении правильного понимания Ислама в рядах мусульман. В возвеличивании знающих людей и их роли в обществе. В воспитании молодежи на любви к знаниям и знающим людям. В воспитании молодежи на уважении и любви к старшим. В воспитании молодежи на возвеличивании и почтении к родителям. В предостережении от слепого следования за кем бы то ни было, а возвращении к текстам Корана и Сунны. В возвеличивании первого поколения мусульман, чтобы с них брали пример и возвращались к их пониманию религии. Молодежи необходимо внушать, что люди все вместе несут ответственность за мир и порядок на их

общей земле. Что человек наместник Бога, и он призван творить благое и быть распространителем добра и благочестия, где бы он ни проживал.

Немало важным является проведение на эту тему конференций и семинаров. Мусульман необходимо обучать умеренности во всех делах, в том числе и ревностном отношении к происходящему. Важно знать и изучать истории крайних течений или исламских движений, дабы избежать повторения ошибок.

В заключение прошу Великого Аллаха, чтобы он сделал этот скромный труд полезным для Ислама и мусульман, и Ему обо всем ведомо лучше!

<http://камчатка-общество.рф/news/2016/11/28/rasul-gamzato-v-vzaimodeystvie-obshchestvennyh-religioznyh-i-gosudarstvennyh-struktur>

Р.А. Утябай-Карими (1933-2005) – востоковед. В 1950-1952 гг. учился в институте востоковедения в Москве. В 1956 году окончил Казанский университет. С 1956 года работал в Омской области учителем средней школы, инспектором национальных школ отдела народного образования, с 1960 года переехал в Уфу и работал в Башкирском институте усовершенствования учителей. С 1988 года – старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы, в 1992-1994 гг. – мударрис, директор медресе им. Р. Фахретдина. В 1996-1997 гг. преподавал в университете аль-Фатих (Турция).

Автор трудов по истории ислама, просветительству. Переводил на башкирский, русский, татарский языки сочинения восточных ученых.

Ислам в истории и культуре

В связи с политическими переменами, перестройкой появилась возможность переосмыслить роль религии в истории и культуре. Сейчас ни у кого не вызывает сомнений то, что религия тесно связана с историческими событиями. В 1988 году, когда Россия отмечала 1000-летие принятия христианства на Руси, в средствах массовой информации много говорилось о том, что православие оказало огромное влияние на историю и развитие российской культуры. Наши предки приняли Ислам 1100 лет тому назад, в связи с этим есть возможность показать роль Ислама в культуре и истории народов, проживающих возле реки Урал.

... Безусловно, переход от язычества и узаконение ислама должны рассматриваться как одна из основных причин, определивших дальнейшее развитие нашего народа. Конечно, это одно из главнейших событий нашей сложной и богатой истории. Мы вполне можем гордиться нашими предками. Действительно, переход от язычества к исламу привел к тому, что наш народ в социальном и политическом развитии достиг высокой ступени. И не только. Этот шаг способствовал становлению государственности. Нет сомнений в том, что нашим предкам были хорошо знакомы буддизм, иудаизм, христианство. Но не случайно наши предки приняли Ислам. Это было целесообразно с точки зрения общественной потребности. Так же, как и

дети не могут выбирать своих родителей, так и народы не могут поменять ход своей истории.

Религиозные верования и взгляды того или иного народа составляют большую часть его духовного богатства. Религия народу дается историей. Ислам – третья и самая молодая религия мира. Он своими корнями произрастает от религии Моисея (иудаизм) и Иисуса (христианство). Учение Ислама – продолжение мировых религий. Каждый из пророков – Ибрагим, Моисей, Иисус (мир им всем!) – все они строили здание нравственности и духовной чистоты. Они почти достроили это здание, осталось положить только один кирпичик. Пророк Мухаммад, который заложил основы ислама, говорил так: «Я – последний камень этого здания...»

Но нельзя забывать и о самостоятельности и особенности ислама, как одной из распространенных религий мира (следует сказать, что на земном шаре на сегодняшний день мусульман больше миллиарда). Как сказал известный историк нашего времени Л.С. Васильев: «... Ислам особенен не только своим внешним проявлением, но и своим содержанием. Эта особенность настолько велика и заметна, что недаром говорит о «мире Ислама» и «цивилизации Ислама».

Ислам, например, никогда не делил народы на великие и малые нации. Ислам – религия не только арабского, башкирского, татарского, узбекского или таджикского народов, она мировая религия. Перед ней все равны – и правитель, и пастух. Ислам не признает национализма, унижения или гнета народов. Поэтому нас украшает не принадлежность к какому-либо народу, а наши поступки и совершенные дела. Одежда, которую мы носим, лица и языки у нас разные... Но самое главное – дружба между народами, доброжелательность, терпимость, скромность. Это все главные каноны философии ислама. Жестокость, дерзость, невежество, высокомерие, черствость, воровство, лживость, пустословие и безосновательные желания, распитие, даже в небольшом количестве, спиртных напитков, азартные игры, лень, не следование данному слову, разжигание межнациональной розни и, наконец, ведение кровопролитных войн – явления, которые категорически отвергаются Исламом. В течение веков наши предки, в полном смысле этого слова, избавлялись от недостатков – разврата, бесконечного накопления богатств, прожигания жизни. Они понимали, что жизнь дана не ради того, чтобы лишь есть, пить и красиво одеваться и совершенствовались в духовном плане. Ислам стал для них эпохой духовного возрождения. Так же, как и в природе все возрождается и расцветает, так и Ислам для человека стал необходимым солнечным теплом, его живительным лучом. Человек не защищен от ошибок, в его натуре имеет место жестокость и испорченность. Но стоит помнить, что стремление человека к совершенной нравственности безгранично. Ислам не требовал от наших предков невозможного, неосуществимых чудес; наоборот, вел их к расширению духовных качеств, научил мыслить шире, остерегал от слов ненависти, приучал к активной работе.

... Если рассмотрим богатую историю ислама, то в первую очередь мы должны вспомнить деятельность великих мужей мусульманских народов – знаменитых просветителей. Они, основательно изучая философию ислама, развивались духовно сами и помогали развитию и обогащению общественной мысли, развернули борьбу против невежества и национализма. Народы Востока и в последнее время дали миру великих мыслителей – тех, чьи имена могут быть вырезаны золотыми буквами в истории народов мира; тех, которые подарили идеи, влияющие на развитие человечества.

Среди этих мыслителей и просветителей есть ученые башкирского и татарского народов, они наша гордость и слава. Драгоценные труды этих личностей и в наши дни отвечают требованиям времени, звучат современно, не потеряли своей актуальности. Их труды, основанные на идеях ислама – сохранение мира во всем мире, дружба и равенство между людьми, направлены на очищение философии ислама от заблуждений, очернительства, которые накопились за прошедшее время. Они, безусловно, играют решающую роль в воспитании у подрастающего поколения взаимопомощи, верности слова и дела, трудолюбия, патриотизма, честности.

... В стране сейчас идет перестройка нашего общества. С каждым днем укрепляется дружба между народами и духовность, создаются условия для строительства правового государства. Растет нравственное, духовное богатство, основанное на общечеловеческих ценностях. Да, конечно времена сейчас тяжелые. Межнациональные распри, унижение друг друга, необдуманные действия, шумные уличные сборища, иногда приводящие даже к гибели людей. Жизнь человеку дается свыше, поэтому лишение его жизни по исламу – великое преступление. Человек все время должен жить по разуму, задумываться над каждым своим шагом или поступком, он не должен порочить национальную и общечеловеческую историю. Самое главное, он должен стремиться быть духовным, уважать других и жить, как настоящая личность.

Иногда говорят, что законы Ислама суровые, они направлены лишь на унижение человека. Это абсолютно неверно. Мы не должны отвергать нравоучения наших предков, не вникнув в их суть. Мы должны постоянно изучать вложенные в них общечеловеческие ценности.

Раиль Утябай-Карими: Сочинения.

Наставления хазрата Абуханифы Ногман бине Сабита сыну Ахмаду

... Здесь я предлагаю вам наставления Абу Ханифы своему сыну Ахмаду. Для сведения, текст наставления был опубликован на арабском языке в Уфе в 1906 году членом Совета по религии, депутатом Государственной Думы, заведующим медресе «Хусаиния», имам-хатыбом уфимской Второй махали Мухаммеджан аль-Хасани (1865-1924) в издательстве «Восток». Позже это же было опубликовано в журнале

«Маглюмат» в 1916 году в 21 и 22 номерах. Скажу, что это наставление имеет огромное воспитательное значение. Читайте сами!

«Сын мой! Пусть Аллах (с.а.с.) даст тебе ум и правдивость, сделает тебя стойким в религиозной жизни. Я выскажу тебе свои наставления. Если ты будешь следовать моим наставлениям, то будешь, дай Аллах (с.а.с.), счастливым и в религиозной, и всей твоей жизни.

Первое из наставлений – веруя в могущество Аллаха (с.а.с.), будь внимателен и сохраняй себя от греховных поступков. Второе – не зная то, что ты должен знать, не остался бы ты в невежестве. Третье – с помощью религии и мира не общайся с бесполезными людьми, не трать попусту свою жизнь. Четвертое – избавь себя от алчности, не бери чужого. Умей прощать, не мсти человеку. Пятое – мусульманин ли он или человек другой веры, никогда не считай его своим врагом (все в воле Аллаха (с.а.с.)). Шестое – будь доволен тем имуществом, которое тебе дано Аллахом (с.а.с.), не завидуй другим людям. Седьмое – старайся потратить все свои силы для того, чтобы не нуждаться и не надеяться на помощь людей в ненужном месте (т.е. понадеявшись на других людей, не потеряй свое). Восьмое – не совершай поступков, не считаясь с мнением других людей, говоря, какое мне дело до них. Девятое – не поддавайся ненужным вещам, храни себя от страстей и увлечения ими. Остерегайся ненужных слов. Десятое – будь со всеми приветлив, старайся, чтобы хорошие люди тебя любили, а с плохими людьми будь внешне также приветлив и дружелюбен. Одиннадцатое – часто, в душе и на словах, читай молитвы и посвящай благодарения Пророку. Двенадцатое – занятие покаянием начинай красивыми словами прощения «астагъфируллахи газым». Эти слова достойны со времен Пророка ((с.а.с.): «О, Аллах, кроме тебя нет другого божества, Ты создал меня, я Твой раб; я живу по силе возможности с Твоего позволения и по Твоей милости со дня своего рождения. Ищу защиту, когда совершаю неверные поступки. О, Аллах – мне по душе все, что ты мне даешь, признаю все это как Твое милосердие. Признаю свои ошибки, мои грехи прощай и отпусти, кроме Тебя нет прощающего грехи». Тринадцатое – каждый день читай Коран и благодари Пророка (с.а.с.), родителей, наставников и всех мусульман. Четырнадцатое – остерегайся изобличения твоих секретов и дел. Среди людей встречаются испорченные, которые будут стараться ухудшать твой авторитет. Пятнадцатое – храни свои секреты, не говори о том, куда ты идешь. Шестнадцатое – пусть будут симпатичны тебе твои соседи и спутники, будь терпеливым. Семнадцатое – придержишься общества верных суннитов, остерегайся всяких сект. Восемнадцатое – будь чист душой, стремись есть и пить только чистую (неоскверненную) пищу. Девятнадцатое – помни пять хадисов: намерение уже есть конец дела; красота есть признак мусульманства мужчины; желай другим то, что желаешь себе; отделяй чистое от скверны, остерегайся от подозрительного: в теле есть кусок мяса, если он будет в исправности, то все органы будут исправны – это сердце; пусть другие люди не зависят от твоих рук и слов. Двадцатое наставление,

будучи здоровым, благодари за это Аллаха (с.а.с.), страшась мучений, воспитывай себя. Когда подойдет время смерти, будь чистым и в хорошем настроении».

Мое мнение

Наставления отца сыну – бесценны. В мире Ислама отцовское слово считается главным и наставления должны неукоснительно выполняться детьми. В прошлом и у нас, у татар, наставления отцов для сыновей считались очень важным. Только огорчает, что в последнее время уравнивание в правах мужчины и женщин привело к забвению некоторых важных правил, плохо, что в семье и в обществе слово женщин стало брать вверх. В этом виноваты и сами мужчины, все это привело нас к краю невоспитанности. Мужчины, будучи мужчинами, отличаются от женщины не только формой тела, но психикой и сладом ума. Поэтому хотелось бы вернуть исконные наши традиции.

Татарский мир. – 2000. – № 33. – Август.

Альбир Рифкатович Крганов (1976) – Муфтий ЦРО Духовное Управление Мусульман г. Москвы и Центрального региона «Московский Муфтият» и председатель ДУМ Чувашской Республики. Член Общественной палаты Российской Федерации. Российский мусульманский религиозный и общественный деятель.

27 апреля 2015 г. распоряжением Президента Российской Федерации В.В.Путина Муфтий Москвы и Центрального региона, член Общественной Палаты РФ А.Р.Крганов утвержден в составе Комиссии по мониторингу и разрешению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям.

Нужен законодательный запрет идей сект, прикрывающихся исламом

В конце августа в Грозном прошла Всемирная конференция мусульманских учёных, на которой был принят итоговый документ, который в СМИ получил название «Грозненская фетва» (религиозно-правовое заключение) с осуждением ваххабизма и других сект. О том, нужно ли запрещать такие течения в России, о перспективе строительства новой мечети в Москве, о диалоге с Турцией и значении богословской школы Узбекистана для борьбы с экстремизмом в интервью «Интерфакс-Религия» рассказал член Общественной палаты РФ, муфтий Москвы и Центрального региона Альбир Крганов.

– *С чем связана необходимость принятия так называемой «грозненской фетры», по итогам которой все активнее призывают запретить в России ваххабизм?*

– Считаю, что принятие фетры в Грозном, которая содержит разъяснение позиции суннизма и традиционного для России ислама, вносить ясность в умы мусульман и ставит вербовщиков и так называемым

«охотникам за душами» заслон на пути использования в своём грязном деле религиозных чувств наших верующих.

Вообще обязанность исламских учёных как таковых заключается в исследовании корня зла, отравляющего умы и души современных мусульман, а также поиске ответов на возникающие в связи с этим вопросы, ссылаясь на Священный Коран, Сунну Пророка (мир ему), иджму (единодушное мнение исламских учёных – «ИФ») и кияс (суждение по аналогии с ситуацией, описанной в Коране и Сунне – «ИФ»).

Исламские религиозные учёные в первую очередь призваны разьяснить мусульманам истинные основы веры, уберегать от влияния врагов ислама, прикрывающихся им. Наши соотечественники-мусульмане давно ждали ясного определения в вопросах вероубеждения, потому что с приходом перестройки в Россию хлынули миссионеры разных мастей, были подготовлены сотни, а то и тысячи идеологов чуждого в мировоззренческом понимании ислама, произошло реформатирование мысли мусульманской молодёжи. В общем контексте мы стали всё больше замечать, что теряем своих граждан. С одной стороны, переписывалась история страны, в умах молодёжи пестовалось недоверие к государству, с другой – высмеивались наши исторические ценности, армия, религия, культура, искусство.

Мусульманам же решились привить чуждые ценностные ориентиры радикального, агрессивного ислама. Недоброжелатели, зная, что нас невозможно отделить от «религиозного мироощущения», решили привить чуждые ценностные ориентиры. К сожалению, за 20 с лишним лет обучения «демократии» им многое удалось. Из крупных городских общин идеи радикального ислама привнесли в сельскую местность. Появились идеологически видоизменённые сёла, аулы и деревни. Изменить ситуацию лишь мерами противодействия со стороны правоохранительных органов невозможно, необходимы профилактика, поиск эффективного противоядия. Отрадно, что благодаря усилиям руководства Чеченской республики и её муфтията была собрана международная богословская конференция, которая внесла большой вклад в разьяснение следования по пути «Ахлю сунны валь-джамаа» (суннизма – «ИФ»). Принятую на конференции фетву поддержали большинство признанных исламских учёных мира и российских мусульманских деятелей. Продолжаем, на взгляд наших соратников, должен стать законодательный запрет идей радикальных псевдорелигиозных сект, прикрывающихся знаменем ислама. Необходимо поддержать здоровое крыло исламских религиозных организаций, борющихся с этим злом.

– Недавно Вы в составе делегации исламских религиозных деятелей принимали участие в IX заседании Евразийского исламского совета в Стамбуле. Ваши впечатления?

– Общение мусульман на одной площадке всегда в пользу, мы обменивались мнениями о ситуации в исламском мире. Примечательно, что и в Турции понимают угрозу псевдорелигиозных сект и в целом поддерживают «грозненскую фетву».

Стало глубоко символичным участие почти 40 мусульманских религиозных деятелей России в заседании практически на второй день после визита президента Владимира Путина в Стамбул. На форуме чувствовалось уважительное отношение к нашей делегации.

В выступлении муфтия Татарстана Камиля Самигулина было отмечено, в частности, что в Центральной России есть множество приверженцев идей пантюркистского проповедника Гюлена, муфтий Чечни Салах Межиев обратился к турецкой стороне с требованием пересмотреть двойные стандарты и выдать России укрывающихся на её территории преступников, глава Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин обратил внимание на то, что Организация исламского сотрудничества и Лига арабских государств мало обращают внимания на проблему беженцев.

Лично я там отметил следующее: мы поддерживаем стремление турецких властей избавиться от сектантов, выдвигаем инициативу по налаживанию сотрудничества между мусульманскими организациями России и Турции на прозрачной основе. Давайте говорить прямо не секрет, что к турецким религиозным структурам в России относятся подозрительно, и, увы, небезосновательно. Предлагаем вспомнить позитивные наработки прошлых лет, когда представители Управления по делам религии Турции находились в России на официальной основе по соглашению с нашими властями и муфтиятами. Сейчас важно избежать чисто технической замены вывесок гюленовских структур – должна поменяться суть. У властей и религиозных деятелей наших государств не должно быть основания для подозрения в том, что иностранные миссионеры распространяют идеологию исключительности.

– Кого бы из политических деятелей и регионов Вы назвали лидерами тюркского мира?

– Тюркский мир, как известно, весьма разнообразен. Увы, как и другие части света, он не лишён внутренних противоречий. Да и, собственно, каждый тюркский народ наверняка видит своего лидера «первым среди равных». Кстати, стамбульское мероприятие – яркое тому подтверждение.

В России же признанными аксакалами политики являются, к примеру, первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Его неустанная деятельность по возрождению старинного города Булгар вызывает восхищение. Это не только строительство, это проект века! А поддержка действующим президентом Татарстана Рустамом Миннихановым проекта создания и строительства Булгарской исламской академии вызывает у понимающих людей просто восхищение. Также я бы отметил высокую роль Башкирии, которая на солидном уровне провела заседания ШОС и активно продолжает развитие культурно-экономических проектов международного уровня.

– На днях Вы посетили Узбекистан и встречались с руководством муфтията и госкомитета по делам религии. Поделитесь впечатлениями.

– Как известно, на протяжении веков мусульмане России и Средней Азии придерживаются одной духовно-просветительской школы, основанной на ханафитском мазхабе, матуридийском мировоззрении и тарикате Накшбандия. В XX веке именно Узбекистан был кузницей кадров всех советских мусульманских религиозных лидеров (включая шиитов), сохранял и приумножал богатое наследие древних учёных. В наши дни отчётливо прослеживается необходимость обращения к опыту оставшейся не подверженной зарубежному влиянию узбекской богословской школы для противодействия терроризму и попыткам дестабилизации обстановки на пространстве СНГ при помощи «цветных революций».

На современном этапе своего развития мир сталкивается со многими вызовами, идёт переосмысление ценностей. Наряду с правами человека на первый план выходит и такое понятие, как «духовный суверенитет». В этом контексте исламский мир столкнулся с беспрецедентной атакой на свои традиционные религиозные ценности. Подменяются понятия, переписываются исламские классические труды. Всё это происходит в угоду интересов узких, но радикальных групп влияния.

Со Средней Азии у наших мусульман сложились очень древние контакты. Издревле туда ехали наши предки на зиярат – посещение мавзолеев великих исламских учёных, получали образование в учебных заведениях Мавераннахра. Узбекистан обладает уникальным наследием мусульманской культуры. Такие почтенные имена, как имам аль-Бухари, имам ат-Термизи, Абу Райхон Беруни, аль-Хорезми, имам Мансур аль-Матуриди, имеют непосредственное отношение к этим благословенным краям.

Хотел бы отметить важнейший посыл и.о. президента Узбекистана Шавката Мирзияева на недавней сессии Советов министров иностранных дел ОИС, который предложил создать Международный исследовательский центр имени Бухари в Самарканде под эгидой ОИС для изучения наследия наших предков, внёсших неизмеримый вклад не только в исламскую культуру, но и в развитие всей человеческой цивилизации. Считаю это полезной идеей, поскольку опыт системы исламского образования Узбекистана может быть использован как в укреплении позиций традиционного ислама, так и в профилактике распространения деструктивной идеологии.

– В СМИ периодически появляется информация о выделении земельного участка под строительство мечети в Москве, конкретно – в рамках межрелигиозного центра в Коммунарке. Каковы перспективы решения этого вопроса и в чьей юрисдикции будет находиться мечеть?

– Вопрос выделения земельного участка под строительство межрелигиозного центра и мечети в частности пока остаётся открытым. Действительно, в столице нашей многонациональной и многорелигиозной страны ощущается необходимость строительства комплекса исламского духовно-просветительского, образовательного центра с мечетью. Мы ведём

постоянный диалог на этот счёт с властями Москвы, озвучили этот вопрос и лично мэру Сергею Собянину.

При положительном решении вопроса мы готовы в сжатые сроки построить центр, который станет достопримечательностью нашей столицы и будет функционировать для укрепления позиций российского мусульманства в Москве. В нашей концепции проекта мечеть будет не обособленным объектом культа, а вписывающимся в общую архитектуру города культурно-просветительском центром, который будут посещать как жители Москвы, так и её гости. Акцент в деятельности комплекса, на мой взгляд, должен быть сделан на привлечении различных возрастных групп, прежде всего молодёжи. Такой шаг станет серьёзным подспорьем в профилактике экстремизма и внесёт весомый вклад в воссоздание российской исламской богословской школы, важность чего неоднократно подчёркивал президент нашей страны Владимир Путин.

– А что Вы скажете по поводу недавнего конфликта между шиитами и суннитами в московской соборной мечети?

– Моё твёрдое убеждение заключается в том, что мечети и религиозные деятели должны в силу своего призвания стараться максимально консолидировать и объединять общество. Необходимо находить всевозможные модели взаимодействия со всеми здоровыми силами в мусульманском сообществе.

Фетва «О неотъемлемых признаках отличия истинного Ислама от заблуждений»

Аляутдинов Шамиль Рифатович (1974) – проповедник (имам-хатыб) Московской Мемориальной мечети на Поклонной горе. Родился в Москве в 1974 году.

Выпускник Международной исламской академии и факультета исламского права Университета «аль-Азхар» (Египет).

С 1991 года официально работает в Духовном управлении мусульман Европейской части России (ДУМЕР).

В 2002 году назначен заместителем муфтия ДУМЕР по религиозным вопросам, в 2005 году – руководителем научно-богословского совета ДУМЕР.

Автор многочисленных книг по исламской тематике: «Путь к вере и совершенству», «Ответы на ваши вопросы об Исламе», «Крик души или кризис духа», «Мир души», «Священный Коран. Смыслы» (четырёхтомник), автор и руководитель проекта популярного в Рунете сайта www.umma.ru.

Интервью Шамиля Аляутдинова для журнала «Мусульманка»

Шамиль-хазрат, в каком возрасте Вы впервые задумались о смысле жизни?

Когда впервые – не помню. Я просто этап за этапом двигался вперед. Старался активно жить. Созрел в этом вопросе, как мне думается, в процессе проведения проповедей о смысле жизни. К тому времени мне уже было

примерно 33 года. Я увидел, что многие в этой жизни теряются, начинают метаться, попадают в чьи-то опасные сети, а тема смысла бытия и существования на земле мало представлена в российской религиозной среде. Такое положение дел сподвигло меня написать материал для книги «Мир души» («В поиске смысла»).

А когда к Вам пришло полное понимание того, кем Вы станете?

У меня не было никакого внутреннего озарения, что я должен стать именно имамом. Жизнь шла своим чередом, как и у всех: школа, спорт, дополнительные занятия, интересные книги, летние каникулы на даче. В какой-то момент родители поспособствовали тому, чтобы я стал изучать чтение Корана, основы Ислама, посещая Соборную мечеть, тогда единственную мечеть в Москве. Так я начал изучать арабский и старотатарский языки. Сегодня, учитывая мусульманские ценности и применяя их, я стараюсь жить полной и счастливой жизнью. Стараюсь приобрести своими словами и делами Божественное благословение, выражаемое в успехе и во всестороннем достатке в земной обители и в вечной. И неважно, в мечети ли я работаю или руковожу международным холдингом с ежегодным оборотом в несколько миллиардов евро...

Кто из сахабов наиболее близок Вам по характеру и вызывает Вашу наибольшую симпатию?

Сподвижник пророка Мухаммада (да благословит Его Всевышний и приветствует) Усман. Этот человек был духовно богат и религиозно-практичен, щедр и целеустремлен. По сути своей, он – миллиардер нашего времени, который, если и выходит на время из списка самых богатых людей мира, то только из-за неудачно сложившихся экономических ситуаций или щедрых затрат на решение социальных проблем единоверцев (строительство храмов, учебных и культурных центров, создание рабочих мест). Он претворял в жизнь в том числе такие коранические строки, как «стремитесь к Божественной милости» и «соревнуйтесь в благом».

Шамиль-хазрат, а каков Ваш портрет?

Мой портрет – это мои проповеди и книги. Там я весь наизнанку. Я говорю людям о многих составляющих своей жизни, в которой происходят разные события. Мой портрет – это в том числе и то, как я реагирую на ту или иную ситуацию.

Согласно мнению всех мазхабов, и даже авторитетов среди исламских радикалов, террористы-смертники являются самоубийцами (то есть попадут в Ад). К тому же убийство людей – величайший грех перед Творцом. Где, по-Вашему, черпает обоснование своим поступкам категория смертников?

Желающий найти обоснование – найдет его везде: и в Коране, и в Библии, и в Конституции. Терроризм – это бизнес, доходы от которого не сравнить даже с доходами от наркоторговли. Верхушка зарабатывает умопомрачительные политические и финансовые дивиденды. Но для того чтобы этот бизнес процветал, необходимы приверженцы «чистого» Ислама

или Христианства, готовые безвозмездно работать после очередной полученной ими порции убедительных идеологических сентенций. В пополнение рядов пушечного мяса огромный вклад внесли российские СМИ, преподнося терроризм как высшую степень проявления религиозности, в том числе сотни раз за последние двадцать лет повторяя, что смертник попадет в Рай. Это не назовешь невежеством, это даже не преступление, а много большее, за что никто еще не понес ответа, хотя масштабы разрушений уже на уровне мышления российского народа, его целостности и общности огромны. Будем надеяться, что ненасытные хищные пожиратели спокойствия и взаимопонимания потеряют, наконец, бесплатную рабочую силу после того, как здоровому религиозному просвещению в России будет дан зеленый свет.

Как имам-хатыб скажите, чем отличается современный Ислам от Ислама средневекового?

Изменилось многое: одежда, транспорт, условия жизни, география распространения Ислама и др. Меняется культура, мышление, глубина и широта анализа происходящего, но не сама религия. Есть к чему духовно и материально стремиться, а этому учит Ислам. Он же с его нескончаемой энергией, перспективами, идеалами и моральными ценностями остается и останется тем же. К примеру, возьмем бриллиант. Время идет, а ценность бриллианта по-прежнему высока, и современные технологии позволяют его обрамлять по-новому, повышая при этом его стоимость и важность. В зависимости от того, где мы его разместим, как подсветим и насколько дадим другим возможность увидеть великолепие игры его бликов, осознание ценности или возрастет многократно, или упадет, если, например, его оставить без внимания лежащим и пылящимся в старом шкафу.

Мусульманка. – № 8. – 2010 г. С. 61-65

Мир души

Единство и разобщенность. Схожесть непохожих

И разделились [люди на разные политические, идеологические или иные направления, течения, толки] только тогда, когда пришло к ним знание. [Получив определенные знания в той или иной области, некоторые начинают отрицать все, что было до них, или все, что развивается вне них. По сути, они претендуют на абсолютную истину, хотя их знания – это лишь малая часть того, чего достигли другие. И семя, возможно, в будущем даст богатые всходы, но его не сравнить с уже цветущими и плодоносящими садами].

Св. Коран, 42:14

...Вопрос. Можно ли совершить молитву в церкви в вынужденной ситуации? Если я не ошибаюсь, вы говорили, что это допускается, но заместитель имама нашего города сказал, что это харам. Есть ли пример из жизни пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) или его

сподвижников, когда бы они совершали намаз в таких ситуациях в церкви ?

Республика, в которой я живу, называется республикой с чистым Исламом, большинство населения считают себя мусульманами. Республика, которая разделилась на шейхов, мюридов, ваххабистов... Люди друг друга не признают, если у них не общий шейх. Сами же мюриды повторяют что-то за своим учителем, не понимая смысла. Спросишь у них: «А почему так?», говорят: «Шейх сказал, значит, так и должно быть». Они не просвещаются, не черпают знаний из других источников, не интересуются. Возможно, я ошибаюсь...

Часто слышу: «Делаешь ду'а (молишь Всевышнего) – проси через шейха. Хочешь Рая – проси через шейха. Проблемы есть – иди на могилу шейха, и все решится». Как и многое другое, от чего я запутался. Я, например, хочу делать ду'а и не желаю ни через кого просить, я обращаюсь ко Всевышнему. И всегда наше Духовное управление (ДУМ) приводит историю (не знаю, насколько она достоверна): «Когда была засуха, Билял (первый муэzzин) подошел к могиле пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) и попросил Пророка, чтобы Аллах ниспослал дождь. И дождь пошел». Приводя историю, наше ДУМ говорит, что раз попросил Билял у Пророка, значит, можно просить и у святых людей, шейхов и т. д. Пророк, насколько я знаю, не учил просить людей о том, что может только Всевышний. Я не знаю, как мне быть, что ответить на слова: «Когда пойдешь к шейху, почему не идешь к шейху? Он тебе поможет».

Мне во всем помогает Всевышний Аллах, хвала Ему. Я прошу ответить на мой вопрос, если есть на то возможность. Заур.

Два ответа

...**Ответ № 2.** Один из наших современников точно заметил: «Всевышний не сотворил людей (народы, этносы) с целью их разобщения и расчленения. Он ниспосылал им пророков из них же самих (из их же племен и народов), которые вели людей по одному (широкому и) единому пути (понимания, восприятия жизни)»⁵. Испокон веков дробление общества, сеяние вражды идеологическими, националистическими и прочими лозунгами считается недопустимым. В Божьей проповеди всегда присутствовал акцент на интеграцию людей в следовании высокой морали, нравственности, тому, что является благим и хорошим. В Священном Коране сказано: «Помогайте друг другу во всем праведном и благом. И не помогайте друг другу в грехе и вражде» (*Св. Коран, 5:2*).

Однако подпрыгивающие и подскакивающие, хлещущие и выплескивающиеся через край человеческие страсти и эмоции способствуют забвению этого постулата. Люди, прикрываясь той или иной идеологией в угоду личной выгоды, стараются забыть об этом великом наставлении. Они

⁵ См.: аль-Газали М (наш современник). Хулук аль-муслим [Нравственность мусульманина]. Искандария: ад-Да'ва, 1999 С. 161.

разбредаются по партиям и течениям, питающим друг к другу неприязнь, замысляющим зло против «не своих», занятым постоянным поиском слабых сторон и недостатков оппонента. Такое положение дел можно встретить не только и не столько в религиозной сфере, сколько в политике, экономике и в современной интерпретации культуры. В какой бы из областей ни появился такой подход «решения проблем» (помощь в грехе и вражде), он прямоком ведет к застою и деградации. Люди здесь не соревнуются в благом, как это заповедовал нам Всевышний⁶, а заняты скорее интенсивной «работой локтями», устремляются к цели, успеху, изо всех сил расталкивая друг друга, создавая искусственные проблемы и препятствия своим сотоварищам. О здоровой конкуренции здесь даже и речи нет, они просто дерутся и оскорбляют друг друга уже на самом старте, давно забыв о том, что на определенную дистанцию дано ограниченное количество времени, и оно уже пошло, не ждет их. После же, когда все вместе оказываются у разбитого корыта, а кто-то – и в нем, следуют взаимные обвинения и поиск виноватых. И так по кругу истории. Это признаки застоя в любом обществе, стагнации⁷ в развитии государств и целых исторических эпох. Как относиться к этому? Не отягощаться необъятным и делать то, что каждый индивидуум, личность, гражданин, наделенный полномочиями, правами и обязанностями в состоянии сделать.

«О посланники [Божьи всех времен и народов]! Ешьте из благих даров и вершите праведные дела. Воистину, Я [говорит Всевышний Творец] знаю о том, что вы делаете. Вот [более ста тысяч пророков и посланников Господа, а также поверившие им и последовавшие за ними] ваша нация, нация единая, а Я – Господь ваш, будьте же набожны предо Мною [выполняя обязательное и сторонясь грешного; стремясь в меру ваших сил и возможностей к счастью мирскому и вечному; преодолевая и достигая]». [Люди же по истечении десятилетий, столетий после смерти очередного пророка или посланника, а также по завершении всех пророческих и посланнических миссий, заключительной из которых была миссия Мухаммада] разрывали (и разрывают) то, что было общим меж ними, разделяясь на разные партии, движения и направления. Каждая партия радуется [лишь] тому, что у них [восхищается отличительными для них мнениями, внешними атрибутами, крылатыми фразами их руководителей или идеологов и т. п.]. Оставь же их [данную часть верующих⁸ людей, таким именно образом проявляющих свою набожность, религиозность] в этой пучине иллюзорной феерии чувств⁹ до [назначенного им] срока. [У популярности партий, личностей, идей, лозунгов

⁶ И соревнуйтесь (обгоняйте друг друга, поспешайте) в совершении благих дел!» (Св. Коран, 2:148; 5:48).

⁷ Стагнация [лат. *stagnum* — стоячая вода] — отсутствие развития, застой в сфере производства, торговли и т. п. См.: Большой толковый словарь русского языка. С. 1258.

⁸ Ведь подавляющее большинство людей во что-то верят, по-своему веруют и практикуют различные ритуалы.

⁹ В аяте употреблено многозначное слово «гамра», которое переводится как «масса воды, морская пучина» *перен.* «разгар (боя, битвы)», «наплыв чувств», «беда, бедствие».

есть срок, по завершении которого все превратится в достояние истории, утратившее свою актуальность¹⁰» (Св. Коран, 23:51-54).

Коранические смыслы ясно доносят до людей одну из главных причин их разобщенности, корень слепого противостояния – следование распутствам душ, развязным эмоциональным всплескам их самих или тех, кому они подражают. Суть вопроса в том, что когда знания и ученость отделяются от нравственности, общечеловеческой морали и искренности, тогда они превращаются в большую проблему, накликают беды, тяжелые последствия для их носителей, да и людей в целом.

«И разделились [люди на разные политические, идеологические или иные направления, течения, толки] только тогда, когда пришло к ним знание. [Получив определенные знания в той или иной области, некоторые начинают отрицать все, что было до них, или все, что развивается вне них. По сути, они претендуют на абсолютную истину, хотя их знания – это лишь малая часть того, чего достигли другие. И семя, возможно, в будущем даст богатые всходы, но его не сравнить с уже цветущими и плодоносящими садами.] [И разъединение это, противопоставление себя другим] происходит в состоянии «багй» между ними» (Св. Коран, 42:14)¹¹. Значение слова «багй» в арабском языке – «совершение агрессии, насилия, проявление враждебности», «переход границ морали и нравственности». И все это из зависти, ради получения отдельных мирских благ или в угоду собственному «я».

В связи с этим вспомним о некоторых открытиях и целях научных исследований новейшего времени (разработка оружия массового поражения; ведение информационных войн, сопровождаемое интеллектуальным порабощением и духовным опустошением людей), когда потеряна искренность пред Богом и доброжелательность к людям. «Интеллектуальная» ожесточенность приводит к разобщению вместо того, чтобы сообща двигаться по пути прогресса и лишь в созидательном русле.

Нет ничего странного в том, что у людей разные мнения и взгляды, разногласия могут быть. Проблема в том, что различность трактовок, формулировок, мнений появляется ввиду обычной невоспитанности, где-то ввиду крика житейской несостоятельности и профнепригодности, где-то из желания заполнить хотя бы чем-нибудь уйму бессмысленно проводимого времени, а где-то – с целью просто заявить о себе. Такого рода разногласия в корне отличаются от продуктивных научных или интеллектуальных дискуссий. В последнем случае людьми руководит стремление просветиться и познать что-то новое, обменяться мнениями.

Если бы намерения были искренни в постижении более верного, более правильного, более обоснованного, тогда отношение было бы абсолютно иным. Ведь люди в таком случае были бы далеки от желания во что бы то ни стало победить противника, далеки от стремления к власти, славе, богатству

¹⁰ О том, что никогда до Конца Света не потеряет для всякой растущей и развивающейся личности свою ценность и актуальность пред Богом и обществом, см. в 57-61 аятах данной суры.

¹¹ См. также: Св. Коран, 2:213.

или иному мирскому. А ведь «бои» не по правилам Божьей морали принесли человечеству немало бед, трагедий, насилия, и что самое страшное – продолжают нести зло.

Шаткость веры не дает увидеть в собеседнике человека, имеющего полное право на свое личное мнение, и мнимый героизм начинает выводить нас на ринг, откуда «кровь из носа», но нужно выйти победителем.

Непримиримые противоборства присущи последователям собственного «я» или низменных человеческих чувств, но никак не поклоняющимся Единому и Вечному, Господу миров, сотворившему всех, кто живет на этой земле, и давшему всем, вне зависимости от взглядов и убеждений, бесчисленное количество благ.

«Если людей не объединяет истина (стремление к ней), тогда их разъединяет ложь, фальшь, несправедливость. Если людей не единит поклонение Единому и Вечному, Всемилостивому Господу миров, тогда общество разрывается на части поклонением Сатане. Если людей не прельщают блага вечные, тогда они начинают спорить и уничтожать друг друга для заполучения благ мирских (нарушается рациональность и пропорциональность).

Взаимная вражда – доисламский период, европейское средневековье, невежество современности, это привычка тех, у кого нет веры»¹².

Пророк Мухаммад (да благословит его Всевышний и приветствует) предостерегал: «Когда меня не станет рядом с вами, не опускайтесь на уровень безбожия, когда одни из вас будут уничтожать других [когда одни из вас начнут питать неприязнь к другим; когда одни не будут считаться с мнением других]»¹³. Кровавая борьба мнений и неприязнь – логика и подход безбожника, но никак не верующего человека.

Различие мнений не противоречит устоям веры. Мусульманские каноны поощряют развитие мысли и искреннее стремление прийти к истине, пусть даже разными путями, но не «бортуя» друг друга с беговой дорожки, а помогая друг другу, уважая мнение другого. Пророк Мухаммад говорил: «Если выносящий решение (ученый) [имея соответствующую квалификацию и искренность постичь суть вопроса, истину] оказывается прав, то ему двойное воздаяние (благом); если богослов сделал все от него зависящее, но ошибся, то ему все равно воздается благом [получает одну степень вознаграждения]»¹⁴. Удивительный хадис. В очередной раз понимаешь, насколько мы зачастую бываем близоруки в видении даже столь непреложных пророческих истин, побуждающих к диалогу, сдержанности,

¹² См.: аль-Газали М. (наш современник). Хулюк аль-муслим. С. 165.

¹³ Хадис от Джарира, а также от Ибн 'Аббаса, Ибн 'Умара и др.; св. х. Ахмада, аль-Бухари, Муслима, ан-Насаи, Ибн Маджа, Абу Дауда, ат-Тирмизи и др. См., например: ас-Суюты Дж. Аль-джами' ас-сагыр [Малый сборник]. Бейрут: аль-Кутуб аль-'ильмийя, 1990. С. 579, хадис № 9767, «сахих»; ат-Тирмизи М. Суан ат-тирмизи [Свод хадисов имама ат-Тирмизи]. Бейрут: Ибн Хазм, 2002. С. 637, хадис № 2198. «хасан, сахих».

¹⁴ Хадис от Абу Хурайры; св. х. Ахмада, аль-Бухари, Муслима. Абу Дауда. ан-Насаи, ат-Тирмизи и Ибн Маджа. См., например: ас-Суюты Дж. Аль-джами' ас-сагыр. С. 40, хадис № 565, «сахих».

компромиссу. Хадис подтверждает, что человек имеет полное право на свое личное мнение, и даже если он ошибся или заблуждается, но при этом беспристрастен и бескорыстен, то сам Всевышний ему воздаст. Мы же, люди, обязаны поддерживать этот Божественный порядок, баланс открытостью, расположением к диалогу, толерантностью.¹⁵

Носители разных культур по-разному «членят действительность», по-разному проставляют приоритеты в жизни, а как следствие – неодинаково воспринимают окружающий мир.¹⁶

Один из известных богословов нашего времени отметил: «Милость Всевышнего связывается с результатом мысли человека настолько, насколько благостны и благородны цели его».¹⁷

Всевышний предоставил людям простор, а они же, упрямые, где на глаз, а где и на оба слепые, загнав себя и тех, кто прислушивается к ним, в узкие рамки собственных убеждений, познают, каков мир через маленькое окошко, почти что амбразуру¹⁸ своего сознания, ограниченного в том числе и телом, не шагнувшим дальше родного аула, города, страны, полуострова.

Набожный человек освобождается от слепого упрямства и фанатизма¹⁹, находит себя в жизни и идет по своему жизненному пути, за рациональность и результативность которого ему самому, и никому другому, отвечать пред Господом.

Важный нюанс

...Ставьте перед собою цели и задачи (любого плана и масштаба), и пусть религиозность помогает в достижении этих целей. Жизнь с наследием пророков и ученых – это огромное, безбрежное море с чистой водой и богатыми недрами. Его нельзя объять, переплыть, все изучить, все попробовать... Да, в его пучине можно потонуть... Но! Вместе с тем можно научиться плавать, погружаться на удивительные глубины и устремляться ввысь, вкушая красоту бытия и также украшая ее собою. Научившись созерцать, не ужасайтесь обилием этих богатств, а любуйтесь, беря то, что вам необходимо, и применяя это в своей (!) жизни. Это – наш начальный

¹⁵ Толерантный [лат. *tolerantia* – терпение] – терпимый к чужим мнениям, поведению и т. п. См.: Большой толковый словарь русского языка. С. 1327.

¹⁶ Кстати, это отчетливо можно увидеть на примере подстрочных переводов, например с арабского на русский язык, когда теряется красота речи и значительная часть смысла повествования. Ведь отличаются истории формирования языков, грамматические особенности, культуры, которыми они пронизаны, а как результат – ассоциации, термины, смысловые нагрузки слов и т. д.» «Перевести произведение с одного языка на другой – все равно что снять с него кожу, перевести через границу и там нарядить в национальный костюм» (*Г. Гейне*). Подробнее см., например: Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. С. 25-29.

¹⁷ См.: аль-Газали М. (наш современник). Хулюк аль-муслим. С. 165.

¹⁸ Амбразура (франц. *embrasure*) – 1. Отверстие в стене оборонительного сооружения или бронебашне для ведения огня. 2. Глубокий оконный или дверной проем в стене (преимущественно с расширением внутрь здания). См.: Большой толковый словарь русского языка. С. 37.

¹⁹ «Фанатизм наделал зла более, чем атеизм» (*Вольтер*).

«Фанатизм – удвоение усилий при одновременной потере цели» (*Сантьяна*).

«Фанатизм – некоторое умопомешательство, порожденное неспособностью вместить полноту истины» (*Н. Бердяев*).

капитал, который может многократно приумножиться, воссоединившись с нашими личными силами, знаниями, устремлениями, идеями, стойкостью, настойчивостью, непоколебимостью и возможностями. Объединив, собрав это воедино, мы почувствуем вкус жизни, приблизимся к мирскому и вечному счастью.

Берите то, что можете взять, и применяйте, делая акцент на развитие и сохранение нравственных качеств и обязательность в религиозной практике.²⁰

Приведу полезную притчу.

Однажды правитель области посетил учителя, медитировавшего²¹ сидя на дереве среди густой листвы. Правитель осмотрел это место и сказал:

– Какое же у тебя опасное место там, на верху дерева!

– Твое намного хуже, чем мое, – возразил учитель.

– Я правитель этой местности и не вижу, какая опасность может мне грозить.

– Значит, ты не знаешь себя! Когда ты изживешь свои страсти и твое сознание лишится устойчивости, что может быть опаснее, чем это?²²

Тогда правитель спросил:

– В чем заключается твое учение?

Мудрец произнес простые слова:

– Не делать зла²³, творить добро²⁴ и сохранять сердце чистым²⁵.

Правитель, однако, возразил:

– Это знает любой трехлетний ребенок.

– Может быть, любой трехлетний ребенок и знает, но даже восьмидесятилетнему старцу трудно осуществить это на деле.

²⁰ Если вас интересуют богословские разночтения, разногласия, отношение к ним, применение их, тогда вам необходимо внимательно изучить книгу Ш. Аляутдинова «Все увидят Ад». Данная книга была написана именно в качестве разъяснения данной проблематики.

²¹ Кстати, мусульманин, следующий заветам Пророка, не медитирует, сидя на дереве, а ведет активный образ жизни, закаляет и подтверждает свою веру на практике, достигая многого, но при этом не теряя равновесия сознания, стойкости веры и связи с Творцом. Пророк (да благословит его Всевышний и приветствует) говорил: «Верующий, находящийся среди людей и терпеливо относящийся к боли, которую они ему наносят [морально, психологически, физически], лучше и благостнее того, кто избегает людей и нетерпим к их действиям». См., например: ас-Сууты Дж. Аль-джамий ас-сагыр. С. 549, хадис № 9154.

Медитация [лат. *meditatio* – размышление] – состояние внутренней сосредоточенности, самосозерцания, требующее отрешенности от внешнего мира и концентрации своих мыслей на каком-либо предмете для достижения духовного прозрения. См.: Большой толковый словарь русского языка. С. 528.

²² Ведь на руководителе лежит огромная ответственность за людей, за процветание и развитие общества, настоящую тяжесть и сложность которой он ощутит, вплотную приблизившись к смерти.

²³ В Священном Коране сказано: «[Хотите вы того или нет] но кто совершает зло, тому непременно воздастся за это [в том числе и в виде житейских сложностей и неприятностей, а возможно, и в форме душевной или физической боли]» (Св. Коран, 4:123).

²⁴ «[Верующие, реализующие свою веру на практике] опережают друг друга в благих делах, и они успевают все делать вовремя» (Св. Коран, 23:61).

²⁵ «[В тот День ни имущество, ни дети не помогут] кроме как тем, кто придет ко Всевышнему с [духовно] здоровым (настоящим искренним) сердцем» (Св. Коран, 26:89; 37:84, а также 50:33).

Братские узы. Общечеловеческое родство

Не гневайтесь друг на друга, не завидуйте друг другу, не враждуйте и будьте же, о люди, братьями.

Пророк Мухаммад

Каждый из нас, независимо от национальности, гражданства, вероисповедания или мировоззрения, вносит свою лепту в продолжение бытия, строительство жизни и изменение ее.

«И если бы не защита Господа одних людей другими, то были бы разрушены и снесены монастыри, церкви, синагоги и мечети, где много упоминаемо имя Творца»²⁶ (Св. Коран, 22:40).

Нет разумных причин и поводов для того, чтобы люди жили в состоянии вражды, размежевания и разобщенности, постоянно противореча друг другу, игнорируя и не познавая, не признавая друг друга. Следуя правильной логике и здоровым чувствам, далеким от всяких форм эгоизма, мы увидим немалое количество мотивов к сближению людей, множество причин, ведущих к образованию интегрированного общества с сохранением самобытности всех его участников, где бразды правления отданы не антагонистическим²⁷, не шовинистским²⁸ настроениям, не озлобленности и постоянному поиску врага, а – любви²⁹ и взаимоуважению. Воспитывая именно такие качества в своих гражданах, любое общество может вести себя к безопасности, спокойствию и неподдельным идеалам цивилизованности.

Всевышний Творец всего сущего в заключительном Писании – Священном Коране отсылает роды человеческие и многочисленные народы, их культурную самобытность к двум прародителям, Адаму и Еве, указывая людям о «месте встречи», где переплетаются их братские узы: «О люди! Мы [говорит Господь, указывая на Свое могущество и величие, но никоим образом не на множественность] сотворили вас племенами и народами [нет ничего удивительного в том, что вы разных национальностей, культур. В

²⁶ В оригинале – «исмул-ла», то есть не «имя Творца», а «имя Аллаха».

Однажды я был свидетелем пасхальной речи египетского коптского патриарха и отметил для себя одну простую вещь: если у нас в России говорят «Бог, Господь», арабы-христиане, копты говорят именно «Аллах».

Но, к сожалению, очень многие, особенно на территории бывшего Советского Союза, не могут до сих пор выйти из ложного представления о том, что якобы в разных религиях поклоняются разным богам: христиане поклоняются Богу (либо Иисусу), а мусульмане – Аллаху. Возможно, с годами мы поумнеем. Не зря же первониспосланным откровением Священного Корана являются слова: «читай, во имя Господа твоего!» – то есть на протяжении всей своей жизни, о человек, развивай свой интеллект, просвещайся, особенно посредством чтения. Именно читая, человек начинает выходить за границы кем-то навязанных или же самостоятельно приобретенных ментальных клише, шаблонов и стереотипов. Жизнь из монотонной и бесцветно-серой превращается в многогранную, полноцветную и намного более интересную.

²⁷ Антагонистический — непримиримо враждебный. См.: Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, 2007. С. 63.

²⁸ Шовинизм – крайний национализм; разжигание национальной вражды и ненависти; проповедь национальной исключительности и расового превосходства. См.: Новейший словарь иностранных слов и выражений. С. 916.

²⁹ «Полобить можно лишь то, что знаешь» (Леонардо да Винчи (1452-1519) – живописец, ученый, архитектор, инженер, скульптор).

этом – Божественный замысел. И ваша «разность и непохожесть» для того], чтобы вы познавали друг друга [изучали иностранные языки, незнакомые вам культуры, знакомились с неизвестными доселе вам людьми]³⁰. Воистину, самыми великодушными и благородными среди вас [людей] являются те, кто наиболее набожен³¹ [пред Всевышним, Господом миров, а не те, кто гордится своей принадлежностью к какой-либо нации, полагая, что за счет этого у него лучшее положение пред Богом]. Воистину, Он всезнающ и в полной мере осведомлен обо всем и вся» (Св. Коран, 49:13).

И когда люди идут друг другу навстречу, знакомятся друг с другом, а не пытаются найти негативные черты в другом менталитете³², не пропитываются взаимными противоречиями, антипатией; именно шаг навстречу – основа межчеловеческих отношений. Да, порой появляются преграды, препятствующие движению в этом направлении. «Давка» и «толкотня» в борьбе за «место под солнцем», положение, должности, «корочки», титулы или материальный достаток часто умерщвляют в людях взаимоуважение, взаимопонимание, ощущение того, что рядом с тобою такой же человек, лучшее творение Творца, вознесенное Его волею над всем и вся.

Да, люди могут по-разному понимать, что есть истина, по-разному трактовать, что есть добро или зло, а это часто приводит в лучшем случае к спорам, в худшем же к столкновениям, стычкам, войнам. Хотя ведь пророк Мухаммад, как и многие тысячи посланников Божьих до него, говорил: «Не гневайтесь друг на друга, не завидуйте друг другу, не враждайте и будьте же, о люди, братьями»³³.

Один из мусульманских ученых мудро отметил: «Если ты сажаешь в тюрьмы тех, чьи мысли отличаются от твоих, значит, в твоей голове вместо разума возведена стена [с колючей проволокой]. Если ты несогласных с

³⁰ Ученые из центра исследований мозга Калифорнийского университета установили, что у людей с высшим образованием, которые всю жизнь занимались умственным трудом, гораздо более длинные дендриты – ветвистые отростки нервных клеток, которые принимают информацию и занимаются ее обработкой. «Растить» дендриты можно, взявшись за что-нибудь необычное и новое. Например, выучить иностранный язык, познакомиться с культурой других народов. Изучение других языков и культур очень даже полезно для большего раскрытия интеллектуального потенциала человеческого мозга. Кстати, используем мы его тишь на 5-10%, то есть крайне ограничены своим личным бытием и редко когда у нас возникает желание убрать шоры с глаз.

Шоры – то, что мешает кому-либо правильно понимать и оценивать окружающее; ограниченность. См.: Большой толковый словарь русского языка. С. 1503.

³¹ Что есть набожность? Выполняя обязательное и сторонясь явно запретного, человек вступает на территорию набожности, но определить ее, взвесить или измерить крайне сложно, а точнее невозможно.

«Набожность вот здесь», – сказал пророк Мухаммад, трижды указав на грудь.

Хадис от Абу Хурайры; св. х. Муслима. См., например: ан-Навави Я. Сахих муслим би шарх ан-навави [Свод хадисов имама Муслима с комментариями имама ан-Навави]: В 10 т., 18 ч. Бейрут: аль-Кутуб аль-‘ильмийя, [б. г.]. Т. 8. Ч. 16. С. 121, хадис № (2564) 32.

³² Менталитет (поз.-лат. mentalis – умственный – 1) образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе; . 2) психология нации. См.: Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, 2007. С. 516.

³³ Хадис от Анаса и абу-Хурайры; св. х. аль-Бухари и др. См., например: аль-Аскаляни А. Фатх аль-бари би шарх сахих аль-бухари [Открытие Создателем (для человека в понимании нового) через комментарии к своду хадисов аль-Бухари]: В 18 т. Бейрут: аль-Фикр, 1996. Т. 12. С. 102, хадисы № 6064 и 6065. Также см.: аль-Бенна А. (известный как ас-Са‘ати). Аль-фатх ар-раббани ли тартиб муснад аль-имам ахмад ибн ханбаль аш-шайбани. Т. 10. Ч. 19. С. 238, 239, хадисы № 110-117.

тобою лишаешь жизни через повешение, значит, в твоей голове вместо разума – виселица. Но если же ты обмениваешься мнениями со своим собеседником, в чем-то убеждаешь его, а в чем-то и соглашаешься с ним, тогда в голове твоей [настоящий] разум, выполняющий функции именно разума»³⁴.

Несмотря на негативные события, случающиеся в повседневной жизни каждого из нас либо в мире, важно не забывать о том, что все люди имеют одну природу сотворенности³⁵ исходя из чего должны строить жизнь на Земле сообща. Именно сообща, гармонично и согласованно друг с другом. Каждый из нас, независимо от национальности, гражданства, вероисповедания или мировоззрения, вносит свою лепту в продолжение бытия, строительство жизни и изменение ее.

А строя и изменяя ее в лучшую сторону, нужно помнить, что (1) любой человек возвышен и выделен пред Господом: «Мы [говорит Господь миров] чувствуем потомков [прародителя человечества] Адама... Перед многим другим из числа сотворенного Богом люди имеют немалое количество преимуществ» (Св. Коран, 17:70); а также – (2) каждый из людей невероятно близок к Творцу: «Мы, и нет сомнений в этом, сотворили человека (род человеческий) и знаем [даже] все то, что нашептывает ему его душа. Мы ближе к нему (к каждому человеку), чем его сонная артерия шейная вена) [ближе к нему, чем он сам к себе]» (Св. Коран, 50:16).

В то же время не стоит преувеличивать свою значимость или принижать достоинство других. О пагубности и греховности этого часто упоминается в Коране и хадисах. Например: «Все вы – дети Адама [и Евы]. Адам сотворен был из земли. Пусть же прекратят люди хвастаться своими предками [пусть не возносятся над другими, перечисляя достижения или подвиги своих родов, племен, народов], иначе станут они пред Богом [потеряв человеческое лицо в результате своей гордыни и кичливости за чужие успехи и поступки] даже ниже по значению, чем [обычный] навозный жук»³⁶.

Важно не то, какого цвета твоя кожа, какое у тебя гражданство или национальность, из какого рода или тейпа ты приходишь, а то, кто ты есть сам, какова твоя суть, каковы лично твои нравственные и иные успехи, достижения.

Великий имам ‘Али ибн Абу Талиб (двоюродный брат Пророка) еще более четырнадцати веков назад говорил:

Люди, как скульптурные изваяния (монументы, манекены), равны (имеют много сходств);

³⁴ Слова Мустафы Садыка ар-Рафи'и. См.: Аль-Худойби Х. Ду'атун ля кудо [Призывающие, а не судьи]. Каир: Ат-тавзи' ва ан-нашр, [б. г.]. С. 8.

³⁵ «О люди, бойтесь Господа [выполняя предписанное Им и сторонясь явно запретного], Который сотворил вас из одной души [из одного начала] и из нее ей пару [человеческий род пошел по воле Всевышнего, начиная с сотворения Адама и Евы]. И от них (Адама и Евы) рассеял Он [по земле] большое количество мужчин и женщин...» (Св. Коран. Коран, 4:1).

³⁶ Хадис от Хузейфы; св. х аль-Барраза. См., например: ас- Суюты Дж. Аль-джами' ас-сагыр [Малый сборник]. Бейрут: аль- Кутуб аль-'ильмийя, 1990. С. 396, хадис № 6368, «хасан».

*Отец их Адам, а мать - Ева.
Матери людей (подобны) сосудам-хранилищам (младенцев),
А для определения знатности происхождения - у них отцы.
И если есть заслуги у родителей, то дети гордятся (этим),
Хотя они ведь (дети) - (еще) лишь глина и вода³⁷.
Истинные честь и достоинство (заслуги) – у ученых³⁸ людей,
Они - указатели правильного пути для тех, кто просит их об этом .
Ценность человека в искусных умениях его³⁹,
А невежды (кстати) враждебны к носителям знаний.
Посвяти себя науке (знаниям, познаниям) и ни на что не променяй это!
Пойми, люди (массы, толпы) - мертвы, а обладатели знаний (ученые) –
живы.⁴⁰*

Кстати, вернемся к братству, общечеловеческому родству.

Важно уметь отличать сектантское понимание братства от религиозного. «Братья мои – это те, кто думает так же, как и я, а остальные – враги и недруги» – носителям такого взгляда на жизнь крайне сложно контактировать с другими, теми, кто не похож на них, живет по иным принципам, мыслит иными категориями, кто не разделяет их взгляды и ценности. Религиозное же понимание братства таково: «Все мы, люди, вольны в выборе взглядов и поступков. Появления на свет каждого из нас пожелал Творец. Живя в мирской обители, мы проходим чрез Богом определенные для нас испытания, в том числе и посредством друг друга, через наше отношение друг к другу⁴¹. Всем нам возвращаться к Господу миров и каждому отвечать за свои поступки».

«В тот День будут воскрешены люди для созерцания своих [мирских] дел и поступков [каждый из людей, когда-либо живших на планете Земля, увидит итоговый результат собственной веры, слов, дел и поступков]. И кто совершил добра хоть на вес пылинки, [без сомнений] увидит это. А кто совершил хоть на вес пылинки зла [неприменно и без сомнений], также увидит это» (Св. Коран, 99:6-8).

³⁷ «Лишь глина и вода», т.е. сами собой еще ничего не представляют.

Нужно учесть, что имам 'Али относился к очень уважаемому роду, а дети его – это внуки пророка Мухаммада. Но при всем при этом он подчеркивает, что заслуги рода или родителей не дают право ребенку возноситься перед другими. Ребенок сам должен вырасти и стать человеком, которого будет за что уважать.

³⁸ У тех, кто всесторонне (в первую очередь в вопросах морали и нравственности) грамотен, эрудирован, познает себя, знакомится с другими людьми, изучая их языки и культуры. У тех, кто постигает окружающий нас мир через любые области наук, познает и Того, Кто сотворил все это в неопикуемой гармонии и с непостижимым совершенством.

³⁹ В умении человека что-то хорошо и профессионально выполнять, будь то глубокие познания в какой-либо области науки или искусное владение ремеслом, например.

⁴⁰ См.: аль-Кярам А. Диван амир аль-му'минин аль-имам 'али ибн абу талиб. С. 7.

⁴¹ «[Всевышний, конечно же, может напрямую наказывать притеснителя или помогать притесненному, может проявлять Свою Божественную справедливость без малейшего промедления, но происходит все в этой жизни не так, как каждый из людей желал бы, а по Божественному замыслу и] одни из вас испытываются через других. [В значительной степени именно отношения меж людьми в самых разных (мирных или военных) ситуациях показывают суть человека, скверна она или благородна. И это (наши слова, адресованные друг другу, реплики, формы поведения меж собою, реакции, оценка друг друга) явится наглядным примером для осознания справедливости Божественного вердикта, который вынесут каждому из нас в Судный День]» (св. Коран, 47:4).

Да, люди разные (национальностями, языками, культурами, воспитанием, темпераментом и характерами, физическими и материальными возможностями), но у этих миллиардов человеческих особей очень даже много общего. Мы словно жемчужины, нанизанные на единую нить жизни.

Осознание того, что именно нас единит, помогает нам более продуктивно жить, созидать и меньше тратить сил на такие сжигающие все и вся отрицательные эмоции, как озлобленность, навязываемая извне подавленность или необоснованное превосходство.

Одним из важных объединяющих факторов является сознательная или подсознательная вера в Бога, Которого мы можем по-разному называть, понимать, но в любом случае все мы, пройдя мирскую обитель, а также загробный мир, вернемся к Нему, Творцу нашему и Создателю. Господь, Свят Он и Велик, рассудит.⁴²

Жизнь, ее хрупкость и ценность

Никто не имеет права подвергнуть опасности жизнь какого-либо человека, тем более того, в сердце которого вера во Всевидящего и Всезнающего.

Жизнь... Досадно, что некоторые не имеют понятия о значении, придаваемом Кораном ценности человеческой жизни. Всевышний Аллах в Своем заключительном Послании сравнивает лишение одного человека жизни с убийством всего человечества и, наоборот, оживление⁴³ одного человека с предоставлением жизни всему человечеству.

Никто не имеет права подвергнуть опасности жизнь какого-либо человека, тем более того, в сердце которого вера во Всевидящего и Всезнающего. Закон Божий гласит: «Ни одна душа не понесет греховного бремени другой души» (Св. Коран, 6:164). Почему же отдельные личности ставят себя выше Всевышнего и Его законов, вынося и утверждая соб-

⁴² «Специалисты в сфере эволюции утверждают, что взаимопомощь, альтруизм и солидарность помогли выжить человеку как биологическому виду. Сострадание и эмпатия (способность к переживанию, сочувствию. – Ш.А.) – качества, с которыми мы, видимо, рождаемся. Эксперимент, проведенный американским психологом Мартином Хоффманом в рамках его исследования детской эмпатии, показал: плач одного новорожденного заставляет плакать его соседей по роддому. Это происходит не потому, что их беспокоит шум (другие звуки той же громкости оставляют их равнодушными), а потому, что чужой плач заставляет их волноваться и сопереживать. С возрастом эта реакция у нас, увы, нередко утрачивается. Поддерживать и развивать в себе способность откликаться на чувства другого и искренне проявлять любезность в общении не просто – ведь выгода от этого не очевидна. Однако подобное усилие способно принести неоценимые плоды... Улыбнувшись постороннему – кассирше в супермаркете или коллеге в лифте, мы с большой вероятностью получим в ответ улыбку. «Любезность заразительна, – утверждает психолог-консультант Борис Мастеров. – Проявляя доброжелательность, мы создаем удивительный эффект – как будто, выходя из дома, создаем вокруг себя особый микроклимат... Проявляя эмпатию и стараясь вести себя с искренней доброжелательностью, мы развиваем лучшие стороны нашей личности, одновременно давая окружающим шанс также проявить себя самым благородным образом». См.: Гриднева Н., Ким Н. Будьте любезны — это полезно! // Psychologies, апрель 2008 (№26). С. 82-86.

⁴³ Слово «оживить» можно трактовать как: спасение жизни (например, медицинское вмешательство); духовное оживление; морально-нравственное возрождение человека; материальная поддержка и т. д.

ственные правила? Опираясь на какие постулаты и каноны они чинят суд над безвинными людьми?

Нужно четко осознавать, что каждый, абсолютно каждый понесет ответ за содеянное. Зло порождает только зло. В жизни посланника Божьего мы не увидим ничего, что могло бы оправдать поступки тех, кто причиняет боль и скорбь другим людям.

Между людьми столько общего, почему же мы не находим и не стараемся найти пути единения? Ведь каждый несет в себе что-то благое, чего нет в других. Почему не предпринять попытки извлечения благого из межличностного общения?

Трудностей, проблем на нашем пути множество. Опечаливает тот факт, что порой они искусственно кем-то создаются, возможно, преследующими корыстные цели или оказавшимися под влиянием сатанинского воздействия. Если постоянно акцентировать на этих проблемах внимание, то мы не сделаем и шагу вперед: потонем в пучине подавленности и безысходности, потеряем ориентир в лабиринте душевного беспокойства и тревог. Мы должны ставить перед собою высокие цели и стремиться к ним, не забывая, что наивысшей из них является достижение довольства нашего Создателя. Человек постоянно должен задаваться вопросом: «Мой очередной поступок вызовет довольство Бога или, наоборот, Его гнев?»

Передается, что среди сподвижников пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) были двое, которые, встретившись, не расходились, пока один из них не зачитывал другому суру «аль-‘Аср»⁴⁴. Следуя этому благому примеру, в заключение приведу данную суру: «Клянусь предвечерним временем, поистине, человек [всякий человек] в убытке, помимо тех, которые уверовали, творили благие деяния и заповедовали, призывали друг друга к истине и терпению» (Св. Коран, 103).

Вера, благие деяния, стремление быть примером для других в истине и терпении – гарант нашего благополучия в обоих мирах. Обратите внимание, наряду с верой, благими делами и истиной выделяется терпение. Постараемся же вооружиться этим качеством, чтобы Всевышний сделал его переходным к наилучшему для нас и будущих поколений⁴⁵.

Священный Коран

1

«Величественен по Своей благодати [выше всего и вся] тот, в Чьей руке [под чьим управлением] вся, абсолютно вся власть! И ничем не ограничена Его сила, мощь. Он сотворил смерть и жизнь для того, чтобы провести вас через испытание – кто из вас лучший делами, поступками. Он – Всемогущ и Всепрощающ» (Св. Коран, 67:1, 2).

В чем смысл жизни и следующей за нею смерти? Провести каждого

⁴⁴ См.: Ибн Кясир И. Тафсир аль-кур’ан аль-‘азым [Комментарии к Великому Корану]. В 4 т. Бейрут: Муассасату аль-кутуб ас-сакафия, 1993. Т. 4. С. 550.

⁴⁵ Главный имам московской Соборной мечети Ильдар Аляутдинов. Декабрь, 2004 г.

из людей через испытание, дабы выявить, кто лучший делами, поступками.

Человеку Богом даны многочисленные уровни работы над собой, этапы совершенствования духа, воли; высоту физического и материального становления; перспективы развития коммуникативных и деловых отношений... В контексте этого личностного роста (самосовершенствование, карьера, семья) человек совершает пусть незначительные, но качественные благие дела и поступки как результат становления и формирования, который явится главной определяющей его мирского и вечного счастья.

Сенека говорил, что жизнь делится на две части: (1) активность, призванная обеспечить наши нужды и (2) время, посвященное духовному росту, чтению и занятию искусствами⁴⁶.

II

«У каждого свое направление (своя кибла, сторона в молитве) [у иудеев свое направление во время совершения молитвы, у христиан – свое, у мусульман – свое (Кааба, расположенная в городе Мекке)]⁴⁷.

И соревнуйтесь же [пред Всевышним] в совершении благих дел! [Нет смысла доказывать друг другу правильность и верность именно своего направления, выбираемого при совершении молитвы. Каждому из этапов религиозного развития человечества (последователям Моисея, затем Иисуса и, наконец, Мухаммада) Аллах (Бог) дал свою киблу, свое направление во время молитвы. Не тратьте же времени на препирательства по данному вопросу! Займитесь более важным, нужным и насущным – соревнуйтесь в качестве и количестве благих деяний и поступков. Изменяйте, украшайте сию мирскую обитель. Уясните для себя, что вы более не вернетесь на Землю, так не упустите же этот единственный шанс под названием «жизнь». В своем созидании не бойтесь выглядеть в глазах других нестандартными, забавными, слишком яркими личностями. Важно быть, а не казаться.]

Где бы вы ни находились, Всевышний Творец соберет вас всех до единого [независимо от того, на суше вы умерли или на море, в первом веке или в двадцатом; вне зависимости от чего-либо Господь все расставит на свои места]. Нет границ Его мощи [Ему подвластно все, что Он пожелает]] (Св. Коран, 2:148).

*

«...Если бы пожелал Аллах (Бог, Господь), то сделал бы вас единой нацией [вы могли бы быть совершенно идентичными друг другу. Не было бы исторических этапов развития, не было бы разных пророков и посланников, а как следствие – разных Писаний и практических рекомендаций. Не было бы разделения на народности и религии]. Однако [Он, Всевышний Творец, сделал вас разными], дабы испытать в том, что дано вам. Поспешайте, же к совершению благих дел!

⁴⁶ Искусство – тонкое знание дела, умение, сноровка; система приемов и методов в какой-либо отрасли, практической деятельности. Мастерство.

⁴⁷ Другой вариант перевода смысла: «У каждого [и во всем] может быть свое мнение, свой взгляд [не тратьте времени, сил, денег на споры и вражду], а соревнуйтесь в благом».

Все вы [вне зависимости от должностей, национальностей, гражданства, вероисповедания, убеждений] вернетесь к Аллаху (Богу) [Господу миров, Властелину Судного Дня], и Он объяснит вам то, в чем вы расходились [разрешит все ваши споры и разногласия, воздаст вам сполна за ваши дела]» (Св. Коран, 5:48).

Аляутдинов Ш. Мир души. – 3-е изд., доп. – СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2012.

Литература

1. Аблаев Э. Вернуть доброе имя Исмаилу Гаспринскому / Э. Аблаев // Советская педагогика. – 1991. – № 9. – С.28 – 34.
2. Аглиуллина Ф. Творчество. Творчество Акмуллы – отражение общественно – просветительской мысли XIX века / Ф. Аглиуллина // Башкортостан укытыусыны. – 2006. – № 2. – С.51 -52.
3. Адиль-Гирей Кешев (Каламбий). Ученик джинов // Шаги к рассвету. Избранные произведения адыгских писателей-просветителей XIX века. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1986. – 397 с.
4. Адиль-Гирей Кешев (Каламбий). Записки черкеса: повести, рассказы, очерки, статьи, письма / А.Г. Кешев. – Нальчик, 1988. – 271 с.
5. Акмулла Мифтахетдин. Стихотворения / М. Акмулла. – Перевод с башкирского – Уфа: Китап, 2006. – 192 с.
6. Акмулла (Камалетдинов Мифтахетдин Камалетдинович). (1831 – 1895). [Текст]/ Акмулла // Башкирская энциклопедия. Т 1. Уфа: Башкирская энциклопедия. -2005. – С. 95 – 96.
7. Аляутдинов Ш. Мир души / Ш. Аляутдинов. – 3-е изд., доп. – СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2012. – 352 с.
8. Анастасьев Н. Абай. Тяжесть полета / Н. Анастасьев. – Молодая гвардия. – 2008. – 384 с.
9. Ауэзов М. Путь Абая / М. Ауэзов. Пер. Н. Анова, З. Кедринной, А. Никольской. – Государственное издание художественной литературы. – 1960. – 1662 с.
10. Ахметзаки Валиди Тоган. История башкир / А.В. Тоган. – Уфа: Китап. – 2010. – 222 с.
11. Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. – Уфа: Вагант, 2008. – 352с. (Уфимская книга)
11. Габдулла Тукай: Избранное. – Перевод с татарского В.С.Думаевой-Валиевой. – Казань: Магариф, 2006. – 239 с.
12. Галин,С. Мифтахетдин Акмулла. (1831 -1895) / С. Галин // Башкортостан укытыусыны. – 2003. – №9. – С. 53-56.
13. Галяутдинов, И. Акмулла в истории башкирского литературного языка / И. Галяутдинов // Два века башкирского литературного языка. - Уфа: Гилем, 2000. – 89 с.
14. Гамзатов Р. Взаимодействие общественных религиозных и государственных структур – основа профилактики экстремизма и радикализма – <http://камчатка-общество.рф/news/2016/11/28/rasul-gamzatov-vzaimodeystvie-obshchestvennyh-religioznyh-i-gosudarstvennyh-struktur>
15. Гаспринский И. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / И. Гаспринский. – Бахчисарай, 1881. – 428 с.

16. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. / И. Гаспринский. – Симферополь: Изд-во тип. Спиро, – 1881. – 205 с.
17. Гильметдинов, Д. Акмулла – серебряный звон нашего века. / Д. Гильметдинов // Башкортостан укытыусыһы. – 2006. – N 2. – С. 50 -51.
18. Губжоков М.Н. Хан-Гиреем «невоспетые» герои: к интеллектуальной истории адыгов XIX века / М.Н. Губжоков // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – С. 294-309.
19. Заки Валиди Тоган Воспоминания: Книга 1. – Уфа: Башкирское издательство Китап, 1994. – 400 с.
20. Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте / Т.К. Ибрагим, Ф.М. Султанов, А.Н. Юзеев. Казань: Татар, кн. из-во, 2002. – 239 с.
21. Изелбаев, М. Мифтахетдин Акмулла шифриетенде йыраузар һәм сесендер ижады традициялары. / М. Изелбаев // Башкортостан укытыусыһы. – 2006. – № 3. – Б. 35 -36.
22. Искандарова, Ф.Р. М. Акмулла – отчизны и времени сын / Ф.Р. Искандарова // Башкортостан укытыусыһы. – 2008. – № 1. – Б. 43 – 46.
23. Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань: Издательство «Фэн», 2006. – 692 с.
24. Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004.–383 с.
25. Ислам скрывает маску с экстремизма. Сб. статей. М.: Исламский Аналитический Центр по противостоянию экстремизму, 2004. – 244 с.
26. Ислам: Энциклопедический словарь. -М.: Наука, 1991. – 311 с.
27. История Татарии в материалах и документах. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937.56.аль-Кардави, Юсуф. Современные фетвы. Избранное. Пер. с араб. Я. Расулева / Ю. аль-Кардави. М.: Андалус, 2004, выпуск 1. – 258 с.
28. Кадыров Р.А. Без духовности нет общества / Р.А. Кадыров // Ислам. – № 4. – 2011.
29. Катанов Н.Ф. Восточная библиография / Н.Ф. Катанов. – Казань: Иман, 2004 (переиздание 1898 года). – 214 с.
30. Кульшарипов М.М. Заки Валиди – ученый и личность / М.М. Кульшарипов // Вестник Башкирского университета. – 2015. Т. 20.– №. 2. – С. 733-736.
31. Кунанбаев Абай. Стихотворения и поэмы / А. Кунанбаев. Пер. С. Липкин, В. Рождественский, Д. Бродский. – М: Советский писатель. – 1966. – 292 с.
32. Кунанбаев Абай. Слова назидания / А. Кунанбаев. – Жалын. – 1982. – 160 с.
33. Кунанбаев Абай. Книга слов. Поэмы / А. Кунанбаев. Пер. К. Серкибаева, Р. Сейсенбаев, А. Глоба. – Ел. – 1993. – 272 с.

34. Құнанбаев А. «Книга слов» (Қара сөз). (Пер. с каз. Р. Сейсенбаева), Семипалатинск, 2001. – 311 с.
35. Кунафин, Р. Сәфетте алға бороп, тон кон булмай / Р.Кунафин // Ватандаш. – 2004 . – N 1. - Б. 145 -153.
36. Мортазин, К. Акмулла ижадында дини мотивлар / К. Мортазин / Башкортостан укутыусыһы. - 2006. – №7. – Б. 30 – 32.
37. Мухаммед Гаяз Исхаки. Вырождение двести лет спустя / М.Г. Исхаки. – Издательская группа Булгар Иле. – М., – 2004. – 81 с.
38. Насыров, Р. Трагическая судьба поэта / Р. Насыров // Ватандаш. – 2005. – № 9. – С. 148 – 156.
39. Османов Ю.Б. Просветитель Востока Исмаил Гаспринский / Ю.Б. Османов. – Симферополь: Бизнес-Информ. – 2014. – 312 с.
40. Очерки Марджани о восточных народах. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 175 с.
41. Равиль Утябай-Карими: Сочинения / Р. Утябай-Карими. – Уфа: Изд-во «Восточная печать» совместно с редакторско-издательским отделом Российского исламского университета ЦДУМ РФ, 2010. – 204 с.: с ил.
42. Рамазанов Ш. Великий просветитель и гуманист. К 140-летию И.Гаспринского // Крымская правда. -1991.-21 марта.
43. Сабир М.А. Сатиры и басни / М.А. Сабир. – Издательство детской литературы. – 1954. – 80 с.
44. Сабир М.А. Избранные сатиры / М.А. Сабир. – Издательство: Государственное издательство художественной литературы. – 1962. – с. 254.
45. Сабир М.А. Избранные произведения / М.А. Сабир. – Издательство: Советский писатель: Ленинградское отделение. – 1983. – 304 с.
46. Сабир М.А. Избранное / М.А. Сабир. – Азербайджанское государственное издательство. – 1962. – 246 с.
47. Салихов А. Г. Научная и общественно-политическая деятельность А. Валидова в 1908-1920 гг. :дис. канд. ист. наук. 07.00.02. – Уфа, 2003, – 139 с.
48. Сирусина Ы. Акмулла акылы, акмулла һабактары / Ы. Сирусина // Башкортостан укутыусыһы. – 2003. – № 11. – Б. 38 -39.
49. Султан Хан-Гирей: Записки о Черкесии. – Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Книжное издательство «Эдъбрус». – Нальчик, 1978. – 331 с.
50. Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы / Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии М.Н. Губжокова. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2009.
51. Султанова В. Заветы Акмуллы / В. Султанова // Башкортостан укутыусыһы. – 2003. –N 10. – С. 59 -60.
52. Халит Г. Габдулла Тукай и татарское литературное движение начала XX века / Г. Халит. – Казань, Таткнигоиздат. – 1956. – 232 с.
53. Халимова Ф. Из теплых встреч сотканы дни Акмуллы / Ф. Халимова // Октябрь. – 2005. – 24 декабря. – С. 1 -2.

54. Халимова Ф. За советом к Акмулле / Ф. Халимова // Октябрь. –2005. – 1 июня. – С.1 -2.

55 Халимова, Ф. Свежа память о тебе сын народа... / Ф. Халимова // Октябрь. – № 103 -104. – 24 декабря. –С. 1-2.

56. Хаткова И.Н. Идеино-эстетические искания в русской литературе 1830-60-х годов и художественное творчество адыгских писателей-просветителей середины XIX века: а втореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп. – 1996. – 18 с.

57. Червонная С. Идея национального согласия в сочинениях Исмаила Гаспринского // Отечественная история. –1992. – №2. – С. 27 – 32.

58. Шагавиев Д.А. Роль Шигабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века: дисс. канд. ист. наук. – Казань, 2010. – 187 с.

59. Шакур Р. Звезда поэзии. Мифтахетдин Акмулла. Жизнь. Творчество. Мировоззрение / Р. Шакур. – Уфа: Китап, 1996. – 184 с.

60. Шакур Р. Классик башкирской поэзии. К 170-летию со дня рождения выдающегося башкирского поэта – просветителя Мифтахетдина Акмуллы / Р. Шакур // Башкортостан укутыгусыны. – 2001. – N 11. – С. 64 – 67.

61. Шакур Р. Поэт – борец, поэт – труженик / Р.Шакур // Бельские просторы. – 2001. – № 12. – С. 82 – 87.

62. Юзеев А.Н. Мировоззрение Шигабутдина Марджани и арабомусульманская философия / А. Юзеев. Казань: ИЯЛИ, 1992. – 156 с.

63. Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль X-XIX веков / А.Н. Юзеев // Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань, 2002. – С. 125-137.

64. Юзеев А.Н. Иман шарты / А.Н. Юзеев // Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004. – С. 117.

65. Юзеев А.Н. Марджани / А.Н. Юзеев // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004. – С. 186-189.

66. Юзеев А.Н. Марджани о классификации наук (рациональные и традиционные) / А.Н. Юзеев // Философия и теология: сходство и различие. Сборник статей. Казань, 2004. – С.59-66.

67. Юзеев А.Н. Марджани / А.Н. Юзеев. Казань: Иман, 1997. – 60 с.

68. Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII-XIX веков / А.Н. Юзеев. – Казань: Татар, кн. изд-во, 2001. – 192 с.

69. Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII-XIX веков (эволюция, основные направления и представители). Книга вторая / А.Н. Юзеев. – Казань: Иман, 1998. – 123 с.

70. Юзеев А.Н. Татарская философская мысль татарского народа / А.Н. Юзеев. Казань, 2007. – 214 с.

71. Юзеев А.Н. Хикма балига / А.Н. Юзеев//Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – 357 с.

72. Юзеев А.Н. Шихаб ад-дин Марджани: мыслитель, религиозный реформатор, просветитель / А.Н. Юзеев. – Казань: Иман, 1997. – 60 с.

73. Юсупов М. Шигабутдин Марджани / М. Юсупов. Казань: ТКИ, 2005.-271 с.

74. Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк / М.Х. Юсупов. Казань: ТКИ, 1981.-232 с.1. На татарском языке.

Электронные ресурсы

<http://kremlin.ru/events/president/news/50351>

<http://russian.rt.com>

<http://tass.ru/opinions/interviews/3790158>

<http://камчатка-общество.рф/news/2016/11/28/rasul-gamzatov-vzaimodeystvie-obshchestvennyh-religioznyh-i-gosudarstvennyh-struktur>

http://bourabai.ru/articles/black_word.htm

А.Н. АРСЛАНОВ, Г.Р. ФАТТАХОВА

**МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ НАРОДОВ РОССИИ КАК
«ДУХОВНЫЙ ИММУНИТЕТ» ОТ РАДИКАЛЬНЫХ ТЕЧЕНИЙ В
ИСЛАМЕ**

Хрестоматия

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 14.12.2016.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 15,4. Уч.-изд. л. – 15,2.

Тираж 200 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а